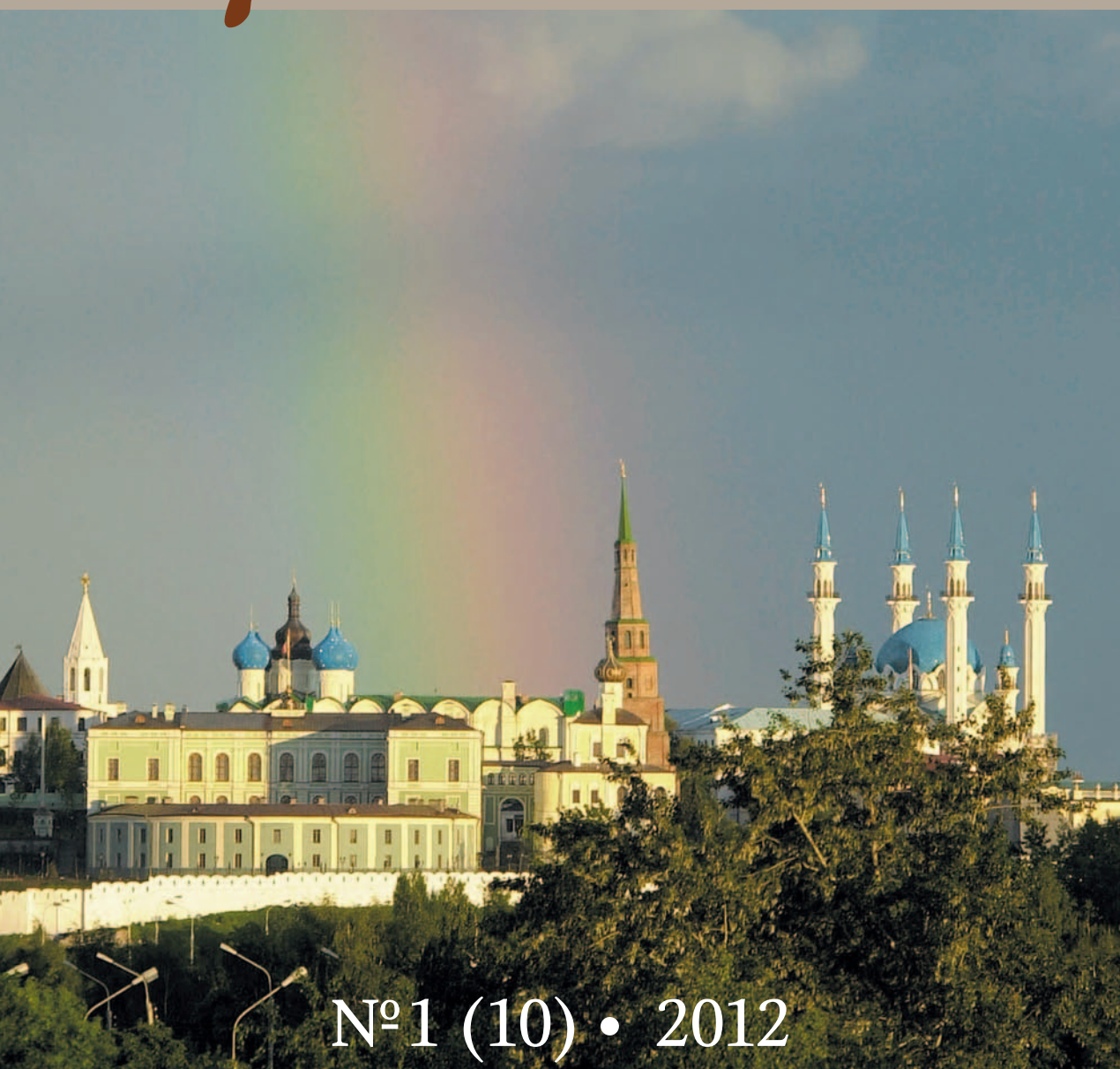

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

№1 (10) • 2012

Республиканский фонд возрождения памятников истории
и культуры Республики Татарстан

АТКАРГАН
ВОЗРОЖДЕНИЕ

Государственный историко-архитектурный
музей заповедник

ВЕЛИКИЙ
БОЛГАР

ГОД НАСЛЕДИЯ (стр. 3)

Республиканский фонд возрождения памятников истории
и культуры Республики Татарстан

АТКАРГАН
ВОЗРОЖДЕНИЕ

Государственный историко-архитектурный
музей заповедник

ОСТРОВ-ГРАД
СВЯЖСК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

№ 1(10) • 2012

*А женщина — женщиной будет:
И мать, и сестра, и жена,
Уложит она, и разбудит,
И даст на дорогу вина.*

*Проводит и мужа и сына,
Обнимет на самом краю...
Мужчины, мужчины, мужчины,
Вы слышите песню мою?*

Владимир Солоухин

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
литературного альманаха «АРГАМАК. ТАТАРСТАН»

Василенко Светлана Владимировна — первый секретарь
правления Союза российских писателей;
Ибрагимов Ильфак Мирзаевич — председатель правления
Союза писателей Республики Татарстан;
Ларионова Татьяна Петровна — исполнительный директор
республиканского фонда «Возрождение» (Татарстан);
Муратов Марат Яшарович — руководитель республиканского агентства
по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа»;
Переверзин Иван Иванович — председатель правления
Международного сообщества писательских союзов.

РЕДКОЛЛЕГИЯ
литературного альманаха «АРГАМАК. ТАТАРСТАН»

Николай Алешков (*Набережные Челны*)
Николай Беляев (*Владимирская область*)
Наталья Вердеревская (*Елабуга*)
Лилия Газизова (*Казань*)
Владимир Гофман (*Нижний Новгород*)
Владимир Ермаков (*Орёл*)
Диана Кан (*Новокуйбышевск*)
Сергей Кузнечихин (*Красноярск*)
Сергей Михеенков (*Таруса*)
Николай Рачков (*Санкт-Петербург*)
Рамиль Сарчин (*Казань*)
Виктор Суворов (*Набережные Челны*)
Михаил Чванов (*Уфа*)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 16-00151 от 17 апреля 2009 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций в соответствии
с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации»

<i>Главный редактор</i>	Николай Алешков
<i>Заместители главного редактора</i>	Александр Воронин, Вера Хамидуллина
<i>Редактор-корректор</i>	Алла Орехова
<i>Дизайнер-верстальщик</i>	Виталий Павлов
<i>Офис-менеджер</i>	Александр Маркин
<i>Художник</i>	Ольга Белова-Недовизий
<i>Фото на обложке</i>	Михаил Медведев

События минувшей зимы

ГОД НАСЛЕДИЯ

Президент Татарстана Рустам Минниханов подписал Указ «Об объявлении 2012 года Годом историко-культурного наследия Республики Татарстан». В нём говорится: **«В целях привлечения внимания общества к вопросам сохранения и развития исторических и духовных традиций, культур и языков представителей народов, проживающих на территории Республики Татарстан, содействия в воссоздании, реставрации и популяризации объектов культурного наследия постановляю:**

1. Объявить 2012 год Годом историко-культурного наследия Республики Татарстан.

2. Кабинету Министров Республики Татарстан в месячный срок разработать и утвердить план основных мероприятий по проведению в 2012 году Года историко-культурного наследия Республики Татарстан с указанием сроков их проведения, ответственных исполнителей, объёмов и источников финансирования, а также обеспечить контроль за его реализацией.

3. Предложить главам муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан, территориальным органам федеральных органов исполнительной власти по Республике Татарстан, общественным объединениям и организациям принять активное участие в подготовке и проведении Года историко-культурного наследия Республики Татарстан.

4. Республиканскому агентству по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа», ОАО «Телерадиокомпания «Новый век», республиканским и местным средствам массовой информации обеспечить широкое освещение проведения Года историко-культурного наследия Республики Татарстан.

5. Настоящий Указ вступает в силу со дня его опубликования».

Такое решение главы республики, безусловно, многие будут приветствовать. Оно стало добрым подарком к юбилею председателя попечительского совета Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры, Государственного советника РТ Минтимера Шаймиева, которому 20 января исполнилось 75 лет. Поздравили первого президента Татарстана и Президент России Дмитрий Медведев, и Премьер-министр РФ Владимир Путин. Сюжеты, касающиеся юбилея, прошли по всем центральным телевизионным каналам, а замдиректора телеканала «Россия» и ведущий программы «Вести в субботу» Сергей Брилёв снял небольшой фильм о Минтимере Шаймиеве. Его сегодняшние заботы по возрождению древнего города Болгар и острова-града Свияжск, таким образом, стали достоянием всей России.

— Скоро будет два года, как мы взялись за возрождение Болгара и Свияжска. С всеобщей помощью и поддержкой дела идут успешно. Памятники возрождаются на глазах, — сказал Минтимер Шарипович. — Признаться, сам не ожидал, что проект возрождения памятников федерального значения найдёт такой отклик у всех, включая и детей!

С начала года Минтимер Шаймиев провёл несколько важных совещания по Болгару и Свияжску, сообщает пресс-служба Президента РТ. Объекты, восстановленные и отреставрированные по проекту «Культурное наследие Татарстана: древний город Болгар и остров-град Свияжск», вводятся в строй, и очень важно заранее определить конкретные формы, способы их эффективного использования, а также организации, которые будут заниматься эксплуатацией.

— Перед паломниками и туристами эти исторические города должны предстать в лучшем виде, — подчеркнул Минтимер Шарипович. — Мы должны показать пример современного туристического обслуживания высшего качества.

За короткое время в Болгаре и Свияжске выполнен огромный объём работ, основные результаты которых гости республики смогут увидеть уже этим летом. Так, в ходе совещания по использованию комплекса зданий Конного двора острова-града Свияжск Минтимер Шаймиев отметил: его деятельность будет организована прежде всего на основе национальных русских традиций, легенд и особенностей Свияжска. Каждый посетитель сможет проехать верхом на лошади или прокатиться в карете, принять участие в процессе изготовления изделий из металла или глины. Напомним, Конный двор является собственностью Министерства земельных и имущественных отношений РТ и представляет собой отдельные сооружения и здания, предназначенные для создания на его территории туристического этнографического комплекса для отдыха гостей, жителей и посетителей любого возраста и социального статуса. Деятельность комплекса должна стать центром туристического обслуживания.

Фонд «Возрождение» был очень требователен к подбору организаций, привлекаемых к восстановлению и эксплуатации этих объектов. Руководители ряда организаций ознакомили присутствующих с планами работы на Конном дворе. Директор Ассоциации ремесленников Татарстана Дамир Гибадуллин сообщил, что на сегодняшний день для ремесленной мастерской уже подобраны лучшие, известные в республике мастера. Каждый посетитель будет иметь возможность наблюдать за работой кузнеца, попробовать себя в лозоплетении. По словам генерального директора

компании «Адмирал» Георгия Покровского, занимающегося организацией работы ресторана и гостевого дома, здесь будут созданы прекрасные условия для отдыха и питания гостей острова. Сувенирная лавка, под руководством Лидии Никулиной, предложит гостям острова подарочную продукцию ручной работы: гончарные, кожаные, кованые изделия, валенки, подушки, национальную одежду, одежду для наездников и т. д. Некоторые из образцов она представила участникам совещания.

Заместитель директора ООО «Казанский ипподром» Риф Демиев выразил полную готовность этой организации к началу эксплуатации конюшни и манежа. Ректор Казанского государственного университета культуры и искусств Ривкат Юсупов поддержал предложение о привлечении студентов и преподавателей университета к работе на Конном дворе, который станет базовой площадкой для производственной практики по фольклорно-этническим и туристическим направлениям деятельности.

Также на 2012 год намечаются работы по консервации и музеефикации ранее изученных археологических объектов Болгара — это Ханский дворец, Восточная палата (баня), Южное здание Малого городка, Красная палата. Об этом шла речь на заседании президиума Международного экспертного совета Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры РТ по вопросу реставрации отдельных объектов в древнем Болгаре с учётом проведения гео-, авиакосмической и магнитной разведки, сообщает «Татар-информ». Заседание провёл Государственный советник РТ, председатель попечительского совета Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры Минтимер Шаймиев. Тема достоверных исторических реконструкций может быть продолжена строительством действующей болгарской бани. Её возведение предполагается за городищем, в комплексе со строящейся новой мечетью.

Член экспертного совета, председатель Российского национального комитета всемирного культурного и природного наследия при Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО Игорь Маковецкий предложил в короткие сроки, в течение двух месяцев, создать и представить макетированное или виртуальное пространство Болгарского городища, что станет ещё одним шагом в продвижении Болгара в список Всемирного наследия.

Позже Государственный советник РТ Минтимер Шаймиев посетил Болгарский музей-заповедник и город Болгар, где провёл выездное совещание по вопросу организации работ на строящихся объектах в рамках реализации проекта «Культурное наследие Татарстана: древний город Болгар и остров-град Свияжск». Участники совещания ознакомились с ходом строительства речного вокзала в Болгаре. Данный объект планируется сдать в июне этого года. Основные работы по строительству речного вокзала выполнены. Завершена черновая отделка, работа с инженерными сетями. Осталось закончить отделочные работы и смонтировать оборудование.

Во время осмотра здания вокзала был поднят вопрос, касающийся материала, из которого будет изготовлена кровля башен. После обсуждения окончательное решение принял Минтимер Шаймиев. По его мнению, крыша должна быть из меди. Внутри здания госсоветнику представили несколько видов светодиодных потолков, из которых выбор был сделан в пользу тех, что выполнены под старину. Также поступило предложение разместить напротив входной двери на втором этаже вокзала символику фонда «Возрождение». Эта идея была одобрена.

Далее участники совещания посетили Памятный знак в честь официального принятия ислама волжскими булгарами в 922 году. Это будет здание, выполненное в стиле строений древнего Болгара. Сдача объекта запланирована на 21 мая текущего года. На стене основного зала будет размещена карта маршрута Ибн-Фадлана, совершившего путешествие в Болгар в 922 году. Карту воспроизведёт скульптор Рустам Аббасов. Строительство идёт по плану, основные работы завершены, начинаются отделочные работы. Напомним, в основном зале данного объекта будет находиться священная книга — самый большой печатный Коран в мире (150×200 см, количество страниц — 632, вес около 800 кг.). В середине февраля фонд «Возрождение» получил сертификат от Комиссии Книги Рекордов Гиннеса, в котором написано: «Самый большой печатный Коран... изготовлен компанией «ARC Group s.r.l. (Италия) мастерами Неджаном Братасевечем, Андреем Чернатичем (Словения) и Мауро Лоче (Италия)». Все 632 страницы Корана напечатаны на шотландской бумаге. Обложка инкрустирована сусальным золотом и серебром, украшена малахитом и яшмой.

Инициатива издания эксклюзивного Корана принадлежит председателю правления ОАО «Акибанк» Ильдару Галяутдинову. Реализация идеи осуществлена при

поддержке Республиканского фонда «Возрождение» и личном участии Минтимера Шаймиева. В силу уникальности и высокого уровня художественного исполнения Коран Министерством культуры Российской Федерации признан культурной ценностью (заключение Департамента культурного наследия Министерства культуры Российской Федерации от 16 ноября 2011 г. №449-05-05). До июня 2012 года Коран размещён в холле первого этажа мечети Кул Шариф на территории Казанского Кремля. Далее был осмотрен комплекс мечети «Болгар» и медресе, которые строятся за пределами Болгарского городища, рядом с Музеем хлеба. Он будет состоять из мечети, медресе и резиденции шейхуль-ислама или муфти хазрата для официальных встреч с духовными лицами и приёма гостей.

Основная часть строительных работ здесь тоже близится к финалу. В данный момент идёт облицовка фасадов, внутренняя отделка, установка центрального купола мечети. Минтимер Шаймиев остался доволен выполненным объёмом работ, отметив, что ему нравится, что мечеть облицована светлым материалом, что в дальнейшем позволит называть её, как и планировалось, «Белой мечетью», прообразом которой является мечеть пророка в Медине.

Александр ВОРОНИН, Казань

НЕЕВКЛИДОВА ПОЭЗИЯ

Впервые в Казани в декабре 2011 года прошёл международный поэтический фестиваль имени Н. Лобачевского.

Известная пушкинская фраза «Гармонию я алгеброй поверил...», если помните, была вложена гениальным поэтом в уста... Сальери. Тем не менее, она стала расхожей формулой. Идея Лилии Газизовой провести в Казани поэтический фестиваль имени Н. Лобачевского сродни пушкинской. Тем более, что создатель неевклидовой геометрии и сам в молодости писал стихи.

Программа фестиваля включала в себя творческие встречи с известными поэтами. Так, в Казань на фестиваль приехали первый секретарь Союза российских писателей Светлана Василенко, секретарь Союза писателей Москвы Елена Исаева, президент Союза писателей XXI века Евгений Степанов, координатор международной Волошинской премии и международного научно-творческого симпозиума «Волошинский сентябрь» Андрей Коровин и многие другие.

На вечере, посвящённом 20-летию Союза российских писателей, председатель Казанской городской организации СРП Александр Воронин представил гостям фестиваля местных поэтов, которые в своё время занимались в литературной студии Вилия Мустафина — известного казанского поэта, создателя местного отделения Союза. Кстати, Виль Салахович Мустафин (1935–2009) окончил физико-математический факультет КГУ и аспирантуру у знаменитого математика Александра Нордена, а после учился... в Казанской консерватории — и всегда считал поэзию «старшей сестрой» музыки и математики.

На научно-практической конференции «Влияние неевклидовой геометрии на художественное сознание», которая прошла на второй день фестиваля в здании Казанского федерального университета, выступали видные математики, философы, священнослужители, поэты, музыканты, филологи.

В последующем празднике поэзии приняли участие Елена Иванова-Верховская, Алексей Остудин, Евгений Чигрин, Ганна Шевченко, Наталья Елизарова и другие. В заключительный день форума поэт Равиль Бухараев читал свои стихи, а потом

и стихи своей супруги Лидии Григорьевой. Яркое бухараевское выступление стало не только последним на фестивале, но и в его жизни... В конце января из Лондона пришло известие о его безвременной кончине.

В заключение мы поговорили с организаторами и гостями фестиваля. И первое слово — автору проекта и координатору фестиваля, руководителю секции русской литературы и художественного перевода СП Татарстана, члену редколлегии альманаха «Аргмак» Лилии Газизовой:

— Для людей, далёких от творчества, возможно, кажется нелепым соединение науки с искусством. Но на поэтический фестиваль приходят вполне подготовленные люди, для них вполне очевидно, что математика и поэзия — явления одного порядка. В поэзии необходим точный расчёт, выверенность, размеренность, если говорить о классическом русском стихе. В научном мире, как говорили на фестивале учёные, нельзя совершить открытия без полёта фантазии, воображения, без образного мышления. Поэтому на наш фестиваль удалось созвать звёздный состав. Поэтов привлекла сама фигура Лобачевского, фигура мирового масштаба. А второе — это Казань, город, который все хотят увидеть, почувствовать его неповторимый воздух, почувствовать известную нашу толерантность, соединение Запада и Востока.

Поэт Андрей Коровин, организатор международного литературного Волошинского фестиваля в Коктебеле, пожелал казанским организаторам сохранить уникальное лицо фестиваля имени Н. Лобачевского:

— Извечный спор физики и лирики, как сказал Слуцкий, вы предложили перевести в дискуссию. Люди науки всегда интересовались литературой. Мне кажется, было бы интересно познакомить их здесь, в Казани, сделать совместные творческие вечера, чтобы учёные с мировым именем почитали в Казани свои любимые стихи. Это может стать изюминкой Казанского феста. Ведь каждый фестиваль должен обладать своей изюминкой. В Коктебеле, понятно, это дом Волошина, Чёрное море и т. д. Казань — известный литературный город, город с прекрасной литературной и научной историей. Связать литературу и науку — такого фестиваля, насколько я знаю, нет нигде.

Владимир ТИЛЛЬ, Казань

ВЕЧЕР ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ГОВОРУХИНА

В Доме актёра имени М. Салимжанова в декабре 2011 года прошёл вечер памяти Сергея Говорухина.

Сын актрисы Юноны Каревой и режиссёра Станислава Говорухина 1 сентября нынешнего года отметил 50-летие, а 50 дней спустя его доставили в реанимацию в коме, и скончался он 27 октября, не приходя в сознание. Родился Сергей в 1961 году в Харькове, детство и юность провёл в Казани. За 50 лет жизни Говорухин-младший написал несколько книг, выступил режиссёром четырёх фильмов. Последняя его картина «Земля людей» прошла в прокате минувшей осенью.

Он впервые попал на войну в 33 года. В качестве военного корреспондента участвовал в конфликтах в Таджикистане, Чечне, Югославии, Афганистане. В 1995 году во время чеченской командировки Сергей Говорухин получил тяжёлое ранение, в результате которого потерял ногу. В том же году Говорухин-младший был награждён орденом Мужества, а в 1998 году — медалью «За отвагу», сообщает kzn. Его фильм «Прокляты и забыты» получил несколько кинонаград, в том числе гран-при IX открытого фестиваля неигрового кино «Россия» (Екатеринбург) в 1998 году, премию «Ника» (1999) за лучший неигровой фильм, премию «Золотой кадр» (2005) международного фестиваля «Кинолегопись».

Итогом писательской деятельности стала последняя книга Сергея Говорухина «Прозрачные леса под Люксембургом», в которую вошли лучшие его рассказы и повести разных лет.

Помимо поклонников творчества почтить память кинорежиссёра, писателя, поэта Сергея Говорухина в Дом актёра пришли его друзья, однополчане, коллеги: заместитель председателя фонда ветеранов боевых действий «Рокада» Виталий Бенчарский, министр внутренних дел РТ Асгат Сафаров, режиссёр и соавтор сценария фильма «Никто, кроме нас» Антонида Тропинина, бард и врач Владимир Муравьёв и многие другие.

Сергей Говорухин являлся председателем Международного фонда ветеранов и инвалидов вооружённых конфликтов «Рокада». По словам заместителя председателя фонда Виталия Бенчарского, с 2012 года фонд «Рокада», а также московская школа № 461 (с ней сотрудничает фонд) будут носить имя Сергея Говорухина.

Ольга ИВАНЬЧЕВА, Казань

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

В музее Е. Боратынского отметили 20-летие Союза российских писателей.

На итоговом новогоднем заседании Казанской городской организации Татарстанского отделения Союза российских писателей, которое прошло под чудной ёлкой уютного зелёного зала, состоялись презентации книг Николая Алешкова «От сердца к сердцу» и Петра Прихожана «Дума о граде Китеже», вышедших в серии «Библиотека литературного альманаха «Аргамак. Татарстан». Председатель Татарстанского отделения Союза российских писателей, лауреат Республиканской премии имени Г. Державина и Всероссийской премии «Ладога» имени А. Прокофьева, главный редактор альманаха «Аргамак. Татарстан» Николай Алешков прочёл свои новые стихи и ответил на вопросы. Отдельно на вечере отметили 40-летие литературного объединения «Орфей», которое создал на строящемся КАМАЗе монтажник и прозаик Валерий Суров, наш земляк. Свои стихи читала известная челнинская поэтесса Вера Хамидуллина. Несмотря на морозную погоду за окном, вечер прошёл в очень тёплой дружеской обстановке.

Конец минувшего года принёс Казанской городской организации СРП пополнение — из Москвы пришло долгожданное известие, что приёмная комиссия Союза российских писателей приняла в Союз казанскую поэтессу Валентину Зикееву.

Александр ВОРОНИН,
Казань

ПУСТЬ СКАЗКА СТАНОВИТСЯ БЫЛЬЮ

Перед самым Новым годом в Национальном музее РТ прошла презентация книги «Музей детства в Казани».

Автор-составитель книги, член Союза российских писателей Венера Якупова уже три года выступает с идеей создания такого музея в столице Татарстана. Идея не нова, во многих европейских столицах сегодня открыты подобные музеи, в том числе стокгольмский Юнибакен, где оживают герои сказок знаменитой шведской писательницы Астрид Линдгрен — автора историй о Карлсоне, который живёт на крыше, и Пеппи Длинныйчулок. Там детям разрешают забираться на лошадей, хозяйничать в комнате Карлсона, прыгать на кровати Пеппи Длинныйчулок. Главный редактор «Казанских ведомостей» предложила читателям газеты поделиться своими воспоминаниями о детстве, рассказать, во что играли раньше в казанских дворах. Публикации казанцев и стали материалом для новой книги, а в дальнейшем могут стать основой интерактивного музея, в создании которого журналистам решил помочь Национальный музей РТ. В течение всего 2012 года здесь будут собирать игрушки казанцев и жителей республики в рамках проекта «Игрушки и игры нашего детства». И первые дарения не заставили себя ждать. На презентации книги выступил Фарит Шагиахметов, заместитель руководителя Республиканского агентства по печати и массовым коммуникациям:

— Мы играли в царя горы. Зимой у нас во дворе была огромная снежная гора, и мы её брали штурмом. Кто первый оказывался на вершине, тот и становился царём горы. Другие пытались скинуть «царя» и занять его место. У девочек очень популярна была игра в резинки. Они могли прыгать часами.

Гульчачак Назипова, генеральный директор Нацмузея РТ:

— В деревне мы собирались всей улицей и играли в учительницу. Не в школу, а именно в учительницу. Учительницей хотели быть все девочки, и каждая по очереди исполняла эту почётную роль. Ещё зимними вечерами играли в жмурки, а летом на улице прыгали со скакалкой. Потом, когда стали взрослее, любимой игрой была «Море волнуется...» Сейчас, к сожалению, детям на улице играть негде — все площадки и дворы забиты автомобилями. Поэтому хочется, чтобы музей стал интерактивным, чтобы здесь можно было вволю побегать, попрыгать. Надо показать современным детям, что на свете существуют не только компьютерные игры.

Ильфак Ибрагимов, председатель Союза писателей РТ:

— Идея музея детства в Казани лично мне очень понравилась. Вся наша жизнь — игра! Мы — послевоенное поколение, игр у нас было немного. Чаще всего играли в войнушку. Нам хотелось отомстить нашим врагам. В этих играх мы всегда побеждали.

«Музей детства в Казани» — красивая идея, которая несомненно украсит столицу Татарстана в преддверии Универсиады.

Ольга ИВАНЬЧЕВА,
Казань

НЛО ИМЕНИ МАРКА ЗАРЕЦКОГО

24 января известному казанскому поэту Марку Зарецкому (1937–2003) исполнилось бы 75 лет.

Более 30 лет он руководил литературным объединением при Музее А. М. Горького. Но так сказать — значит ничего не сказать, особенно для тех, кто учился жизни и пониманию поэзии у Марка Зарецкого. В подвальчике музея «Бродячая собака» собрались его ученики разных поколений. Не все из них стали поэтами, но поэзия прочно вошла в их жизнь.

Поэтесса Алёна Каримова, которая сегодня ведёт лито имени М. Зарецкого, отметила, что благодаря усилиям Марка Давидовича сегодня в Казани было и есть такое место, куда приходят люди, приносят и обсуждают свои стихи.

Сам Зарецкий своё лито называл НЛО — неповторимое литературное объединение.

Вёл вечер известный казанский поэт, член правления Казанской городской организации Союза российских писателей Михаил Тузов. По его мнению, большинство приходило к Зарецкому не столько себя показать, сколько посмотреть на Марка. Зарецкий был библейски красив! Колоритная внешность, громовой голос — лишь дополнение к его характеру. Он был одержим поэзией и прививал это своим ученикам. Не «белый и пушистый», порой он бывал даже резким, мог и обидеть за плохое стихотворение.

Но в то же время любил смаковать стихи своих учеников. После авторского прочтения брал в руки рукопись и сам читал стихотворение на все лады, будто пробуя его на вкус. Кстати, комплиментарностью он не страдал, и мог обрушиться на молодого автора с довольно резкой критикой. И был убеждён: если человек хочет стать настоящим поэтом, то не обидится и обязательно вернётся. А не вернётся, тем лучше — и для него, и для литературы. За резкий нрав его прозвали Мрак Зверецкий. Известный поэт Сергей Малышев даже написал эпиграмму:

*И слёзы капали по-детски,
Клоками в урну падал ямб,
Когда кипучий Мрак Зверецкий
Из пушек бил по воробьям.*

Многие литовцы стали известными литераторами: Вячеслав Баширов и Эльвира Блинова, Ольга Левадная и Салават Юзеев, Алексей Остудин и Лилия Газизова... Иных уж нет, а те далече... В 2007 году не стало замечательного поэта и переводчика Сергея Малышева, прошлой осенью в 50 лет умер известный писатель и кинорежиссёр Сергей Говорухин, посещавший лито ещё студентом КГУ.

Марк Зарецкий прожил трудную жизнь. Говорят, по молодости лет его первую книгу, уже одобренную к печати в Татарском книжном издательстве, забраковал один московский рецензент. И книга не вышла... И потом Зарецкого не всегда охотно печатали в местных изданиях. Лишь в конце жизни Марк Давидович издал две тоненькие книжки своих стихов — «Речь» и «Азарт».

Он многие годы работал редактором в Татарском книжном издательстве. Рассказывают, что с его правками соглашался знаменитый Евгений Евтушенко, когда в Казани издавали его поэму «Казанский университет». И уже на следующий день приносил новый вариант — с учётом замечаний Марка Давидовича.

Память у Зарецкого была уникальной. Он знал немислимое количество стихов! Говорят, однажды в книжном издательстве, где он работал, заспорили, кто без перерыва дольше всех может читать стихи. Марк Зарецкий на пари читал стихи весь день. Правда это или нет — сегодня уже не узнаешь...

Занятия в лито никогда не укладывались в отведённое время, настолько он был увлечён сам тем, о чём говорил, и увлекал за собой тех, кто готов был его слушать и слушать.

Он боялся сквозняков и стоматологов, робел перед чиновниками, но, как отметил Алексей Остудин, был далеко не робкого десятка. Всё объединение его пыталось подкармливать, поскольку чувствовалось, что живёт он впроголодь. В день его смерти ученики ждали его на очередное занятие. Не дождались. Поехали к Марку Давидовичу... В день его смерти Лилия Газизова написала: «И хотя он никогда не производил впечатления одинокого человека, тем не менее в последние минуты жизни рядом с ним не оказалось никого... Так уж случилось... Мы остались в долгу перед Марком Давидовичем».

Владимир ТИЛЬ,
Казань

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КАЗАНЬ

17 февраля в Казани состоялась презентация новой книги известного поэта Николая Беляева «Поэма солнца».

Она прошла в Казанском кремле, в картинной галерее «Хазинэ», в рамках открытия выставки художника Алексея Аникеенка (1925–1984), человека яркой и трудной судьбы. Бывший беспризорник и детдомовец, он 16-летним мальчишкой ушёл на фронт, приписав себе лишние два года. Служил танкистом, был тяжело ранен, вернулся в Казань инвалидом 2-й группы, работал кочегаром. В 1952 году Алексей поступил в художественное училище, но перед самой защитой диплома Аникеенка отчислили. В Казани первую его выставку должны были открыть в Доме учёных, но... пришёл первый секретарь обкома комсомола и назвал картины мазнёй. После этих слов Аникеенок взял комсомольского вождя за грудки. Спасло художника только то, что в зале был известный учёный-физик, член-корреспондент АН СССР Борис Михайлович Козырев, который не дал разразиться большому скандалу. Однако о дальнейших выставках Аникеенка в Казани не могло быть и речи. В начале 1970 года Алексей Авдеевич переехал в Псков, где был принят в Союз художников СССР.

Эта книга — достойная память о талантливом земляке. Жанр книги автор обозначил необычно: «Провинциальная трагедия в магнитофонных записях, газетно-журнальных вырезках, стихах и письмах». Книга сложилась из рассказов, интервью Алексея Аникеенка, его картин и, конечно, стихов Николая Беляева.

Автор ждал этого события 20 лет. Книга вышла благодаря организационной и финансовой поддержке вице-президента Академии наук РТ, члена Союза писателей России, академика Наиля Валеева.

Именно Николай Беляев предложил, чтобы обложку «Поэмы солнца» украсила одна из знаковых картин Алексея Аникеенка «Клоун». Эта работа уже много лет висит в кабинете нобелевского лауреата, учёного с мировым именем Петра Леонидовича Капицы в Институте физических проблем РАН. В том институте в 1965 году прошла первая персональная выставка художника.

История жизни и дружбы художника и поэта драматична, как драматична и судьба самой книги. Николай Беляев уехал из Казани в 1992 году, считав, что русскому поэту будет неуютно в суверенном Татарстане... и совершил абсолютно непрактичный

обмен — хорошей казанской квартиры на домик в селе Ворша Владимирской области. В доме нет никаких условий и удобств, семья поэта бедствует...

— Я не олигарх, живу на зарплату, но решил профинансировать публикацию этой книги из семейного бюджета, — сказал на презентации академик Наиль Валеев. — Считаю, что на белый свет мы рождены не для того, чтобы только есть, пить и гадать, в какую бы ещё страну поехать отдыхать. Жена поддержала мою идею. В моей семье было семь поколений мулл, и каждое утро я мысленно прошу своих предков помочь мне делать посильное добро. Всё это вполне реально. Я видел, как Николай Николаевич взял в руки свою книгу... Он просто ожил и сказал, что умирать ещё, похоже, рановато! А мы не имеем права забывать, что поэт Беляев столько сделал для формирования казанской поэтической школы в 60–80-е годы!

В сентябре у Николая Беляева будет юбилей, ему исполнится 75 лет. И от имени казанской интеллигенции академик Валеев обратился к Президенту Татарстана Рустаму Минниханову с просьбой помочь поэту с жильём в Казани, чтобы он мог жить и работать в нормальных условиях.

И Президент Татарстана подписал распоряжение о выделении Николаю Беляеву двухкомнатной квартиры.

Ольга ИВАНЫЧЕВА,
Казань

«И ВЕЕТ, ВЕЕТ ВЕТЕР БАЛЬНЫЙ ТЕПЛОМ ДУШИСТЫХ ОПАХАЛ...»

В канун новогодних праздников в Набережных Челнах произошло событие столь необычное, столь и значимое. А именно: читальный зал Центральной городской библиотеки им. Мусы Джалиля на один день превратился в просторную бальную залу со всеми приличествующими ей атрибутами: изящными колоннами, витыми подсвечниками, нарядными люстрами. И только стоящие на высоких стеллажах книги указывали на то, что бал там проходил не простой, а литературный, и дан он был по случаю открытия на базе централизованной библиотечной системы городской литературной гостиной.

Этому творческому формированию, созданному по инициативе челнинской поэтессы, члена Союза российских писателей Аллы Ореховой и призванному объединить вокруг себя литераторов, художников и музыкантов, на тот момент исполнилось ровно два месяца от роду, так что презентацию можно было с полным основанием назвать крестинами. Надо сказать, что за столь недолгий срок новорождённая гостиная успела заявить о своём существовании целым рядом событий: такими, как презентация книги Михаила Гоголева «Энциклопедия любви»; вечер памяти писателя, журналиста, искусствоведа Ларисы Львовны Поляковой, где была представлена её посмертно изданная книга «От Плёса до Набережных Челнов»; музыкально-поэтический вечер с участием ансамбля народных инструментов «Наигрыш» и поэтессы Веры Хамидуллиной; презентация 10-го, юбилейного, сборника поэта, лауреата республиканской премии им. Г. Р. Державина Николая Алешкова «От сердца к сердцу».

Самым же крупным мероприятием, организованным литературной гостиной за короткий период её деятельности, несомненно, стал большой вечер, посвящённый 40-летию городского литературного объединения — легендарного «Орфея», который прошёл в актовом зале Центральной городской библиотеки. При полном аншлаге, что неудивительно — ведь в Набережных Челнах и их ближайших окрестностях для большинства пишущих, читающих и почитающих художественный слог значение слова «Орфей» перво-наперво трактуется как литобъединение и лишь потом как персонаж древнегреческих мифов.

Литературное объединение, собравшее под своей крышей творческие силы строящегося автограда, было организовано в 1971 году. «Отцом-основателем» «Орфея» стал Валерий Суров — молодой одарённый прозаик, по-настоящему «болеющий» литературой. Затем в разные годы литобъединение возглавляли Фаина Столярова, Евгений Кувайцев, Инна Лимонова, Евгений Коблев. В общей сложности двадцать лет руководил «Орфеем» главный редактор альманаха «Аргмак. Татарстан» Николай Алешков.

Сколько молодых авторов прикоснулись за эти годы к «орфеевской лире», сколько вечеров провели в горячих спорах и дискуссиях о творчестве отдельных поэтов и прозаиков и судьбах литературы вообще, сосчитать невозможно. Но абсолютно бесспорно то, что сегодня город по праву гордится известными поэтами и прозаиками, которых «поставило на крыло» челнинское литературное объединение, это — Руслан Галимов, Георгий Сушко, братья Юлаевы (Иван и Павел), Владимир Гофман, Юрий Кучумов, Юрий Дулесов, Светлана Попова, Инна Лимонова, Вера Арямнова, Марат Бадретдинов, Михаил Гоголев, Ольга Кузьмичёва и многие-многие другие.

Оригинальный сценарий вечера, выдержанный в древнегреческом стиле — ведь его главным героем был мифологический певец и музыкант Орфей, — соответствующее оформление сцены, ведущие-Музы, роли которых исполнили Алла Орехова и Ольга Кузьмичёва, бегущие по экрану живые страницы истории и события дня сегодняшнего, остановленные внимательным фотообъективом, — всё это позволило создать атмосферу истинного творчества, согревающего сердца и исцеляющего души.

От имени руководства города «орфеевцев» и всех, чьим призванием стала литература, поздравила заместитель главы муниципального образования г. Набережные Челны Ф. И. Андреева. Активная творческая деятельность и вклад в развитие культуры города ряда участников литобъединения были отмечены Благодарственными письмами и Почётными грамотами мэра города и Почётными грамотами управления культуры. Своих активных членов наградил и Союз писателей России, костяк которого также составляют бывшие орфеевцы.

Возвращаясь к презентации гостиной, хотелось бы отметить, что балы в наш техногенный век — явление редкое, если не сказать — исключительное, и организаторы литературного бала не ставили перед собой цели сделать точный слепок ни с традиционных Петровских ассамблей, ни с пышных торжеств эпохи Екатерины Великой. Истинной королевой бала там являлась не грациозная Терпсихора, а утончённая Евтерпа — покровительница поэзии и музыки. Так, благодаря передававшейся по кругу серебряной «волшебной маске» каждый из прикоснувшихся к ней получал возможность «прозвучать» перед публикой — продекламировать стихи, прочесть страницы прозы или исполнить песню. А поскольку большинство из собравшихся на балу дам и кавалеров неразлучны с музой, то все номера были собственного сочинения. Атмосферу изысканной утончённости и камерности задали балу артисты — очаровательные дамы, преподавательницы детской музыкальной школы № 1, которые на флейте, гитаре, фортепиано и даже на саксофоне исполняли традиционные балльные композиции — менуэты, польки, полонезы. И, конечно, какой же бал без гусаров — героев девичьих грёз, храбрых рубак и отчаянных весельчаков? И пусть современные юнкеры и корнеты — воспитанники Детской школы искусств пока не обзавелись пышными усами, зато порадовали гостей своим бравым гусарским танцем.

Благодаря литературным играм, традиционным балльным фантам и беспроигрышной лотерее в праздничную программу были вовлечены все гости, которые повеселились от души и расходились по домам в приподнятом, поистине предновогоднем настроении.

Надеемся, что у новорождённой гостиной будет счастливая судьба, ведь у неё много идей и творческих задумок, касающихся как уже состоявшихся мастеров слова, так и молодой поросли челнинцев, делающих свои первые шаги на поприще литературы. А самое главное — у литературной гостиной много друзей, соратников и единомышленников в лице творческой интеллигенции города, представители которой, как убедительно показали прошедшие мероприятия, испытывают потребность в общении с коллегами по цеху, пожалуй, не меньшую, чем в выходе на читательскую или зрительскую аудиторию.

Алла ШЛИВАНЧАНИН,
Набережные Челны

ОТ РЕДАКЦИИ. *С юбилеем городского литературного объединения «Орфей» челнинских литераторов, да и самих горожан поздравили наши друзья. Одно из таких поздравлений мы с удовольствием публикуем.*

ВОЗРАСТ ЗРЕЛОСТИ

В середине 70-х годов (прошлого века!) приехал я, тогда заведующий редакцией по работе с молодыми авторами издательства «Молодая гвардия», с поэтом Владимиром Павлиновым, касимовским татарин по происхождению и прекрасным русским поэтом по призванию, поглядеть на молодых литераторов, строивших КамАЗ, провести творческий семинар, отобрать лучшие произведения для публикации в молодогвардейских альманахах. Всесоюзные ударные стройки, именуемые тогда комсомольскими, как магнитом притягивали молодых романтиков, в том числе начинающих литераторов. В Набережных Челнах они сгруппировались вокруг литературного объединения «Орфей», созданного литератором Валерием Суровым.

И Павлинову, и мне молодые орфеевцы понравились. С тех пор многие из них для меня стали своими, друзьями и товарищами. Как мог, помогал им торить дорогу в литературе, радовался их успехам. К сожалению, много лет не проходит в моей душе

сadayщая боль от трагической судьбы пропавшего без вести (в мирное ли мы живём время?) талантливого поэта-челнинца Евгения Кувайцева. Понимаю, не юбилейного характера тема, но не могу смириться с жестокостью и несправедливостью... Да, большое видится на расстоянии. За сорок лет «Орфей» стал литературной купелью многих начинающих авторов, помог им стать профессиональными писателями. Назову лишь тех, кого знаю лично: Николая Алешкова, Инну Лимонову. В прошлом году окончила Высшие литературные курсы слушательница моего творческого семинара Сания Шавалиева, блистает в Набережных Челнах и Москве выпускница ВЛК, к сожалению, не моя семинаристка, Ольга Кузьмичёва-Дробышевская. Не ко всем орфеевцам благосклонно отнеслась взыскательная литературная муза, но все они, пройдя школу литобъединения, стали преданными любителями и ценителями настоящего художественного слова. Литобъединение превратилось в неотъемлемую часть духовной и культурной жизни Набережных Челнов, сыграло немаловажную роль в воспитании молодёжи. Оно послужило основой для создания городской писательской организации. В Набережных Челнах издаётся литературный альманах «Аргамак» — одно из самых содержательных и перспективных региональных изданий, завоевавшее всероссийскую известность и всероссийский авторитет. Возглавляет его орфеец первого призыва Николай Алешков, который по старой дружбе пригласил в число авторов альманаха и меня.

Сорокалетие — возраст творческой зрелости. Есть солидный опыт, знания и умение. Известность и авторитет. Ни у кого и мысли о том, что орфеевцы могут самоуступиться, не должно быть. Нынче не самое благоприятное время для тех, кто продолжает традиции настоящей литературы, кого не прельщает блестящая мишура коммерческого чтива. Литературное дело всё больше приобретает черты подвига — гражданского, творческого, духовного. Подлинная литература сегодня — это линия обороны традиционных ценностей народов нашей Отчизны, противостояния навязываемого нам чужебесия, раскультирования и нравственного разоружения. И такие объединения, как наш юбиляр, превращаются по всей России в своего рода места формирования духовного ополчения, которому, несомненно, суждено в ближайшие годы перейти от обороны к наступлению.

Мужества и стойкости, осуществления самых смелых творческих замыслов, удач, везения и, конечно же, счастья вам, дорогие орфеевцы, вашим родным и близким, а также вашим читателям и почитателям!

***Ваш Александр ОЛЬШАНСКИЙ,
Москва***

ПРАВОСЛАВНОМУ КОМПЛЕКСУ — БЫТЬ!

В Набережных Челнах презентовали проект уникального православного комплекса. 27 января во Дворце культуры «Энергетик» челнинцам представили проект православного комплекса на 750 прихожан. Его планируют возвести на месте сгоревшего летом 2010 года строившегося храма Рождества Христова. Архиепископ Казанский и Татарстанский Анастасий лично благословил челнинцев на благородное дело.

По оценке проектировщиков, только сооружение основного объекта комплекса — храма Рождества Христова — обойдётся почти в 1 миллиард 300 миллионов рублей. Это белокаменное сооружение высотой 78,5 метра станет одним из самых высоких зданий Набережных Челнов. Храм можно будет видеть с разных уголков города.

В православный комплекс, а это более 4000 квадратных метров помещений на 15 гектарах земли, входят ещё часовня, звонница, библиотека, выставочные залы. Представители духовенства считают, что такая стройка может продлиться более 10 лет. Комплекс будут строить сообща — на средства меценатов, прихожан, города. Он станет духовно-просветительским культурным центром.

Руководитель творческой группы, проектировавшей объект, генеральный директор компании «Реал» Алексей Никитин рассказал, что в Елабуге, например, уменьшили подобное архитектурное решение вдвое и построили храм за 2,5 года. Однако мэр Набережных Челнов Василь Шайхразиев, присутствовавший на презентации, полностью поддерживает масштабные стремления местного духовенства.

Сроки начала строительства пока не называются, поскольку нужно ещё получить разрешение на стройку и собрать часть денег — к примеру, для фундамента храма нужно более 110 миллионов рублей. Но все участники презентации выразили уверенность, что летом этого года возведение комплекса начнётся.

Лариса КУРЕНЩИКОВА,
Набережные Челны

МЫ ОТСЮДА РОДОМ

До начала строительства КамАЗа Набережные Челны были небольшим закамским городком с населением в 30 тысяч человек. Ныне это город-полумиллионник.

Он рос стремительно, особенно в семидесятые и восьмидесятые годы прошлого столетия. Мы не знали, что такое застой. И шесть основных заводов КамАЗа, и городские кварталы (по-челнински комплексы), и база строительной индустрии, и пригородная сельскохозяйственная зона, а затем и Нижнекамская ГЭС были созданы практически за два десятилетия. Как бы ныне «продвинутые» рыночники ни ругали советскую власть, повторить такое в несоциалистическое время невозможно. Мы забыли, что такое энтузиазм.

Город наш уникален тем, что его построили и в нём живут представители более восьмидесяти национальностей, приехавшие со всех концов огромного Советского Союза. Здесь они обрели вторую родину.

А для «аборигенов», к коим имеет честь принадлежать автор этих строк, Набережные Челны остаются первой и единственной родиной. Большинство из нас — это русские и татары, которые до перестройки не знали, что такое межнациональное несогласие. Мы всегда жили, как добрые соседи и друзья, поровну делили общие радости и печали — так завещали нам родители, дедушки и бабушки. Примером может служить как раз начало Всесоюзной ударной стройки. Коренные челнинцы и жители окрестных сёл и деревень (Красные Челны, Элеваторская Гора, Орловка, Боровецкое, Сидоровка, Большая Шильна, Малая Шильна, Тогаево, Старые Гардали, Новые Гардали, Нижние Суксы, Верхние Суксы, Ильбухтино, Мелекес, Ерыклы, Биклянь, Бетьки, Круглое Поле, Шильнебаш, Сарали, Самоскаково) приняли в свои дома на постой огромные массы молодого, «разнокалиберного» народа. Временные посёлки из вагончиков появились позже. А строительство, между тем, развернулось так широко, а зона затопления Нижнекамской ГЭС оказалась такой обширной, что более половины перечисленных мною населённых пунктов ушли в небытие, как распутиная Матёра, а некоторые ныне оказались в черте города, как, например, моя родная Орловка. Старые Челны были, к великому сожалению, снесены или затоплены, от них остался кусочек улицы Центральной и несколько улочек впритык к ней. Была, конечно, и компенсация в виде новых квартир взамен снесённых домов. Но компактное проживание «коренных» было нарушено. Мы оказались в разных частях Нового города и посёлка ГЭС и растворились среди приезжих.

Появилась какая-то неприкаянность. В зоне затопления оказались первая школа, в которой многие учились, Ленинский сад за школьным забором, военкомат, райисполком, редакция с типографией, сосновый парк с танцплощадкой и стадионом, за ним — единственная в округе роща осокорей на ровной, как стол, лужайке (это несколько гектаров), где всегда проводились Сабантуи. В зоне затопления оказались наша память, наши детство и юность. Пройдёшь, бывало, по оставшемуся кусочку улицы Центральной (челнинского «Бродвея») до здания Госбанка, хочется свернуть налево, к Советской площади, а там камское мелководье за подпорной бетонной стеной, а на душе — чёрная дыра.

И вот в новом здании первой школы, в её спортзале своих воспитанников, бывших отличников и двоечников как-то собрал наш учитель, директор школы Юрий Иванович Корнев, заядлый волейболист. «Приходите по выходным, играйте, общайтесь, — сказал он, — глядишь, и я вместе с вами не постарею раньше времени. Память обрывать нельзя».

Потом на старый Новый год начали выезжать на базы отдыха некоторых земляков, ставших большими начальниками. Огромную объединительную роль сыграл Геннадий Иванович Филатов, всеобщий челнинский любимец, прирождённый лидер, футболист, авторитет с Элеваторской Горы, начинавший трудовую деятельность с водительской баранки, в зрелости ставший директором крупной птицефабрики, а в последние годы жизни — председателем городского депутатского корпуса. В 2004 году Геннадий Иванович, едва перешагнув шестидесятилетний рубеж, ушёл в легенду. Но он оставил после себя уже официально зарегистрированную общественную организацию «Челнинское землячество», которая активно внедрилась в городскую жизнь более двадцати лет назад. В начале девяностых, например, когда политики разыгрывали в Татарстане национальную карту и в Набережных Челнах реально пахло порохом, «Челнинское землячество» послужило позитивным противовесом

крайнему радикализму. Сходы коренных челнинцев, на которых плечом к плечу встали татары и русские, в значительной степени отвели беду: смотрите, мы вместе, мы никогда не ссорились по национальному признаку...

Годы идут, мы стареем, но в Набережных Челнах живут наши дети и внуки. И у первостроителей КамАЗа растёт потомство, родившиеся уже здесь. Получается, что коренных челнинцев в городе теперь большинство.

Мы не потерялись на своей родине. Встречаемся друг с другом как минимум дважды в году. Последняя пятница июля — ежегодный праздник коренных челнинцев на улице Центральной, превратившийся стараниями директора Дворца культуры «Энергетик» Гульзады Мухаметовны Рзаевой в один из самых интересных и массовых городских праздников. Нельзя без улыбки смотреть и слушать как, радостно обнимая друг друга, седые, а то и лысые Равили Мансуровичи и Николаи Петровичи превращаются в Равилек и Колек, степенные Розы Гильмеевны и Нины Константиновны в Розок и Нинок. Молодеют наши души при этом! Такого заряда хватает до следующего июля.

Гульзаду Мухаметовну мы называем сестрёнкой. Впрочем, это позволено только тем, кто постарше, кто помнит её, как «артистку» с Элеваторской Горы. Она добровольно взвалила на себя проведение июльских праздников, тщательно готовит к ним и концертную программу, и чествование ветеранов.

Второй наш праздник — старый Новый год. Это мальчишник, на который собираются до ста человек.

Опишу, как это было 14 января 2012 года. Всё началось ближе к полудню с возложения цветов на могилу Геннадия Ивановича Филатова и к памятникам ещё двух легендарных личностей — Раиса Киямовича Беляева, руководившего городом четырнадцать лет в самый разгар Всесоюзной стройки и Евгения Никаноровича Батенчука («Бати»), руководившего этой уникальной стройкой, участника Великой Отечественной войны.

Затем в уютном зале Дворца культуры «Энергетик» (ещё одно спасибо сестрёнке Гульзаде) мы заслушали отчёт президента землячества (да, да, у нас есть свой президент, а как иначе?) Альберта Николаевича Петрова. Что мы успели, что мы сделали все вместе за минувший год? Из бюджета землячества (членские и благотворитель-

ные взносы) оказана материальная помощь четверым нуждающимся челнинцам. Кроме июльского праздника на Центральной провели два Сабантуя: на Элеваторской Горе и в посёлке «Рябинушка». Впервые в конце мая провели Дни славянской письменности и культуры в Набережных Челнах с участием заслуженной артистки России Татьяны Юрьевны Петровой (концерт в органном зале) и президента международного Аксаковского фонда, писателя Михаила Андреевича Чванова. В сентябре с ответным визитом вчетвером ездили на Аксаковский праздник в Уфу и договорились с его организаторами о распространении благотворного для молодёжи аксаковского движения (не только литература, но и семья) на челнинской земле.

Наши интересы надёжно защищены в выборных органах: четыре депутата в городском Совете (А. Н. Петров, У. Г. Хусаинов, В. И. Бестолков, С. П. Ямашев), три депутата в Госсовете Республики Татарстан (С. Г. Рачков, А. С. Евдокимов, С. М. Захарова)...

Коренные челнинцы не растерялись при смене эпох. Многие из них оказались предпринимателями и бизнесменами. Сегодня на слуху не только в городе, но и в республике такие имена, как Сергей Геннадьевич Рачков, Равиль Сагитович Файрузов, Сергей Николаевич Бычков, Газильян Галимзянович Шакирзянов. Они стали успешными за счёт собственных сил и мозгов, без какого-либо покровительства сверху. Они щедры в плане благотворительности и меценатства.

«Челнинское землячество» не замыкается только челнинским кругом. Создав свой сайт, мы разыскиваем земляков, живущих за пределами города, нашей республики, нашей России. А про Казань и говорить нечего. Челнинцы, живущие там, создали своё общество. Оно называется «Челнинский край». Перед Новым годом мы были у них в гостях и вместе выступали на сцене Казанской филармонии.

Короче говоря, наша общественная организация утвердилась на родной земле, стала нужной и популярной. Это признал и мэр Набережных Челнов Василь Гаязович Шайхразиев, побывавший на нашем мальчишнике. Отметив позитивную роль «Челнинского землячества» в общественной жизни города, он сказал: «Я родился в Мензелинском районе, в двадцати километрах от Набережных Челнов. Вся моя трудовая биография связана с этим городом. Не знаю, является ли всё это достаточным основанием, но я желаю вступить в вашу общественную организацию».

Подобное заявление оказалось неожиданным. Зал затих. Правила приёма в землячество довольно строгие. Для вступающих обязательны годовой кандидатский стаж, в течение которого новичок должен сделать что-то полезное для города: один, например, улучшил систему водоснабжения, другой разработал интернет-проект «Мои Челны», третий написал песню о городе. Мэр не возражал против испытательного срока. Но для него единогласно решили сделать исключение и приняли сразу. Не препятствие, что родина Василя Гаязовича не в Челнах, а в соседнем районе. Мы не всегда придерживаемся обязательного укоренения. У нас есть и земляк из Житомира — это Леонид Данилович Штейнберг, ныне бизнесмен, занимающийся автоперевозками, а в молодости командир боевой комсомольской дружины на Всесоюзной челнинской стройке...

В самом начале праздника мы с Фоатом Нуретдиновым и Олегом Даричевым переглядывались: появится или нет наш любимый наставник — Юрий Иванович Корнев, давно уже наречённый пожизненным президентом землячества. Ведь и нам уже за 65, а учителю? Только мы так подумали, а он тут как тут. И не обошлось без его напутственного слова под рюмку коньяку. А позднее, 25 февраля делегация от землячества сердечно поздравила Юрия Ивановича, Почётного гражданина города Набережные Челны, с восьмидесятилетием, пожелав ему доброго здоровья и вручив подарок. В день юбилея он оказался не дома, а в родной первой школе. Бросить её он, учитель милостью Божьей, не в силах...

В нашей среде поощряется и творчество. Примером может служить неформальное концертное объединение «Земляки». На своих представлениях мы читаем собственные стихи и поём собственные песни. Так было и на этот раз. Я благодарен своему односельчанину Сергею Бычкову (он не только бизнесмен, но и талантливый музыкант) за исполнение между дружескими тостами написанной им песни на мои стихи «Мы встретимся на улице Центральной». Она отражает кое-что из происходящего с нами. Вот её текст:

Мы встретимся на улице Центральной,
как двадцать, тридцать, сорок лет назад,
и под мотивчик песенки банальной
друг другу поглядим с тобой в глаза.

Ты помнишь танцплощадку в старом парке?
На ней тогда играл челнинский джаз.
Крутились оба мы вокруг Тamarки —
жаль, что Тамара выбрала не нас.

Ах, поцелуй, сладкая отравка!..
Потом разборки были у реки.
Удар нам ставил сам Калясев Слава,
мы смело в ход пускали кулаки.

Ты помнишь драки — банда шла на банду?
По швам трескали старые дворы,
пока нас не собрал в одну команду
Филатов с Элеваторской Горы.

Вчерашние враги друзьями стали.
Я ничего, дружище, не забыл.
Мы весело казанцев освистали,
когда Мещан казанцам гол забил.

Мы вспомним всех сегодня поимённо.
Мы песни наши старые споём.
И дети будут с нами, и знамёна
своих побед мы им передаём...

Какие годы, друг мой, пролетели,
какие ветры юность унесли!
Но по-другому жить мы не умели,
а белый город выстроить смогли.

**Николай АЛЕШКОВ,
Набережные Челны**

Письма главному редактору

Уважаемый Николай Алешков! Уважаемая редакция журнала «АРГАМАК»! Благодарю вас за то, что регулярно присылаете мне посылочку — стопку журналов «Аргмак», свежий номер. Один экземпляр я оставляю себе, а остальные несу в Тарусскую районную библиотеку. Там их проштемпелюют и разошлют по всему району, по сельским библиотекам. В библиотеках свежий номер вашего журнала уже ждут. Читаю вас с удовольствием. Вижу, как постепенно лицо «Аргмака» становится более определённым, рельефным, совершенным. Понимаю, как тяжело и иногда невозможно делать то, что делаете вы. Конечно, это более чем странно: вопреки общему течению делать не просто доброе, а нужное, благородное дело — просвещения, сохранения языка и культуры, сбережения читателя в том его прекрасном мире, который ещё не весь разрушен. Иногда думаю: ну, ладно, невозможно в России, так пусть хотя бы в Татарстане. А может, это и верно, и правильно — на стыке культур и традиций, на водоразделе языков появляется нечто новое, что объединяет многих... Успехов вам!

Сергей МИХЕЕНКОВ, г. Таруса

* * *

Дорогой мой тёзка, Николай!

Прочитал твой очередной альманах «Аргмак». И спешу сообщить, что, слава Богу, художественный уровень его не снижается, как это часто у нас бывает.

Во-первых, хочу по-дружески отметить твою подборку стихов, она замечательная (особенно стихи о Битове), только мне не понравились в одном стихотворении «красные сопли». Поверь, если ты их заменишь, хуже не будет. Но это чисто моё впечатление. Порадовала меня вновь проза очень талантливого Александра Матвеевича, да вообще все авторы — и поэты, и прозаики — читаются с интересом, пусть кто-то с большим, кто-то с меньшим. Но всё

равно с интересом! А какое предисловие к Унтале написал Миша Чванов — «Бывших офицеров не бывает» — это просто блеск! Поэма Михаила Сопина, конечно же, незаурядная, хотя есть в ней и спорные места. В любом случае это находка для твоего альманаха.

Должен тебе сказать, Николай, что ты сделал такое издание, которому в России, я имею в виду столицу и Питер, стоит позавидовать. Как же я рад за тебя, и за поэта, и за редактора! Такая ноша не каждому по плечу. Это здорово, что ты собираешь таланты от края до края в нашем отечестве. Мне, к слову, приятно было встретить на страницах альманаха поэтов и Евгения Семичева, и Диану Кан, и Владимира Скифа, и Александра Кердана, и Владимира Коробова, и Валентина Сорокина — всех хорошо знаю и высоко ценю.

Дальнейших удач тебе, дорогой друг!

Был я в Дагестане в сентябре, навестил замечательный Хунзенский район, аул Цада, где родился Расул Гамзатов. Он расположен на такой высоте, где выше уже никто не живёт, только одни орлы летают. Впервые побывал в настоящей аварской сакле. Ещё раз убедился, что великая поэзия ближе к хижинам, нежели к дворцам.

Обнимаю! Твой Николай РАЧКОВ, г. Тосно Ленинградской области

* * *

Уважаемый Николай Петрович! Поздравляю «Аргмак» с публикацией документального произведения Александра Воронина «Невидимки». Проглотил его, отложив в сторону всё и вся, не отрываясь. Я Саше уже написал о своих впечатлениях. Мне кажется, что это узловое, знаковое произведение — одно из лучших и самых значительных для «Аргмака» и для казанской (и вообще — провинциальной) лит. жизни. Но, думаю, что далеко не всем оно в Татарии понравится. Литераторы (и не только литераторы) чисто национальной ориентации будут, как мне кажется, морщиться от того, что так крупно высвечены именно эти три фигуры, три имени, имеющие не только местное, но и общероссийское (а в чём-то даже и не только российское) звучание. «Сверхмысль» всего этого особенно меня греет: в конце концов не так уж и важно, кто ты — петров, хасанов или коган, все мы дети одной странной и уникальной страны, всех нас объединяет замечательный инструмент — русский язык, о котором так красиво и ёмко сказал когда-то Ломоносов. И написано у Воронина мастерски — тактично, с душой, хорошим, выверенным языком, с доскональным знанием предмета. Спасибо и автору, и Вам как редактору альманаха!

Александр ЛЕЙФЕР, г. Новосибирск

* * *

«Аргмак» получил, спасибо! Очень понравилось эссе Дорожкина. Достоинство и, главное, без истерики. Повесть Воронина прочёл с интересом, герои мне не знакомы, но атмосфера времени чувствуется.

Хороший номер. Молодец. Удачи тебе.

Сергей КУЗНЕЧИХИН, г. Красноярск

* * *

Уважаемый Николай Петрович! Большое спасибо Вам за публикацию в журнале. Его я получил. Радует, что Ваш журнал пестует молодых. Им сказать своё слово в любое время тяжело, а в наше — тем более, по себе знаю. Но благодаря Вам наши голоса звучат по всей России!

С уважением, Сергей БУДАРИН, г. Новокуйбышевск

БРАВО, «МАСТЕРОВЫЕ»!

БЕЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СО ЗРИТЕЛЕМ ТЕАТР НЕ МОЖЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ. ПОТОМУ ЧТО ТЕАТР — ЭТО НЕ ТОЛЬКО ИСКУССТВО, НО И СПОСОБ ОБЩЕНИЯ. А КОГДА ОБЩЕНИЕ ПРОИСХОДИТ НА ВЫСОКОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ И ДУХОВНОМ УРОВНЕ, ТО В ДУШЕ НАСТУПАЕТ ВОЗВЫШЕННАЯ ТИШИНА, ОЧИЩЕНИЕ, КАК ЕСЛИ БЫ ТЫ ПООБЩАЛСЯ С УМНЫМ, ИНТЕЛЛИГЕНТНЫМ, ТОНКО ЧУВСТВУЮЩИМ И ГЛУБОКО МЫСЛЯЩИМ ЧЕЛОВЕКОМ. НАСТОЯЩЕЕ ИСКУССТВО ПРИЗВАНО БУДИТЬ МЫСЛИ И ЧУВСТВА В ЧЕЛОВЕКЕ, ПОЭТОМУ ОТ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ И ОБЩЕЙ НАСТРОЕННОСТИ ПУБЛИКИ МНОГОЕ ЗАВИСИТ. КАКАЯ СЕГОДНЯ ПУБЛИКА — ДЛЯ АРТИСТОВ, ВЫХОДЯЩИХ НА СЦЕНУ, — ВОПРОС ОЧЕНЬ ВАЖНЫЙ...

День рождения театра «Мастеровые» — 8 мая 1975 года. Именно, в этот день состоялась премьера спектакля «Дороги, опалённые войной», поставленного по стихам фронтовых поэтов. Это была дипломная работа выпускника Московского государственного института культуры Юрия Колесникова. После защиты молодой специалист, принятый на строящийся автогигант, создал театральный коллектив на базе подшефной для завода двигателей школы № 19. Участники театральной студии — молодые рабочие, отсюда и родилось название — «Мастеровые». Это было время, одухотворённое творчеством масс. На каждом заводе КАМАЗа один за другим возникали коллективы художественной самодеятельности: академические и народные хоры, вокально-инструментальные группы, ансамбли бальных танцев, театральные коллективы и даже духовые оркестры.

В 1976 году появилась музыкально-поэтическая композиция «Человек». Это была совместная работа театральной студии «Мастеровые» и вокально-инструментального ансамбля «Ритмы КамАЗа» (рук. К. Солдаткин). С этой композицией молодые артисты и музыканты выступали на разных площадках строящихся заводов и предприятий камского автогиганта. Но свой творческий отсчёт театр ведёт с поэтического спектакля «Диалоги о любви», созданного в 1978 году по произведениям Франсуа Вийона, Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко, Шандора Петёфи. Первые исполнители: Владимир Бабаев. Михаил Стабровский, Галина Лобова (Колесникова), Елена

НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ: БРАВО, «МАСТЕРОВЫЕ»!

Художественный руководитель, главный режиссёр театра «Мастеровые» Валентин Ярюхин

Главный художник театра «Мастеровые» Елена Сорочайкина

Фойе Русского драматического театра «Мастеровые»

НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ: БРАВО, «МАСТЕРОВЫЕ»!

Г. Горин «Забывать Герострата!»

Г. Горин «Забывать Герострата!»

НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ: БРАВО, «МАСТЕРОВЫЕ»!

Г. Горин «Забить Герострата!»

Г. Горин «Забить Герострата!»

НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ: БРАВО, «МАСТЕРОВЫЕ»!

Н. Гоголь «Женитьба»

Н. Гоголь «Женитьба»

НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ: БРАВО, «МАСТЕРОВЫЕ»!

П. Ершов «Конёк-Горбунок»

«Легенда о Робин Гуде»

НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ: БРАВО, «МАСТЕРОВЫЕ»!

М. Ладó «Очень простая история»

М. Ладó «Очень простая история»

НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ: БРАВО, «МАСТЕРОВЫЕ»!

Ж.-Б. Мольер «Плутни Скапена»

Ж.-Б. Мольер «Плутни Скапена»

В. Набоков «Событие»

К. Гоцци «Принцесса Турандот»

Г.-Х. Андерсен «Стойкий оловянный солдатик»

Е. Шварц «Снежная королева»

Козловская (Некляева), Раиса Курилина, Галина Дюкарева, Александр Кузьмин. Следующая работа — замечательная пьеса Александра Вампилова «Провинциальные анекдоты» (1978 г.) открыла самородков самодеятельной сцены, вошедших в костяк коллектива: Николай Плужник, Анатолий Яковлев, Владимир Шушаков и др.

Справедливости ради стоит отметить, что история театрального движения в Набережных Челнах началась в начале семидесятых, когда потянулись на стройку века молодые специалисты — руководители самодеятельных коллективов и кружков. Театральные коллективы «Лицедее» (реж. Мищенко Н. М.), «Грэй» (реж. Куликова В. Н.), «Ника» (реж. Пархоменко Н. Ф.), «Мастеровые» (реж. Ю. М. Колесников) возглавили в 70–80-е годы театральное движение в городе. Они объединяли увлечённых театром людей, большей частью молодёжь, школьников и восполняли отсутствие профессионального театра.

В 1982 году во Дворце культуры КАМАЗа театральный коллектив «Мастеровые» отметил своё новоселье премьерой — «Две стрелы» Александра Володина. Постановщиками последующих спектаклей, разных по сложности и жанру, были и другие режиссёры театра: Сергей Сочкин, Елена Некляева, Анатолий Яковлев, Юрий Быков.

Тяжёлое финансовое положение, сложившееся на КамАЗе после пожара на заводе двигателей в 1993 году, сказалось и на театре. Прекратилось его финансирование. Это было сложное время. Молодёжный театр «Ника», театр-студия «Грэй», театр-студия «Лицедее» прекратили свою деятельность, а театр «Мастеровые» держался, осознавая необходимость наличия в городе русского театра. В середине 90-х он снова был вынужден сменить адрес — на общежитие, где была оборудована небольшая сцена и зал на 75 мест. В 1997 году вследствие тяжёлой болезни скончался Юрий Михайлович Колесников, руководивший театром два десятилетия. Его преемником стал Анатолий Яковлев.

Свой 25-й сезон театр открыл премьерой «Плутни Скапена» по пьесе Мольера в постановке Валентина Ярехина, а в апреле 2004 года мэр города Ильдар Шафкатович Халиков организовал «спонсорский десант» на этот спектакль. Благодаря этой акции осенью того же года театр открыл новый сезон премьерой — спектаклем «Событие» по пьесе Владимира Набокова.

В 2005 году театр приобрёл муниципальный статус, переехал из общежития в новое реконструированное здание бывшего Интерклуба и пригласил на должность художе-

ственного руководителя Валентина Никитича Ярюхина. Именно с приходом в театр этого самобытного и опытного режиссёра, выпускника ГИТИСа, ученика Марка Захарова и Анатолия Васильева началась новая история «Мастеровых». Русский драматический театр «Мастеровые» под руководством Ярюхина за последние годы превратился в центр театральной культуры со своей эстетикой, атмосферой, со своим зрителем.

На сегодняшний день поставлено 14 спектаклей для взрослых и детей, ставших значительными вехами творческой деятельности всего коллектива театра. Среди них лучшие произведения русской, зарубежной классики и современные пьесы: «Пигмалион» Б. Шоу, «Очень простая история» М. Ладос, «Женитьба» Н. В. Гоголя, «Плутни Скапена» Ж.-Б. Мольера, «Событие» В. Набокова, «Цилиндр» Э. Де Филиппо, «Принцесса Турандот» К. Гоцци, «Щелкунчик» Э. Т.-А. Гофмана и другие.

По мнению критиков у театра есть своё лицо. И это во многом от того, что театр — режиссёрский. Каждое слово, каждый жест актёра, тем более, мизансцена в спектакле скрупулёзно выверены режиссёром. Ярюхин хорошо знает психофизику, творческие способности актёров, большая часть которых — студенты его актёрского курса. Он умеет верно наладить творческий процесс.

Спектакль «Плутни Скапена» Ж.-Б. Мольера, одна из первых постановок Валентина Никитича на сцене челнинского театра, идёт с неизменным успехом уже двенадцатый сезон.

Следующая работа режиссёра — спектакль-коллаж по рассказам Чехова и Тэффи «Лица Маски Гримасы» отмечен умением наполнить драматургическую основу философскими акцентами и подтекстами, с помощью психологических тонкостей и нюансов создать у зрителей подлинное душевное переживание.

Спектакль «Событие» по пьесе Набокова — сложный по замыслу и глубокий по содержанию. Здесь каждая режиссёрская находка, декорации, музыкальная и световая партитура, цветовое решение костюмов создают неповторимую атмосферу, наполненную тонкой партитурой чувств. Мелодрама «Очень простая история» М. Ладос — самая шумная премьера 2007 года, ставшая победителем городского конкурса. Постановщику удалось раскрыть философское содержание пьесы, избежать штампов и навязчивой морали. Финальной точкой оригинального режиссёрского прочтения «Очень простой истории» становится появление у Коровы телёнка. Это «двойное» разрешение от бремени в финале звучит гимном жизни. Спектакль получился очень светлым и добрым, с прекрасным душевным посылом, он уже седьмой сезон остаётся самым кассовым спектаклем.

Сегодня в репертуаре театра примерно поровну спектаклей для взрослых и детей. «Щелкунчик» Гофмана, «Стойкий оловянный солдатик» Андерсена, «Снежная королева» Шварца, «Принцесса Турандот» Гоцци, «Город мастеров» Габбе несут огромную воспитательную роль и прививают детям эстетический вкус. Театровед Н. Игламов из Казани отметил высокий уровень репертуара для детей: «Качество детских постановок ничуть не уступает спектаклям для взрослых, они сделаны на совесть, очень искренне, а главное, с пониманием психологии и интересов современных детей».

В 2009 году репертуар театра пополнился спектаклями: «Пигмалион» по пьесе Б. Шоу и «Принцесса Турандот» по сказке К. Гоцци. В постановке «Принцессы Турандот» особенно проявились стремление В. Н. Ярюхина к ярким зрелищным сценическим формам, талант жёсткого и логического мизансценирования, поиск новых средств художественной выразительности. Спектакль «Пигмалион» раскрыл ещё одну грань творчества Валентина Никитича — точное знание жанра, его законов и стилизованных особенностей. Это позволило наполнить спектакль живыми эмоциями и чувствами.

Не менее яркой получилась премьера прошлого сезона — спектакль «Женитьба» по пьесе Н. В. Гоголя. Точно найденный пластический рисунок сценических образов, тонко расставленные музыкальные акценты, оригинальная сценография, удачное соединение смешного и печального в действенном ряде позволили режиссёру наполнить известное произведение современным звучанием.

И наконец, нынешний сезон отмечен сразу двумя премьерами «Забыть Герострата!» по пьесе Г. Горина и «Город мастеров» по пьесе Т. Габбе. Свободолюбивый дух пьесы «Город мастеров» лежит в основе режиссёрской трактовки. Торжество разума, света и добра над тьмой, злом и насилием подчёркивается контрастом цвета, образным и действенным началом в оформлении. Спектакль «Забыть Герострата!» впечатляет мощным накалом страстей. История о поджигателе храма Герострате, положенная в основу пьесы Григория Горина, приобрела в постановке Валентина Ярюхина особую актуальность. Талантливо, мастерски раскрыл постановщик не только комическую и трагическую стороны пьесы, но и показал, как трансформируются нравственные нормы и ценности общества в социально-конкретных, частных обстоятельствах.

Новаторство и мастерство режиссуры В. Н. Ярюхина не раз вызывало восхищение у зрителей, коллег и театральных критиков. С помощью выразительных средств, неповторимых ходов, ярких образных решений режиссёр увлекает зрителя в захватывающее сценическое действо.

«Мастеровые» вышли на серьёзный уровень творчества. Жизнь в театре кипит. Коллектив полнится планами и надеждами. Нам остаётся лишь ждать новых встреч с подлинным искусством», — так пишет театровед Нияз Игламов (г. Казань).

Отдельного внимания заслуживает работа главного художника театра Елены Сорочайкиной. Это её замысел воплощён на фасаде здания — то ли красное дерево, то ли кровеносная система театра. Это её костюмы и сценография создают неповторимый художественный образ спектакля.

Елена Сорочайкина мыслит легко, свежо, современно, никогда не повторяясь. В её творчестве нет никакой случайности, каждая деталь декораций подчёркивает эмоциональность сцены, создаёт атмосферу спектакля. Костюмы к постановкам сделаны с большим вкусом, фантазией, невероятной изобретательностью. Это сложные костюмы в спектакле «Принцесса Турандот», объединившие яркую красочность комедии дель арте. Это яркие, гротескные костюмы отрицательных персонажей Мусерона и Мышильды в спектакле «Щелкунчик», Тролля в спектакле «Оловянный солдатик». Это переливающийся цветами холодной гаммы костюм Снежной королевы в одноимённом спектакле Е. Шварца, изящные по форме и точные по стилю костюмы к спектаклям «Пигмалион». А какой прекрасный образ дождя создан художником за счёт использования струящихся тканей в этом же спектакле! Удачно было найдено Е. Сорочайкиной художественное решение в спектакле «Женитьба». Ей удалось, прекрасно чувствуя жанровую стилистику пьесы, создать костюмы, подчёркивающие яркую индивидуальность образов и трагикомичность действия.

Большого уважения и восхищения вызывает творчество артистов театра. В «Мастеровых» нет прим. Нет главных и второстепенных ролей, поэтому никто из актёров не болен звёздностью. Сегодня актёр в главной роли, а завтра — в массовке. Ансамблевость рождает целостность и не позволяет развалиться спектаклю на отдельные эпизоды и личности и, что греха таить, натянуть на себя одеяло, чем брат актёр иногда грешит.

В труппе театра — 23 человека. Артисты получили образование на курсах академии культуры и искусств Санкт-Петербурга и Казани. Сегодня они составляют ядро

труппы. Степень дарования актёров театра разная, и каждый из них, существуя в рамках ансамблевости, представляет собой творческую индивидуальность.

Актёрские работы С. Заболотского, Е. Федотова и М. Кулясовой (Николаевой) отмечены тонкостью психологического рисунка. Впечатляющие женские образы созданы Т. Аржанцевой (Заболотской), О. Астафьевой, А. Комлевой и С. Акмаловой. Мастерски сделаны роли Е. Емельяновой (Яковлевой), М. Кочуровой, Л. Мякишевой. Виртуозно действуют в различных театральных жанрах В. Радостев, Д. Томилов, Н. Строганов. В добротной психологической манере играют на сцене ветераны театра М. Стабровский и Н. Плужник.

Актёры и сотрудники театра неоднократно были отмечены высокими наградами управления культуры и администрации города Набережные Челны, Министерства культуры Республики Татарстан.

С большим успехом прошли гастролы театра «Мастеровые» в Казани (2009, 2011).

С 7 по 12 апреля 2011 года труппа русского драматического театра «Мастеровые» выступила на сцене Татарского государственного академического театра имени Галиаскара Камала. Челнинские актёры представили на суд казанских зрителей спектакли «Женитьба», «Пигмалион», «Очень простая история» и «Принцесса Турандот».

Спектакль «Очень простая история», ставший своеобразной визиткой театра «Мастеровые», был встречен, как и на прошлых гастролях, с восторгом и прошёл при полном аншлаге.

В день завершения гастролей театровед Роза Султанова и председатель Союза театральных деятелей РТ Фарид Бикчантаев высказали общее мнение, что «гастроли театра «Мастеровые» в очередной раз стали ярким культурным событием республики».

Директор Татарского государственного академического театра им. Галиаскара Камала Ш. Закиров отметил, что театр «Мастеровые» своим творчеством и, несомненно, большим вкладом в развитие современного театрального искусства в Республике Татарстан заслужил статус государственного.

В ноябре 2011 года, представив в конкурсной программе спектакль «Забутый Герострат!», коллектив стал открытием Международного фестиваля русских театров «Мост дружбы» в Йошкар-Оле, где был отмечен дипломами сразу в двух номинациях: «Лучшая постановка» и «Лучшая мужская роль» (артист Сергей Заболотский).

Конечно, не всё безоблачно, есть в коллективе и свои проблемы. Не хватает гримёрных, карман для хранения декораций буквально трещит, с каждой новой постановкой приходится всё труднее размещать декорации. Для дальнейшего творческого развития коллектив театра должен быть включён в общероссийский и международный театральный процесс. А для этого необходим государственный, не муниципальный статус...

Звучат финальные аккорды в конце спектакля, зрители в едином порыве встают и аплодируют артистам театра. А на просветлённых лицах столько благодарности! «Браво!» — кричат они. И становится понятным, как дорог и как нужен челнинцам этот островок театральной культуры под названием «Мастеровые».

КАЗАНСКИЙ ПОЕЗД

Мне доставляет особое удовольствие поздравить с 65-летием Разиля Исмагиловича Валеева, народного поэта Татарстана, лауреата Государственной премии имени Тукая, известного парламентария нашей республики, возглавляющего в Госсовете комитет по культуре, образованию, науке и национальным вопросам...

Я перечислил далеко не все титулы и звания этого уважаемого человека. Он и в литературе многостаночник. Его книги стихов и прозы издаются не только в родной республике. Его пьесы ставятся в театрах. Его песни поёт сам Ильгам Шакиров (и не только он), а слушает весь татарский народ. Его острая публицистика будоражит умы. Но для меня он прежде всего поэт и очень надёжный товарищ (сказал бы — друг, но стесняюсь, могут подумать, что примазываюсь).

Разилю Валееву я многим обязан. Первую книжку я выпустил в 38 лет — поздновато. Но без его участия она, может быть, вообще не вышла бы в Казани. То же самое могли бы сказать Инна Лимонова, Пётр Прихожан и другие авторы из Набережных Челнов.

Самое счастливое время в жизни челнинских литераторов связано с ним — с Разилем Исмагиловичем Валеевым. В начале восьмидесятых по инициативе Туфана Миннуллина Разиль был приглашён в Набережные Челны возглавить писательскую организацию после кончины Эдуарда Касимова. Литературная жизнь тогда забурлила.

Сколько мероприятий мы проводили по инициативе Валеева — и каких! Одна только Всесоюзная писательская конференция на тему «Молодые города и современная литература» чего стоит. Писатели со всего Союза, из всех республик съехались тогда в Набережные Челны. Конечно, без одобрения, без участия первого лица города это было бы невозможно. Умница Разиль Валеев не стал докучать аппарату горкома партии телефонными звонками. Узнав, что Раис Киямович, первый секретарь горкома КПСС, приходит на работу к половине восьмого, он с семи утра ежедневно начал дежурить у горкома. Ну и дождался Беляева.

— Разиль, ты что здесь делаешь в такую рань? — спросил первый секретарь.

— Творческого вдохновения набираюсь среди берёз, посаженных у горкома партии, Раис Киямович!

— Ах ты, хитрец! Ладно, пошли ко мне в кабинет.

Так запросто, по-свойски решались иногда вопросы не только крупных литературных мероприятий, но и насущных забот писательской организации. Нам выделялись благоустроенные квартиры с учётом дополнительной площади для творческого кабинета, мы были нужны городу...

Около тридцати лет прошло с тех пор. Валеев — в Казани, я остался в Набережных Челнах. Но связь между русским и татарским поэтами не прерывается. Разиль Исмагилович всегда готов откликнуться на любую просьбу, на любой телефонный звонок. Без его

веского защитного слова, как и без поддержки русского издания Минтимером Шариповичем Шаймиевым, не выходил бы наш литературный альманах «Аргамак. Татарстан».

Иногда мы встречаемся. Вспоминаем, прежде всего, что, оказывается, впервые наши литературные тропинки пересеклись в ранней юности, когда после окончания средней школы я начал работать в редакции районной газеты «Знамя коммунизма», а Разиль, будучи ещё школьником, приезжал в нашу редакцию, к заместителю редактора по дубляжу Ханафею Галеевичу Маннапову на занятия татарского литературного объединения из родного села Ташлык, что под Нижнекамском. Впрочем, Нижнекамск тогда только начинался...

Я прикинул — это могло случиться в 1962 году. Пятьдесят лет. Юбилей! Встретимся — отметим...

Николай АЛЕШКОВ

ПОЕЗД

Покидая Москву, я вслепую по ней не брожу —
на Татарское кладбище прямо с утра прихожу,
а потом — на вокзал (где людей — словно газа в «нарзане»).
Жду состав до Казани.

Я смотрю на колёса, которые знают давно,
кто когда-то под шпалы в дорожное лёг полотно.
Хриплый крик испустив, на восток отправляются скорые.
(Поезда — это многостраничные книги истории...)
Я иду на перрон. Пусть прожжёт меня окон глазами
мой состав до Казани.

К башне Сююмбике, где звенят муэдзинов азаны,
мои мысли несутся быстрее,
чем состав до Казани!

Ничего не боюсь. Чем нас можно ещё устроить?
Мы прошли через столько смертей, что осталось — лишь жить.
Только б вместо зелёных вагонов родных «Татарстана»
не прислали к перрону другого — чужого — состава,
что сожмёт моё сердце сильнее, чем затянутый пояс...
О, мой поезд! Мой поезд!..

Вот идёт он к перрону. Теперь не сойти бы с ума!
За спиною — столица сама. Выше — космоса тьма.
Впереди — зебры пёстрых шлагбаумов, доли с лесами...
Наконец-то мой поезд пришёл!
Мой состав — до Казани.

КАРТИНА

Я займусь волшебством, не обманом,
при посредстве приёмов простых:

белый лист — станет белым туманом,
и дождём — сетка линий густых.

А потом я тебя нарисую
бледным контуром, видным чуть-чуть,
как ко мне ты спешишь через струи,
раздвигая туманную муть.

Нарисую глаза твои, если
мне удастся тот цвет подыскать,
чтобы в нём на бумаге воскресли
и тревога твоя, и тоска.

Чтоб несла ты слезинки вдоль улиц,
а я встретил тебя на ветру.
И чтоб ты мне — сквозь дождь улыбнулась,
когда я тебе слёзы утру...

СУТЬ БЫТИЯ

Всё стало за ночь вдруг иным в природе:
неясно — лето ль, осень на земле?
Не слышно птиц в саду и огороде,
не светят звёзды, спрятавшись во мгле.

На сердце пусто, как зимой в ненастье
возле реки, где лишь ветра визжат.
Душа раскрыта, как ворота, настежь —
хоть на санях со свадьбою въезжай!..

Смерть не бывает лёгкой. Плачет лето,
струясь слезами из небесных дыр.
Сегодня осень празднует победу —
и светят щёки яблоками в мир.

Как будто хрупкой, призрачной межой,
из лета в осень пробираюсь я.
И понимаю чуткою душою
суть бытия...

ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ

Труба заводская дымит до небес,
закрыв дымом поле, и речку, и лес.
Но в городе тоже деревья растут,
корнями-когтями о камни скребут.

Здесь красные падают с неба снега.
Весна здесь, как осень, скупа и строга.

Лишь в лавках цветочных среди тесноты
здесь можно увидеть живые цветы.

Здесь в розах без пчёл погибает нектар.
Здесь родина яблок и вишен — базар.
Плакучие ивы гурьбою калек
склонились над мутными водами рек...

Но сколько природу не мучь — всё жива!
Растёт в стороне от асфальта трава.
Поют соловьи у берёз на плечах.
И кружится бабочка в солнца лучах.

ОДИН МОЙ ДЕНЬ

Кто враг, а кто друг мне — уже не могу разобрать,
закрывшись от мира поэзией, как гермошлёмом.
Седым стариком я ложусь ночью спать на кровать,
а утром опять поднимаюсь юнцом несмышлёным.

Из слов выбираю лишь те, что собой хороши.
(Так летом девчата цветы собирают в букеты.)
На небо смотрю, чтоб омыть им просторы души,
чтоб снова глаза стали чистого синего цвета.

Чтоб руки мои не казались вам слишком грубы,
когда пожимать вам ладони в приветствии стану,
иду я к лесному ручью — чтобы с рук и с судьбы
он смыл мне всю чёрствость, её унося к океану.

И каждое утро я, будто впервой, за порог
иду, как ребёнок, шагая в мир душный и зыбкий.
И мир, что обычно предельно серьёзен и строг,
глядит на меня сквозь рассвет с добродушной улыбкой.

И долы с лесами сулят мне любовь и успех
и верят мне без доказательств, а так, между прочим.
Улыбчивы люди. И души открыты у всех.
И нет разделения их — на друзей и на прочих.

Иду, пролагая дорогу сквозь дни и дела,
к далёкому счастью, что спит медвежонком в берлоге.
Душа полна солнца, и нет в ней ни капельки зла
на тех, кто меня обогнал, оттолкнув по дороге.

Но вдруг застигает мне чистое небо гроза,
скрывая мечту мою ливнем плотней, чем туманом.
Качается роща, гремят надо мной небеса —
как будто я в драку вступил со вселенским обманом.

Я падаю в грязь, поднимаюсь и снова иду,
опять спотыкаюсь и падаю снова и снова.
Вот кто-то лукаво меня вовлекает в беду,
шепча в моё ухо обманное, лживое слово.

Вот кто-то кричит моё имя и машет сквозь мрак
пылающим факелом, чтобы не сбился во тьме я.
А кто-то кричит: «Не ходи туда, слышишь, дурак?!» —
и зло от добра отличить каждый раз всё труднее.

От них отмахнувшись, я мчусь через тёмный простор,
боясь опоздать до того заповедного часа,
когда горизонт запирают, как дверь, на замок,
чтоб ночь не украли из снов наших вести о счастье.

И я успеваю — лишь начали дверь закрывать!
Я поттираю устало с лица полотенцем...
Седым стариком я сегодня ложусь на кровать.
А утром опять поднимусь несмышлёным младенцем.

ОДА ВРАГУ

Если за ночь в душе моей, как на лугу,
вдруг погибнет цветок бестелесный,
то к утру — не любимому мною врагу
уже будет об этом известно.

Как бы я ни хотел — от него мне не скрыть
все прорехи в судьбе и помехи.
Но не хочет и глаз он порою открыть,
чтоб мои обнаружить успехи.

Он чернеет лицом, как от тысячи бед,
если видит, что я улыбаюсь.
Но руки не подаст и не скажет совет,
если я в безысходности маюсь.

Он со мной и культурен, и вежлив, и — да! —
не похож на нахала и хама.
Он мне в сердце глядит, но при том — никогда
не посмотрит в глаза мои прямо.

Он мне нужен. Его сам Аллах мне послал!
Я смотрю на него — и меняюсь.
Если б он вдруг исчез, то откуда б я знал,
где я прав, ну а где — ошибаюсь?..

ВОЛНА

Как были берега реки безгрешны!
В садах висели звонкие скворешни.
В природе — ни жестокости, ни фальши.
Так почему ж волна умчалась дальше?

Чтобы холмы высокие, как лбы,
не наблюдали ход её судьбы,
она всплеснула брызгами — и вскоре
исчезла в синем и бескрайнем море.

Дрожат у чаек слёзы на глазах.
Здесь даже звёзды вечные — в слезах!
Не виден берег, где растёт трава.
Лишь синева вокруг, лишь синева.

Там, у реки, цвели в лугах цветы,
росли деревья, травы и кусты.
Так почему ж волна спешила вдаль,
где — ничего, лишь слёзы и печаль?..

ПАМЯТНИКИ

Не уместить в себе вселенской красоты!
Просторы Родины до песни сжать не просто.
Поэт глядит на нас с гранитной высоты,
хотя при жизни — среднего был роста.

Мы — просто люди. Мы не бронза, не гранит.
Хотели б лучше быть, но выросли — такими.
Любой из нас для собеседников открыт.
Мы мудрецы порой, но чаще — простаки мы.

Но запоем мы — и во все концы страны
летят слова, что сотням душ людских созвучны.
Пусть не гулять нам возле кратеров Луны,
зато с родной землёй вовек мы неразлучны!

Мы просто люди. И под памятником мы
частенько сходимся с друзьями тесным кругом.
Отлиты в бронзе наши лучшие умы...
Но им встречаться — не дано друг с другом.

*Перевод с татарского
Николая ПЕРЕЯСЛОВА*

РАЗИЛЬ ВАЛЕЕВ

«Я ДУМАЮ СЕРДЦЕМ...»

Туфан¹

Написал это таинственно-могучее слово на белом листе бумаги и остановился. Как-то пугает оно меня, в нём будто соединились тревога и буря, достоинство и величие. А историческое значение имени Туфан ещё более широко и глубоко. Это слово и это имя, окунаясь в пучины веков, через тысячи бед и лишений дошли до наших дней, во многом став созвучными татарской судьбе...

Человек, озабоченный будущностью своего рода-племени, вряд ли даст своему ребёнку случайное имя. Наверное, родители Туфана ещё до рождения сына предрекали ему трудную, беспокойную, но великую судьбу, вот и назвали таким необычным и редким для татар и в то же время многозначительным именем.

Почему я так много о нём говорю? Наверное, потому, что найденное родителями и прощёпанное в ушко младенца имя — это своего рода жизненный зов, уместившийся в одно слово голос судьбы. Носитель такого имени невольно старается оправдать его, быть достойным его. Чтобы оно соответствовало своему значению и назначению. А как это трудно — быть достойным имени Туфан!

Написал на листе бумаги «Туфан» и задумался... До сих пор я был уверен, что хорошо знаю Туфана Миннуллина, — мы общаемся уже около сорока лет... Но когда я сел за стол, то как-то растерялся, как мальчик из сельской глубинки, впервые увидевший море. Видимо, общаясь с этим человеком на протяжении долгого времени, читая его книги и внимательно просматривая постановки пьес, я, при всём восхищении его талантом, видел не море целиком, во всём его великолепии, а лишь отдельные волны и только временами вдыхал, захлёбываясь, морской воздух. А когда я заново ощутил душой и прочёл сердцем все книги и статьи Туфана, нанизал на одну волшебную нить все его действия и поступки, то будто впервые со всей серьёзностью, по-настоящему проникся его величием. И стал ещё лучше понимать Туфана — ещё раз открыл его для себя, но уже на более высоком уровне.

Сегодня он по праву считается ведущим татарским драматургом. Но когда-то он был знаком и дорог нам как мастер коротких, как летняя ночь, и плотных, как ядрышко ореха, рассказов, в которых автор описывает простодушных и в то же время в чём-то своенравных и хитроватых сельчан, — любя и превознося, гордясь и посмеиваясь, даже слегка «покалывая» их своей иронией, меткой критикой.

Взяв в руки эти рассказы, написанные три-четыре десятка лет назад, я испытал какое-то двойственное чувство. Стоит ли их перечитывать? Ведь не секрет, в детстве каждый холм кажется Эверестом, а ручей, который по колено воробью, — большой рекой... Романы некоторых писателей, в своё время считавшихся классиками, сейчас воспринимаются как бесконечная рядовая газетная статья... Может, не трогать огрубевшими от времени руками творения Туфана, когда-то приносившие праздник в твою бесхитростную душу?..

Всё же, преодолев колебания, я стал читать. И уже не мог оторваться, радуясь, что книги эти с честью выдержали испытание временем и по-прежнему трогают сердце. Через сито моей души ещё раз прошли не только рассказы, но и пьесы, повести, стихи, рубаи, дневниковые записи Туфана Миннуллина... И автор предстал передо мной ещё более масштабной фигурой, превратившись в аксакала нации, живущего заботами

1 Туфан (тат.) — потоп, наводнение; море, лавина; град, поток.

и тревогами за её судьбу, пишущего, творящего и действующего, зачастую самоотверженно, во благо народа, во имя его будущего.

Я всегда знал, что плохой человек не может писать хорошие произведения. Можно писать мастерски, образно, но, если в основе души автора не лежит доброе начало, читатель всё равно не примет его работу. Творческий человек должен прежде всего быть искренним. С одной стороны, быть искренним вроде бы нетрудно. Разве трудно рассказать людям о своих мыслях и чувствах?! Однако это в лучшем случае называется простодушием, а простофиль в народе никогда не жаловали. По-настоящему искренний человек делится с другим не только тем, что лежит на поверхности души, но и самым сокровенным — чувствами, сомнениями, ошибками и страхами. И этим отдаёт себя на суд читателя.

В сердцевине каждого произведения Туфана Миннуллина лежат искренность и тревога за судьбу народа. Иногда мне кажется, что он чересчур обнажает свои чувства, бывает откровенен даже больше, чем нужно. Однако читатель воспринимает его вместе с ошибками, понимает, оказывает духовную поддержку, начинает считать его «своим», близким человеком именно за эти бесхитростные, откровенные чувства, искреннюю душу. Ведь читатель очень хорошо знает, что человек со скверными мыслями никогда так не обнажит свою суть.

Чтобы стать действительно великим, народным писателем, наряду с искренностью необходимо обладать ещё целым рядом качеств. Я не говорю сейчас о богатстве языка, умении мастерски закручивать сюжет и других профессиональных данных — всё это бесспорные вещи. Впрочем, как ни странно, произведения, написанные пёстро и вычурно, зачастую сверкают, как бабочки-однодневки, а потом забываются, куда-то пропадают.

Писатель прежде всего должен найти самое больное место человека, самую большую его рану и своим произведением «залечить» её, как чудодейственными травами. Значит, писатель должен пропускать через свою душу переживания и тревоги окружающих его людей, а если брать шире — судьбу всего народа. Для этого в первую очередь необходимо быть личностью.

А сильная личность — это, как правило, человек, у которого есть великая цель и которому есть что сказать. Человек, хорошо понимающий, где и как нужно это сказать. Туфана Миннуллина я знаю именно как личность, обладающую этими качествами и достоинствами, и поэтому воспринимаю и уважаю его целиком.

То, что у него на душе, он может прямо сказать и другу, и врагу. Иногда может обидеться или обидеть, но никогда не встанет в позу, в общении держит себя на равных как с дворником, так и с президентом. Когда речь идёт о судьбе народа, страны, он никогда не останется в стороне, напротив, несмотря ни на что, яростно бросится в самое пекло.

Он может завладеть мыслями многих. Когда его спрашивают, почему наши мудрые руководители прислушиваются к его словам, Туфан отвечает с улыбкой: «Они думают головой, а я — сердцем. Разница только в этом».

Я много думал о тайне, волшебной силе его произведений, старался понять их. И пришёл к простому выводу. Талант, творческое своеобразие Туфана Миннуллина заключаются в умении любить людей, природу, жизнь вообще. Иные, возможно, скажут, что Туфан иногда и сердится, и гневается, и ненавидит. Да, когда надо, он бывает и сердитым, но это чувство представляет собой такую «сердитую озабоченность» за народ. Отрицательные герои в его произведениях — не пропащие люди, они скорее люди обманувшиеся, запутавшиеся в дебрях своей судьбы. Они тоже дети Туфана, и они также имеют право на жизнь на этой грешной Земле, ибо они — творения

Божьи. Даже ангел смерти Азраил, приходящий за душами людей, волей Туфана Миннуллина постепенно меняется в лучшую сторону, и сердце писателя само начинает симпатизировать ему.

В повседневной, материальной жизни всего хватает — и плохого, и хорошего. Пойдешь в лес — можешь сорвать ядовитый гриб, а можешь — прекрасный и нежный цветок. Каждый находит то, что ищет. Туфан Миннуллин ищет Красоту. И когда её находит, он торжествует, а когда не находит, переживает всей душой. Поэтому, когда читаешь его произведения или смотришь его пьесы, в усталую душу будто вновь вливается энергия, хочется делать добрые дела, самозабвенно любить и жить полнокровной жизнью.

Говорят, если хочешь узнать человека, вернее, то, что он собой представляет, нужно ехать на его малую родину. Истоки, среда, люди — всё это оставляет в художнике неизгладимый след. Я довольно хорошо осведомлён о деревне Мереткозино Камско-Устьинского района — и в произведениях Туфана о нём читал, и от людей слышал. Приходит лето, и Туфан везёт в свою деревню самых близких по духу людей. То баньку с шутками-прибаутками построят, то ещё что-то по хозяйству сделают. А вернувшись в Казань, делятся впечатлениями, вспоминая разные «приключения» и забавные случаи. А мы с открытым ртом и с белой завистью слушаем.

Я же всё собирался съездить в почти легендарное село, но побывал там совершенно неожиданно. Однажды Туфан ага предложил мне: «Слушай, поехали через весь Татарстан на телеге! Ты, я, Марсель Галеев — втроём, в общем». В Азнакаевском районе супруге Туфана Миннуллина, знаменитой артистке Назибе Ихсановой земляки подарили на юбилей великолепную породистую лошадь. Конечно, это благородное животное должны были доставить на машине, но Туфану захотелось на лошади проехать до Мереткозино. И вот мы втроём, с детства влюблённые в коней, отправились в путь.

Это предприятие вначале представлялось мне каким-то детским дурачеством, таким поэтическим вздором. Но, увидев внезапно помолодевшего Туфана Миннуллина, и мы словно сбросили со своих плеч неподъёмный груз прожитых лет. Пять дней и ночей мы добирались до Мереткозино, ругая грузовики, от которых покрывалась пылью наша телега, покашивая сено на попутных дугах, валяясь на лесных полянах с их ароматными, слегка кружащими голову травами. Проезжая развалины Булгара, уже на берегу Волги Туфан показал рукой: «Вон там, за горами-холмами, и стоит Мереткозино». Встретить нас вышла большая баржа, чуть не с километр длиной. «И это по-туфановски», — подумал я про себя. Но главное удивление было впереди.

За этими приключениями я уже начал представлять себе, что село Мереткозино — это не что иное, как волшебный и счастливый остров где-то за горою Каф. Вот, на-

конец, на краю горизонта показались дома, в вечерних сумерках высветился минарет сельской мечети. Улицы, тропинки, заборы, ворота, дома почти такие же, как в нашей деревне. Вроде ничего удивительного.

Я посмотрел на Туфана абый. А он, будто позабыв обо всём на свете, застыл верхом на лошади, как падишах, обзирающий свои владения. Здесь всё ему дорого, близко, и его в деревне встречают как близкого человека, любят его, верят ему. И мечеть, и дорога, и дом здесь построены им. Здесь не только его малая родина, здесь будто его независимое государство. Он с такой любовью рассказывает о каждом дереве, о каждом кустике в саду, что мы незаметно для себя влюбляемся в это действительно чудесное село Мереткозино.

На второй день мы на машине отправились в Казань. Туфан не поехал с нами, остался в деревне, словно ребёнок, не желающий вылезать из объятий матери. Долгое время мы ехали молча; каждый из нас вновь и вновь распутывал клубок памяти, переживая перипетии этого путешествия.

Да, чтобы быть истинным писателем, прежде всего нужно иметь крепкую основу, твёрдую почву под ногами, любимый и любящий тебя край, родную деревню. Если крона творчества Туфана раскинулась на весь татарский мир, то корни его здесь, в Мереткозино. Однажды он сказал: «Я не признаю писателя великим, пусть его слава докатилась до Москвы и Парижа, если его не уважают и не принимают близко в родной деревне».

У Туфана Миннуллина есть много качеств, отличающих его от других людей. Одно из них — нежелание летать воздушным транспортом. Куда бы он ни ехал, в какую бы тьмутаракань ни направлялся, в самолёт ни за что не сядет, выберет поезд или машину. Не знаю, в чём здесь причина, но сам я примерно так объясняю эту, если хотите, причуду... У Туфана в душе столько мыслей, чувств, каких-то задумок, деталей, что он, видимо, не верит, что у самолёта хватит сил всё это поднять. Земля не отпустит, обратно к себе притянет. А иногда я думаю так: он максималист, во всём доходит до конца, до самого края. Может, он боится, что если хоть раз оторвётся от Земли, то уже никогда на неё не вернётся — всё будет лететь и лететь, аж до звёзд?..

Кому-то может показаться странным, что я просто, без всякого приукрашивания, изображаю крупнейшего писателя, неординарную личность, признанного драматурга, словно он бесхитростное дитя. А ведь в каком-то смысле это действительно так. Разве человек с недетской душой стал бы в Московском Дворце съездов зачёркивать букву «А» на стоящей перед ним табличке «ТАССР»? Это были годы, когда Татарстан пытался выйти из рамок автономии и заявлял о желании, вернее, требовал, чтобы ему предоставили союзный статус. Туфан Миннуллин в то время — народный депутат СССР. Когда Татарстан объявил о своём суверенитете, Туфан абый и вычеркнул «А» в аббревиатуре «ТАССР». Табличку переправили, а он снова вычеркнул. И так несколько раз. Наконец терпение организаторов истощилось, и они оставили укороченную аббревиатуру в покое. Что это, как не детскость, своего рода ребячество?! Но ведь дело касалось вековых чаяний народа. А стремление по-ребячески, просто-душно донести их до других говорит о том, что Туфан Миннуллин во Дворце съездов не был обычным депутатом, он по-прежнему оставался писателем и незаурядной личностью. Ведь настоящий писатель — это «умный ребёнок», божественный талант, всю жизнь не теряющий «детскости».

Туфан Миннуллин не любит людей инертных, спящих на ходу, бездеятельных, бестолковых; вообще не любит пустоту в обществе, в жизни. Там, где он бывает, всё оживает и, как он сам, приходит в движение. Комнаты и залы наполняются

его громким голосом, бодростью, его мыслями и улыбками. Он ни к чему не равнодушен. Когда нужно, он умеет и гневаться, и удивляться, и восхищаться. Он рассказывает вдохновенно и слушает вдохновенно. Поэтому он везде желанен. У Туфана есть редкий дар — умение «заставить» людей скучать по нему... Он всегда говорит громко, его слышно чуть ли не за полкилометра. Своим рокотом он будто показывает: «У меня от вас, люди, никаких секретов нет! Пусть все услышат мои слова!»

Много удивительных качеств у Туфана Миннуллина. При встрече он широко распахивает объятия, искренне, душевно здоровается, но, прощаясь, никогда руки не протягивает. То ли вера в какой-то древний обычай, но я в этом вижу некий намёк и даже большой смысл. Ему словно не хочется прощаться, расставаться с людьми...

Разве не чудо — признание народом имени Туфан после великого татарского поэта Хасана Туфана?! «Младший» Туфан» пришёл в литературу, получив благословение от «старшего». Хасан Туфан в одном из своих стихотворений восклицает: «Талантлы син, Кеше туганым!» («Как талантлив ты, брат — Человек!»). А мне слышится: «Талантлы син, Кече туганым!» («Как талантлив ты, мой младший брат!»)

А талант Туфана Миннуллина заключается в умении жить судьбой нации как своей, в созидании прекрасных, ошеломляющих, таинственно-многозначительных произведений, в стремлении и умении быть частицей народа, его любимым ребёнком и верным, храбрым его защитником.

ОТ РЕДАКЦИИ. *Дорогой и уважаемый Туфан Абдуллович Миннуллин! Разиль Валеев так ёмко и образно рассказал в своём очерке о Вашем таланте, о Ваших личностных качествах, что мы убедительно просим Вас оказать честь литературному альманаху «Аргамак. Татарстан» публикацией тех или иных Ваших произведений.*

ЖЕНЩИНА, ЛЮБОВЬ, ВЕСНА

ЕЛЕНА КОЛЯДИНА

Дверь на чёрную лестницу

Повесть

ГЛАВА 1. В ДОРОГУ!

Супер! Я еду в Петербург! На все зимние каникулы!

Последний раз я была в Питере давным-давно, пять лет назад — целая вечность, хотя там живёт родная бабуля, Тамара Павловна.

Почему так получилось?

Когда мне было восемь, бабушка приехала к нам в Череповец, «присматривать за бесхозным ребёнком». Бесхозный ребёнок — это я: во втором классе я наотрез отказалась ходить в продлёнку, а встречать из школы и разогревать мне обед оказалось некому.

— Бросай работу, — решительно сказал папа моей маме. — Как-нибудь прокормлю вас, с голоду не умрём.

— Скажите, пожалуйста! — возмутилась мама. — Он нас прокормит! Почему бы тебе свою работу не бросить? Я не собираюсь хоронить себя на кухне, не для этого второе высшее образование получала.

Как раз тогда мама, учитель английского языка, окончила факультет психологии и с жаром работала в социальном центре для мальчиков-подростков.

Папа громко втянул носом воздух, нервно произнёс: «Я спокоен, я абсолютно спокоен», подошёл ко мне, поцеловал в макушку и ласково сказал:

— Машуля, походи в продлёнку ещё одну четверть! Всего одну! А Дедушка Мороз тебе плейер принесёт.

— Нет, — отказалась я и вцепилась в любимого мягкого медвежонка, словно он мог спасти от ненавистной продлёнки. — Там мальчишки толкаются, на прогулку строем водят, а запеканку я вообще ненавижу! Ну почему я не могу после школы домой приезжать?

— Маша, не дури! — вскипела мама и довольно нелогично — вот тебе и психолог! — добавила: — Ты уже большая девочка и должна понимать: ты ещё маленькая сама ездить из школы и открывать дверь двумя ключами!

Папа тяжело вздохнул — «придётся кланяться бабушке» — и пошёл искать телефон.

Бабуля, бодрая, энергичная, громогласная — сказывались сорок лет работы в шумном цехе ленинградского оборонного завода, приехала через неделю и задержалась на пять лет.

— А что делать, ребёнка надо поднимать, — в очередной раз громко сообщила она по телефону петербургской подружке Раисе Романовне.

Чтобы комната в коммуналке, в центре города, на Садовой, не пустовала без толку, бабуля решила сдать её квартирантке: скромной, аккуратной студентке.

«Да только где такую найдёшь?» — вздыхала бабушка.

Но девушка — вот удача! — нашлась сама: в Петербург приехала учиться внучатая племянница Раисы Романовны, она не хотела жить в однокомнатной квартире с дальней и почти незнакомой родственницей — одной удобнее, свободнее, сама себе хозяйка.

Раз в полгода бабушка ездила в Питер проверить, как она выражалась, «порядок в танковых войсках» и каждый раз не могла нахвалиться на Юлечку: никаких татуировок, пирсингов, голых животов, вся в учёбе, занимается научной работой — исследует родословную дворян старинной российской фамилии.

Однажды бабуля вернулась озабоченной, её явно что-то беспокоило, она надолго погружалась в свои мысли, бессвязно бормотала под нос и тревожно глядела сквозь меня.

Совершенно случайно я услышала её разговор с Раисой Романовной, впрочем, тогда я из него ничегошеньки не поняла!

— Рая, может, освятить, икону повесить? Что ещё в таких случаях делают? Чеснок? Кол осиновый? С чего ты взяла, что я смеюсь? А вообще-то я ни во что такое не верю, потом всегда выясняется, что это магнитная буря или солнечное затмение. Рая, ты не помнишь, в тот день не было магнитной бури? Тогда это вспышки на солнце, по телевизору говорили, из-за них даже компьютеры с ума сходят, что уж говорить о людях? Но меня всё-таки колбасит, как выражается моя внучка, как вспомню это... эту... Хорошо, хорошо, молчу! Ты права: не поминай лихо, пока оно тихо.

Чеснок, кол осиновый?! В фильмах это оружие применялось против вампиров, оборотней и — ой, господи! — оживших покойников.

Меня распирало любопытство, но что-то подсказывало: расспрашивать бабулю на эту тему бесполезно, она явно старалась сохранить загадочные события в тайне.

Впрочем, вскоре неунывающая бабуля опять повеселела, и я на время забыла её странный телефонный разговор с Раисой Романовной.

Прошлой осенью Юлечка сообщила бабушке: она пишет диплом и летом съедет из комнаты, собирается учиться дальше за границей — «тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, в Париже».

Бабушка положила трубку и заохала: придётся искать новую квартирантку!

— Довело дорогое правительство, — митинговала она, наливая мне суп с зелёным горошком. — Блокаду пережила, с четырнадцати лет пахала, а пенсия такая, что на лекарства не хватает, живу у родных детей в нахлебниках, комнату вынуждена сдавать — а что делать?

Но спустя три дня случилось горе, изменившее бабулины планы: Раису Романовну разбил инсульт. Левая рука и нога не действуют, написала по аське Юля. Бедная Раиса Романовна с трудом добиралась даже до кухни и туалета, не говоря о том, чтобы самой ходить в магазин.

«Не знаю, что делать! — писала по аське Юлечка и от волнения переставляла местами буквы. — Наверное, надо сиделку искать?»

«Никаких сиделок, — твёрдо продиктовала мне бабушка. — Можно подумать, кто-то будет возиться с больной старухой. Я сама Райку на ноги подниму! Она мне в блокаду...»

Бабушка на мгновение замолчала, сдерживая всхлип, потом собралась с силами и закончила:

«... в блокаду, в 1942 году, когда я еле ходила от голода, пять грецких орехов на Новый год принесла. Раечка, подружка моя любимая! Юлечка, ты не беспокойся, я тебе от комнаты не отказываю. Поживём до лета вместе, авось, не подерёмся?»

«Что вы, Тамара Павловна, — появился текст от Юли. — С такой интеллигентной женщиной, как вы, это исключено. Я, чтоб вам не мешать, с ноутбуком могу на кухне заниматься».

Бабушка приготовилась было продиктовать следующее послание, но внезапно споткнулась на полуслове, помолчала, тревожно взглянула на меня и сказала:

— Машуля, дай-ка я сама попробую написать. Что я, глупее этого... Билла Гейтса? Где нажать, чтоб отправить письмо?

Я уставилась на бабулю — что это с ней? Она же к компу подходит, только чтобы расправить мне плечи и пригрозить: испортишь зрение!

Странно... Что такое секретное бабушка хочет написать?

Я сделала вид, что ничуть не удивлена её внезапным желанием освоить общение по программе ICQ, для своих — по аське.

— Вот сюда подведёшь курсор, нажмёшь на слово «отправить», понятно? — разъясняла я бабушке. — Может, записать, чтоб ты не забыла?

— Разберусь, — нервно ответила бабуля. Она явно торопилась что-то спросить у Юли. — Что, я глупее этого... как его? Хакера? Иди-иди, делай уроки.

Я вышла из комнаты. Хакер! Откуда бабуля таких слов нахваталась? Не успела я взяться за учебник, как аська дважды пискнула утёнком, бабушка встала из-за компьютерного стола и засобиралась на вокзал, за билетом.

Как только она вошла в лифт, я подбежала к компьютеру и — каюсь, читать чужие письма нехорошо! — прочитала переписку Юли и бабушки.

«Юлечка, как там насчёт тех фокусов? Ничего такого больше не было?» — «Не было, Тамара Павловна, как дверь на чёрную лестницу закрыли, тишина и покой.» — «Я так и думала, что всё это примерещилось Петровичу с пьяных глаз.»

Какой фокус? Какая дверь? Что примерещилось? Так ничего и не поняв, я выключила комп.

Назавтра мы проводили бабулю, без неё в квартире стало пусто и одиноко, не думала, что так буду скучать по моей ворчунье! Оказалось — бабушка тоже очень грустит, так, что даже освоила Юлин ноутбук: «Чтобы ты не думала, будто твоя бабуля самая тупая, буду писать по аське».

Действительно, вечером аська весело и тонко крикнула и прислала сообщение из Петербурга:

«Машуля, внученька, очень скучаю, ужасно не хватает тебя! Обязательно приезжай на зимние каникулы, обещаю, они запомнятся тебе надолго! Твоя вредная бабушка Тамара».

Мама и папа на удивление легко согласились на мою самостоятельную поездку в поезде, но потребовали клятву: я не стану разговаривать с незнакомыми людьми, даже если это будет женщина!

— Клянусь! — быстро согласилась я.

И, чтобы не передумали, не стала задавать каверзные вопросы, можно ли вступать в разговоры с проводницей? В конце концов, зачем лишний раз родителей нервировать? Они и так мне все уши прожужжали маньяками, которые стаями подстерегают детей на улицах и увлакивают в лес.

В последнюю предновогоднюю неделю мы проехали по магазинам — собираясь в северную столицу, надо быть в теме, не чувствовать себя провинциальной мышкой. Мама согласилась со мной, сказала папе: «Ребёнок совершенно раздет!» — и он без слов пошёл на стоянку за машиной.

Мы купили классный пуховик, толстые колготки с узором, вельветовые шорты, высокие ботинки на толстой подошве со шнуровкой и маленькую футболочку в обтяжку с принтом двух улыбающихся черепов. Футболка, конечно, жуткий гламур, но черепа такие забавные!

На этом чуде не закончились: папа благосклонно разрешил мне слегка подкрасить волосы, осветлить несколько прядок, и меня распирало от гордости — наконец-то я выгляжу взрослой девчонкой, а не затюканной школьницей.

Я положила в рюкзак медвежонка цвета варёной сгущёнки — мой талисман, приносит удачу. Если честно, в этот раз под словом «удача» я имела в виду дружбу с отличным мальчишкой!

Нет, мне нравился один парень, но я понимала, что это несерьёзно — он популярный артист, снимался в сериалах и не подозревал о моём существовании.

Мне хотелось подружиться по-настоящему, а не мечтать о встречах, глядя в экран телевизора.

Не знаю почему, но было томительное и радостное предчувствие: я встречу в Петербурге весёлого, умного мальчика, он посмотрит мне в глаза и скажет: «Ты лучший друг, хоть и девчонка»!

Я думала об этом даже в поезде, всю ночь проворочалась на узкой полке.

ГЛАВА 2. КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА

Поезд благополучно прибыл на Ладожский вокзал, и я тут же послала родителям эсэмэску: мама взяла с меня клятву не пропадать, не отключать телефон, звонить — «Доченька, держи нас в курсе, чтоб мы не волновались».

Вагон проплыл мимо бабушки: она стояла на платформе, но быстро засеменила вслед за поездом, напряжённо вглядываясь в окна.

Я поколотила по толстому стеклу:

— Бабуля, я здесь!

Бабушка увидела меня, озарилась улыбкой и энергично замахала рукой: иди к дверям вагона. Честно говоря, меня указания уже достали! Ну почему родители и бабуля думают, что я не в состоянии даже из поезда сама выйти? Не успела я мысленно возмутиться, как заиграл мобильник.

— Доченька, ты? — закричала мама, она по телефону всегда вопит, как будто все глухие.

— Нет, не я, а моя сестра-близнец. Мама, тебя отлично слышно. Я же послала эсэмэску: «Доехала хорошо», террористов в вагоне не было, маньяков и психов тоже. Бабушка на платформе, я её в окно вижу.

— Слава богу! Папа рядом, тебе от него привет. Мы скучаем!

— Я тоже, — лицемерно ответила я и даже сквозь трубку почувствовала — от этого простого признания мамуля заулыбалась. Как мало родителям надо! — Всё, мамочка, пока!

Последние слова я сказала уже на платформе. Бабушка накинулась на меня, словно я на целый год уезжала в опасную экспедицию.

— Красавица, — громко, чтобы все вокруг слышали, воскликнула она. — Модная!

— Бабуля, не говори это дурацкое слово! — прошипела я.

— А как же говорить, если модная?

— В теме — сейчас так говорят.

— Хорошо-хорошо, не сердись. «В теме». Надо же...

Я взяла бабулю под руку — скользко! — и она повела меня в метро: «Нам до станции Сенная площадь».

Я не узнала Сенную, она изменилась, а бабушка сказала: площадь та же, просто ты выросла.

Новые сверкающие кафе, реклама и подсветка на домах, новогодние ели в витринах, гирлянды на балконах, деревья унизаны крошечными светящимися огоньками. Какая красота, как хорошо, что я приехала! От множества разноцветных огней на душе стало радостно: классно, я в Петербурге!

Самое забавное: я не узнала бабулин дом.

Бабушка сказала, потому что в моём возрасте пять лет — это целая жизнь.

Мы остановились на противоположной стороне улицы, мне хотелось рассмотреть дом — старинный, величественный, хотя всего четырёхэтажный, не то, что наш панельный, в Череповце.

Если быть точной, когда-то этажей было пять, но первый наполовину ушёл в тротуар, и его окна-витрины сверкали из брусчатки, как полуприкрытые кошачьи глаза.

Как и все здания на Садовой, дом стоял впритык с соседними, а во двор вела приземистая, сумрачная арка справа от подъезда.

— Подворотня, — с удовольствием объяснила бабуля. — Оттого так называется, что раньше в арке были чугунные ворота. Дворник запирали их на ночь, чтоб никто не шастал, чтоб порядок был.

— И подъезд запирали?

— Парадное, — поправила бабушка. — В Петербурге говорят не подъезд, а парадное. Потому что эта лестница парадная, а во дворе есть ещё лестница чёрная.

— Чёрного цвета? — в шутку спросила я.

— Нет, там чёрный ход: для черни, то есть для прислуги. Да и окон на той лестнице нет, поэтому чёрная в буквальном смысле.

— Ты никогда не говорила, что у вас в квартире есть прислуга.

— Сейчас, конечно, нет, а до 1917 года была.

— Вот тебе и на! Сколько же дому лет? Я думала, пятьдесят.

Бабушка засмеялась: как же пятьдесят, если она здесь родилась 72 года назад? И велела внимательно поглядеть под крышу.

Я пошарила глазами по стене над последним этажом и увидела лепную цифру, освещённую светом из окна, — 1868.

— Наш дом построен в 19 веке, — пояснила бабуля. — Как и все дома в округе, он был доходный: владелец сдавал квартиры внаём и получал доход.

— Как ты с Юли?

Бабушка засмеялась: что-то вроде этого, только квартиранты побогаче были.

Мы перешли проезжую часть, бабушка назвала её мостовой: «Осторожно через мостовую, погляди, нет ли трамвая?», и подошли к дверям. Именно к дверям, потому что их было две рядышком. Никогда не видела, чтобы в подъезд вели сразу две такие огромные витиеватые двери, разве что в кино!

Бабуля объяснила: дверь дву-створчатая — ну и слово, не выговоришь.

Сразу видно, старинные, сейчас таких не делают. Сейчас двери из железа с домофоном, а эта из резного дерева с эмалированной табличкой.

Вот это да! Я смутно помнила, что подъезд, то есть парадное, у бабушки большой, высокий. Но всё остальное совершенно выветрилось или вообще не отложилось в голове. А тут оказался настоящий музей! Лестница царских размеров, к ней вёл проход, выложенный истёртыми каменными плитами. Справа в стене ещё одна высоченная дву-створчатая — не сразу произнесёшь! — дверь, а слева — камин! Самый настоящий, у нас такой на даче, только гораздо меньше.

— Бабушка, вы здесь огонь разводите?

— Что ты, Машуля! Подозреваю, огонь здесь не разводили с дореволюционных времён, видишь, всё закрашено.

Действительно, каменное обрамление и очаг были замалёваны синей краской. Зато над камином висело огромное зеркало, очень старое, судя по тому, какое мутное и тёмное.

— Тоже с 1868 года? Как его хулиганы не разбили?

— До 1917 года бить было некому, — хмыкнула бабуля, — здесь жили интеллигентные люди. Нашу квартиру, например, занимали инженер путей сообщения с супругой-художницей.

— А после этого твоего 1917-го?

— Легенда нашего парадного гласит: детей пугали этим зеркалом, поэтому никто на него не покушался — боялись.

Боялись? Чего? Может, это вход в королевство кривых зеркал?

Бабуля вдруг спохватилась и принялась бормотать: чушь, глупости, пристала с ерундой!

От её уклончивого ворчания мне стало ещё любопытнее, я вгляделась в мутное стекло — что за тайны, в самом деле! — и вцепилась в бабулин рукав: не пойду, пока не скажешь!

— Тёмный народ болтал глупости, а я должна повторять? — поджала бабуля губы.

— Бабушка, что ты тянешь, как в сериале?!

— Вот репей! — бабушка высвободила рукав, бросила взгляд на растрескавшееся стекло и нехотя выдавила: — Нам говорили: разобьёшь зеркало, ночью придёт дама в чёрном.

Честно говоря, я была уже не рада этому разговору.

В мутном зеркале вместо наших фигур расплывалось тёмное пятно.

— А кто она — чёрная дама?

— Откуда мне знать! Слава богу, я с ней не встречалась, — торопливо произнесла бабуля. — До утра здесь будем стоять?

Наверное, это то же самое, что страшилка про чёрного-чёрного человека, который живёт в чёрном-чёрном городе — мы её в лагере перед сном рассказывали?

И я завопила ужасным голосом:

— Отдай своё сердце!

Бабушка вскрикнула и принялась меня ругать:

— Разве так можно со старым человеком? Пошли!

Мы поднимались по огромной крутой лестнице: каменные ступени так истёрты, исшарканы, что стали волнистыми, между ступенями темнели забитые грязью металлические кольца.

Бабуля снова меня удивила: в колечки вставляли бронзовые прутья, и они держали на ступенях ковёр, чтоб не соскальзывал.

Ковёр?! На лестнице в подъезде? Умора. Его же затопчут за два дня и заплюют.

— Представь себе, не затаптывали и не заплёвывали! — пафосно воскликнула бабушка. — Помнишь твои детские валенки с галошами? Раньше взрослые люди тоже носили галоши поверх ботинок, внизу, на площадке, галоши снимали и по лестнице поднимались в чистой обуви. Правда, ковёр стелили не каждый день, а на праздники.

— На Восьмое марта?

Бабушка засмеялась, но тут же вцепилась в перила и стала тяжело дышать: передохнём минутку!

Нет, деточка, сказала она, Восьмого марта тогда не было, как и четвёртого ноября — праздники были другие: Пасха, Рождество, Вознесение, тезоименитство, то есть именины императора.

Бабушка прислонилась к колонне, а я поглядела на потолок: не плоский, а сводчатый, как будто много арок соединились одним концом. Бабуля отдышалась, мы наконец-то поднялись на последний этаж, там была всего одна высоченная и опять дву-створчатая дверь, а на ней — куча звонков! И чёрный, и белый, и пластмассовый, и металлический.

Оказалось, у каждого жильца свой звонок, чтобы знать, к кому идут, кто должен открывать дверь.

Бабуля указала на «наш» звонок, я нажала кнопку. Левая половина двери открылась, вышла светловолосая девушка в голубом спортивном костюме.

— Привет, Маша! Я — Юля, — сказала девушка, обращаясь ко мне. А потом к бабушке: — Встретили?

И отошла в сторону, к стене.

Я вошла в тёмный коридор, вернее, могучий коридорище.

Да уж, это не прихожая размером с домик хомячка в череповецкой панельке!

Наверное, такими были потайные тоннели в крепостных стенах: конец коридора тонул в полной темноте.

С обеих сторон угадывались закрытые двери, едва различимые по узким полоскам света, выбивавшимся из щелей.

Юля и бабушка шли и шли. Одна дверь, вторая, третья, четвёртая, сколько же здесь народу живёт? Интересно, муж с женой, про которых говорила бабуля, инженер и художница, вдвоём в таких хоромах не плутали? Да тут можно в «Ночной дозор» командой играть! Наверное, если крикнуть погромче, то будет эхо.

— Выйти из сумрака! — гаркнула я.

Юля засмеялась, а бабушка вздрогнула и перекрестилась.

— Да что на тебя сегодня нашло? Что ты орёшь? Типун тебе на язык!

И вдруг из сумрака действительно вышли — откуда-то из-за невидимого поворота и разнокалиберных дверей, и в коридоре оказалась небольшая толпа.

Разглядев бабушку, соседи загалдели, как толпа рэперов: никак Тамара, внучку встретила? Красавица! Да выросла-то как! Вот такусенькая последний раз была.

Я пожалала плечами: откуда все эти люди знали, как я выросла? Лично я никого из них не помнила.

— Соседи дорогие, — сказала бабушка голосом сказительницы из русской народной сказки, при этом она ещё плавно отвела руку. — Через часик прошу всех на кухню, по случаю приезда внучки будет торт с чаем.

— Чай без вина — пей без меня, — бодро ответил дед во фланелевой рубашке.

— Петрович, для тебя персонально — рябиновка, — галантно сказала бабушка.

— Другой коленкор! — крикнул Петрович.

Где я это имя слышала — Петрович? И вдруг в голове ясно всплыли бабушкины слова: «А может, Петровичу с пьяных глаз примерещилось?».

И я опять сердито задумалась: о чём, в конце концов, шла речь?!

Бабуля открыла одну из дверей, соседи растворились в темноте — видимо, разошлись по своим комнатам, и коридор вновь превратился в тёмный каменный тоннель.

— Машуля, ты где? Снимай ботинки перед дверью и входи, — донёсся голос бабушки, но я стояла под тёмными сводами, как заворожённая.

Настоящий подземный ход! Тут кому хочешь примерещится, не только выпивохе Петровичу. В такой квартирке вполне можно встретить кое-кого покруче чёрной дамы, фильм ужасов можно снимать или компьютерную игру создавать, «DOOM-3», например, никаких декораций не понадобится. А ведь раньше электричества не было, представляю, как ходили со свечами: пламя колыхалось от сквозняка, на потолке качались чёрные тени...

Я не успела дорисовать мысленную картину — сзади раздался тихий заунывный стон, по лицу повеяло холодным воздухом, он коснулся моих волос, подул в лицо...

Я вздрогнула, по телу пробежали мурашки. Мама-а! И я прямо в ботинках ринулась в комнату.

— Куда в обуви? — прикрикнула бабуля, услышав мой топот. — Сапоги и верхнюю одежду оставляй за дверью, в коридоре: на стене вешалка, под ней тумбочка.

— Ага, — стукнула я зубами и резким движением выбросила ботинки за дверь: пусть валяются, надеюсь, никто себе из-за них шею не свернёт.

Куда бы пуховик пристроить? В коридор выходить не хотелось — боялась задать себе вопрос: что ЭТО было?

Я торопливо прикрыла дверь и обнаружила, что стою в проёме стены длиной никак не меньше метра — вот это толщина, крепость средневековая! Проём был отделен от комнаты гипюровыми занавесками, подхваченными золотистыми шнурами. А на стене в проёме — крючки и один-единственный махровый халат.

Я с облегчением пристроила к халату пуховик и шагнула за занавески, в комнату.

Она оказалась такой уютной! Люстра с хрустальными подвесками — помню её! Торшер с темно-оранжевым шелковым абажуром — его я тоже вспомнила и умилилась: под ним бабуля читала мне в детстве книжки.

Оба светильника бросали мягкий, тёплый свет.

Вот бабушкина кровать — карельская берёза, китайское покрывало. Историю покупки я знала наизусть: деда наградили пригласительными билетами в универмаг, они поехали на трамвае... Я запомнила эту семейную легенду, потому что долго не могла понять, что такое пригласительный билет в универмаг?

А шкаф я совсем не узнала и телевизор в простенке между двумя окнами не запомнила: может, его не было?

Простенок-то знаменитый, бабуля любила вспоминать — я даже в сочинении на тему «День Победы» написала: «В 1942 году в дом моей бабушки попала бомба, она прошла сквозь четыре этажа и застряла в стене магазина!»

Страшно подумать, что пережила бабуля: дыра в стене, где сейчас стоит телевизор, но, к счастью, кладка была такая толстая, что жильцов даже не тронули — дом быстро восстановили, как выражалась бабуля, «без отселения».

Ой, кажется, на этом диване я спала маленькой!

— Нет, Машуля, не на диване, а на оттоманке, я её выбросила. Рухлядь, как ты говоришь, отстой, сто лет ей было в обед.

С 1917 года стояла, пошутила я. Оказалось, не ошиблась — мать бабули рассказывала детям: оттоманка и горка с уплотнения остались.

С какого уплотнения? Что это такое?

Бабушка замяла этот вопрос, засуетилась, заторопилась:

— Вещи выкладывай, переодевайся, мы же соседей на чай пригласили, надо на кухне стол собрать.

Юля подняла голову от ноутбука:

— Тамара Павловна, я одну строчку допишу, пока мысль не потеряла, и помогу.

Бабушка принялась вежливо отнекиваться, ах-ох, не надо, сами справимся, а Маша на что?

Я вытащила из рюкзака и надела шлёпки из голубого меха, усадила в кресло свой талисман — медвежонка, подошла к шкафчику со стеклянными боками, который бабушка назвала горкой, и достала чашки.

Бабуля оглядела меня и театрально заохала:

— Кофточка-то какая модная! Новая? Дорогая! Ой, балуют родители. А юбка короткая!

И дёрнула меня за шорты.

— Какая же это юбка? — проворчала я. — Шорты! Скажите спасибо, что не кожные с цепями!

— Это что за мода такая? Юлечка, ты посмотри на эту вертихвостку!

Юля заговорщически улыбнулась мне, показывая, что она на моей стороне, и примиряюще сказала:

— Ничего не поделаешь, Тамара Павловна, у каждого поколения свои представления о красоте. Я уверена, вы в шестидесятые годы носили мини-юбку и блузку без рукавов.

Бабушка с удовольствием заулыбалась, даже принялась напевать — вспомнила молодость! — но быстро оборвала песню и напустила суровый вид: уж как сейчас молодёжь одевается, стыд и срам!

Юля задумчиво смотрела на экран ноутбука.

— А дама из моей научной работы упала бы в обморок при виде вашего тогдашнего мини, Тамара Павловна. Судя по фотографиям, она носила чёрную муаровую юбку до щиколотки, чёрную кружевную блузу с длинными рукавами и чёрную вуаль.

«Опять дама в чёрном, — подумала я. — Да Питер просто заповедник таинственных женщин».

Юля встряхнула головой, вскочила из-за ноутбука, подхватила большое круглое блюдо — бабуля сказала «сахарница», и мы гуськом — я поспешно пристроилась в серединку, за бабушкой — вышли из комнаты.

ГЛАВА 3. ВОТ ЭТО КУХНЯ!

Бабуля возглавила нашу процессию, вышла в тёмный коридор, но тут же вскрикнула и едва не повалилась на меня.

С трудом удержав чашки, я подхватила её под руку.

«Какое-то проклятое место этот коридор, — мелькнула мысль. — Стоны, сквозняки, крошечная тьма, бабуля на ровном месте спотыкается»

Я не успела перечислить все странности — Юля пошарила по стене возле двери, и в коридоре впервые зажёгся тусклый свет.

Я поглядела поверх бабулиного плеча и увидела высокий тёмный потолок, электропроводку на фаянсовых изоляторах — на даче, на столбах такие, и обои, к которым больше всего подходило слово «выгоревшие».

Бабушка глянула под ноги и возмущённо сказала:

— Кто это ботинки посреди дороги швырнул? Чуть не убилась!

— Ой, бабушка, это мои, — призналась я. — Прости, милая, любимая!

— Ох, хитрушка, лиса патрикеевна — пожурила бабуля, с кряхтеньем нагнулась и поставила ботинки носками под тумбочку.

Мы пошагали по бесконечному коридору.

Но теперь горел свет, и квартира вовсе не казалась декорацией фильма ужасов: скорее склад скучных, даже занудных вещей.

Возле каждой двери — обычная, если не сказать убогая, дребедень и рухлядь: столик с телефоном, трюмо с зеркалом, велосипед, швабра, полочка с обувью.

Грудами висели пальто, куртки, и ничегошеньки, что могло стонать и дуть в лицо холодом.

Мы пару раз завернули за угол и вошли в кухню. Пять лет назад на кухню, меня, видимо, по малолетству, и не звали.

Юля щёлкнула выключателем, и я раскрыла рот от неожиданности.

Вот это да! С такими размерами кухня вполне могла служить поварской в царском дворце.

В центре уместился бы очаг с вертелом, на котором можно зажарить быка, я видела такой на картине!

Увы, на этом сходство с дворцом закончилось: крашенные-перекрашенные, закопчённые шкафчики и тумбочки, накрытые клеёнками, возвратили скорее в послевоенный Ленинград, только керосинки, как в кино, не хватало!

Допотопные полки на стенах — за поручни заткнуты эмалированные миски, облупленные ковши, и все из толстых досок, никакого пластика или ламината.

Я уставилась на газовые плиты: во-первых, их три, во-вторых, они на ножках, в третьих, конфорки толстенные, как чугунные колёса, никогда ничего подобного не видела!

Куда ни глянь — антиквариат: возле раковин на стенах — истёртые деревянные решётки непонятного назначения, окно с улицы до половины загорожено чем-то вроде собачьей конуры без одной стенки. Для чего всё это? Просто музей древнего быта!

Лишь на одном шкафчике стоял электрический тостер, да висела на гвозде тефлоновая сковородка.

Бабушка указала нашу тумбочку, мы сгрузили чайный сервиз, приборы, вазочки, и я покрутила головой: где же рассядутся соседи, ни одного нормального стола?

Но Юлечка с бабушкой привычно, не обсуждая, что да как, сдвинули на середину кухни четыре табуретки и выволокли из щели за шкафом лист фанеры, обитый яркой клеёнкой.

Положили его на табуретки, и получился большой, хотя и низкий стол.

— Традиция нашей квартиры, — гордо и грустно сказала бабуля. — Все горести и радости мы отмечаем на кухне. Так с войны повелось. Когда наши войска прорвали немецкую блокаду, собрались те, кто остался в живых: три женщины и пятеро детей,

девочек звали Тома и Рая. А что здесь было 9 мая 1945 года, в день Победы! Потом когда-нибудь расскажу, а сейчас надо чайники ставить.

Как мы будем сидеть за таким низеньким столом: на полу, по-турецки? Бабуля сказала: «Увидишь!».

Юля налила воду в электрический чайник, поставила на наш стол, а потом вытащила из тумбы ещё один чайнище — огромный, бабушка пошутила: «На роту солдат», металлический, тёмно-синий, с тонким изогнутым носиком, раздвоенным на конце, как клювик.

Такое ретро я видела один раз в жизни, да и то на фотографии в журнале.

Вот не думала, что такими чайниками ещё пользуются!

Сколько же здесь старинных вещей и откуда они взялись?

Я расставила чашки, блюдца и рассмотрела кухню внимательнее.

В углу возле окна притулился забавный древний шкафчик из тёмного дерева, в форме куска пиццы: задние стенки соединены под прямым углом, передняя полукруглая, с толстым стеклом, а внутри на полочках старинная надколотая да надтреснутая посуда — тарелочки, блюдца, вазочка, сахарница, статуэтка корзинки с яблоками.

Интересно, чьи это вещи, может, бабулины?

Оказалось, общие, бабушка так и сказала, «коллективная собственность квартиры»: вещи остались от той самой семьи — инженера путей сообщения и художницы.

Вещи тайком — не забыть спросить: почему тайком? — хранили жильцы комнаты Настасьи Ивановны, сейчас она придёт чай пить, и мы познакомимся.

— А почему хранили тайком?

— Время такое было, детка, мещанский быт не приветствовался, тем более опасно было беречь память о семье, которую... — Бабуля пожевала губами. — Жизнь которой окончилась очень печально.

Печально? Интересно, что с ними случилось?

— Погибли в сталинских лагерях, — помолчав, ответила бабушка.

И тут же — вот командирша! — зашумела, посыпала разноречивые указания. Неси торт из холодильника, попроси Юлечку принести конфеты и кофе, некогда, не до тебя, отстань с вопросами, потом, позже, за окном не собачья будка, а холодильник!..

Как — холодильник?

— Думаешь, всегда были электрические холодильники? — улыбнулась бабуля. — Нет, детка, кастрюли и чугуны с едой держали за окном: двор узкий, тёмный, в нём всегда прохладно. Иди за тортом скорее, болтушка!

С этим напутствием я бодро вышла из кухни, но тут же попала в крошечную тьму и, скажу честно, задрожала от страха: кто-то опять выключил в коридоре свет.

Я в растерянности стояла в квадрате слабого отсвета из кухни: в комнату идти страшно, назад тоже хода нет — неудобно мямлить бабуле, пережившей блокаду и бомбёжки, про сквозняк и потёмки.

Я вздохнула: делать нечего, надо идти, нашарила стену и осторожно засемила вдоль неё — поворот, полная темнота!

Мамочка, миленькая!

Я вела рукой по стене, осторожно шаркала шлёпками по полу, и вдруг пальцы наткнулись на что-то омерзительное — с мокрой шерстью!

От ужаса у меня так перехватило горло, что я не могла визжать.

Я отдёргнула руку, шарахнулась к противоположной стене и навалилась на неё: стена подавалась вглубь.

— А-а-а! — вскрикнула я.

— Кто там? — послышался сонный мужской голос, и я догадалась, что попала в чью-то комнату.

— Это Маша, Тамары Павловны внучка.

— Заплутала, что ли?

— Ага.

Скрипнуло кресло, а, может, диван, собеседник прошаркал в коридор и пошарил по стене: вспыхнула тусклая лампочка без абажура, она свисала на витом шнуре.

— Спасибо, — выдохнула я и через секунду узнала: мой спаситель — тот самый Петрович, вернее, Николай Петрович.

— Где комната, знаешь?

— Нет.

— Проводить?

— Если вам не трудно.

— А чего трудного, семьдесят лет здесь хожу, дорогу выучил: считай от меня три двери, ваша — четвёртая. Прилёт вздремнуть, пока чаепития ждал.

Я заверила Николая Петровича: чай будем пить буквально через десять минут, и оглянулась на стену, возле которой меня подкараулило страшное ОНО с мокрой шерстью.

Это была сырая от дождя шуба, она висела с кучей пальто и плащей возле низенькой двери.

Да что это со мной творится, с вороной пуганой?!

Петрович довёл меня до комнаты и пошёл назад.

Юля опять работала: хлебом не корми, дай уткнуться в ноутбук!

Я неплохо училась, любила читать, сидеть в интернете, но Юля — просто фанат учёбы, бабуля не преувеличила.

Бабушкина квартирантка вызвала разноречивое впечатление — подозрительная тихоня: стройная, милая, могла бы с парнями вечера проводить, не сохнуть над книгами.

В то же время Юлечкина жизнь вызывала зависть: студентка университета, занята научной работой, работает над книгой, будет учиться в Париже, мечтает о карьере — я бы хотела стать такой целеустремлённой!

Я подошла к Юле и посмотрела на экран: у большинства людей на рабочем столе плыли рыбки или зеленела долина, а Юля приспособила для обоев черно-белую фотографию, старинную, уж точно из этого бабушкиного 1917 года, если не из 1868-го!

На фотографии — семья: усатый мужчина в мундире, женщина в шубе с широкими рукавами, отороченными пышным мехом, и двое детей в коротких пальто и высоких ботинках. На голове у мальчика фуражка, а у девочки — шапочка с пышной оборкой.

Все четверо смотрели из прошлого чистыми взглядами, словно жили в мире, где не было обмана, войн или горестей.

Даже взрослые казались наивными, а уж дети — вылитые ангелочки.

— Кто это? — спросила я Юлечку, указывая на заставку.

Она пожала плечами: петербургская семья, есть ещё фотографии.

— Красивые люди, да? И фотография трогательная.

— Очень! — искренне согласилась я. — Но для обоев грустноватая...

— Согласна, но эта фотография настраивает меня на работу. Ты же знаешь, я собираю материал к диплому и заодно к книге по социологии на тему «Сословия Петербурга конца 19 — начала 20 века», мне показалось, снимок отражает её суть. Да и смотреть приятно — залюбуешься, какая светлая семья!

Мы принесли на кухню угощение.

Бабушка уже выставила рябиновку для Петровича, заварила чай, выложила зефир в шоколаде.

Я порезала торт, и бабуля пошла созывать соседей.

Вскоре в кухне стало тесно, а гости всё шли.

Я наконец-то увидела, как сидят за низким самодельным столом.

Просто, как всё гениальное, — жильцы входили, говорили: «Ух ты, красота какая!», выдвигали из шкафчиков ящики и садились на них.

Никогда ничего подобного не видела.

Если бы кто-то сел на ящик в нашей современной кухне в Череповце, всё бы развалилось, фанера и плита из стружки.

Но здесь крепкая мебель из цельного дерева.

Наконец, все сидели вокруг стола и оживлённо говорили, разливали чай, подхватывали и передавали куски торта.

Когда все принялись жевать, и гомон поутих, бабушка встала и торжественно — я решила, она сейчас начнёт кланяться в пояс, — сказала:

— Соседи дорогие! Спасибо, что пришли, уважили меня и внучку. Машенька, по-здоровайся!

Чёрт, что у бабушки за манера обращаться со мной, как с дошколёнком?

«Поздоровайся с тётей! Расскажи гостям стихотворение!».

Я недовольно свела брови, но улыбнулась и несколько раз кивнула по кругу.

— Красавица! — сказали соседи хором.

Потом дружно помитинговали по поводу повышения цен и тарифов на услуги ЖКХ, после каждый одновременно говорил своё, как в опере, на которую нас водили классом.

А затем Петрович, ополовинивший бутылку рябиновки, повёл рукой, требуя тишины, и обратился к бабуле:

— А тут без тебя, Тамара, были дела... Чёрт-те что творилось. Я даже знакомого экстрасенса звать хотел, но он отказался: чёрная магия, сказал, не по моей части, я только биополями занимаюсь, исцелением энергетических потоков. Выкрутился, в общем, побоялся связываться.

В середине речи соседи перестали есть торт и напряжённо замолчали.

Правда, один из соседей попытался Петровича прервать, мол, уймись, в другой раз про свои видения расскажешь.

Но Петрович заартачился:

— Извините! При чём здесь МОИ видения? Я, позвольте, был трезвый, как стёклышко, всего бутылку пива выпил.

— Тогда, конечно, трезвый, — гости засмеялись наигранным смехом. — Как огурец!

— А я говорю, была она, вот здесь стояла! — махнул в сторону ещё одних закрытых дверей Петрович.

— В самом деле, Николай, после поговорим, — сказала бабуля и взволнованно посмотрела в мою сторону. — Нашёл тему, ещё про инопланетян вспомни.

— Инопланетян не встречал, чего нет, того нет, а даму — как Лидуху — видел.

И Петрович дёрнул головой в сторону двух соседок, сидевших напротив окна.

От этих слов, вернее, одного слова — «дама», я вздрогнула и уронила на стол кусок зефира.

В голову ворвался рой мыслей, я не успевала обдумать одну, как её сбивала другая, от вопросов темнело в глазах: про какую даму сказал Петрович? Чёрная дама — это она? Почему бабушка предлагала пустить в ход чеснок и осиновый кол? Какие «фокусы»? Какая дверь? Если всё зависит от двери, при чём здесь зеркало в парадном? Или оно и есть «дверь», проход ТУДА? А куда — туда?

Одна из соседок-пенсионерок, видимо, та самая Лидуха, после слов Петровича изменилась в лице и возмущённо замахала руками:

— Замолчи, болтун старый! Господи, прости!

Да-а, компания подобралась ветеранская.

Бабуля с жаром уверяла меня, мол, мы тут по сто лет живём, лучше нашей квартиры нет, и тихая она, и уютная. Соседи подхватили бабулину речь и загалдели — наперебой рассказывали, как дружно и мирно живут, помогают друг другу с давних пор. Затем пенсионеры плавно перешли к любимой теме: раньше жизнь лучше была, веселее, хотя жили все бедно!

И только я заскучала от мысли: в квартире нет моих ровесников, даже поговорить не с кем, вошёл мальчик моего возраста.

В кухне вдруг стало светло — ярко вспыхнула тусклая лампочка.

Чёрная дама, двери, зеркало собрались в клубок, взвились, улетели прочь, и я про них совершенно забыла.

ГЛАВА 4. ЗНАКОМСТВО

Стол закачался и исчез, соседи расплылись, затих их гомон, и растворились стены кухни — я видела только подростка, моего ровесника или чуть-чуть старше.

Высокий, стройный, худенький, но не тощий, тёмные волосы коротко пострижены и взлохмачены гелем.

Мне понравились чёрные джинсы и светло-серый джемпер — на груди крупными мазками изображён смеющийся череп: терпеть не могу скучных мальчишек в унылых футболках с рынка.

Это совпадение: у него и у меня на одежде смеющиеся черепа, показалось мне не случайным — у нас явно общие интересы, и мы сможем подружиться.

Мальчик бросил взгляд в мою сторону, но тут же отвёл глаза и смущённо потёр лоб под чёлкой: я догадалась — стеснялся розовых прыщиков, которые совершенно его не портили!

Я приветливо посмотрела на мальчика, а через секунду узнала его имя.

— Илюшка! — закричали соседи. — Иди-иди за стол, а мама где?

— На работе, годовой отчёт закрывает, сказала, поздно будет. Я в квартиру вошёл, слышу — на кухне шум. По какому поводу банкет?

Пока гости хором отвечали: «Тамара, наконец-то, внучку привезла показать, Машеньку», Илья обошёл стол, вытащил из шкафчика нижний ящик, опрокинул, накрыл кухонным полотенцем и привычно уселся.

Стало ещё теснее и жарче, но на меня накатило веселье.

Давно у меня не было такого отличного настроения!

Я словно бежала сквозь летний дождик, а с высокого неба лилась радостная песня о верной и крепкой дружбе.

Как хорошо, что я приехала к бабуле!

Почему она не рассказала, что в квартире живёт такой симпатичный парень?

Хотя, кажется, она упоминала имя «Илья», но никогда не говорила, что он мой ровесник — красивый, но не развязный, явно умный, но не занудный зубрилка.

Бабуля о чём-то спросила, и я нехотя «вернулась» к гостям.

Петрович уже подрёмывал, прислонясь спиной к столу, бабушки тоже поутихли и беседовали парами.

— Илюша, как на улице? — спросила бабуля, наливая мальчику чай.

— Дождь.

— Опять! Ну что за погода! — вострепнулись соседи. — Новый год через два дня, мороз нужен! Студень не застынет, как в том году. Вот раньше зимой погода была, так погода: снега по колено, мороз трещит!

Мы с Ильёй встретились взглядами, он наклонил голову и, заговорщически улыбаясь, глазами указал на шумных соседей, мол, разошлись ветераны!

Я закусила губу от смеха: соседки затаили частушки, но быстро запыхались.

— Илюша, открой в кладовой окно, пусти свежего воздуха, — попросила бабуля.

Тут ещё и кладовая с окном есть? Какая-то бесконечная квартира!

Илья пробиравлся вокруг стола, я тоже поднялась, выдумывая для бабушки на ходу: «Ой, жарко, хочу посмотреть кладовую, никогда не видела кладовки с окном», и выскочила вслед за мальчиком.

Он подошёл к закрытой двери, на которую указывал Петрович.

— Можно с тобой? — спросила я.

— Конечно! Бабушки хорошие, я их всех люблю, но слегка утомили, каждый раз поют частушки-нескладушки, погоди, ещё плясать будут — Петрович принесёт баян.

Илья пропустил меня вперёд, мы оказались в коротком низком коридорчике.

Закрыли дверь на кухню, и сразу стало тихо: понятно, стены и двери в доме очень толстые.

Я покрутила головой, огляделась.

На противоположном конце коридорчика угадывалась комната, наверное, та самая кладовка с окном?

Слева — небольшое окно с широким подоконником и маленькой форточкой, к ней почему-то привязана верёвочка.

Справа снова дверь — сколько их в этой квартире?! — мощная, железная, если бы не белая краска, копия — в камеру форта Боярд.

Мы почему-то заговорили почти шёпотом.

— Интересная квартира, — сказала я. — Проходы, переходы, без навигатора не разберёшься.

— Точно, классическая петербургская.

— Ни разу в жизни не видела, чтоб из кухни ещё куда-то можно было идти.

Илья рассказал: раньше эта часть квартиры называлась людская, здесь жила прислуга, неграмотные приезжие бедняки второго сорта. Окна в хозяйских комнатах — на широкую улицу, а из кухни и людской — во двор-колодец.

Белая железная дверь — на чёрную лестницу, по ней заносили дрова, бельё из прачечной, к прислуге гости проходили.

Мне захотелось выглянуть: никогда не видела чёрных лестниц.

Но Илья объяснил: дверь давно не открывали, кажется, потеряли ключ.

Я с сожалением вздохнула, и мы пошли смотреть кладовую.

Илья пояснил: поварихи и горничные в этой комнате давным-давно не живут, соседи складывают в ней ненужный хлам.

Неожиданно Илья взял меня за руку, вернее, за запястье.

Я сделала вид, что ничего не замечаю. Просто не знала, как реагировать. Вырывать руку — глупо, что я, маленькая?

— Всё только начинается, начинается! — пропела я.

— Попсу любишь? — засмеялся Илья и зашёл в кладовую.

— Вообще-то нет, не знаю, почему вспомнила. Мне нравится «Линкин-парк» и «Систем оф э даун».

— Мне тоже! — сказал Илья.

Оказалось, мы оба любим море и запах водорослей, Новый год и день рождения, больших пушистых собак и маленьких хомячков, шуршанье опавших листьев и треск подмёрзших лужиц, мороженое и мандарины.

— Классно, у нас одинаковые вкусы! — воскликнули мы.

Кладовая оказалась большой, как наша гостиная в Череповце, но тесно уставлена старыми шкапами, чемоданами, коробками с банками и книгами.

Лежали лыжи, потрёпанные скатанные ковры, даже сундук стоял!

Илья вспомнил: когда его мама была ребёнком, на сундуке спала древняя бабушка, чья-то бывшая нянька. Оказывается, няньки всю жизнь спали на сундуках в детских комнатах, старушка привыкла и не могла уснуть на кровати.

Да, в этой квартире лекции по истории можно читать и экскурсии водить!

Илья согласно кивнул, подошёл к окну, открыл обе рамы, в комнату ворвался свежий влажный воздух.

По карнизу тихо стучал дождь. Было таинственно. Мы стояли рядом.

— Не хочется уходить, — сказала я. Поймала в ладонь каплю воды и добавила: — Стоять бы долго-долго и слушать дождь.

— Долго-долго не получится, соседи сейчас пошлют за нами гонца.

Мы пошли назад, остановились возле замурованной железной двери для прислуги и шёпотом признались: не хотим выходить, потому что в людской загадочно, того и гляди в сундуке обнаружится клад или таинственная записка!

Внезапно на чёрной лестнице раздался то ли вой, то ли плач, и что-то ударилось о дверь.

Я покрылась гусиной кожей и, прижавшись от испуга к Илье, вцепилась в его джемпер.

— Ч-что это? — вскрикнула я и стукнула зубами.

— Коты подрались, — на мгновение прислушавшись, весело ответил Илья. — Ты что, испугалась?

Я отпустила его джемпер и с облегчением вздохнула: конечно, коты, кто же ещё?

Мы вернулись на кухню, давая путь прохладному, пахнущему дождём воздуху.

Соседи пели, Петрович спал сидя, рядом на полу стоял баян.

Мы пробрались на свои ящики-сиденья и стали допивать остывший чай, заговорщически поглядывая друг на друга.

Наконец, всё было съедено, соседи дружно поднялись, разбудили баяниста, задвинули сиденья, обтёрли импровизированный стол, запихнули его к стене за тумбу и стали мыть посуду.

И я узнала, зачем нужны деревянные решётки — они висели на стенах на здоровых гвоздях.

Каждая соседка клала в раковину свою решётку, и только после этого ставила грязную посуду — это был предмет гигиены, вроде резиновых шлёпанцев, которые мы с мамой надевали в сауне: в этих же раковинах полоскали зубы, мыли руки.

— Места общего пользования, — со смехом сказал Илья, перехватив мой взгляд.

Он тоже принял участие в коллективной уборке — замёл в совок крошки.

Мы вышли в коридор, Илья сказал: его комната у входной двери, и я первый раз за день обрадовалась, что коридор тёмный и длинный — не хотела расставаться с новым другом.

— Ничего не вижу, — сказала я и ухватила за его рукав.

Мы пробирались между велосипедов и пальто, пахло пирогами, бормотали телевизоры, играла музыка, доносились разговоры — соседи были правы: необыкновенно уютная квартира!

Я споткнулась и обронила шлёпку, Илья присел, нашарил её на полу и подал мне. Потом возмутился: у соседей бзик — экономить электроэнергию, каждому кажется, что другие жгут свет почём зря!

— Увидишь, возле туалета и ванной висят объявления: «Товарищи, уходя, гасите свет!».

Мы посмеялись.

— Пришли, — вдруг сказал Илья.

Ну почему коридор такой короткий, мне так хотелось таинственных приключений!

Я тянула время, несла чушь, но не осмелилась сказать самое главное: «Ты отличный друг!»

Кажется, Илья тоже не хотел уходить и вспомнил: пять лет назад я всё время таскала какую-то мягкую игрушку, никому не давала.

— Я попытался её отобрать, ты такой рёв подняла, сказала, что я дурак!

— Не может быть! — я закрыла лицо руками. — Серьёзно? Ой, извини. Это мишка был, я опять его привезла: мой талисман, приносит счастье и удачу.

— И в этот раз принёс, да? — спросил Илья.

— Пока не знаю.

Мы договорились: завтра идём покупать новогодние подарки соседям — до Нового года два дня!

Я вошла в комнату, золотисто-оранжевую от шёлкового абажура и штор, и рухнула на диван: кажется, у меня нет сил смотреть книги, глаза слипаются после ночи в поезде.

— Бабушка, где я спать буду? Ужасно хочу спать...

— Соня, — ласково пожурела меня бабуля. — Хочешь, на моей кровати, а я на раскладушке, или Юлечка диван уступит.

Опять! Словно я ребёнок: бабуля — на раскладушке, может, вообще на пол пенсионерку уложим?! Юлин диван мне тоже не нужен: я взрослая!

Раскладушку вытащили из-под огромной бабушкиной кровати.

— Бабуля, ты как принцесса на горошине спишь, — улыбнулась я и надела махровый халат.

— Идите умываться, — велела бабуля. — Чтоб ночью лишний раз не бродить, замком не греметь.

Каким замком? Туалет закрывают на замок?!

Оказалось, запирают не туалет, а комнаты: соседи на ночь запираются на ключ. Зачем? Здесь же столько народу, неужели воры полезут в квартиру, где людей, как в муравейнике?

— Бережёное бог бережёт, — неопределённо ответила бабуля. — Людей много, а как на ночь позапираются, не докричишься...

Мягко светил торшер, Юлечка сидела с книгой перед компьютером, тепло и уютно — кого и зачем нужно кричать ночью?

Вдруг Юля отвернулась от ноутбука, потрясла головой и потёрла веки:

— Глаза устали: фотография рябит, даже кажется, что всё дрожит и — шевелится.

Я взглянула на экран, он действительно мерцал: женщина на снимке моргнула, слегка приоткрыла рот, повела глазами и шевельнула рукой.

Юлечка решила передохнуть. Мы сходили умыться, дорогу я не запомнила — опять был поворот и тупик, большая ванная с газовой водогрейкой, стиральными досками и необъятными тазами.

Наконец, я с наслаждением улеглась на уютную раскладушку с пуховым одеялом: какой длинный день!

Не помню, как я уснула, когда погас торшер, и легла Юля.

Одно помню точно: ночью в коридоре слышались шаги.

Конечно, это был сон или бродили на кухню соседки — пожилым людям часто не спится.

ГЛАВА 5. ПЕТЕРБУРГ, 21 ВЕК.

Утро 30 декабря выдалось уютным, как свет от бабулиного шёлкового торшера.

Мы сели завтракать в комнате — непривычно и празднично, не то, что дома, в Череповце, в нашей отдельной квартире. Там мы всегда ели на кухне: стол из пластика, клеёнка и табуретки.

В бабулиной коммунальной квартире кушали в комнатах — такая традиция, именно поэтому вчера в огромной общей кухне я не увидела ни одного морозильника, вазы с фруктами, тарелок или чашек, только кастрюли, ковши и сковороды.

Небольшой холодильник, столик с хлебницей и микроволновкой — выяснилось, Юлечкин подарок бабуле на прошлый Новый год, стояли прямо в комнате, в углу справа от двери.

А посередине красовался большой овальный стол с кремовой скатертью, за него мы и уселись — как в день рождения! — только еда была обычная: сосиски из микроволновки, йогурт и кофе со сгущёнкой.

А ещё бабуля потчевала нас вкуснейшими рассказами, мы с Юлей слушали, затаив дыхание!

Оказывается, раньше всё делали за этим одним-единственным столом: сестра шила на машинке, бабуля тут же делала уроки, закатав угол скатерти, чтобы не залить чернилами, здесь же накрывали ужин.

Чай пили из самовара: ставили, то есть разжигали в нём угли, на кухне, а закипел — приносили в комнату.

«Сейчас вам, молодым, в голову не придёт: газовых плит не было», — посетовала бабуля, а на мою шутку — еду в камине готовили? — рассказала про дровяную плиту.

Она была сложена из кирпича прямо посреди кухни, сверху покрыта чугуновой столешницей с круглыми отверстиями — ставить кастрюли, и гудела от огня.

Дым через трубу шёл в дымоход: на кухне в стене даже осталась дыра, сейчас прикрыта решёткой.

По словам бабули, батареи в комнаты провели в 1956-м году, до этого топили печи!

Интересно, не видно никаких следов! Где же эти печи стояли?

Бабуля махнула рукой — в стене со стороны коридора: высокие, до потолка, изразцами выложены, там же дрова в топку клали, заслонка была, зольник, а в комнате, где сейчас стоит холодильник, нагревалась стена.

— А куда печки делись?

— Проводили паровое отопление — разобрали наши изразцовые столбняки по кирпичику. Отверстия в дымоходы заложили, но в стенах остались пустоты до самой крыши: иной раз по коридору идёшь, и вдруг как завоет, как застонет! Сквозняком по лицу повеет! Это ветер по дымоходам в стенах гуляет да через щели вырывается, — сказала бабуля.

Я поперхнулась кофе и закашляла.

Значит, вчерашние стоны и вопли в тёмном коридоре — это ветер в старых трубах?! А я чуть от страха не умерла!

Какая же я глупая, трусиха! Чудесная, уютная квартира, нет в ней ничего страшного, наоборот, в одной из сказочных, старинных комнат живёт мой новый друг Илья!..

И только я успела мысленно произнести его имя, в дверь постучали.

— Входите! — крикнула бабуля.

В дверях появился Илья собственной персоной.

— Проходи, Илюшенька, позавтракай, кофе попей, — проворковала бабуля.

— Спасибо, я на минутку — поговорить с Марией.

Мария! Илья назвал меня Марией, как взрослую!

Ужасно надоело слышать бабулино «Машуля» да «Марусечка», словно я малышка. (Это ещё что: папа вообще называл меня «крошка-картошка» прямо при посторонних!)

Я вскочила, и мы вышли в коридор.

— Идём вместе покупать новогодние подарки соседям? Тогда встречаемся без пятнадцати десять возле дивана у входной двери. Успеешь собраться? Тогда до встречи, — почему-то понизив голос, сказал Илья.

И пошёл прочь, сразу скрывшись в темноте.

Я кивнула и зажмурила глаза: ура, буду гулять по Петербургу с отличным парнем! Он будет ждать без пятнадцати десять! Мы будем говорить об альтернативной музыке и компьютерных играх, а не о гламурных глупостях, которыми забивали себе головы девчонки в нашем классе.

Я влетела в комнату и заметалась вокруг стола.

— Что забегала, как угорелая? — спросила бабушка. — А сияешь чего, как медный пятак?

— Не отвлекайте меня, мне некогда, мы с Ильёй идём гулять! Где футболка с чепсами, вельветовые шорты?

— Господи, забегала-то, как на пожаре! На стуле всё висит. Неужели в шортах зимой на улицу пойдёшь? Ну и что — на толстые колготки, да пуховик длинный. Всё равно не дело, словно оборванка! Пойдём-ка, купим тебе хорошее платье...

— Потом, потом! Где моя косметичка?

— Где бросила, там и лежит! Краситься надумала, школьница? Мать-то знает?

Как надоело бабулино ворчанье! Всего лишь прозрачный блеск для губ: детский набор, называется «Принцесса». Вот куплю себе настоящие тени и чёрный лак, а то хожу, как детсадовка!

Я впопыхах оделась, прошла по губам блеском с запахом кока-колы.

— Ишь, как бегают, в школу бы так собиралась, — не унималась бабуля.

— Тамара Павловна, Марии надо быть красивой, — вступилась за меня Юлечка, подошла к шкафу, достала серебристую заклепку в виде косточки для собачки, и предложила:

— Хочешь на волосы?

Я с радостью посмотрела на металлическую косточку и благодарно кивнула.

— Никаких черепов с костями! — вскрикнула бабуля.

Я подскочила к Юле, она нацепила мне заклепку.

Бабуля сменила гнев на милость и заохала: красавица!

Я бросила взгляд в зеркало: нормальная девчонка! — и побежала за двери, надевать ботинки на шнуровке.

Бабуля крикнула вслед про деньги, мобильник и, как обычно, добавила: «Храни вас Бог».

Деньги есть, папа тысячу дал, сотовый — в пуховике, на крик: «Через дорогу осторожно», я даже не ответила: сколько можно ценных указаний?!

Быстро прошла по коридору и за поворотом увидела Илью, он сидел на старом диване из чёрной потрескавшейся кожи с круглыми валиками вместо подлокотников.

Увидев меня, он встал.

— Тоже антиквариат? — указала я на диван и засмеялась.

— Ага, — кивнул Илья. — Диванчик всё из той же коллекции. Не квартира, а музей дворянского быта. С дореволюционных времён добро всякое стоит. Идём?

Я радостно закивала головой.

Мы вышли на Садовую и пошли в сторону Гостиного двора.

Шёл мелкий дождь, под ногами была каша. А в моей душе сияли огни! Наверное, отражался предновогодний Петербург, украшенный светящимися панно и переливающимися елями.

Никольский собор был подсвечен и казался сказочным дворцом. Отблески Нового года и Рождества дрожали и переливались в каплях дождя, упавших на стёкла витрин и нашу одежду.

Илья снял капельку с рукава куртки, и мы смотрели, как она становилась синей, жёлтой, серебряной от проплывавших мимо машин и огней.

В Гостином дворе было не протолкнуться! Мы то и дело застревали в толпе, нас пытались разлучить потоки людей, но Илья крепко держал меня за руку.

Он купил всем соседям по кружке с нарисованным символом будущего года. А я — по пакетику фруктового чая, всего 13 штук.

— Тринадцать соседей — ну и квартирка, целый отряд! — засмеялась я.

— Банда! — согласился Илья.

Мы гуляли по отделам новогодних игрушек, рассматривали фарфоровых и стеклянных ангелочков на ёлку, танцующих Дедов Морозов и поющих оленей, а потом зашли в кафе и пили ванильный коктейль.

Мне казалось — всё это происходит не со мной! Ещё два дня назад я была в Череповце и не подозревала, что буду гулять по сияющему городу с интересным, умным парнем. И мы будем сидеть в большом кафе за стеклянным столиком и отражаться сквозь окно в стёклах проезжающих троллейбусов.

Домой мы вернулись только к обеду.

— Когда теперь увидимся? — спросил Илья, доведя меня до бабулиной комнаты.

— Давай вечером в людской, в которой мы вчера открывали окно? В семь часов?

— Хорошо, — согласился Илья и добавил: — Возьму новый альбом «Гриндэй».

Я долго путалась в шнурках — они намокли от дождя.

Илья подождал, пока я скину ботинки, и пошёл к себе, а я влетела в комнату и запела! Какой классный день! Какой красивый Петербург!

— Явилась! — сказала бабушка. — Иди мой руки на кухне да садись скорей обедать. Мне уходить надо: сперва схожу к Раисе, сделаю ей уборку к Новому году, потом на рынок за мясом — студень надо варить.

Уборка, студень — о чём бабуля говорит? Слова звучали далеко-далеко, я едва их понимала.

— Может, мы с Машей что-то пока приготовим? — предложила Юля, подняв голову от ноутбука: я слышала её, как сквозь вату, перед глазами калейдоскопом крутились огни огромного города.

Бабуля схватила меня за рукав, поставила рядом и попросила:

— Деточки, сварите картошки и моркови для мясного салата и свёклы и яиц для селёдки под шубой. Машуля, сбегай вниз, прямо в нашем доме есть хороший продуктовый, купи баночку горошка, майонез и мандарины. На тебе двести рублей, не потеряй!

Последняя фраза вернула меня в суровую реальность, где я была малышкой и нуждалась в указаниях.

— Бабушка, почему я должна их потерять?!

Бабуля не удостоила меня ответом, оделась и ушла.

А я села за стол и только тогда поняла, как устала — ноги гудели, как телеграфные столбы (бабуля так выражается).

Я слопала кусок жареной курицы и тарелку вареников, выпила пакет сока и свалилась на бабушкину кровать.

— Юлечка, я полежу полчаса, и пойдём на кухню готовить. Ладно?

— О'кей! — рассеянно согласилась Юля, как всегда погружённая в работу.

Интересно, она гуляла с друзьями по Петербургу? У неё вообще друзья есть? У меня — да!

Я обняла мишку, закрыла глаза. Мне чудилось: я всё ещё иду по сияющему Гостиному двору...

Мне показалось, Юля окликнула меня буквально через минуту — я даже глаза не успела закрыть.

— Нет, я не сплю! Сорок минут прошло? Надо же, не заметила. Конечно, давай готовить, а то не успеем к бабушкиному приходу. Да, я в магазин схожу, пока светло, а ты овощами займись.

Юля наложила миску моркови и свёклы из холодильника и пошла на кухню. Я оделась и заскочила к ней спросить, запирать ли комнату?

В коридоре и на кухне было столпотворение. Все сновали взад-вперёд с ковшами и кастрюлями и жарили-парили угощение к новогоднему столу. Стоял шум и гам, лилась вода, стучали ножи, громыхали чугунные сковородки.

Юля мыла картошку.

Она велела оставить комнату незапертой.

Я развернулась, чтобы идти в магазин, и вдруг мой взгляд упал на приоткрытую дверь в людскую.

Я вспомнила, как вчера мы с Ильёй вышли в крошечный коридорчик, и необъяснимое, непреодолимое желание вновь оказаться в этом месте заставило меня войти.

Я прикрыла за собой дверь, и сразу стало тихо. Здесь ничего не изменилось — да и что могло измениться за одну ночь? — только на верёвку на окне кто-то вывесил сушиться кухонные полотенца.

Я поглядела в окно, оно выходило в заасфальтированный двор-колодец без единого деревца. Ничего интересного: у одной стены, глухой, без окон, мусорные бачки. Возле другой — несколько блестящих от дождя машин.

Поглазев вниз, я повернулась к двери на чёрную лестницу.

Было светло, и я рассмотрела её внимательнее.

Большая замочная скважина, прорезанная в железной обивке, заткнута то ли тряпкой, то ли скрученной бумагой — не разобрать, потому что поверх затычки пузырились несколько слоёв светлой, почти белой, масляной краски. Я провела по двери рукой и увидела, что краской покрыт и засов — вчера я его не заметила: полоса кованого металла, заложенная поперёк двери в плоские скобы в стене. Кистью водили поверх уже закрытого засова, так что он прилип к двери и едва различался.

До сих пор не знаю, почему мне вдруг захотелось открыть эту таинственную дверь?

Я представила чёрную старинную лестницу, и мне стало жутко и радостно. Наверное, такое же неосознанное желание заставляет людей подходить к краю пропасти или вставать на крыше высотного здания в предвкушении сладостного ужаса, впрочем, не опасного для жизни.

Я потрогала засов — нет, руками не вырвать. Зашла в кладовую и поозиралась в поисках подходящего инструмента. На полу стоял ящик с молотком и гвоздями. Я схватила молоток, выскочила в проход, сдёрнула с окна влажное кухонное полотенце, обернула им инструмент, и быстро ударила снизу по засову.

Краска пошла трещинами, один кусок отлетел прямо мне в лицо. Я ударила ещё раз. Засов выскочил, едва не упав на пол, и я поспешно подхватила его.

Крадучись отнесла молоток на место, повесила полотенце, и торопливо, словно за мной гнались, дёрнула дверь.

К моему удивлению, она оказалась незапертой — её удерживал только засов.

И хотя дверь было очень толстой, она без усилий повернулась в петлях.

Лёгкое пятно света легло на совершенно тёмную маленькую площадку. Вверх и вниз от площадки шли узкие каменные лестницы — такие же я видела в Кирилло-Белозёрском монастыре, мы с классом ездили туда на экскурсию.

Пахло кошками, мочой, затхлостью и жутким варевом. В общем, запах был вовсе не загробный.

Дух лестницы оказался вполне жилым, и это придало мне смелости.

Я, как замороженная, вышла на узкую каменную площадку, прикрыла дверь и отчаянно ринулась вниз, ведя рукой по стене и прыгая через ступеньки — как я только шею себе не сломала!

Стена оказалась неровной, рука проваливалась в проёмы и впадины, казалось, они никогда не кончатся, и я бегу в чёрную винтовую бесконечность.

Но когда от ужаса сердце почти вырвалось из груди, я увидела впереди узкую полосу дневного света, толкнула дверь и выскочила на улицу.

ГЛАВА 6. ЧЁРНАЯ ЛЕСТНИЦА В ПРОШЛОЕ

Я с облегчением выскочила на улицу, по инерции сделала ещё один огромный скачок и приземлилась в высокий сугроб.

После тёмной лестницы он сиял такой белизной, что резануло глаза, и я зажмурилась.

Сухой и рассыпчатый снег набился за края ботинок, в шнуровку.

Я выбралась из сугроба, развернулась, чтобы выбрать комки снега из голенищ, и упёрлась взглядом в высоченную поленицу дров. Не досок или бруса, привезённого для евроремонта, а именно дров! Точно такие же поленицы я видела в деревне, где у нас дача, но зачем дрова в городе?

Я прошла по расчищенной в снегу дорожке между сугробом и поленицей, оставив за спиной крылечко и выход с чёрной лестницы, из которого я вылетела, как пуля.

Во дворе не было ни одной машины — куда они подевались, только что видела их в окне?

Зато за поленицей стояла лошадь! Рыжая, лохматая, приземистая лошадка, запряжённая в телегу. В телеге лежало сено, в сене стояли плетённые из веток корзины с яйцами. Ни разу в жизни не видела столько яиц!

Лошадь жевала клок сухой травы, застрявшей между дровами, при виде меня она мотнула головой и переступила ногами. Снег под копытами хрустнул.

Только сейчас я почувствовала, что на улице крепкий морозец.

— Хорошая лошадка, хорошая, — сказал я и опасливо прошла мимо — как бы не лягнула.

Возле соседнего крыльца, засыпанного ошмётками соломы, стояли деревянные вёдра. С такими же Емеля в моей старой детской книжке ездил на печи по воду. В вёдрах горой лежали обломки желтоватого льда, похожего на мороженое. Возле вёдер очень по-хозяйски, расставив ноги в валенках, стояла девочка лет десяти в дублёнке и цветастом платке. Девочка внимательно глядела на меня.

— Привет, — сказала я. — Маму ждёшь?

— Молока не желаете? — не ответив на мой вежливый вопрос, спросила девочка.

И указала рукой на вёдра с жёлтым льдом.

— Это молоко? — удивилась я. — Первый раз в жизни такое вижу. А почему не в пакетах?

— Свеженькое, — вновь игнорируя мой вопрос, сказала девочка. — Вчерась только мамка надоила, вечернее.

— Где надоила? Вы фермеры?

— Известно где, за Обводным. Берите молоко-то, некогда мне разговоры разговаривать, — с какими-то взрослыми интонациями сказала «продавщица». И припугнула: — А то сейчас разберут.

Словно в подтверждение её слов на крылечко выскочили две женщины с большими мисками.

На женщинах были надеты растянутые вязаные кофты, поверх юбок свисали очень длинные, как у официантов в кофейне, но замызганные фартуки.

— Цена та же? — накладывая молочные глыбы в миски, спросили женщины. — Копейка за круг?

Только сейчас я обратила внимание, что глыбы имели форму разломленного на четыре части спасательного круга.

«Копейка, — удивлённо подумала я. — Сейчас и цен-то таких нет».

Расплатившись, обе покупательницы вдруг недоуменно уставились на меня, потом пошептали друг другу на ухо и вновь вперили в меня взгляды.

Я поглядела на себя: длинный пуховик с мехом на капюшоне, правда, расстёгнутый в мороз. Под ним шорты поверх толстых узорчатых колготок, ботинки на толстой подошве.

— Юбку где потеряли, барышня? — сказала одна из женщин, и обе засмеялись. — Это к кому же такие гости? К художнице, не иначе. У них в то воскресенье Петрушка приходил: ихняя горничная рассказывала, хозяйка называла его Арлекином, позировал для картины.

Сообщив эту путаную информацию, женщины скрылись в доме.

Я совершенно ничего не понимала: снег, лошадь, дрова, и ни одной машины? Ну ладно, положим, машины уехали. А дров столько зачем? Для шашлычной?

Похоже, чёрная лестница выходит не в бабулин двор, в который я только что смотрела из окна, а в какой-то другой. Видимо, это что-то вроде потайных ходов в царских дворцах. А может, на лестнице было ответвление, я ведь несколько раз попадала рукой в проёмы в стене.

В общем, надо искать, где здесь выход на Садовую, а с Садовой я бабулин дом и парадное обязательно найду.

— Девочка, как на Садовую пройти? — спросила я маленькую продавщицу.

— Можно туда, на канал, а там обогнуть. А можно в подворотню и покликать дворника, чтоб ворота отпер.

Перспектива кликать неведомого дворника, который, скорее всего в такой мороз отсиживается в ЖЭКе, меня не привлекла, и я решила выйти на канал.

В одном из углов двора, в стене дома, нашёлся узкий проход с дощатой дверцей-калиткой — она была открыта.

Я вышла и действительно оказалась на набережной узкого замёрзшего канала.

По ближней ко мне стороне улицы тянулись дома, разделённые арками или узкими проходами.

Здания были четырёх- и пятиэтажными, но я поняла, что это задворки: ни на домах, ни в витринах не было огней, реклам, плазменных панелей с мелькающими картинками и рекламными клипами.

За окнами первых этажей виднелись старомодные старушачьи занавески, вязанные крючком, и герани в чугунках — вот уж отстойное местечко!

Опять попалась лошадь с телегой, гружённой мясными тушами, туши были прикрыты мешками. Рядом с телегой шёл мужчина в дублёнке и солдатских сапогах, у мужчины борода лопатой — колоритный тип.

«Ага, здесь, наверное, храм или монастырь рядом», — подумала я.

И увидела Никольский собор, правда, что-то в его облике было не так... Цвет! Утром он был зелёный. А сейчас — голубой. Может, освещивает из-за облаков? И куда делась великолепная подсветка? Электроэнергию экономят?

Из дверей полуподвальной столовой — я угадала её по грубоватому запаху пищи, прямо передо мной вышла группа девушек.

Почему они так одеты? Все в чёрных потрёпанных юбках до земли, не покрашены. Готы, что ли? Да нет, готы бы чёрным глаза подвели.

Девушки уставились на меня и перекрестились!

Ничего себе! Вообще-то, это глядя на них, хочется сказать: «Чур меня»!

Улица плавно повернула, канал остался в стороне, и через несколько минут я оказалась на Садовой, я не могла её спутать — вон трамвайные пути.

По рельсам ехал трамвай, но его тянули две лошади!

Рядом со мной остановился молодой мужчина с бородкой, закрученными усами и в чёрном котелке.

Мужчина посмотрел на мои ноги и ухмыльнулся в усы.

— Ах, синема! — игриво пропел он и подмигнул.

Вот идиот!

И тут меня осенило! Кино снимают, про царскую жизнь! Трамвай, лошади, дрова — это всё декорации. А люди — артисты в театральных костюмах.

— Добрый день, — вежливо поздоровалась я с усаемым мужчиной. — Как фильм называется?

— Ах ты, шалунья, — ответил он. — Это что же, в Париже теперь так наряжаются? А мы тут, в Российской империи, как всегда отстаём от моды, как будто и не 1913 год на дворе.

Ещё раз бросив на меня игривый взгляд, мужчина слегка поклонился, дотронувшись до котелка, и перешёл улицу.

«Точно, кино: 1913 год, начало прошлого века, царская Россия», — подумала я.

Но сердце почему-то тоскливо сжалось: когда успели повесить над магазинами вывески, написанные на старинный манер? Куда делся небольшой супермаркет в полуподвале бабуниного дома? И откуда навезли столько снега? А где камеры? Режиссёр?

Пусть снег искусственный, сейчас это не проблема, есть специальные пушки. Но где съёмочная группа, операторы? Может, сейчас перерыв на обед, режиссёр уехал в ресторан, артисты и гуляют?

Но было в облике Садовой что-то такое, что не вязалось с моей догадкой о киносъёмках, и это «что-то» пугало.

Слишком сложно было бы переделать улицу до неузнаваемости. Да и зачем, если существует лёгкий и недорогой способ воссоздать обстановку начала века — графа, фотошоп и программа 3D-макс?

Я внимательно пригляделась к домам и увидела: крыши утыканы трубами, а из них идёт дым!

Ни один прохожий ни разу не достал мобильного. А ведь обычно каждый второй болтает по сотовому.

Никто не слушал музыку через наушники, ни у кого не висели на груди айподы. Но ведь должны артисты в перерыве, слушать музыку или резаться в игры?

И самое главное, почему все так глазеют на меня?! Аж оборачиваются?

Одна тётушка сплюнула мне вслед, другая перекрестилась.

Это кино или не кино?! Если не съёмки, ЧТО тогда?!

Я оцепенела от страха, сразу стало холодно, мороз пробрался в ботинки и рукава. Где я?!

— Заснула, мамзель? — вдруг грубо спросил меня мальчишка в короткой поношенной дублёнке. Он толкал небольшую двухколесную тележку с бочкой. — Пройти дай.

— Да! — закричала я. — Заснула! Это сон!

Какое облегчение, какое блаженство!

— Чумная, — сплюнул на снег парнишка.

Я сплю, это сон! Фу-у! Слава богу, мне всё снится. До чего договорили с соседями про историю квартиры, что мне приснились стародавние времена. Ух ты! Это же здорово! Всегда мечтала попасть в прошлое!

И я с восторгом начала осматривать улицу.

На удивлённые взгляды прохожих я решила не обращать внимания — какое мне дело до тех, кто снится! — и бодро пошла к виднеющейся вдали небольшой площади.

Как и в реальной жизни, на ней оказался маленький сквер, правда, деревья более могучие и высокие.

Посреди сквера белели снежные горки разной высоты с накатанными ледянками и небольшая снежная крепость: в ней под присмотром нянек играла малышня.

С горок катались дети.

Побогаче, в пальто с меховыми воротниками и сапожках, скатывались на санках, установленных на короткие лыжи. Малышня победнее, в дублёнках и валенках, съезжала, подстелив под попу соломы.

В принципе, всё, как и сейчас, в 21 веке, не считая того, что в наше время никто не гуляет с детьми на центральных улицах и проспектах, потому что там не продохнуть от потока машин.

Я сделала круг по площади, глаза на витрины.

Ателье, за стеклом очень креативное платье — длинное, фиолетовое с чёрной бархатной отделкой. Если бы не огромный бант сзади, ниже талии, наряд вполне можно принять за брендовый «Марио Паззолини».

В следующей витрине выставлены корзинки с конфетами. И от современной витрины её отличала лишь напыщенная драпировка в виде театрального занавеса — бархат, фалды, складки, и все тёмного цвета, вишнёвого, коричневого. Ничего оранжевого или серебристого.

Я прошла вход в продуктовый магазин: за толстым стеклом лежали разнообразные деликатесы, но не настоящие, сделаны то ли из воска, то ли из гипса. Пластика

ведь в 1913 году не было? Лимоны, груши, раки, огромная пучеглазая рыба — всё было раскрашено в темноватые цвета.

В магазин вошли две дамы, и я осмелилась пробраться за ними.

Да, магазин 1913 года — это вам не нынешний супермаркет с коробками на цементном полу.

Прилавки из мрамора, над ними круглые стеклянные витрины, а за спиной продавцов тёмные деревянные шкафы до потолка. Все сотрудники — мужчины, в белых фартуках и белых перчатках. А касса какая — ретро! Сияющие кнопки на рычажках, кассир крутит сбоку блестящую жёлтую ручку, раздаётся звон и открывается ящик для денег.

Интересно, в 1913 году уже были макароны и сосиски? Или их позже изобрели? Спросить, что ли, по голове не ударят. В конце концов это просто сон, чего бояться?

— Простите! — окликнула я продавца. — Сосиски в продаже есть?

— Позвольте, мадмуазель, какие же сосиски (он так и сказал: «сосисЬки») в пост?! После Рождества милости просим, а сейчас скромного не торгуем.

— Ах да, как это я забыла про пост? А макароны? Макароны есть?

— Извольте, вон в той витринке.

— Благодарю, — сказала я.

Надо же, как я теперь благообразно выражаюсь!

Я подошла к витрине: макароны стояли в стеклянных вазах с крышками — длинные, желто-серые, очень толстые и с дырками посередине.

Ага, значит, уже изобрели.

Я внимательно оглядела магазин и, к своему удивлению обнаружила — в 1913 году существовали консервы, какао, кетчуп, шоколад, манная крупа, плавленый сыр и даже кока-кола: на одном из прилавков стояла маленькая корзинка, а в ней — пузатая бутылочка кока-колы и пакетики с надписями по-английски. Судя по рисункам, в пакетиках были крекеры, кукурузные хлопья и шоколадное печенье.

Продавец перехватил мой взгляд, лучезарно оскалился и доложил:

— Только вчера доставили из Американских штатов.

Я улыбнулась в ответ и пошла к выходу.

Возле дверей, там, где в современных магазинах расположены автоматы с разноцветными шариками жевательной резинки, стоял столик с подносом.

На подносе лежала гора конфеток в пёстрых фантиках. Покупатели брали по одной, перед тем, как покинуть магазин. Я тоже взяла конфетку и положила в карман пуховика.

Обошла площадь по периметру и оказалась на той стороне Садовой, где стоял наш дом.

В супермаркете расположилась чайная.

Во всяком случае, так было написано на вывеске. И в витрине стоял толстый самовар, похожий на космическую стыковочную станцию.

Внутри чайной я обнаружила мужчин, пьющих вино, и ринулась назад, на улицу.

Я почти подошла к нашему парадному, когда дверь открылась — в 1913 году она была со стеклянным окошком овальной формы, и на тротуар выкатились смешные детские санки: два деревянных креслица с подлокотниками стояли друг за другом на длинных полосках металла, напоминающих лезвия беговых коньков, под сиденьями свисали стёганные мешки.

Санки подтолкнула нога в сапожке, рука придерживала дверь.

Затем на улицу вышла дама с двумя маленькими детьми, мальчиком и девочкой, на детях были надеты пальто с меховыми воротниками и огромными пуговицами.

У девочки на шапочке топорщилась большая меховая оборка, казалось, кроха радостно и наивно смотрит из серединки мехового цветка.

Я с интересом рассмотрела наряд дамы: длинная шуба из каракуля, с короткими и очень широкими рукавами, отороченными пышным чёрным песцом или чернобуркой, длинные перчатки со множеством мелких пуговок-бусинок, обтянутых кожей. Сапожки тоже с пуговками, на каблучках, похожих на песочные часы.

Дама по очереди усадила детей в креслица, заправила ножки в стёганные конверты и прицепила концы конвертов к поручням.

— Поехали с орехами! — весело сказала она.

Дети залились счастливым смехом.

Процессия прошла мимо меня, оставив яркий, крепкий запах духов.

Я осторожно вошла в парадное — совершенно другое, не такое, как в настоящей жизни: жарко натопленное, ухоженное, даже роскошное.

И огонь, пылающий в камине, и сияющее зеркало в золотой раме, и пурпурный ковёр перед лестницей, и пальма на площадке у окна, и мраморная окраска стен — всё разительно отличалось от парадного, где жила моя бабуля.

Я сделала шаг, но наперерез мне вдруг вышел человек, похожий на Петровича, которого я сперва не заметила — он сидел у стены, на длинной скамейке с плюшевым сиденьем.

Судя по мундиру, смутно напомнившему гусарский, это был дореволюционный вахтёр. Или как там их называли в 1913 году?

— Позвольте, барышня, вы в который номер? — спросил вахтёр.

— Я в квартиру.

— В которую, к кому? Фамилия господ какая?

— Фамилию не помню, а квартира на четвёртом этаже.

Я попыталась вспомнить, называла бабуля фамилию художницы и её мужа-инженера? Нет, не называла.

— Позвольте выйти прочь, — ласково сказал вахтёр.

Вспомнила, кажется, вахтёры раньше назывались привратниками?

И он вежливо, но твёрдо выпер меня на улицу.

Вот так сон, уж пора бы мне просыпаться, потому что на улице очень холодно.

Делать нечего, побегу с канала, вернусь домой через чёрную лестницу.

Я помчалась назад, на канал, мимо мрачных тёмных домов, забежала в калитку и вновь оказалась в знакомом дворе: лошадь всё так же стояла у поленницы, только корзин с яйцами в телеге уже не было.

Я подошла к двери чёрного хода, опасливо приоткрыла — внутри было темно.

Ой, мамочка! Что же делать? Страшно.

— А если меня кто-нибудь схватит на лестнице? А вдруг там опять завоет? Я с ума сойду, у меня разрыв сердца будет, — жалобно бормотала я.

Но вдруг вмешалась моя бабуля, вернее, её бодрый голос прозвучал в голове:

— Мне было гораздо меньше лет, чем тебе, когда Ленинград бомбили фашисты. И мы с мамой бежали по этой лестнице в подвал. А потом я сидела одна в тёмной холодной комнате, потому что мама уходила на работу на целые сутки, и знала, что в соседней комнате умирает от голода баба Рита, бабушка Райки. А на лестнице в парадном лежат два завернутых в покрывала трупы. Потому что — блокада, потому что город в фашистском кольце.

— Нет, я не маленькая Машуля, — сказала я то ли бабушке, то ли себе. — Я — взрослая. Я — Мария.

И только я так подумала, как вспомнила про мобильник: в нем есть подсветка экрана! Я включила свет и вошла на чёрную лестницу.

Я шла, смотрела на экран и обнаружила эсэмэску: «Мария, мне кажется, ты хороший друг. Илья».

Сердце застучало, как дождь по карнизу! Стало жарко — какой замечательный сон, пусть он длится вечно!

И с этими словами я оказалась на четвёртом этаже, перед приоткрытой дверью в людскую.

Я влетела в коридорчик, упёрлась лбом в окно — охладить лицо, посмотрела вниз и увидела заасфальтированный двор, мокрый от дождя. Посреди двора стояли машины.

Ничего не соображая, я вышла на кухню.

Там кипела работа — соседи готовили новогодние угощения. Юлия стояла у раковины с ковшом в руке, заливала водой сваренные яйца.

Я встала столбом. Мысли мешались и путались. Где я? Что происходит? Это сон или не сон?

Из оцепенения меня вывел голос Юли.

— Купила?

— А? Что?

— Майонез, горошек?

Вспомнила, я же ходила магазин. Или нет?

— Юлечка, я деньги забыла, придётся второй раз идти.

И зачем я это сказала? У меня голова лопнет от всего случившегося.

— Пойду возьму сто рублей и быстренько сбегаю снова, — стараясь выглядеть беззаботно, сообщила я Юле.

И побрела к входным дверям.

Нехотя открыла их, опасаясь вновь оказаться в странном сне, и выглянула в парадное: где ковры, жара от камина?

Спустилась вниз — ни привратника, ни пальмы, ни огня, ни плюшевой скамейки, вышла на улицу, купила в супермаркете, где ещё двадцать минут назад была чайная, горошек, майонез и мандарины и вернулась домой.

Значит, это было какое-то мысленное сновидение. Я читала, такое бывает на грани сна и яви.

Я сняла пуховик, зачем-то залезла в карман. И вытащила конфетку! Ту самую, которую взяла в магазине в 1913 году, — на фантике написано: «С Рождеством 1914 года».

Я вытащила мобильник и прочитала то, что мне приснилось: «Мария, мне кажется, ты хороший друг. Илья».

Значит, это не сон? Но что?

Если бы я верила в мистику, магию, триллеры и потусторонние миры, то сказала бы: дверь на чёрную лестницу — это проход в прошлое. Но поскольку я ни во что такое не верю, то выходит, что... Нет, тогда вообще ничего не выходит! Или выходит, что я сошла с ума.

ГЛАВА 7. СТРАННАЯ ВСТРЕЧА

Бабуля возилась на кухне с мясом для холодца — в этой квартире его почему-то упорно называли студнем, а мы с Юлей наряжали ёлочку.

У бабули хранились необыкновенные ёлочные игрушки! Стеклянная Кремлёвская башня, картонный тракторист, обмазанные клейстером ватные звёзды с серпом и молотом, танк с фигуркой танкиста в шлеме.

— Маша, взгляни, какая красота, — сказала Юля, доставая из коробки очередное украшение. — Обычное раскрашенное дерево, позолота почти стёрлась, но тем удивительнее смотреть на это чудо.

Она держала в руках ангела, краска на нём потрескалась, золото сохранилось лишь в складках платья и между резных кудряшек.

— Очень старая игрушка, — задумчиво сообщила Юля. — Дореволюционная, из прежней жизни этой квартиры.

После её слов на меня вновь обрушились воспоминания о сне. Или яви? А может быть, я сейчас тоже сплю? Сон внутри ещё более глубокого сна. Как наша галактика в мегагалактике, а та — внутри вселенной. Значит, я сплю, и во сне мне снится, что я видела сон: прогулку по Петербургу 1913 года.

Нет, чушь какая-то: сон во сне!

Я уверена: всё произошло на самом деле! Я была в прошлом!

Но как я там оказалась?

Допустим, чёрная лестница ведёт в прошлый век, но почему никто, кроме меня, туда не попадал? Или попадал, но молчит? Я ведь тоже никому не говорю. А как скажешь? Психиатров сразу вызовут. Ой-ой-ой! Как я сразу об этом не подумала? А что если таинственные бабушкины разговоры по телефону и намёки Петровича именно об этом — о лестнице в прошлое? Но почему если там побывали все соседи, всё покрыто таким мраком? Между собой, на кухне, уж могли бы это дело обсудить? Но нет, Петровичу буквально рот заткнули. И Юля ни слова мне не сказала. А ведь она пишет научную работу про сословия Петербурга, кому, как не ей, каждый день в 1913 год бегать? В научных целях: открыла дверь на чёрную лестницу, сбегала на улицу, опросила население, прибежала, села, записала.

Что если осторожно её спросить?

— Юлечка, где ты берёшь материал для научной работы?

— Из архивов.

— А ты мечтала побывать в царском Петербурге, хоть одним глазком прошлое увидеть?

— Мечтала! Не представляешь, что бы я отдала, чтобы посмотреть, как сто лет назад выглядела Садовая? О чём говорили люди? Интересно, макароны тогда уже были изобретены? А консервы?

— И макароны, и консервы, и сосиски, — вырвалось у меня. — Даже кока-кола продавалась.

— Откуда ты знаешь — прочитала?

— Во сне видела, — сказала я и испытующе поглядела на Юлю.

Выражение её лица абсолютно не изменилось, ни один мускул не дрогнул, глаза не затуманились. Нет, похоже, она не знает о тайне чёрной лестницы и никогда не спускалась по ней в прошлое.

Я принялась думать об Илье, и сразу мобильник пискнул — сообщение. От кого бы это? Опять извещают про курс доллара?

Эсэмэска пришла от нового друга!

«Что делаешь?»

«Наряжаю ёлку», — ответила я.

«И я наряжаю ёлку. Сегодня все наряжают ёлки».

«Точно».

«Давай встретимся», — написал Илья.

«Где?»

«В самом романтичном месте этой кв-ры»

«В кладовой?» — давясь от смеха, ответила я.

«Да»

«Когда?»

«Сейчас там базар со студнем. В 12.15»

«Хорошо»

Я посмотрела на часы: одиннадцать. Ещё целый час! Как мне пережить его?! И как улизнуть ночью из комнаты?

В комнату с кряхтением пришла бабуля, она потирала спину:

— Придётся полночи студень варить и разливать, иначе к Новому году не застынет.

— Бабушка, давай я покараулю: перемешаю, и за газом послежу, мне не трудно! Ты у Раисы Романовны устала, приляг на часик, отдохни. Я тебя разбужу, когда будет готово, вместе разольём по тарелкам.

— Сумеешь? — недоверчиво спросила бабуля.

— Надо же когда-то учиться, — сказала я, смягчив бабушкино сердце.

И чуть не запрыгала от радости: как всё удачно складывается!

Прежде чем уgomониться, бабуля сводила меня на кухню и показала нашу кастрюлю: спутать было не мудрено — на всех трёх плитах томились ведёрные котлы с мясом, не продохнуть! Окно раскрыто настежь, но от прохладного воздуха с улицы в кухне ещё больше парило.

Наконец Юля и бабушка улеглись, я села под торшер читать журнал, но не понимала ни слова — все мысли были о путешествии, и скакали, как шарики в компьютерной игре.

Что если рассказать об этом Илье? Вдруг он знает про чёрную лестницу? Может, он для этого назначил встречу в полночь — рассказать о проходе в прошлое? Но вдруг это мои фантазии, и Илья сочтёт меня сумасшедшей?!

За стеной глухо начали бить часы.

Двенадцать! А если Илья придёт раньше, если у него тоже нет сил ждать целых пятнадцать минут?!

Я тихонько вышла в коридор и помчалась на кухню.

Из комнаты Петровича доносился звук телевизора.

На кухне горел свет, на плитах всё ещё булькало штук пять кастрюль.

У окна, спиной ко мне, слегка склонившись, стояла соседка, и пристально глядела в старинный угловой шкафчик с фарфоровой посудой.

Кажется, мы ещё не знакомы, в квартире живёт столько народу, впору вешать на грудь бейджики с именами, чтоб никого не перепутать.

На женщине старомодное, но очень элегантное пальто и круглая меховая шляпка, с волос на плечи и спину спадала полупрозрачная чёрная ткань — очень креативно и стильно!

Похоже, пальто — модель будущего сезона, дама могла привезти его из Милана, сейчас многие ездят за шмотками в Милан.

Мне пришло в голову — это мама Ильи! Илюшка говорил: она бухгалтер в банке, в последние дни года допоздна составляла отчёт.

— Здравствуйте, — громко сказала я и лучезарно улыбнулась.

Женщина выпрямилась, молча постояла спиной ко мне, а потом резко обернулась.

Впереди из-под шляпки тоже спадала очень длинная чёрная ткань, вроде очень мелкого кружева, поэтому лица не было видно. Но что-то в нём было странное... Неприятное, пугающее...

По спине побежал холодок, я отступила назад.

Женщина вдруг сжала кулаки в перчатках и отрывисто выкрикнула:

— Ходи, ходи... Доходишься! Где они? Куда вы их дели? Я этого не оставлю! Не оставлю! Придёт, придёт срок! За всё ответите!

И она стремительно вышла в коридор, задев меня рукавом.

Лицо даже под чёрной вуалью было мертвенно бледным, рот страдальчески перекошён. Глаза... Я не могла описать её глаза.

Она, несомненно, ненормальная!

У меня застучали зубы: ну и квартира! Почему бабуля не предупредила меня, что здесь ещё и чокнутые живут?

Нет, это не Илюшкина мама.

Я схватила длинную деревянную ложку и принялась мешать в кастрюле.

О чём она говорила? Что «куда дели»? Может, её кастрюлю с мясом кто-нибудь спёр? Или чашки? Всё-таки коммуналка...

Интересно, что она там высматривала?

Я подошла к угловому шкафчику: колотая чашка, надтреснутая тарелка, мутное блюдо, вазочка с фарфоровыми яблоками, всё на месте.

Послышались шаги, я уставилась на дверь, с ложкой наперевес. В случае чего, буду отбиваться от этой сумасшедшей ложкой! Как в глаз заеду!

Но вошла мирная и знакомая соседка, вчерашняя исполнительница частушек.

— Машенька! Хозяйничаешь? Молодец, помощница Тамаре выросла.

Она заглянула в свою кастрюлю, убавила огонь и ушла, шаркая тапками.

Следом за ней в кухню вошёл Илья.

Господи, из-за чокнутой дамы я забыла про нашу встречу!

— Привет, — сказал он, остановившись у дверей.

— Привет, — ответила я и опустила ложку.

— Бабушка со студнем припахала? — заулыбался Илья. — В этой квартире на нём все помешаны. Я сколько раз просил маму, ну давай на праздник закажем пиццу с доставкой. Нет, это невозможно: студень — традиция, идущая из глубины веков, деды наши варили и нам завещали.

Мы принялись смеяться. Почему мне с ним так весело?

— Тихо, — замахала я Илье. — А то прибегут психи, чего, скажут, ходите, чего хотите? За всё ответите!

Мы выдвинули два нижних ящика из соседних шкафчиков и уселись на них.

Илья взял мой палец, тряс его и рассказывал уморительные истории. Мы пытались сдерживать приступы смеха, но из-за этого ещё больше задыхались от хохота.

Обессилев, мы на минуту замолчали.

Илья ни полсловом не обмолвился о загадочной лестнице. Значит, не знает?

— Уже 31 декабря, — вспомнила я. — Пора звать бабулю и разливать фирменное блюдо вашей квартиры.

— Рябиновку? — строгим голосом спросил Илья.

И мы опять начали хохотать.

— Вы позволите вас проводить?

— Позволю.

Мы медленно дошли до моей комнаты.

— Ты сегодня варила самый смешной студень в мире, — сказал Илья. — До завтра?

— До сегодня! Слушай, давай теперь я тебя провожу?

Мы дошли до входных дверей, присели на старый диван.

Я провела рукой по шершавой коже, и в уголке, между валиком и спинкой наткнулась на перчатку, издававшую запах крепких духов: длинная, из тонкой кожи, сборку дорожка из мелких пуговичек, словно пришиты обтянутые кожей бусины. Было

в ней что-то такое... романтическое, вот какое! Рядом с такими перчатками непременно должна лежать шляпка с пером и вуалью.

— Пусть лежит, — отмахнулся Илья. — Соседи или гости обрונים.

Мы послушали через одни наушники группу «Рамштайн» и разошлись.

Я разбудила бабулю, она стукнула в дверь Лидухе, та — Петровичу, и мы бодро прошагали на кухню.

Через час стужень был разобран, разлит по мискам и составлен в холодильники, пустые грязные кастрюли решили помыть утром.

Было почти два часа ночи, когда мы с бабулей, наконец, заперли комнату, потушили свет и без задних ног рухнули спать.

Мне снилось, что в коридоре топают, шаркают и воют.

Проснулись мы около восьми от громкого стука в дверь.

— Тамара, проснись, — звала соседка. — Тамара, ты меня слышишь?

— Слышу, — крикнула бабуля с кровати. — Сейчас открою.

Она накинула халат, мы с Юлей подняли головы.

— Лида, ты? Случилось что?

Бабуля отперла дверь.

— Случилось: разгром в квартире, воры, видно, побывали. Одевайся, я пошла Петровича будить.

Мы с Юлей вскочили, кое-как причесались, накинули махровые халаты и побежали умываться, но за дверью чуть не упали из-за наваленной на пол одежды: кто-то сбросил с вешалок пальто и куртки и раскидал сапоги.

Из комнат выглядывали сонные, растрёпанные соседи.

Мы побежали занимать ванную: ещё не хватало, чтоб Илья увидел меня в таком виде!

В ванной на полу валялись мочалки и мыльницы.

— А здесь-то что искали, ворюги поганые? — возмутилась я.

— Деньги, — уверенно ответила Юля. — Многие прячут деньги в корзины с грязным бельём, в вентиляцию.

Я встала возле раковины, Юля наклонилась над ванной и мы торопливо почистили зубы.

Через десять минут, кое-как собрав вещи с пола, соседи собрались на кухне.

Ильи не было. Вот засоня! Зато пришла его мама, я сразу узнала её — она и Илюшка неувовимо похожи.

ГЛАВА 8. СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ СОСЕДИ

Кухня была разгромлена, словно смерч прошёл: грязные кастрюли перевёрнуты на столы и лежат в лужах жира, миски опрокинуты, табуретки свалены на бок, пакет с мусором вытащен из ведра и брошен на пол.

Соседи кипели.

Ворьё проклятое! Обшарили шкафы, но зачем кастрюли кидать?!

— Последний раз такой бессовестный грабёж среди бела дня у нас был, если не ошибаюсь, в 1958 году, — сообщил Николай Петрович. — Помнишь, Лидия, тогда у угловых жильцов унесли велосипед?

— Как не помнить, — сказала Лидия Алексеевна. — Велосипед я очень даже помню, но его укатали аккуратненько, половик на полу не сбился, а тут — разбой чистый! Всё своротили! Почто было бросать на пол пальто?

— По карманам шарили, — предположила мама Ильи. — Искали кошельки или ключи от машины. Кстати, у кого-нибудь что-то пропало из одежды?

Все посмотрели друг на друга и отрицательно покачали головами.

— А здесь, на кухне, что-нибудь украли?

Соседи заозирались, открыли свои шкафчики и вновь их закрыли: вроде всё цело.

— Наркоманы приходили, искали, чем уколотся, — заявил Петрович.

— Николай, что ты мелешь? Откуда в нашей квартире наркотики? У нас и папирос ни у кого нет.

— Вот уж этого я не знаю, тут кроме ветеранов и молодёжь имеется, — протянул Петрович.

Илюшкина мама округлила глаза, упёрла руки в бока и вскричала:

— Вы кого имеете в виду?!

— Давайте не будем ссориться, — зашумели остальные соседи. — Может, это крысы кастрюли перевернули, потому что мясом пахло, крысы у нас всегда здоровые были, с войны...

— Погодите, какие крысы? Зачем крысам снимать пальто с вешалок? — крикнула Илюшкина мама.

Да, верно, пальто могли скинуть только двуногие.

— Может, кто-то прятал тайком деньги на кухне? — предположила бабуля. — Всё-таки непонятно, что здесь могли искать? Это же коммуналка, а не элитное жильё.

— Вот же что украли! — вдруг вскрикнула Лидия Алексеевна. — Горка пустая, одно блюдо осталось!

Все сдвинулись к старинному угловому шкафчику.

Он был приоткрыт, стеклянные полочки пусты: ни чашек, ни вазочки с фарфоровыми яблоками.

Соседи с облегчением загомонили, теперь, по крайней мере, понятно, за чем приходили воры: узнали, что в квартире хранится антиквариат от прежних жильцов, редко нынче в большой цене.

— Позвольте, а как они вошли? — вдруг спросил Петрович. — Кто-нибудь у дверей был? Там закрыто?

— Закрыто, — уверенно ответила мама Ильи. — Как только Лидия Алексеевна сообщила про грабёж, я первым делом кинулась к дверям: заперто и на замок, и на крюк. Получается, у них ключи были: вышли, за собой заперли.

— А крюк как набросили? Он ведь изнутри, — перебил Петрович.

— Ах, да, про крюк я забыла.

Николай Петрович прищурился, проницательно поглядел в окно, затем на вентиляционную решётку, заглянул в людскую, на мгновение замер с приподнятой рукой, и вдруг закричал, так что все вздрогнули:

— Дверь на чёрную лестницу нараспашку!

Его слова произвели на соседей невероятное впечатление.

Все с ужасом попятились назад, Лидия Алексеевна начала быстро креститься, бабуля обхватила меня, словно хотела закрыть от пуль, мама Ильи направила сковородку и подняла дрожащей рукой.

Петрович осторожно, ногой, быстро захлопнул дверь в людскую, и все выдохнули, словно удалось закрыть клетку со львом.

— Это что же — опять? — шёпотом спросила бабуля.

— А ведь долго было спокойно, — тревожно заговорили соседи.

— Бабушка, что случилось? — спросила я.

— Машенька, ты бы шла в комнату, тебе ни к чему знать, ерунда всё это.

— Послушайте! — вдруг сказала мама Ильи. — Зачем этой... этому... Зачем бы оно украдо чашки? И уж тем более не стало бы искать в карманах пальто деньги! Я извиняюсь, Господи спаси и сохрани, но зачем на том свете деньги?! Это были воры!

— Верно говоришь, Светлана! — с облегчением выдохнули соседи. Значит, Илюшину маму звали Светлана. — Ясное дело, приходили грабители, надо писать заявление в милицию.

— Пусть обезвреживают организованную преступную группировку! — грохотал Петрович. — Совесть потеряли, ветеранов грабят! Ехали бы на Каменный остров, там сплошные олигархи, у них бы забирали последнюю чашку! А то посреди ночи выломали дверь! Слушайте, соседи дорогие, а как они её открыли?! Надо поглядеть...

Все посмотрели друг на друга, выискивая смельчака.

— Пустите меня! — решительно сказала мама Ильи, крепче сжав сковородку.

— Без женщин разберёмся, — рявкнул Петрович и ворвался в людскую.

Женщины столпились в проходе, тесня друг друга.

Выяснилось: дверь на чёрную лестницу приоткрыта, но в людской никого нет, на тёмной площадке тоже — пусто, тишина.

— Замок не тронут, — потрогав торец двери, задумчиво сообщил Петрович.

— Он и не закрывался, — вспомнила Лидия Алексеевна. — Ключ не могли найти, вспомните.

— Точно, — загалдели соседи. — Мы только на засов закрыли, скважину заткнули тряпкой, покрасили, дверь стояла, не шелохнулась.

— Тогда самый интересный вопрос, — протянул Петрович. — Как воры с лестницы открыли засов? Просунули в щель тонкое лезвие?

Я стояла за спинами ни жива, ни мертва: это я молотком выбила засов, а когда прибежала из прошлого, от волнения забыла закрыть дверь!

Из-за меня в квартиру залезли воры и украли старинные вещи, фарфор исторической ценности.

Что делать — признаваться? Представляю, как все на меня накинута, бабуле, бедной, достанется: мол, привезла на нашу голову внученьку, воспитала! Двери вышибает твоя молодёжь.

— На какую тему собрание? — вдруг услышала я над ухом голос Ильи. — Чувствую, проспал много интересного.

Я схватила его за руку, и потащила в угол кухни, к окну, ткнула в опустошённую горку:

— Илья, что делать? Я так виновата, вчера открыла дверь на чёрную лестницу, и воры унесли весь фарфор.

— Зачем ты ходила на чёрную лестницу? — заинтересовался Илья, пропустив мимо ушей кражу.

— Не знаю — зачем! Вдруг нашло, захотела посмотреть.

— Понятно, бывает. Но как ты её ухитрилась открыть, волшебным заклинанием? Сим-сим, откройся?

Я возмущённо запыхтела.

— Не сердись, рассказывай дальше, — Илья погладил меня по волосам.

Наверное, из-за этого участливого прикосновения я чуть не заплакала:

— Рассказывать нечего: взяла молоток, обернула полотенцем, чтоб никто не услышал, долбанула по засову, он выскочил. Вот и всё. А назад закрыть забыла.

— И в чём проблема? Петрович опять считает: эта дверь — вход для нечистой силы, поэтому трогать её нельзя? Пить меньше надо, охотник за приведениями.

— В том-то и дело, что всё гораздо хуже: воры устроили разгром, всё разбросали, опрокинули, ты бы видел, что творилось!

— Скажу, что это я вытащил засов, — решительно заявил Илья.

Я испугалась: Петрович, судя по всему, и так молодёжь недолюбливал, а если Илья возьмёт вину на себя, ворчанья будет на год вперёд.

Я оттолкнула Илюшку, заскочила в людскую, где всё ещё шёл осмотр места происшествия, и громко сказала:

— Это я вынула засов, а потом забыла про него. Простите меня, пожалуйста, я не хотела!

Все обернулись и уставились на меня.

— Машенька, да как ты могла? — вскрикнула бабуля. — Кто тебе разрешил, зачем ты это сделала?

— Удружила! Так и знал — дело рук молодёжи! — заворчал Петрович. — Выучили на свою голову!

— Чуть жизни нас всех не лишила! Хорошо, не убили никого! — хором галдели соседи.

И только Илья ободряюще сжимал мой локоть.

— Маша, как ты сумела своротить железный засов? — вдруг спросила бабушка. — Может, тебе кто помог?

И она выразительно посмотрела на Илью.

— Вы на что намекаете? — спросила Светлана.

— Мне никто не помогал, я сама, молотком. Пожалуйста, простите, я очень хотела посмотреть: бабушка мне столько рассказывала, как в блокаду, в бомбёжку спускалась по этой лестнице в подвал.

Глаза старушек затуманились.

— Ради Нового года простим девочку, — сказала Лидия Алексеевна. — Война её заинтересовала: раньше войну-то по телевизору показывали, а теперь там одни комедии-клабы да убийства, негде про свою историю узнать. Ой, девчата, вспомните: сами такими были — куда только ни лазали.

Петрович заложил засов на место, подёргал дверь — она не колыхнулась, и все вернулись на кухню, готовить салаты к новому столу.

Бабуля погрозила мне пальцем и взялась делать селёдку под шубой.

Юля начала резать оливье.

Петрович пошёл писать заявление в милицию.

Я затащила Илью в нашу комнату и с волнением предложила:

— Хочешь, спустимся по чёрной лестнице вместе?

— Зачем?

— Не могу сейчас объяснить, но прошу тебя: давай прямо сейчас пойдём на улицу через чёрный ход.

Я не знала, как рассказать Илье, обо всём, что случилось вчера: вдруг прогулка по Петербургу 1913 года — глюки, сон, мираж?

— Хорошо, давай сходим, — согласился, наконец, Илья.

— Оденься похуже, — попросила я. — Там грязно и темно. Пальто старое есть?

Про грязь я соврала, боялась: Илья наденет стильную куртку с серебристыми полосками, и петербуржцы на нас будут оглядываться.

— Встречаемся через пять минут у нашей комнаты, — скомандовала я. — Тихо, по одному, проскочим через кухню, а то опять будет шум.

— Все зависли над салатами, на нас никто и не глянет.

Илья ушёл искать старое драповое пальто, а я залезла в шкаф и вытащила чёрную бабушкину юбку: поддела её под пуховик — прикрыть ноги, стянула на талии ремнём, на голову повязала шерстяной платок. Поглядела на себя в зеркало: ну и пугало! Но ничего не поделаешь, ходить в шортах накануне Рождества 1914 года опасно. Ещё в полицию заберут!

Мы с Ильёй по очереди прошли в людскую и осторожно закрыли дверь на кухню.

— Какая, интересно, на улице погода? — нарочно спросила я, чтобы заставить Илью посмотреть вниз, во двор.

— Судя по тому, что асфальт сырой и машины блестят — дождь, — сказал он.

Мы тихонько вынули многострадальный засов, вышли на тёмную площадку, прикрыли за собой дверь, схватились за руки и, спотыкаясь и осторожно нашаривая ногами ступеньки, пошли вниз.

Я с нетерпением вглядывалась вперёд: что ждёт нас на улице, окажусь ли я снова в прошлом?

Илья толкнул дверь, спустился с крыльца и удивлённо сказал:

— Не понял!..

Перед крыльцом высился сугроб!

Рядом — поленница дров.

Весь двор был усыпан снегом, он так сверкал на солнце, что было больно глазам.

И опять стояла телега с лошастью!

— Мы куда вышли? — спросил Илья. — В соседний двор, что ли?

Он с восторгом повернулся ко мне:

— На лестнице есть потайной ход?! Ты догадалась?! Мы на другую улицу попали? Ух ты! Ты узнала, что лестница ведёт не во двор, и поэтому решила проверить? Класс!

Я улыбалась и мотала головой: не угадал, это наша улица, и наш двор. Только век другой: мы стоим в снегу в 1913 году.

— В каком смысле? Кино снимают?

Стереотип мышления! Я вчера тоже так подумала.

— Илья, посмотри на меня, слушай внимательно: мы вышли в прошлое! На дворе 1913 год!

— Понял: я сплю, ты мне снишься. Можно я тебя обниму? Ведь это сон и ты всё равно об этом не узнаешь.

— Да, я разрешаю тебя обнять, но мы сейчас не спим: лестница выводит в прошлое! Пойдём на канал, сам всё поймёшь.

Я схватила Илью за руку и потащила по знакомой тропинке в снегу, через калитку, на задворки Садовой.

— Смотри: где реклама? Где машины? Где подсветка? Никольский собор другого цвета. Сейчас будет столовая, заметь, кто оттуда выйдет?

Словно в доказательство моих слов из харчевни выбрался бородатый парень в тулупе и валенках.

— Панк? — растерянно предположил Илья.

Я не ответила, показала на крыши, утыканные трубами, — из труб валил дым.

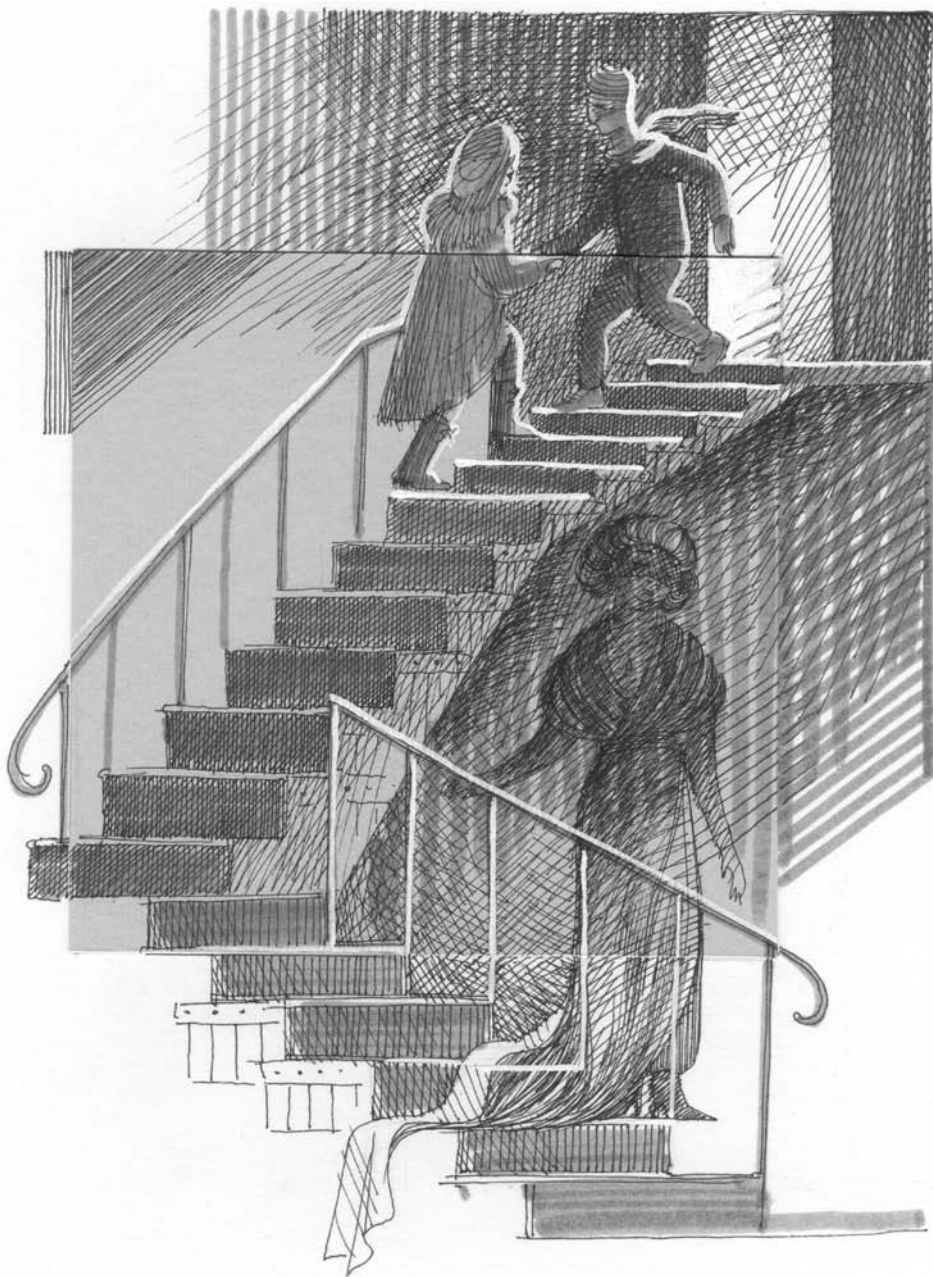
Мы вышли за угол, на Садовую: проехал трамвай, вагон тащили две лошади.

Шли дамы в меховых шляпках, господа в котелках, простой народ сплошь в дулёнках.

Илья смотрел то на вывески с буквами «Ъ» в словах, то на меня.

— Обратил внимание: ни у кого мобильных, плееров, наушников?

Этот аргумент почему-то стал для Ильи решающим.

— Ух ты, выходит, мы в прошлом? — скорее, сказал, чем спросил, он.

— Йес! Знакомьтесь, Петербург 1913 года. Это — наш дом, вот тебе и «ух ты»!

— Моё окно, — указал Илья. — Интересно, кто из него сейчас на нас смотрит? Ничего не видно, замёрзло! А парадное?

— Куда оно денется, на том же самом месте. Хочешь зайти? Я вчера уже заглянула на огонёк. Не поверишь: на лестнице ковёр, пальма, привратник, в камине огонь.

Мы перешли улицу, Илья приоткрыл дверь, с удивлением бросил взгляд на овальное стекло и заглянул в парадное.

— Вы к кому, сударь? — спросил привратник, невероятно похожий на Петровича.

— Ошибся номером, — ответил Илья и закрыл дверь.

Мы захохотали.

— Зайдём в продуктовый? — предложила я.

— Обязательно! Интересно, в 1913 году макароны и сосиски были?

Я кивнула:

— Только сосиски не продают, потому что рождественский пост.

— Ты хотела купить в прошлом сосиски? — начал смеяться Илья. — Представляю, Тамара Павловна спросит: «Сосиски свежие? Что-то очень странные на вид, похоже, сто лет им в обед».

Мы зашли в магазин продуктов, знакомый продавец раскланялся со мной.

— Да ты здесь постоянный клиент — сказал Илья.

Я взяла его за плечи, развернула к дверям и показала на бесплатные конфеты на выходе: возьми доказательство.

— Доказательство чего?

— Что нас не глючит.

На улице я потащила Илью назад, во двор, он упирался: хочу ещё подышать воздухом прошлого!

— Илюшка, вдруг нас начнут искать, Новый год на носу, надо готовиться.

Мы договорились завтра сходить в прошлое ещё раз, вошли на чёрную лестницу, вновь схватились за руки и без всяких приключений поднялись на четвёртый этаж.

Вошли в людскую, закрыли дверь, заложили засов.

Илья подошёл к окну, посмотрел вниз, на машины и асфальт, и, глядя сквозь меня, пробормотал:

— Что это было?!

ГЛАВА 9. НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

К обеду вернулся Николай Петрович, и не один — с милицией и служебной собакой!

— Не хотели идти, давайте, мол, после Нового года, — шепнул он бабуле. — Но от меня так просто не отвертись: пришлось показать удостоверение ветерана органов внутренних дел, как-никак, по молодости сам на мотоцикле район патрулировал, отец мой в войну с бандитизмом боролся, и дед в чрезвычайном комитете родине долг отдавал!

Два милиционера прошли вслед за соседями на кухню и осмотрели место происшествия: шкафчик открыт, фарфор исчез, но ни на стёклах, ни на дверце, ни на полочках не оказалось ни одного свежего отпечатка пальцев.

Шкафчик дали обнюхать собаке в наморднике: она потыкалась в створки, сделала круг по кухне — соседи дружно попятнулись, и села, растерянно стукнув хвостом.

— В перчатках работали, — со знанием дела прокомментировал Петрович.

Один из милиционеров наклонился, почти уткнулся в дверцу, потянул носом, подумал и сообщил напарнику:

— Запах интересный: вроде духи, цветочные, но очень резкие, сейчас такие не выпускают — у женщин не в моде. Белая сирень?

Перчатки, сирень, как эхо передавали друг другу соседи: банда грабителей — женская? Ну, дожили!

«Перчатки и духи?»

Я точно знала, в последние два дня я слишком часто сталкивалась с этими двумя вещами, причём неотделимыми одна от другой.

Но где, где?

— А-а! — вскрикнула я. — Вспомнила!

— Что? — обернулись соседи.

— Перчатка и духи. Подождите, сейчас принесу, если она ещё там.

Я ринулась в коридор, на ходу обматывая руку носовым платком, пробарабанила в комнату Ильи, подскочила к старинному дивану из чёрной кожи, пошарила по сиденью и подняла маленькую узкую перчатку из тонкой кожи с дорожкой мелких пуговок.

От перчатки крепко пахло духами.

Илья вопросительно смотрел на меня: зачем тебе эта ерунда?

Я схватила его за руку и потащила на кухню.

Соседи расступились, услышав мой топот.

— Вот! — выдохнула я и подала перчатку милиционеру.

Он поднёс её к лицу, вдыхая запах, затем внимательно осмотрел, вновь потянул носом и сказал:

— Очень похоже... Белая сирень?

Потом показал соседям:

— Кто владелец?

Все переглянулись, надеясь услышать от кого-либо ответ, но владельца не нашлось.

Милиционер поднёс перчатку к собачьей морде, соседи, затаив дыхание, ждали команды «Искать!», но пёс вдруг ошетинился, зарычал, а потом отвернул морду и попятился.

За дело взялся напарник: он тыкал перчаткой в нос собаке, но та лишь отворачивалась и испуганно скулила, а потом взвыла и спряталась за ноги хозяина.

Петрович разочарованно крикнул.

Попытки подвести розыскную собаку к двери на чёрную лестницу тоже не увенчались успехом: пёс отчаянно упирался лапами в пол, так что его удалось лишь потащить за поводок пару метров по кухне.

Милиционеры сердито сказали псу: «Снимем с довольствия!», погрозили отправить собачку сторожить детский сад, упаковали перчатку в пластиковый пакет, задали всем обыденные вопросы: фамилия, когда родился, где прописан, где находился в ночь с 30 на 31 декабря и ушли со словами: «Будем искать».

Соседи разошлись, а мы с Ильёй пробрались в кладовую и присели на сундук возле окна — обсудить события.

Разговор почему-то не вязался: Илья напряжённо молчал.

Наконец, он внимательно посмотрел на меня и спросил:

— Ты что вчера делала?

Я поняла: Илья пытался, как давеча я Юлечку, расспросить — мы действительно гуляли в прошлом, или всё это ему приснилось?

— Ты что — забыл? Мы вместе выходили по чёрной лестнице в 1913 год.

— Значит, это был не сон?

— Не сон, — покачала я головой. — Кстати, у тебя в пальто должно лежать доказательство, если, конечно, ты его не слопал во сне, — конфетка.

Илья встрепенулся, оказалось, от избытка впечатлений он забыл про карамельку с надписью «С Рождеством 1914 года!», подошёл к шкафу со старой одеждой, пошарил в карманах и вытащил конфету на свет божий.

Я развела руками: теперь веришь?

Илья засунул конфету в рот, с хрустом разгрыз её — «ничего особенного, со вкусом лимона», и, наконец, стал прежним — разговорчивым и открытым.

Мы принялись шаг за шагом вспоминать пережитое, а когда дошли до событий в парадном, я вспомнила: вчера из него вышла женщина с двумя детьми, интересно, в которой квартире они жили? Может, в нашей?

Я спросила Илью, но он с сожалением покачал головой: откуда ему знать, всё было слишком давно.

Но почему я вспомнила об этой женщине? В голове крутилось... шуба? Санки? Шляпка? Нет, не то.

И вдруг: мама дорогая! не может быть! нет, точно, два слова, неуловимо вертевшиеся в голове — перчатки и духи!

На даме из царского Петербурга были такие же перчатки с дорожкой круглых пуговиц, и я помнила шлейф крепких духов, опавший на меня!

Я судорожно схватила Илью за руку, едва удержалась на сундуке, и бессвязно выпалила:

— Эта перчатка, на диване, сегодня, собака нюхала!

— Что?!

— Она была на женщине, я встретила её вчера в 1913 году!

— Уверена? Такие перчатки сто лет назад в Петербурге носили сотни женщин.

— Это не всё: в 1913 году ещё были духи, очень резкие.

Дама в таких же перчатках душилась такими же духами и при этом вышла из нашего парадного? Не слишком много совпадений?

— Пожалуй, ты права, — согласился Илья. — Но как эта перчатка оказалась в нашей квартире на диване?

Мы задумались.

И я опять судорожно схватила Илью за рукав: что если кто-то из соседей знал о тайне чёрной лестницы, как и мы, ходил в прошлое и там подобрал перчатку возле дома или общался с этой дамой. Потом принёс, возможно, нечаянно, по рассеянности, в кармане в квартиру, да и обронил на диван?

Мы долго обсуждали кандидатуры путешественников в прошлое и пришли к выводу — похоже, Петрович: уж очень близко к сердцу принимал пенсионер все события, связанные с лестницей, без конца твердил о нечистой силе!

— Кстати, ты обратил внимание, как привратник в парадном похож на Петровича? Вспомни! — сказала я Илье.

И по его округлившимся глазам поняла — вспомнил!

— Может, Петрович ходит в прошлое и подрабатывает вахтёром?

Впрочем, эту версию мы отмели — чересчур невероятно, но нас не оставляло подозрение: Петрович что-то знал.

К сожалению, на этом цепочка наших умозаключений прервалась: похож, как две капли воды, знал, и дальше что? На этом мы и разошлись по своим комнатам.

Поздно вечером мы с Юлей выставили на стол последние тарелки с салатами и закусками и в изнеможении опустились на диван.

За час до Нового года квартира напоминала пчелиный улей: в коридоре полная иллюминация, двери в комнаты нараспашку, беготня, суета, смех, шум телевизоров, оживлённые разговоры и переключки, в общем, дым коромыслом, разве что фейерверка нет.

Кто мог подумать, что ветераны так разойдутся!

Петрович нарядился в валенки, тулуп — интересно, где он его взял, может, из прошлого притащил? — и под видом Деда Мороза с баяном ходил из комнаты в комнату, в надежде опрокинуть рюмочку.

Лидия Алексеевна взяла на себя роль Снегурочки: обмотала причёску и шею серебристой мишурой.

Наконец, бабуля сняла фартук, мы уселись за стол и принялись поднимать бокалы с фантой за уходящий год.

Без пяти двенадцать Юля поспешно вскочила, вырвала из блокнота листок и подала мне кусочек бумаги: надо написать желание, под бой курантов сжечь листочек над свечой, пепел бросить в бокал и с последним ударом залпом выпить — желание непременно сбудется!

Бабушка засмеялась — ой, выдумщицы, но вытащила из шкафа и зажгла свечу.

Я схватила карандаш и мелко-мелко написала: пусть раскроется тайна двери на чёрную лестницу!

На экране телевизора появились часы, с двенадцатым «бом-м!» я проглотила опалённый кусочек записки и запрыгала от радости: Новый год!

Бабушка принялась звонить Раисе Романовне, мы с Юлечкой — родителям, потом обменялись подарками. Бабуля со словами: «Что это Дедушка Мороз нашей Машеньке принёс?» вручила мне пакет, оказалась, с бархатной юбкой.

Юля подарила мне флэш-карту для компа, я ей — фотоальбом.

А бабуле мы вручили термос — заваривать травяной чай, тапочки из овчины и витамины «Молодое сердце».

Соседи вывалили из комнат, и пошли по гостям, обмениваться подарками: собирались толпой у Светланы и Ильи, переходили к Лидии Алексеевне.

Я дарила пакетики фруктового чая и получила в ответ тринадцать конфет, пять шоколадок, две кружки и мягкую игрушку — котёнка.

После взаимных здравий и объятий самые весёлые ветераны плясали под баян Петровича в коридоре и потихоньку, к часу ночи, все добрались до кухни.

Из духовок тянуло ароматами мяса, тут же устроили дегустацию утки, запечённой Светланой по китайскому рецепту, разливали шампанское.

В суматохе никто не обратил внимания, как, откуда и когда возле стола бабули оказалась гостья с мертвенно бледным лицом, одетая в длинную чёрную юбку, тонкую, но широкую шубу и шапочку с вуалью.

Потом вспоминали: кто-то краем глаза видел — женщина постояла за спинами, а затем проскользнула в коридор, но незнакомому человеку не придали значения, мало ли к кому пришла встретить Новый год дальняя родственница или знакомая!

Мы с Ильёй решили покинуть шумную гвардию — обменяться подарками, и примчались в бабулину комнату.

Я подлетела к шкафу и вскрикнула от неожиданности: возле ёлочки стояла вчерашняя сумасшедшая тётка!

Она держала в руке и пристально вглядывалась в игрушку, висевшую на ветке — деревянного ангела с облезшей позолотой.

Я ринулась назад, к Илье:

— Меня эта соседка вчера ночью достала! Как её зовут? Надо вывести её отсюда!

— Первый раз вижу, — пожал плечами Илья. — Она у нас не живёт, наверное, к родственникам пришла?

— Женщина, извините, вы к кому пришли? — издали громко спросила я.

Незваная гостья повернула голову, посмотрела невидящим взглядом и нервно выкрикнула:

— К себе я пришла! К детям! Где они, куда вы дели Лизочку и Борю?!

Какая Лизочка, какой Боря?!

— Извините, в нашей квартире детей нет, может, вам этажом ниже? — спросил Илья.

Его слова разозлили женщину, она скривила рот, взмахнула сухими кулаками, столик с Юлиным ноутбуком пошатнулся, ждущий режим сменился на активный, экран осветился, проявив фотографию петербургского семейства.

Гостья бросила взгляд на снимок, приоткрыла рот, задрожала, протянула к экрану трясущиеся руки и всхлипнула:

— Боренька, Лиза, деточки мои!

Я не знала, что и подумать: может, это несчастная мать? Потеряла детей в автокатастрофе, сошла с ума от горя и теперь во всех малышах видит своих детей?

Мы растерянно переглянулись.

— Извините, вас как зовут? — спросил Илья.

Женщина выпрямилась, вздёрнула подбородок и высокомерно бросила:

— Маргарита фон Тиз, в девичестве Фогель!

— Где-то я эту фамилию слышал, — пробормотал Илья. И добавил, понизив голос: — Может, она раньше здесь жила, до моего рождения?

— Вы, наверное, в этой квартире жили? — вежливо сказала я.

— Вы очень догадливая барышня: я действительно имела счастье жить здесь со своим мужем и детьми, пока пьяницы и мерзавцы не лишили нас всего, что мы имели.

— А в каком году вы здесь жили?

— С одна тысяча девятьсот седьмого года.

— Сколько же вам лет, больше ста? — с иронией спросила я.

— Вы дурно воспитаны, но другого отношения я от самозванцев и не ждала. Ещё раз повторяю: мне 36 лет и я проживала в этой квартире с одна тысяча девятьсот седьмого года.

Мы с Ильёй вытаращили глаза: сумасшедшая!

Что будем делать?

— Ты беги на кухню, спроси, к кому пришла Маргарита-ван... фон... — скомандовал Илья. — В общем, скажи, чтоб забирали свою даму, а я здесь покараулю, чтоб не буянила.

Как только Илья произнёс «дама», меня охватило подозрение: что если сумасшедшая на вид женщина — ТА «чёрная дама» из таинственных разговоров бабушки и рассказов Петровича?

Странно, но мысль о том, что перед нами стояло привидение, не напугала меня, а, наоборот, вызвала возбуждение и интерес.

— Простите, пожалуйста, Маргарита, не знаю вашего отчества, кем был ваш муж?

— Инженером путей сообщения, служил на императорской железной дороге.

Инженер путей сообщения! Бабуля говорила: квартиру занимали инженер и художница.

— А вы кем работали?

— Я — живописец, художница.

Мама дорогая, всё сходилось!

Что я ещё знала о даме? Вспомнила: прислуга, женщины с молоком, упоминали Арлекина.

— Маргарита, вы рисовали портрет Арлекина?

Глаза дамы затуманились, она грустно качнула головой, слабо приподняла руку, указывая на шкаф, и тихо сказала:

— Да, была такая фреска, я её написала водяными красками на этой стене.

— Илья, она из прошлого! — взволнованно прошептала я.

— Пришла по чёрной лестнице? — тоже шёпотом вскрикнул Илья. — Из 1913 года, в котором мы были?! И что теперь делать?

Мы не успели придумать, как поступить — вопрос разрешился сам собой: чёрная дама стремительно прошла мимо нас, обдав холодом и затхлыми духами, обернулась, взглядела в Илью, потом встряхнула головой, бросила: «Вы ответите за моих детей!» и скрылась в коридоре.

С минуту мы стояли в оцепенении, молча озирали комнату и глядели друг на друга.

Потом, не сговариваясь, побежали на кухню: соседи галдели и угощались, дамы среди них, само собой, не было — исчезла, растворилась так же внезапно, как и появилась.

— Ты почувствовал, как пахло духами?

Илья округлил глаза, и я без слов поняла: он явственно вспомнил терпкий запах.

Значит, это её перчатку я нашла на диване, и разгром в квартире устроили не воры, а чёрная дама из прошлого, и пропавший фарфор — её рук дело.

Теперь понятно, почему щетинилась и скулила милицейская собака: чуяла потустороннее.

Да-а, вряд ли милиция найдёт этого преступника.

ГЛАВА 10. ОПРОС НАСЕЛЕНИЯ

Утро первого января выдалось классическим послепраздничным: серое небо, пустынная улица за окном, обрывки дождика и конфетти из хлопушек по всему коридору, баян Петровича и мишура Снегурочки — Лидии Алексеевны на полу кухни, завтраки остатками салатов и чаем с шоколадными конфетами из многочисленных сладких подарков.

Впрочем, на этом обыденность закончилась: нам с Ильёй предстояло провести следствие — мы решили допросить соседей, чтобы окончательно раскрыть тайну чёрной дамы, раз и навсегда покончить с её визитами.

Первым в нашем списке значился Николай Петрович.

Мы вежливо, но решительно — по примеру вчерашних милиционеров, постучали и, не дожидаясь ответа, вошли в комнату.

Я оглядела обстановку проницательным взглядом Шерлока Холмса: фотографии в серванте, вытертое кресло перед телевизором, на стене вырезанный из газеты календарь игр чемпионата по футболу, на столе допотопный алюминиевый электрический чайник с потрёпанным шнуром и огромная кружка.

Всё старое, выдавшее виды, но не настолько, чтобы предположить: Петрович притащил эту вещь из 1913 года.

Мы с Ильёй не стали темнить, а с ходу выложили, мол, знаем про визиты таинственной дамы — сегодня ночью она опять здесь была, про чёрную лестницу и проход в прошлое: вы, Николай Петрович, каким-то образом связаны с загадочными событиями, не хотите поговорить об этом?

Я была уверена — Петрович погонит нас в шею, но, к нашему удивлению, пенсионер страшно обрадовался вопросам: сам давно хотел вывести ЕЁ на чистую воду, да соседки, заполошные бабы, каждый раз рот затыкали.

Ветеран усадил нас за стол, налил чаю, развернул шоколадку и рассказал — ничего не утаил.

Но сперва мы выяснили: Петрович не знал о проходе в прошлое и никогда не выходил в 1913 год, хотя наш рассказ про путешествие на Садовую столетней давности воспринял с восторгом: хлопал ладонью по столу, коленям, восклицал: «Чужало моё сердце что-то подобное!».

— А мы подумали, вы украдкой пробирались в царское время и подрабатывали в нашем парадном привратнике: там человек в мундире — просто ваша копия!

— Ничего удивительного — это ж мой родной прадед! — сообщил пенсионер. — Как он там, здоров, не болеет?

Более странного разговора в моей жизни не было.

— Бодрый, службу нёс исправно, в дом не впустил ни в какую, прямо попёр нас из дверей на улицу!

Петрович удовлетворённо хмыкнул.

Прадед с женой и детьми всемером теснились в комнатке привратника, прямо при входе в парадное: за стеной шумела «чайная», подвыпившие посетители частенько били стекла в единственном окошке каморки.

Глава обширной семьи честно и преданно нёс свою круглосуточную, без выходных вахту без всякой казённой платы от владельца дома: трудился за крышу над головой да за мелкие деньги «на чай» от состоятельных жильцов и богатых гостей.

Неудивительно, что после Октябрьской революции 1917 года семейство оказалось на стороне восставшего пролетариата.

Старший сын — дед Николая Петровича, надел кожаную тужурку и стал чекистом.

Его активными стараниями нашу квартиру быстро уплотнили: семью фон Тизов переселили в людскую, остальные комнаты заняли неимущие, беднота, рабочие, прислуга.

«Уплотнение»! Вот что значило это слово в бабушкиных воспоминаниях. Правда, она упорно избегала говорить подробнее, лишь бормотала: «Такое было время, детка». Наверное, её родственники тоже кого-нибудь «уплотнили», поэтому бабуля и стеснялась признаваться?

Предки Николая Петровича заняли смежные помещения — столовую и буфетную. Уже в нынешнее время, когда Петрович остался один — жена умерла, сын-офицер уехал в гарнизон, проём между столовой и буфетной заложили, за стеной поселились другие люди.

— Нехорошо, конечно, с Тизами поступили — мебель, вещи, фарфор, посуду растащили. Всё ж таки немало Тиз пользы России принёс, известная была фамилия в инженерной среде, — виновато сказал сосед. — Но время тогда сложное было.

— Николай Петрович, на кухне в угловом шкафчике стояла посуда фон Тизов? — догадалась я.

— Она самая, разграбленная. В те годы говорили: экспроприированная на нужды трудящегося народа.

— Значит, фарфор унесла его хозяйка, Маргарита, — сказал Илья.

Петрович развёл руками: она, чёрная дама, Маргарита фон Тиз.

— Странно: Маргарита пришла из прошлого забрать чашки, которые в прошлом у неё ещё есть? — протянул Илья.

— Ничего странного, это же потусторонние дела. Когда пять лет назад дамочка явилась впервые, я поговорил со знакомым экстрасенсом, — сообщил Петрович. — Он сказал: в местах стыковок временных слоёв и в тоннелях всегда происходят парадоксальные вещи, не объяснимые с точки зрения здравого смысла. А как она вообще к нам приходит, если уже померла давно: вроде в тридцатые годы её... того...

Петрович нахмурился и замялся.

— Что? — хором спросили мы с Ильёй.

— Ну что-что? Сами знаете, время какое было. — Опять эта уклончивая фраза! — Вот и всё, что я знал, ребята.

Мы поблагодарили Петровича, и я попросила:

— Пожалуйста, не говорите бабушке про мою прогулку в прошлое, а то она меня из дома больше не выпустит, станет охать: послала за майонезом, а ты в 1913 год увистала!

Пенсионер поклялся: могила!

Потом искося глянул на Илью и сказал:

— А ты маму свою поспрашивал? Может, что вспомнит?

Мы вышли в коридор, и Илья пожал плечами:

— А что моя мама могла знать про фон Тизов? Ей 34 года, исторических событий нашего дома не застала. Скорее, твоя бабушка владеет сакральными знаниями этой квартиры.

Следующей в нашем списке «подозреваемых» была Настасья Ивановна: по словам бабули, именно в её семье много лет хранился фарфор семьи фон Тиз.

— Сомневаюсь, что захочет говорить, — вздохнул Илья. — Как я понял из рассказа Петровича, новые жильцы растащили имущество прежних хозяев? Разграбили, если называть события своими именами.

В скромной и аккуратной комнате Настасьи Ивановны, как и у Петровича, не оказалось антикварных вещей из царского прошлого, за которыми могла бы явиться чёрная дама.

— Деточки, я сама толком про бывших хозяев ничего не знаю, — развела руками Настасья Ивановна. — В то время за знакомство с дворянами двадцать лет лагерей давали, на рытьё каналов отправляли, в штрафной батальон на фронт посылали, детей в детдом отбирали. Поэтому родители за всю жизнь ни словом не обмолвились: чьи вещи, почему хранились в нашей семье? Хотя я понимала: не наши вазочки да чашки, мы-то всю жизнь алюминиевыми ложками щи хлебали, чай из стаканов пили.

Наш рассказ о том, что позавтрашней ночью в квартире бесновались не воры, а владелица вазочек и чашек, хозяйка Маргарита фон Тиз, произвёл на Настасью Ивановну гнетущее, если не сказать убийственное, впечатление.

Пенсионерка закатила глаза, прижала руки к груди, простонала: «Валидол в кармане» и повалилась на диван.

Мы с Ильёй едва привели её в чувство горячим чаем, валидолом и валерьянкой.

— А если бы блюдца до сих пор у меня в серванте стояли? Нечистая сила ко мне бы в комнату явилась? — стонала соседка. — Сколько лет прошло, ни разу покойники нас не тревожили. Первый раз пять лет назад ОНА явилась, но как замуровали дверь на чёрную лестницу, все успокоилось. А теперь — снова за старое? С чего вдруг Маргарита начала к нам шастать?

В этом главный вопрос: зачем приходит чёрная дама?

Если мы найдём ответ — сможем положить конец неприятным визитам.

Настасья Петровна отдышалась и засобиралась в церковь за святой водой и свечами, а мы пошли к Илье — обдумать рассказы соседей.

Мама Ильи усадила нас за стол, налила кофе со сливками — мы в этот день чаем и кофе упились! — достала из холодильника разноцветные пирожные, подпёрла руками подбородок и сказала:

— По какому поводу такие озабоченные лица?

Мы переглянулись.

— Мама, ТА женщина опять приходит в квартиру: это она устроила разгром, разбросала вещи, унесла фарфор. Мария с ней столкнулась на кухне, но думала — это незнакомая сумасшедшая соседка. Сегодня ночью гостя прошла через кухню, когда вы целой толпой там веселились, и добралась до комнаты Тамары Павловны.

Думаю, сегодня после полуночи тоже явится. Чтобы прекратить эти паранормальные страсти-мордасти, нужно выяснить: как и зачем она приходит? Этим мы с Марией и занимаемся. Петрович подтвердил: даму зовут Маргарита фон Тиз. Где я эту фамилию слышал?

Светлана подняла брови, раскинула ладони и сказала:

— Что значит «где слышал»? Маргарита до замужества была Фогель, по немецки Птица. А моя девичья фамилия...

— Птицына! — перебил Илья.

Я уставилась на Светлану и Илью: за столом сидели потомки чёрной дамы?!

— Мама, ты не путаешь? Почему ты ничего не рассказывала?

— Откуда я могла знать, что в квартиру ходит дух твоей пра-пра- — не знаю сколько там ещё «пра» — бабки?! Я с ней на кухне не встречалась, обо всём только со слов соседей слышала. А если бы и встретила, не узнала. Её вместе с мужем расстреляли в 1927 году, как врагов, за агитацию против советской власти. Я, кстати, тебе об этом говорила, ты даже сочинение по истории писал! После этого дальние родственники поменяли её детям, Борису и Елизавете, фамилию на Птицыных.

— Мне в голову не пришло, что чёрная дама и моя погибшая прабабушка — один и тот же человек. Голова идёт кругом! Мама, а фотография Фогелей у нас есть?

— Откуда, солнышко? За такие снимки в сталинские времена на двадцать лет сажали, без права свиданий и переписки. Дети врагов народа, понимаете, что это было за клеймо? Фотографии дворянских и купеческих родственников внуки и племянники жгли в печках.

Илья вскочил и в волнении закрыл по комнате:

— Моя пра- сколько там этих «пра» — бабка! Невероятно, сегодня ночью я разговаривал со своей прабабушкой!

— Светлана, — встряла я в разговор, — ваша родственница всё время выкрикивала: отдайте детей, верните, что вы с ними сделали?

Илья подскочил к столу: да, мама, она сегодня ночью тоже говорила про Борю и Лизочку.

Мы посмотрели друг на друга и вскрикнули:

— Маргарита приходила за своими детьми!

Но почему она решила, что Боря и Лиза здесь?

— Вспомнила! — сказала я. — Сегодня ночью ваша прабабушка задела Юлин ноутбук и вдруг уставилась на экран, протянула руки, задрожала и стала рыдать по детям. У Юлечки на десктопе в компе старинная фотография: муж, жена и двое детей, а вдруг на снимке — семья фон Тизов?

Мы, не сговариваясь, бросили пирожные, как стадо оленей пронесли по коридору и влетели к бабуле.

— С Новым годом, Тамара Павловна! С новым счастьем!

— Спасибо, Светочка! Что случилось?

— Где Юля? — крикнула я, прервав светскую беседу.

— Повезла Раисе студень и салаты. Да что случилось-то?

Пришлось включить ноутбук без разрешения.

К счастью, для входа не понадобился пароль: прозвучал мелодичный проигрыш, и на рабочем столе появилась фотография.

Вчетвером — бабуля на всякий случай присоединилась к нам — мы сгрудились перед экраном и уставились на снимок.

Я всмотрелась в даму: она! Как я раньше не догадалась: шуба, шляпка, сапожки — копия одежды ночной гостьи и художницы, которая вышла из парадного с санками и детьми.

Теперь мы знали: детей на фотографии звали Лиза и Боря, и они — предки Светланы и Ильи.

— Илюшка, ты в детстве был очень похож на этого мальчика, — дрожащим голосом сказала Светлана. — Такие же глазки удивлённые...

— Объясните же мне, в чём дело? — вскрикнула бабуля.

Мы наперебой зашумели: в квартиру приходила бывшая хозяйка, Маргарита фон Тиз, прапрапра... бабушка Светланы и Ильи, это она грабанула шкафчик на кухне и сегодня ночью наверняка опять придёт!

Бабуля поводила глазами: ну дела!

— Светочка, а ты действительно похожа на Маргариту: такое же благородство в осанке и взгляде. А ты, Илья, выходит дело, благородных дворянских кровей?

После этого вежливого вступления бабушка задала важный, можно сказать ключевой, вопрос нашего расследования: когда и где Юля взяла фотографию бывших владельцев квартиры и почему ни разу не обмолвилась о людях на снимке?

Надо срочно объясниться с Юлей! Мобильник ответил — «вне зоны доступа».

Мы позвонили Раисе Романовне, она взяла трубку и не очень разборчиво, но всё же поговорила с нами.

«Юлечка ещё не подъехала, наверное, в дороге, да-да, передам, чтобы ждала вас».

Светлана предложила поехать на машине, мы с Ильёй с радостью согласились.

Я быстро собралась, чмокнула бабулю — она осенила меня размашистым жестом, — запуталась в шнурках ботинок и напоследок крикнула в распахнутую дверь:

— Бабушка, Маргарита сказала: у тебя на стене за шкафом есть фреска Арлекина! Она сама её написала водяными красками.

Бабушка замерла с открытым ртом: ещё чего не хватало!

Город отходил от новогодней ночи — улицы и проспекты пусты, ветер гонял хлопья и дождик, из-под тонкого слоя инея алели мандариновые корки, валялись бутылки и банки.

Невский проспект — мелькнуло кафе, в котором мы с Ильёй пили ванильный коктейль, серебрился от холодной пороши.

Но здания выглядели величественно: странно думать — эти же проспекты, замёрзшую Неву с цепочкой следов, дворцы первого января 1914 года видели Боря, Лизочка и Маргарита фон Тизы.

Светлана умело вела машину по подмёрзшей дороге, и через двадцать минут мы въехали во двор на Серебристом бульваре и вошли в дом-корабль.

Оказалось, мы примчались раньше Юли: она добиралась на метро и троллейбусе да ещё зашла в магазин за молоком и хлебом.

При виде нашей толпы Юлечка чуть не выронила сумки и пакеты: что случилось?!

— Надо поговорить!..

Наконец Юля вручила подарки, расцеловала родственницу, усадила на диван во взбитые подушки и вопросительно посмотрела на нас.

ГЛАВА II. ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

— Давайте-ка чайку? — предложила Раиса Романовна.

— Нет! — гаркнули мы с Ильёй.

Не до чая: время неумолимо близилось к вечеру, а мы так и не знали — зачем придёт дама в чёрном?

— Юлечка, откуда у тебя в компьютере фотография семьи инженера фон Тиза?

— Кого? — недоуменно переспросила Юля.

И только я открыла рот — повторить вопрос, с дивана раздался протяжный вопль:

— Худо мне... Ой, худо!

Мы вскочили и подбежали к Раисе Романовне: она лежала, закатив глаза, и судорожно цеплялась за полы халата.

Юля приподняла голову родственницы, подсунула подушку и, чуть не плача, крикнула дрожащим голосом:

— Вызовите «скорую»! Наверное, опять инсульт!

Светлана бросилась к телефону, а мы с Ильёй замерли в стороне и мучались от беспомощности: чем помочь бедной Раисе Романовне?

Старушка то и дело протяжно стонала.

Юля и Светлана клали несчастной в рот таблетки, лежавшие на тумбочке на блюде, обмахивали газетой, подносили воду — но лучше Раисе Романовне не становилось.

К счастью, «скорая» приехала на удивление быстро, похоже, народ ещё спал после праздничной ночи, и дороги были пусты.

Врач и медсестра смерили пенсионерке давление, заставили поднять руки, зачем-то велели улыбнуться, сделали кардиограмму на переносном кардиографе, затем вызвали нас из прихожей и сообщили: давление в норме, сердцебиение ровное, на повторный инсульт не похоже, возможно, влияние магнитной бури, или пациентка не рассчитала силы с шампанским в новогоднюю ночь.

— Таблетки, которые выписал участковый терапевт, продолжайте давать по схеме и следите за динамикой.

— Это как? — спросила Юля.

— Будет хуже, вызывайте бригаду повторно — госпитализируем.

При слове «госпитализируем» Раиса Романовна вздрогнула, приоткрыла глаза и очень чётко сообщила:

— В больницу не поеду!

Врачи ушли, старушка опять разок простонала и тихим голосом протянула:

— Детки, вам, наверное, домой пора? А ты, Юлечка, останься со мной ночевать.

Похоже, Раиса Романовна выставляет нас за дверь? С чего бы это?

Я решительно села за стол — никуда не уйду, пока не поговорю! — и выпалила:

— Юля, у тебя в компьютере старинная фотография семьи, их фамилия фон Тиз: как зовут мужа неизвестно, женщина — Маргарита, их дети — Борис и Лиза. Это предки Светланы и Ильи. Маргарита приходит по ночам в квартиру и бушует. Когда и как у тебя появился этот снимок? Почему ты ничего не рассказывала? Что скрывала?

Юлечка округлила глаза и посмотрела на престарелую родственницу:

— Раиса Романовна дала мне несколько фотографий пять лет назад, когда я поступила на исторический факультет: я увидела снимки у неё в альбоме, они мне понравились, отсканировала и сохранила в компе, каждый год перед первым сентября меняю их на десктопе. Я понятия не имела, как звали этих людей, Раиса Романовна — тоже.

Всё это очень странно: Петрович, бабуля знали, кто жил в квартире до революции, а Раиса Романовна хранила фотографии и не подозревала, что за люди на них? Я подошла к дивану, наклонилась над пенсионеркой и вкрадчиво протянула:

— Раиса Романовна, а ведь вы знали, кто на снимках! Соседи сказали: спросите у Раи, она лучше всех про фон Тизов расскажет!

Старушка надрывно застонала.

Я подмигнула компании и тревожно скомандовала:

— Юля, вызывай «скорую»! В больницу повезём!

Больная оборвала стон, села и поджала губы:

— Не надо «скорую», вроде полегчало. Спрашивайте, что хотели узнать?

И мы выслушали ещё одну удивительную историю старой коммунальной квартиры.

Сколько помнила себя маленькая Рая, в проходном коридорчике возле двери на чёрную лестницу жила на сундуке крошечная бабусечка: там хранились её нехитрые пожитки, на нём она спала ночью и сидела днём.

Жила старушечка помощью семьи Раисы Романовны и соседей: ни детей, ни пенсии у несчастной не было, кормилась с чужих столов.

Бабусечку любили: никому не мешала, никогда не болела, в праздники ходила к Никольскому собору просить подаяния, мыла полы в коридоре, нянчилась с детшками.

Однажды старушечка сходила в баню, повязала на голову белый платочек, легла на сундук и тихо умерла.

Похоронили бедняжку соседи с трудами и хлопотами... у неё не оказалось паспорта, как она прожила без документа в городе, осталось загадкой.

Поминки справили на кухне, в тот день Рая впервые и услышала фамилию фон Тизов: тихая старушка в молодости была нянькой Лизы и Бори. И приходилась дальней родней Раисы Романовны — «седьмая вода на киселе»: убогую карлицу привезли из деревни и пристроили прислуживать в богатую семью в дом на роскошной Садовой улице.

На сороковой день после смерти нянюшки открыли сундук: среди ветхого старушечьего скарба лежали две иконки, несколько фотографий и узелок с золотыми украшениями и запиской печатными каракулями: «Прошу покорно отдать сие Лизе, Боре Птицыным, детский дом № 6».

Старушечка жила впроголодь, но хранила дорогие серьги и кольца для своих любимых деточек.

Так обитатели квартиры узнали: Лиза и Борис выжили, их не расстреляли вместе с родителями, а отправили на перевоспитание в детский дом. Впрочем, где жили брат и сестра после детдома, никто не знал.

А в 1958 году в людской поселилась интеллигентная семья: инженер и учительница музыки. Это были родители Светланы: так завершился круг скитаний старинной петербургской семьи.

Мы молча сидели в сумерках.

Первым тишину нарушил Илья:

— Интересно, где сейчас золотые украшения из сундука няни?

Раиса Романовна испуганно поглядела на Светлану и вдруг закрыла лицо руками.

— Светочка, Илюша, долго я этот грех носила, видно пришло время каяться: виноваты мы перед вами — сестра сдала драгоценности в скупку и на те деньги купила квартиру в кооперативе. Устали в коммуналке жить, хотелось своего угла.

Старушка сползла с дивана, явно намереваясь упасть на колени.

Светлана подхватила её под руки:

— Раиса Романовна, не надо, вам нельзя волноваться. Купили — и правильно сделали. Ну, какое отношение мы с Ильёй имели к тому золоту? Мы даже толком не знаем, в каком колене Маргарита нам бабушка? Я рада, что драгоценности не сгинули и хоть кому-то помогли.

— Спасибо, Светочка! — заплакала Раиса Романовна. И вдруг встрепенулась и улыбнулась сквозь слёзы: — Илюша, своих детей мне бог не дал, квартиру эту я тебе отпишу, раз она на ваши драгоценности куплена!

Светлана обняла Илью за плечи и весело сказала:

— Ого, к нам возвращается наследие предков!

И все с облегчением засмеялись.

А я поняла, почему Раиса Романовна ничего не рассказала Юлечке о судьбе фон Тизов, отчего не хотела ворошить прошлое и что означали слова бабули «такое было время».

Юля объяснила: все снимки пронумерованы, лежат в компе в файле «старые фотографии», в папке «мои рисунки», и осталась присмотреть за родственницей, а мы поехали домой: следствие продолжалось.

Фотографии Юля разложила по годам размещения на десктопе.

На первой, которая украсила заставку пять лет назад, удивлённо смотрели в объектив нарядные Боря и Лиза.

На второй и третьей — группы мужчин в мундирах, похоже, сослуживцы инженера фон Тиза.

На четвёртой — Маргарита в белой блузке и длинном фартуке возле мольберта.

Последний снимок мы уже много раз видели на десктопе: муж, жена и Лиза с Борей. Впервые дама в чёрном появилась пять лет назад.

Второй раз — в этом году.

На первом и последнем снимках были её дети.

Теперь понятно, как и зачем чёрная дама оказывалась в настоящем.

Маргарита приходила, когда в квартире появлялись фотографии Бори и Лизы, дети «звали» её к себе.

И в это же время оказалась открыта дверь на чёрную лестницу: пять лет назад сломался замок, а на этой неделе её «размуrowала» я.

В эти моменты всегда был включён ноутбук, компьютер и создавал временной тоннель — проход в прошлое.

Конечно, мы уберём фотографии из компьютера, вновь замуруем дверь, но душа Маргариты будет метаться: несчастная женщина являлась узнать о судьбе своих детей, поэтому она кричала: «Где они? Что вы с ними сделали?».

— Мы должны убедить её: с детьми всё в порядке, они прожили долгую жизнь, — предложила я. — Илья, тебе придётся обнять покойницу, сказать, что ты — её правнук, только так она успокоится.

— Обнять?! А почему — я?

— Ты похож на Боря в детстве, она тебе поверит.

— Нет-нет, я запрещаю! — вскрикнула Светлана. — Почему мой ребёнок должен рисковать?

— Мама, прекрати, я не ребёнок! — возмутился Илья и сразу согласился: — Хорошо, обниму любимую прабабку и даже поцелую. Шутка! Можно показать ей фотки моих двоюродных сестёр, вдруг кто-то из них похож на Лизу?

Светлана пошла искать фотографии племянниц, а мы с Ильёй — предупреждать соседей.

Петрович с энтузиазмом принял наше предложение: прежде чем уничтожить проход в прошлое, поговорить с Маргаритой.

— Возьму крест и кол осиновый! — с подъёмом воскликнул пенсионер и надел пиджак.

Мы замахали руками: какой кол, мы же не к вампирам идём! Наша задача — облегчить страдания покойницы, успокоить её душу!

Петрович поскрёб в затылке и высказал совершенно противоположное желание:

— Передам через неё в прошлое помощь прадеду, обручальное кольцо покойницы-жены: мне оно ни к чему, я не голодаю, чай не при царизме живём, а прадед продаст и деткам ботинки купит.

Сбор назначили на кухне без четверти полночь.

Без двадцати двенадцать соседи начали осторожно выходить из комнат в коридор.

Мы с Ильёй переглянулись: народное ополчение!

Этой старой гвардии явно не впервой защищать родную квартиру.

Настасья Ивановна надела на голову вязаную шапку-шлем, а в руки взяла швабру.

Лидия Алексеевна держала опрыскиватель для цветов, наполненный, как она грозно пояснила, святой водой — специально сбегала в Никольский собор за свежей.

Бабуля — в строгом костюме, белой блузке, сжимала большую икону.

Мама Ильи переоделась в спортивный костюм, кроссовки и держала перед грудью прозрачный файл с большой цветной фотографией племянниц — показать Маргарите и убедить её: Лизочка выросла, вышла замуж, родила своих детей, а те — своих, род фон Тизов не прервался!

На Петровиче был старый милицкий мундир, на поясе — кобура, как он заверил — пустая.

Я обеими руками держала раскрытый и включённый ноутбук с фотографией.

На тумбочке наготове стояла банка с краской — заделывать дверь на чёрную лестницу.

Соседи сбились в кучу и осторожно пошли в сторону кухни.

За несколько метров до цели Николай Петрович жестом приказал войску остановиться, все замерли.

Пенсионер выдохнул, решительно вошёл на кухню и включил свет.

В кухне было пусто.

Соседи неподвижно сгрудились на почтительном расстоянии от двери в людскую и опасливо уставились на неё.

От кого-то пахло валидолом.

Из людской не доносилось ни звука.

Вдали, на колокольне Никольского собора двенадцать раз пробили часы.

Полночь!

В кухне повисла тишина, от которой звенело в ушах.

— Видать, не придёт, — с надеждой прошептала Лидия Алексеевна.

Все с облегчением вздохнули.

И в этот момент в людской громыхнуло.

Соседи уплотнились и вцепились друг в друга, Петрович положил руку на кобуру.

Дверь на кухню медленно открылась и появилась Маргарита, как всегда одетая в длинную элегантную шубу и шапочку с вуалью.

Все окаменели, от охватившего ужаса никто из соседей не вскрикнул.

Дама в чёрном вперила глаза в толпу, взгляд наполнился ненавистью, рот перекосялся.

Дальше тянуть нельзя!

Я задрожала от волнения, быстро вышла вперёд и посыпала скороговоркой:

— Маргарита, здравствуйте! Как хорошо, что вы пришли! Миленькая, вы только не волнуйтесь, у нас очень хорошие новости про Боря и Лизочку: они спаслись и жили! Они не погибли! Нянечка ходила к ним в детский дом, проводывала: ваши дети здоровы, накормлены, хорошо учились. — С чего я взяла, что они хорошо учились?! — Лизочка замуж вышла, Боря женился! Вот ваш правнук!

Я завела указательный палец за плечо и оглянулась на соседей: они стояли, как в игре «Замри-отомри», неподвижные, с выпученными глазами.

— Илья, иди сюда, обними бабушку! — я сама не понимала что говорю, словно кто-то это делал за меня.

Илья сделал шаг вперёд, Светлана встрепелась и ухватила сына за рукав.

Но правнук мягко высвободился из цепких материнских рук, подошёл к Маргарите, обнял её и сказал, явно находясь «на автопилоте»:

— Бабушка, милая, здравствуй, наконец-то мы встретились! Как твои дела? А я уже в девятом классе. Мама сказала, я очень похож на Борю в детстве, я твой правнук, меня Илья зовут.

Несчастливая женщина дрожащими руками, затынутыми в перчатки, взяла внука за плечи, мягко отстранила от себя, страдальчески вгляделась в лицо мальчика и бес-связно зашептала сквозь слёзы:

— Похож, глаза такие же, Илья, внучек, Боренька, ты жив, у меня есть внуки, ах, отец не дожил!

Соседи «отмерли», зашевелились, обступили даму и Илюшку и наперебой заговорили:

— Маргарита, вы не беспокойтесь, всё у ваших деточек в жизни сложилось хорошо! Нянюшку мы похоронили, как полагается, по-христиански, сундук её в кладовой стоит, можете забрать, коли нужен, фотографии Лизочкиных внучков тоже заберите, будете глядеть-любоваться. Что фарфор вы унесли, мы не обижаемся, вам он нужнее, у нас всё одно без дела пылился.

Покойница смеялась и плакала, соседи тоже утирали слёзы.

— Надо бы отметить встречу! — громыхнул Петрович, потёр руки и бодро извлёк припрятанную в тумбочку бутылку наливки.

Жильцы вытащили стаканы, Петрович плеснул на донышки, соседи чокнулись, и зашумели: за здоровье!

Мы с Ильёй смотрели на покойницу, изящно пригубившую наливку и качали головами: театр абсурда! Увидели бы в кино — не поверили!

Маргарита оказалась весёлой дамой, казалось, ещё чуть-чуть, и запоёт, а то и в пляс пустится!

Когда Петрович собрался за баяном, мы поняли: ситуация вышла из-под контроля.

— Соседи дорогие, пора прощаться! — выкрикнула я. — Маргарите ещё домой добираться, а то как бы не стемнело!

Что я несла?!

Все переглянулись.

На колокольне Николе пробил час ночи.

Светлана вручила Маргарите фотографии правнуков.

Петрович сунул золотое кольцо и виновато пробормотал:

— Привратнику в парадном при случае передайте, обиды на него не держите, это он от бедности злобился.

Я взяла женщину за руку — холодную, даже сквозь перчатку, ласково повела к людской.

Петрович резво распахнул дверь в коридорчик, затем — на чёрную лестницу.

Маргарита с любовью посмотрела на Илью, вышла на площадку и исчезла темноте.

Соседи навалились на дверь, заложили засов, заткнули тряпками щели, быстро замазали краской.

Мы с Ильёй ринулись к ноутбуку, удалили все фотографии и очистили корзину.

Все вновь собрались на кухне, поднялся гомон, жильцы вспоминали происшедшее и на нервной почве смеялись до слёз:

— Я стою со шваброй и почему-то думаю: может, студня Маргарите с собой дать? Небось, при царях такого не варили!

— А я, когда Петрович наливки плеснул, чуть не сказала: пусть земля вам будет пухом!

— А Илюшка какой молодец, не побоялся, обнял прабабку!

Бабуля бережно поставила в угловой шкафчик икону, которую на протяжении всей встречи одной рукой прижимала к груди, перекрестилась и обняла меня:

— А что же вы мою внучку не хвалите?

И все перекинулись на меня.

Мы с бабулей улеглись в три часа ночи, но ещё долго не могли уснуть от возбуждения: разговаривали про удивительную историю квартиры.

Я смотрела на деревянного ангела на ёлке — он золотился в свете уличного фонаря, наконец, глаза мои закрылись, и я спокойно, без сновидений подрыхла до позднего утра.

* * *

Вагон остановился точно напротив вокзала, я сразу увидела родителей и спрыгнула с высоких ступенек прямо в их объятия.

Прошло всего десять дней, а мне казалось, я не была в родном городе год.

— Машуля, как ты изменилась! — вскрикнула мама. — Выросла! Совсем взрослая! Видно, бабушка хорошо тебя кормила.

Ну почему у мамы всегда на всё одна причина?! Заболела — «есть надо лучше», выросла — «вот что значит хорошо ела».

Я и в самом деле чувствовала себя старше, взрослее и выше ростом. Но не из-за бабушкиных разносолов, как думала мама. Просто я впервые лицом к лицу встретилась с жизнью во всей её сложности, с историей людей, в которой невозможно с лёгкостью расставить оценки: этому — пять, этому — два. Потому что жизнь — гораздо более сложная штука.

Мы вошли в нашу квартиру в панельном доме в центре Череповца — какая же она маленькая, хоть и три комнаты!

Я уронила рюкзак на пол и чуть не заплакала: как же я буду скучать по огромному тёмному коридору, необъятной кухне, ветру, завывающему в дымоходах. И конечно, по соседям!

Впрочем, долго грустить мне не пришлось.

Через два дня аська начала непрерывно весело крякать: сыпались всё новые сообщения от Ильи и Юлечки.

Моя энергичная героическая бабуля удивила всех: разобрала шкаф, передвинула его к другой стене, ободрала многолетние наслоения обоев и явила миру фреску, о которой рассказала Маргарита.

Картина оказалась огромной, почти во всю стену: на фоне Садовой улицы 1913 года двигались и танцевали люди в карнавальных костюмах Арлекина, Коломбины, кукол, принца и принцессы, птиц и бабочек.

Юля сразу узнала в четверых центральных героях семью фон Тизов — Маргарита изобразила себя, мужа и детей.

Сразу примчались журналисты, телевизионщики.

Эксперты узнали в манере живописи единственную сохранившуюся работу знаменитой в начале прошлого века репрессированной художницы Маргариты Золотарёвой — оказывается, наша дама в чёрном творила под псевдонимом, о котором мы не знали.

На основе Юлечкиного исследования сняли документальный фильм о фон Тизах. Выяснилось, мужа Маргариты звали Александр Варламович, он был выдающимся инженером своего времени, сведения о нём сохранились в музее железнодорожного транспорта.

После сюжетов по телевидению и статей в газетах в дом из мэрии пришла комиссия по культурному наследию: осмотрели фреску, сундук, шкафчик, ёлочные игрушки, а через неделю соседей потрясло известие — квартиру расселяют! В ней будет музей, а жильцам предоставят отдельное благоустроенное жильё в новом доме в этом же районе!

Ветераны прислали мне восторженное сообщение:

«Машенька, спасибо тебе! Если бы не твоя смелость и любопытство, так бы и куковали мы на коммунальной кухне! А теперь, благодаря тебе, будем жить в собственных квартирах с удобствами. Хотя и грустно расставаться, но жить-то будем в одном доме, так что всегда сможем встретиться. Приезжай чаще!»

В марте бабуля справила новоселье.

В двух квартирах на первом этаже старого дома на Садовой обустроились офисы с выходом на чёрную лестницу и ресторан «У Тизов».

Лестницу отремонтировали, прорубили окна, стены покрасили в персиковый цвет. Чёрной лестницы не стало.

В мае в квартире открылся музей.

В июне, перед отъездом в Париж, на учёбу, Юлечка сообщила: в новостях по телевизору выступила директор квартиры-музея, выражала благодарность неизвестному посетителю, который тайком принёс и оставил в квартире коллекцию фарфора фон Тизов — блюдца, чашки и декоративную вазочку с фарфоровыми фруктами.

А следом позвонила бабуля:

— Машенька, жду тебя на летние каникулы! Обещаю, они запомнятся тебе надолго!

ОЛЬГА ЖУРАВЛЁВА

Житие персидского поэта, рассказанное русской женщиной

Пьеса для театра в 2-х действиях

Действующие лица:

Омар Хайям,
Шах,
Визирь,
Новый Визирь,
Эльпи — 20-летняя служанка — наложница Омара Хайяма,
Ахмад — слуга-эфиоп,
Хусейн — слуга Шаха,
Палач,
Две красавицы с ситарами и опахалами,
Три рабыни-танцовщицы.
Слуги — три человека.

ДЕЙСТВИЕ I

Дворцовые покои. Шах восседает на троне. Слева на подставке лежит Коран. Справа, скрестив руки на рукояти, — Палач с топором. По обе стороны сцены на коврах и подушках сидят девушки в шальварах, настраивают ситары.

КАРТИНА 1

Шах *(делает вялый жест)*: Позвать сюда Визиря.

Слышны крики: Главного визиря к Шаху! Шах требует к себе главного визиря!

Тотчас появляется Главный Визирь. Падает ниц перед троном.

Визирь: Я здесь, повелитель гор, лесов, рек, морей, а также властелин множества воинов, челяди и великого государства, а также...

Шах поднимает руку, останавливая славословие.

Шах: Ну? И какие новости в моём великом государстве?

Визирь: Да продлятся годы твои, мой повелитель! Лучшая новость — это отсутствие новостей!

Шах: Хочешь сказать, в великом государстве совсем ничего не происходит? Или ты что-то пытаешься от меня скрыть?

Визирь: О, повелитель! Мне ли не знать, что от твоего всевидящего ока невозможно скрыть ничего во всей подлунной.

Шах *(брезгливо отмахивается)*: Встань. Был ли ты сегодня на рыночной площади?

Визирь *(подымаясь с колен)*: Был, мой повелитель.

Шах: Ты надевал на себя одежду дервиша, чтобы не быть узнанным?

Визирь: Да, повелитель. Как ты и велел.

Шах: Что говорит обо мне мой народ?

Визирь: Народ славит твой ум, твою доброту и щедрость и желает тебе долгих лет жизни, о, повелитель.

Шах: Это я и без тебя знаю. А что происходит в моей столице?

Визирь: Я встретил пришельца из города Нишапури, который составляет удивительно точные астрологические карты. По моей просьбе он и мне составил такую карту.

Шах: И чему же ты удивился?

Визирь: Моё прошлое он рассказал так, как если бы сам был живым свидетелем моей жизни. Хотя ему всего семнадцать лет.

Шах: Мой придворный астролог делает то же самое. Нет, это не новость, Визирь.

Визирь: Как тебе угодно, повелитель.

Шах: Ответь, сколько преступников отбывают срок в моих тюрьмах?

Визирь: Две тысячи восемьсот два!

Шах *(задумчиво)*: Две тысячи восемьсот два... хм? Вели отрубить головы двум последним. Для ровного счёта.

Визирь: Палач. Отруби головы двум преступникам.

Палач кланяется и уходит.

Шах: Вот тебе и новость, Визирь. Казнены два преступника. Правосудие вновь восторжествовало.

Визирь: Всё так, мой повелитель. Но они всего лишь украли курицу...

Шах: Значит, двумя голодными в государстве стало меньше.

Визирь: Я преклоняюсь перед твоей мудростью, о, повелитель.

Палач приносит головы преступников на блюде, ставит блюдо к ногам Шаха.

Шах *(Визирю)*: Теперь оставь меня. Но чтобы завтра, с утра, у тебя была для твоего господина достойная его ушей новость. *(Зевает.)*

Визирь: На всё воля Аллаха, мой господин. *(Пятясь, покидает тронный зал.)*

Затемнение.

КАРТИНА 2

Дворцовые покои. Трон пуст. Издалека доносится протяжный голос муэдзина, читающего с минарета утреннюю молитву. Входит Шах, за ним идёт Палач. Шах садится на трон, слуги несут вазы с фруктами, кувшины с шербетом и подносы с восточными сладостями. Девушки-музыканты начинают играть на ситарах, слуги с опахалами становятся за тронном, танцовщицы танцуют. Спустя некоторое время Шах жестом останавливает танец.

Шах *(со скучающим видом)*: Где мой главный Визирь?

Крики за сценой: Главного Визиря к Шаху! Шах требует к себе главного Визиря!

Визирь подходит к трону, падает ниц.

Шах: Встань! Что нового узнал ты на этот раз, мой главный визирь?

Визирь: Сегодня я снова встретил на базарной площади того человека, из города Нишапури. Оказалось, он знает наизусть Коран. Он по памяти читает любую суру по желанию людей. Народ ходит за ним толпами. Я решил сверить точность его изложения, открыл Коран, и...

Шах: И что же?

Визирь: Всё совпадает, мой повелитель. Из буквы в букву!

Шах: Ответь, Визирь, разве мало на свете людей с хорошей памятью? И что с того? Вот, около моего трона всегда лежит Коран. Я могу открыть его и прочесть любую суру, когда захочу. Ты тоже можешь это сделать, разве нет? Из буквы в букву. Так какая необходимость и какая польза знать весь Коран наизусть?

Визирь: Воистину в твоих словах сокрыта великая мудрость, о, повелитель!

Шах: Пиши указ.

Визирь хлопает в ладоши. Слуга приносит столик для письма, свиток бумаги, перо.

Визирь: Я готов, мой господин.

Шах: Я, повелитель всех рек и морей, приказываю обложить данью каждый второй кувшин воды, взятый из источников в моём государстве.

Визирь: Сегодня же твой указ, о, повелитель, будет оглашён по всей стране.

Шах: Похоже, все новости исходят единственно из стен моего дворца?

Визирь молча склоняет голову.

Визирь: Это не удивительно, мой повелитель, ведь ты властелин мира. *(Обращается к слугам.)* Эй, слуги, огласить новый указ Шаха во всех городах, аулах, а также в горных саклях. Обложить данью каждый второй кувшин воды, взятый из источников!

Слуга подползает на коленях к подножию трона, забирает указ и уползает, пятясь задом.

Шах: Завтра с утра я жду твоего доклада, Визирь. *(Зевает.)* И новости, Визирь, новости... достойные ушей Шаха. Иначе пеняй на себя. *(Зевает.)*

Визирь: Слушаю и повинуюсь, мой повелитель.

*Визирь уходит, многократно кланаясь.
Затемнение.*

КАРТИНА 3

Тронный зал, утро нового дня. Издалека слышны крики муэдзина с минарета — идёт утренняя молитва. Входит Шах, за ним — Палач. Шах садится на трон. Палач становится слева от трона. Слуги приносят яства. Девушки-музыканты настраивают ситары.

Шах: Какое унылое утро! *(Обводит скучающим взглядом роскошные покои. Тяжко вздыхает.)* Золотая клетка... *(Зевает.)* Кроме чашки ароматного кофе — никаких радостей...

Входит Визирь, кланяется.

Шах: Какую новость, Визирь, ты принёс своему Шаху на сей раз?

Визирь: Мой повелитель, сегодня на рыночной площади тот самый человек из города Нишапури...

Шах: Опять человек из Нишапури! Похоже, твоя шея, Визирь, сама просит топора?

Визирь: Не вели казнить, о, повелитель! Выслушай вначале. Этот человек читал стихи на площади всё утро. И стихи его прекрасны. Даже мужчины плачут, слушая его, а женщины целуют край его одежды, и, позови он, они толпами пойдут за ним хоть на край света.

Шах: Стихи? Какая от них польза?

Визирь: О, мудрый шах, страна, у которой нет поэта, не имеет сердца...

Шах: Сердце моей страны — это я! Запомни! Иначе твоя голова будет лежать на блюде у моих ног.

Визирь: Воля твоя, повелитель. Но власть этого человека над умами людей удивительна и бесконечна.

Шах: Власть? У нищего... Ха-ха-ха! Впрочем, оставим пустой разговор. Пиши Указ, Визирь.

Слуги приносят подставку для письма, свиток, перо и чернильницу.

Визирь готовится писать.

Шах: Сегодня ночью, страдая от бессонницы, я обдумал новый важный Указ. Пиши: всех стариков в возрасте от семидесяти лет и старше по высочайшему повелению надлежит отправить в изгнание, в пустыню. И запретить им возвращаться, иначе все родственники по мужской и женской линии будут преданы смерти через отсечение головы. Перепишите каждого, кому за семьдесят, и списки принесите мне.

Визирь (*делает протестующий жест*): О, мой повелитель!..

Шах: Пиши, пиши, Визирь!

Не тотчас, дрожащими руками Визирь начинает писать.

Шах: В дряхлом возрасте человек не в состоянии работать, но продолжает жить и становится обузой для моей казны. В конце концов, я не желаю кормить лишние рты, это слишком тяжёлое бремя для государства.

Визирь: Указ готов, повелитель!

Шах: Огласи наше решение незамедлительно... (*Зевает.*) Проклятая бессонница!

Визирь (*кланяется*): Милость твоя бесконечна! Достоянство твоего народа... (*Далее — дрожащим голосом.*) Эй, слуги, огласите новый Указ нашего мудрого повелителя! Всех стариков в возрасте семидесяти лет и старше сегодня же описать поголовно и отправить в изгнание, в пустыню. И запретить им возвращаться, иначе все их родственники по мужской и женской линии будут преданы смерти через отсечение головы. (*В сторону.*) Этих бедолаг в пустыне съедят шакалы...

Приползает слуга, берёт указ и уползает, пятась задом.

Шах: Я доволен своим решением, оно пойдёт на пользу моему государству. Надеюсь, ты посчитал, сколько возов зерна уходит на один только хлеб для этих прожорливых старцев ежедневно?

Визирь: Посчитал. Десять тысяч возов зерна, мой господин.

Шах: Видишь, какой убыток от них.

Визирь: О, повелитель, моему отцу завтра исполнится семьдесят лет...

Шах: Вот он и возглавит процессию в пустыню. Это покажет моим подданным честность и непорочность власти, данной мне Аллахом.

Старый Визирь встаёт на колени перед Шахом.

Визирь: О, повелитель, моё сердце сгорит от разлуки с отцом! Помилуй его!

Шах: Мой Указ касается всех стариков.

Визирь: Отец был главным военачальником старого шаха. Много лет они были неразлучны... Все битвы твой отец выиграл, благодаря военному искусству моего отца. Да и ты в последнем походе одержал победу над врагом благодаря его мудрости.

Шах: Как ты смеешь говорить, что все битвы *моего отца, мои тоже*, выиграны военачальником? Он всего лишь исполнял приказы, отданные Шахом!

Визирь: Всё так, но твой отец ценил помощь верных друзей...

Шах: Моим другом твой отец никогда не был. Ступай и выполняй указ. Я ни для кого не делаю исключений.

Визирь: О, повелитель! Будь милостив...

Шах: Ступай... презренный! Не испытывай моё терпение.

Палач начинает точить топор.

Визирь: Слушаю и повинуюсь, господин...

Шах: Не забывай, ты мой десятый визирь за последние три года! Подумай об этом, пока твоя голова ещё держится на плечах.

Визирь: Воля твоя, ты всегда успеешь отрубить мне голову.

Шах: Можешь в этом не сомневаться.

Визирь склоняется в поклоне. Слышно, как Палач точит топор.

Затемнение.

КАРТИНА 4

Утро нового дня. Слышны крики муэдзина с минарета. В тронный зал входит Шах, за ним идёт Палач, он встаёт справа от трона. Входит Визирь, в полупоклоне он идёт к трону, падает ниц.

Визирь: Да продлятся годы твои, мой повелитель! Я пришёл к тебе с пожеланием удачного дня.

Шах: Мой день начался хорошо и без твоих пожеланий: моя любимая жена объявила, что ждёт ребёнка. Я думаю, это будет мальчик.

Визирь: Да сделает тебя Аллах счастливым отцом, о, повелитель!

Шах: Однако, к делу. Поднимись. *(Визирь встаёт с колен.)* За три дня ты не сообщил мне ни одной новости. Ты не опасешься за свою жизнь?

Визирь: Моя жизнь не стоит пыли под подошвами твоих туфель. Но прежде чем ты отрубишь мне голову, я должен показать тебе этого человека из Нишапури, мой Шах.

Шах: Я отрублю голову тебе и ему, если этот человек не стоит моего драгоценного времени, потраченного на него.

Визирь хлопает в ладоши. Два стражника вводят молодого человека в одежде, больше похожей на лохмотья. Стражники падают ниц, юноша стоит неподвижно, устремив взгляд на Шаха. Шах даже привстает с трона в изумлении.

Шах: Жалкий раб, почему ты не склонил голову перед всемогущим Шахом?

Омар Хайям: Зачем? Я знаю, ты намерен отрубить мне голову. Не всё ли равно — была она в поклоне или нет.

Шах: Ты прав, человек из Нишапури. Я отрублю тебе голову. Но вначале скажи, кто ты?

Омар Хайям: Я — Гийяс аддин-Абу-ль-Фатх-Омар-ибн Ибрагим аль-Хайям Нишапури!

Визирь: Мой повелитель, его имя — Омар, что значит жизнь. Его отец палаточник Ибрагим из города Нишапури. Абу — отец, фатх — завоеватель, Гийяс аддин — плечо веры...

Шах: Это он знает Коран наизусть?

Омар Хайям: Я знал Коран уже в восемь лет!

Шах: Ты? Сын палаточника?

Омар Хайям: В доме моего отца единственной книгой был Коран.

Шах: Можешь сказать по памяти двадцать вторую суру?

Шах жестами показывает Визирю, чтобы он сверял текст по Корану. Визирь открывает Коран, лежащий на лягухе (подставке) слева от трона, и проверяет правильность прочтения. Девушки играют на ситах.

Омар Хайям: Сура двадцать два «Хадж». Во имя Аллаха милостивого, милосердного! О люди, бойтесь Господа вашего! Ведь сотворение последнего часа — вещь великая. В тот день, когда вы его увидите, каждая кормящая забудет того, которого кормила, а каждая благодетельница ноши сложит свою ношу. И увидишь ты людей пьяными, но они не пьяны. Но наказание Аллаха — сильно. И среди людей есть такие, которые препираются об Аллахе без знания и следуют за всяким сатаной дерзким...

Шах поднимает руку.

Шах: Эти слова — усада для моего сердца.

Визирь: Мой господин, Омар Хайям имеет степень математика, астронома, философа, врача. Кроме того, он превосходный поэт.

Шах: Ты — математик? Тебе больше пристало быть палаточником, и унаследовать дело твоего отца, как я унаследовал этот трон.

Омар Хайям: Цели, которых я достиг в науках, уходят корнями в любовь моих родителей ко мне. Отец дал мне хорошее образование.

Шах: Сейчас посмотрим, на что ты способен, сын Ибрагима. Сколько будет... двести сорок восемь тысяч пятьсот три, если умножить на... двести пятьдесят?

Омар Хайям: Для меня — это дешёвый уличный фокус, мой Шах. Но я отвечу. Шестидесят два миллиона сто двадцать пять тысяч семьсот пятьдесят.

Шах: Визирь! Проверь правильность ответа. И, если он ошибся, я сотру этого выскочку в пыль!

Визирь делает жест, и слуги начинают подсчёт на бумаге, столпившись около столика для письма.

Шах: Пока эти... считают, я хочу узнать, какой ты астроном. Назови главное созвездие в нашем полушарии.

Омар Хайям: Три звезды первой величины и две звезды третьей величины образуют созвездие Южный Крест.

Шах *(задумчиво)*: Южный крест...

Омар Хайям: Ночью я могу показать тебе Южный Крест на небе, мой Шах.

Шах: Я уже давно не видел звёзд... Хотя страдаю бессонницей.

Омар Хайям: О, это волшебное зрелище! Их блеск завораживает. А когда они складываются в созвездия, и ты читаешь карту звёздного неба... ты начинаешь понимать и ощущать жизнь во всём её величии.

Визирь: Мой господин...

Шах: Что скажешь, Визирь? Он всё же ошибся?

Визирь: Ответ этого юноши верен, мой Шах. Шестидесят два миллиона сто двадцать пять тысяч семьсот пятьдесят.

Шах машет рукой — уйди.

Шах: Ну, хорошо. Теперь скажи, юноша: какая самая яркая звезда сияет над моей головой?

Омар Хайям: В созвездии Орион, названном по имени охотника из древнегреческих мифов, три звезды образуют пояс, а остальные отображают дубину, щит и меч. Звёзды пояса указывают на Сириус, самую яркую звезду нашего небосвода.

Шах: Сириус?.. Пожалуй, так я назову своего нового скакуна. У него на лбу белая звезда. Сириус — достойное имя для него. Согласен... ты хорошо знаешь астрономию, Омар Хайям. Эй, слуги, принесите нам чаю!

Слуги приносят чай, сладости. Шах с удовольствием делает глоток чая.

Шах: Этот чай доставлен к моему двору из Китая.

Омар Хайям внимательно разглядывает пиалу с чаем. Вдыхает аромат.

Шах: У тебя есть сомнения насчёт этого чудесного напитка, юноша?

Омар Хайям: Чай действительно хорош, мой господин.

Шах: Сделай глоток, чтобы ощутить вкус.

Омар Хайям: Я по цвету вижу, что это поистине королевский напиток.

Шах: Только я и император Китая можем пить такой чай. Пей, чего ты медлишь?

Омар Хайям: Мой Шах, лучше чая — вино...

Шах: Вот как?

Омар Хайям: Но лучше вина — женщина, а лучше женщины — истина...

Шах: Это шутка?

Омар Хайям: Как сказать...

Шах: Ты не боишься кары божьей за такие слова?

Омар Хайям: Я безбожник — таким сотворил меня Бог!

Шах: Ты нагл, философ. Похоже, ты точно знаешь, в чём заключена истина?

Омар Хайям: Истина в вине, мой господин. Это слишком давно известно.

А вино — самый короткий путь к сердцу женщины.

Шах: Ха-ха-ха! Замкнутый круг... А ты прав, юноша. Эй, слуги! Вина!

Слуга приносит вино.

Шах (*вкусив вина*): Скажи, философ: чего хочет человек больше всего на свете?

Омар Хайям: Человек всегда хочет счастья.

Шах: Как же его найти?

Омар Хайям: Очень просто, мой Шах. Есть такая притча...

Шах: Любопытно...

Девушки начинают тихо играть на ситарах.

Омар Хайям: Бог создал человека из глины. И у него осталось ещё немного глины. Бог спросил у человека: «Что ещё слепить для тебя?» «Слепи для меня счастье», — попросил человек. Ничего не сказал Бог, он только вложил в руку человека остатки глины.

Шах: Значит, я сам должен слепить своё счастье?

Омар Хайям: Да, мой повелитель.

Шах: Хм...

Омар Хайям: Скажу тебе стихами. Хочешь?

Шах: Стихами? О счастье?

Омар Хайям: О любви, о власти, о смерти...

Шах: Ну что ж... читай. Но если твои стихи мне не понравятся, пеняй на себя, сын палаточника. (*Палач начинает точить топор.*)

Шах рукой делает знак музыкантам сопровождать чтение стихов игрой на ситарах.

Омар Хайям: Все тайны мира ты открыл... Но всё ж

Тоскуешь, втихомолку слёзы льёшь.

Всё здесь не по твоей вершится воле, —

Будь мудр, доволен тем, чем ты живёшь.

Шах (*прикрывает ладонью глаза*): Ты заглянул мне в душу, юноша...

Омар Хайям: Я заглянул в собственную душу. Ведь я такой же человек, как и ты, Шах. Я тоже плачу по ночам.

Шах: О чём плакать простолюдину?

Омар Хайям: Жизнь жестока и несправедлива.

Шах: Даже ко мне, властелину мира, жизнь редко бывает справедливой. Мне до слёз не хватает тепла матери и мудрости отца. Они слишком рано ушли из жизни. *(После паузы.)* Продолжай.

Наложницы начинают играть на ситарах.

Омар Хайям: Хоть этот мир лишь для тебя, ты мыслишь, сотворён,

Не полагайся на него, будь сердцем умудрён.

Ведь много до тебя людей пришло-ушло навек;

Возьми своё, пока ты сам на казнь не уведён.

Шах: Так ты пришёл из Нишапури, юноша?

Омар Хайям: Из Нишапури, мой повелитель.

Шах: Это не ближний путь. Как отец и мать отпустили тебя?

Омар Хайям: Я сирота, как и ты, господин.

Омар Хайям жестом просит наложниц играть. Звонят ситары.

Омар Хайям: Росток мой от воды небытия.

От пламени скорбей — душа моя.

Как ветер я кружу, ищу по свету —

Где этот прах, откуда появился я...

Шах *(после некоторой паузы)*: Продолжай.

Омар Хайям: Благородство и подлость, отвага и страх —

Всё с рожденья заложено в наших телах.

Мы до смерти не станем ни лучше, ни хуже —

Мы такие, какими нас создал Аллах.

Шах: На тебе жалкие лохмотья. И туфли?.. Давно превратились в обноски. Эй, слуги, принесите поэту бархатный халат, расшитый золотом. Тот, что я носил вчера.

Слуги, идущие один за другим, приносят халат, на парчовой подушке расшитую золотой канителью тюбетейку, туфли из тонкого сафьяна. Омар Хайям внимательно рассматривает туфли, оглядывает халат, трогает тюбетейку. Слуги облачают гостя.

Омар Хайям: Достоин ли я этой роскоши, о, господин?

Шах: Я решаю, кто достоин, а кто нет. Ты, я слышал, не берёшь денег за свои труды. Без платы составляешь гороскопы, занимаешься врачеванием, читаешь рубаи. Так ты никогда не разбогатеешь, поэт.

Омар Хайям: Поэт слишком высокое звание для меня, мой господин.

Шах: Аллах — свидетель, ещё никому не удавалось заставить меня лить слёзы над стихами.

Омар Хайям: Ты сердцем оценил мои стихи, великий шах.

Омар Хайям слегка склоняет голову.

Шах: Судя по голодному блеску в твоих глазах, ты давно не ел. *(К слугам.)* Накройте достархан для моего уважаемого гостя!

Затемнение.

КАРТИНА 5

Терраса, увитая плющом и виноградом. Шах и Поэт возлежат на шёлковых подушках, за достарханом. Курят кальян. Визирь в смиренной позе стоит за спиной Шаха.

Шах: Как искусны мои повара! Не правда ли, юноша?

Омар Хайям: Лучшая часть застолья — это беседа, великий Шах. А умный собеседник — подарок судьбы.

Шах: Создатель не обидел тебя умом, ты прав. Я вижу равного себе.

Омар Хайям: Благодарю за добрые слова, мой Шах.

Омар Хайям слегка наклоняет голову.

Шах: Что ты скажешь на то, чтобы стать моим советником? Мы совместно станем управлять этой огромной страной. *(После паузы.)* Я жду ответа.

Омар Хайям: Я скажу — нет, мой господин.

Шах: Почему? Ты умён, и ты сумел растопить моё сердце. Едва ли кто другой смог бы это сделать. Мне нужен такой человек возле трона.

Омар Хайям: Аллах не дарует всё одному человеку. В отличие от тебя, я не умею приказывать и управлять людьми, мой господин.

Шах: Достойный ответ, юноша. Что ж, оставайся поэтом.

Визирь: Да продлится твоя жизнь, о, повелитель! Омар Хайям не только поэт. Смею напомнить, он превосходный астролог и прорицатель.

Шах: Превосходный?

Визирь: Вчера он предсказал, что ты, повелитель правоверных, предложишь ему стать твоим советником и совместно управлять страной.

Шах: Это так?

Омар Хайям *(уклончиво)*: Такова была воля Аллаха, мой Шах.

Шах жестом приказывает девушкам играть.

Девушки начинают играть на ситах, на сцену выходят в танце наложницы.

Омар Хайям: Кто мы? Куклы на нитках, а кукольник наш — Небосвод.

Он в большом балагане своё представление ведёт.

Он сейчас на ковре бытия нас прыгать заставит,

А потом в свой сундук одного за другим уберёт.

(После некоторой паузы продолжает...)

Мы — источник веселья и скорби рудник,

Мы — вместилище скверны и чистый родник,

Человек, словно в зеркале мир — многолик,

Он ничтожен, и он же безмерно велик!

Шах жестами подзывает девушек, они в живописных позах садятся у его ног.

Шах: Ответь мне — что ты думаешь о женщинах? И о любви к ним?

Омар Хайям: Женщины, по-видимому, спустились на землю с какой-то неведомой звезды. Они не только устроены по-другому, в их прекрасных головках другие мысли, чем у нас, они хотят совсем иного, нежели мы. Понять их невозможно. Их можно только любить.

Шах: Посмотри — передо мной на блюде лежат яйца, раскрашенные в разные цвета. С виду они не похожи друг на друга, но, если их избавить от цветной скорлупы, — внутри они все одинаковые. Вот так и женщины для меня. На вид разные, а внутри все одинаковые. Поэтому мне всё равно, кого любить — рабыню или жену. Мне безразлично, кто из них меня ласкает, мне хорошо, и этого достаточно. Меня не интересуют их желания, потому что кроме моих желаний ничего не существует. У меня двадцать жён и сто наложниц.

Омар Хайям: Но у тебя ведь есть любимая жена, Шах.

Шах: О, это красивейшая из женщин на земле. Скажу тебе по секрету, у неё два сердца. И когда я слушаю, как бьётся её сердце справа, мне хочется услышать, как стучит её сердце слева. И так до бесконечности...

Омар Хайям: Мне кажется, ты играешь в прятки сам с собой, великий Шах.

Шах: Поэтому мне и нужна ясность — как определить, что такое любовь?

Омар Хайям: Давай возьмём два одинаковых кубка. Прикажи в один налить воду, в другой — белое вино.

Шах приказывает, слуги исполняют, подносят кубки Шаху.

Омар Хайям: На вид у них нет различий. Но если ты сделаешь глоток из кубка с водой, то ничего не почувствуешь.

Шах отпивает из кубка с водой.

Омар Хайям: А когда сделаешь глоток из кубка с вином, тебя обожжёт и бросит в жар.

Шах отпивает из кубка с вином.

Омар Хайям: Такова на вкус и любовь, мой господин.

Шах допивает вино до дна, прислушивается к себе.

Шах: Так было с тобой, Омар Хайям?

Омар Хайям: Было, мой Шах. Однажды жар любви спалил меня дотла.

Шах: Значит, у тебя есть стихи про любовь? Читай.

Девушки играют на ситарах.

Омар Хайям: Изначальней всего остального — любовь,

В песне юности первое слово — любовь.

О, несведущий в мире любви, горемыка,

Знай, что всей нашей жизни основа — любовь.

Ты, кого я избрал, всех милей для меня.

Сердца пылкого жар, свет очей для меня.

В жизни есть ли хоть что-нибудь, жизни дороже?

Ты и жизни дороже моей для меня.

Шах: Ты и жизни дороже моей для меня... Как забилось сердце! Сладко... и страшно... Мда, поэты — опасные люди. Они берут в плен чужие умы. Без меча и топора. Одним только Словом.

Шах машет рукой, рабыни танцуют.

По одну сторону трона стоит Палач, по другую — Визирь.

Омар Хайям: И лица, и волосы ваши красивы.

Вы, как кипарисы, стройны, горделивы,

И всё же никак не могу я понять —

Зачем в цветнике у Творца возросли вы?

Шах: Хайям, это мои рабыни. Выбирай любую!

Омар Хайям: Благодарю тебя, Шах.

Шах: Посмотри, как хороша эта пери! Зубы, как жемчуг, губы — кораллы, грация, как у пантеры. Это не девушка, а совершеннейшая сладость.

Омар Хайям: Да, она прекрасна...

Шах: Почему ты загрустил, поэт?

Омар Хайям: Моё сердце почернело от разлуки с любимой.

Девушки играют на ситарах.

Омар Хайям: Любовь вначале ласкова всегда.

В воспоминаньях ласкова всегда.

А любишь — боль. И с жадностью друг друга

Терзаем мы и мучаем всегда.

Омар Хайям сидит, опустив лицо в ладони. Шах ласкает своих рабынь.

В танце они удаляются. Омар Хайям поднимает голову.

Шах: Что для тебя стихи, коль ты поэт?

Омар Хайям: Стихи? Наверно, они моя жизнь.

Шах: Едва ли стихами ты сумеешь заработать себе на жизнь.

Омар Хайям: Моя работа — звёзды.

Шах: Звёзды? Какой от них прок?

Визирь: Мой господин, Омар Хайям имеет ещё и степень врача.

Шах: Согласен. От врача больше пользы, чем от звёзд на небе.

Омар Хайям: От звезды, под которой родился человек, зависит его судьба, великий Шах.

Шах (*смеётся*): Я — не звезда. Я — просто Шах. Но отныне твоя судьба — это я.
Затемнение.

КАРТИНА 6

Утро следующего дня. Слышны крики муэдзина с минарета — идёт утренняя молитва. Тронный зал. Входит Шах. За ним идут Визирь и Палач. Палач становится слева от трона. Рабыни-танцовщицы сидят в углу. Шах садится на трон. Визирь падает перед ним на колени.

Визирь: Мой многомудрый господин! Пощади моего отца, умоляю!

Шах: Мне доложили, что все старики уже в пустыне! Место твоего отца там же! Ни для кого нет исключений!

Визирь: О, повелитель! Ты делаешь детей сиротами при живых родителях.

Шах: Ты вздумал меня учить, жалкий слуга?

Визирь: Господин мой!..

Шах: Может, ты хочешь, чтобы твоего отца отправили туда под стражей? Эй, стража!

Визирь: Не делай этого, мой повелитель!

Шах: Стража! Отправить отца Визиря в пустыню! С почётом.

Визирь: Пощади, многомудрый Шах!

Шах: Разговор закончен!

Визирь встаёт с колен, кланяется, становится справа от трона.

Шах: Позвать ко мне Омара Хайяма!

Крики: Шах требует к себе Омара Хайяма! Омара Хайяма к Шаху!

Входит Омар Хайям, слегка склоняет голову перед Шахом.

Шах жестом приглашает его сесть.

Шах: На чём закончился наш вчерашний разговор, юноша?

Омар Хайям: Мудрый Шах сказал, что отныне он — моя судьба.

Шах: Это действительно так. Но сейчас твоё дело — лечить. Я хотел бы знать, какой из тебя врачеватель.

Омар Хайям: Я изучил все труды великого Авиценны. Он мой учитель в медицине.

Шах: Мой отец считал, что искусный врач — это человек, творящий чудо исцеления. Каков твой опыт врачевания?

Омар Хайям: Когда я шёл сюда с караваном, молодому торговцу серебряной посудой стало плохо как раз в середине пути. Мы устроили стоянку, и я спас этого юношу от смерти. Вслед за ним ещё несколько человек подхватили эту заразную болезнь, но за несколько дней я исцелил их тоже и остановил болезнь. Все караванщики остались живы и здоровы, поэтому зараза не проникла в твой город.

Шах: А ты сам? Ты не болен?

Омар Хайям: Не опасайся. Врач не имеет права болеть, к тому же я принял меры, мой господин.

Шах: Можешь ли ты вернуть зрение слепому, Омар Хайям?

Омар Хайям: Я должен его осмотреть.

Шах: Эй, слуги! Приведите слепого Ахмада!

Крики за сценой: Шах требует к себе слепого Ахмада! Слепого Ахмада к Шаху!
Слуги приводят слепого силача-мавра Ахмада.

Ахмад: Где я?

Визирь: Ты во дворце у нашего всемогущего Шаха.

Ахмад: Зачем я здесь?

Шах: Сейчас тебе вернут зрение, потерянное в бою, Ахмад.

Ахмад: Не смейся надо мной, Шах. Этого не может быть.

Омар Хайям: Упавший духом гибнет раньше срока...

Ахмад: Кто это?

Шах: Это твой врач, его зовут Омар Хайям.

Ахмад: Разве только он волшебник? Я слеп навечно. Но дух мой не сломлен!

Омар Хайям осматривает Ахмада, усадив его на стул.

Омар Хайям: Не горячись. Я вижу, каков ты. Зрение вернётся к тебе. *(Обращаясь к Шаху).* Я должен приготовить лекарство.

Шах: Приказывай, тебе принесут любые снадобья.

Омар Хайям: Мне нужен помощник.

Шах взмахом руки приказывает юному слуге Хусейну помочь Омару Хайяму.

Омар Хайям отводит Хусейна в сторону к столику для письма, быстро составляет список. Хусейн уходит со списком.

Шах: Помнишь, Ахмад, тот бой, в котором ты потерял зрение?

Ахмад: Я всё помню, как будто это было вчера, Шах. Вражеская сабля плашмя ударила меня по голове. В одно мгновение я лишился слуха и зрения. Но слух быстро вернулся, а вот глаза... Лишь иногда по утрам вдруг забрезжит мутный свет, но потом всё исчезает. И я опять погружаюсь в темноту.

Шах: В том бою ты закрыл меня своим телом, и я жив, благодаря твоему бесстрашию, Ахмад. Я умею помнить добро.

Приходит Хусейн, приносит на подносе снадобья в серебряных сосудах и кожаных мешочках. Омар Хайям указывает ему, что с чем смешать.

Омар Хайям: Здесь очень важны пропорции. Ни капель больше, ни капель меньше...
Хусейн старательно всё исполняет.

Омар Хайям: Ссыпай и сливай всё в эту чашу.

Хусейн ссыпает и перемешивает.

Омар Хайям *(Хусейну)*: Из этой смеси сделай две лепёшки и дай их мне.

Хусейн делает две лепёшки и подаёт их Омару Хайяму. Омар Хайям кладёт лепёшки на глаза Ахмаду. Несколько секунд стоит тишина, все замирают в ожидании чуда. Омар Хайям убирает лепёшки с глаз Ахмада.

Омар Хайям: Ты можешь открыть глаза, Ахмад.

Ахмад сидит неподвижно.

Омар Хайям: Чего же ты медлишь, воин?

Ахмад открывает глаза, встаёт со стула.

Ахмад: Я вижу? Я вижу! Шах, я вижу тебя! Кто мой исцелитель?

Шах: Он!

Ахмад кланяется Шаху, потом Омару Хайяму.

Ахмад: Омар Хайям, ты сотворил чудо! Детям своим и внукам я прикажу молиться за тебя. Ты — лучший лекарь, какого я знаю.

Омар Хайям: Лучший лекарь для человека он сам.

Ахмад: Позволь мне быть твоим слугой, уважаемый?

Омар Хайям: Да, мне понадобится надёжный слуга, Ахмад.

Ахмад кланяется и отходит в сторону.

Хусейн (*падает на колени перед Омаром Хайямом*): Врач! Мой отец тоже слеп. Я хочу вернуть ему зрение.

Омар Хайям: Хорошо, завтра я осмотрю твоего отца. Если он слеп, то слеп иначе.
Слуга незаметно уходит, прихватив все снадобья.

Шах: Вернись к столу, Омар Хайям, продолжим нашу трапезу и беседу. Я намерен осыпать тебя своими милостями.

Омар Хайям: Я счастлив уже тем, что нахожусь рядом с тобой, мой Шах.

Шах: Скажи, Омар Хайям, зачем тебе звёзды? Они так высоко...

Омар Хайям: Звёзды помогут мне составить самый точный солнечный календарь. Это моя давняя мечта, и я уже начал делать подсчёты.

Шах: Звёзды... солнце? Солнечный календарь? Какая связь?!

Омар Хайям: Именно звёзды помогут составить солнечный календарь. От его точности зависит достоверность наших гороскопов.

Шах: А нынешний календарь, по которому живу я?

Омар Хайям: Далеко не точен.

Шах: И мой гороскоп?

Омар Хайям разводит руками.

Шах: Но времени не существует, ты — философ и должен это знать.

Омар Хайям: Ты прав, Шах, времени не существует. Если душа спокойна, то день сравнится с тысячью веков.

Шах: Времени не существует, но мы стареем. Почему?

Омар Хайям: Мы стареем от обид.

Шах (*задумчиво*): А обид всё больше... (*Обращаясь к Хайяму.*) Что нужно для точного календаря?

Омар Хайям: Обсерватория. Мой господин, в телескоп ты увидишь звёзды так близко, как золотые динары на своей ладони.

Шах: Звёзды будут лежать на моей ладони? Занятно! Но обсерватория — это, должно быть, дорогое удовольствие?

Омар Хайям: Всем грешникам страдать и корчиться в огне.

Но жадных я припечь советую вдвойне.

Ведь сам Пророк сказал: коль жаден мусульманин,

И щедр христианин — второй дороже мне.

Шах: Уговорил! Я построю лучшую в подлунной обсерваторию! Ни у кого не будет подобной: ни в Индостане, ни в Китае, ни в Александрии. Моя обсерватория будет лучше той, что в Самарканде! А Самарканд — город великих учёных.

Визирь: Мы пригласим лучших математиков и астрономов, мой Шах.

Шах: И ты, Омар Хайям, прославишь моё имя в веках.

Вбегает Хусейн.

Хусейн: Горе мне! Врач! Горе мне! Глаза моего отца вытекли!

Шах: Почему кричит этот мальчишка? Палач!

Палач выходит из-за трона. Омар Хайям останавливает палача.

Омар Хайям: Настоящий мужчина всегда знает меру, Шах. (*К Хусейну.*) Что произошло?

Хусейн: Врач, я сделал всё в точности, как и ты делал для этого слепца. И он прозрел. А мой отец остался без глаз...

Омар Хайям: Я же сказал тебе — подожди до завтра?

Хусейн: О да! Но я хотел помочь отцу!

Омар Хайям: У слепоты тысячи причин. И в каждом случае нужно своё лекарство. Не быть тебе врачом.

Хусейн: Но я сделал целебные лепёшки в точности, как ты!

Омар Хайям: Лепёшки... Быть тебе пекарем.

Шах: Отправить его на пекарню!

Стражники уводят Хусейна.

Шах: А сейчас займёмся звёздами.

Омар Хайям: Если мои подсчёты окажутся верными, многое изменится в твоём государстве. И даже время молитвы.

Шах: Мы молимся не в то время?

Омар Хайям: Увы... Это так.

Шах: Визирь, пиши Указ: «Все молодые и сильные бедняки со всех моих земель обязаны прийти на строительство обсерватории».

Визирь пишет Указ на письменном столике.

Омар Хайям: Шах...

Шах: Назначить Абу-ль-Фатх ибн Ибрагима Хайяма главным строителем и архитектором обсерватории, а в дальнейшем — главным смотрителем и главным астрономом. Будешь каждый день приходить ко мне с докладом.

Омар Хайям: Уже завтра я представлю тебе чертежи и расчёты, мой Шах.

Шах: Я дарю тебе титул придворного астронома и астролога.

Омар Хайям: Я готов послужить науке.

Визирь: Именно на астрологе лежит обязанность благого устройства дел повелителя мира.

Шах: И титул придворного врача.

Приползает слуга, забирает Указ, уползает, пятясь.

Визирь: От искусства врача будет зависеть телесное здоровье моего господина и его семьи. Да поможет тебе Аллах, Омар Хайям.

Омар Хайям: Аллах велик!

Шах: А сейчас, Омар Хайям, твой Шах хочет знать — далеко ли его смерть?

Омар Хайям: Твоя смерть — у тебя за плечами...

Шах: Ха-ха-ха! За плечами стоит мой Палач.

Омар Хайям: Кто-то назначил твою смерть именно на сегодня.

Шах: Как ты узнал?

Омар Хайям: Прикажи обыскать Палача.

Шах жестом приказывает слугам обыскать Палача. Они приносят Шаху кожаный мешочек, из которого Шах высыпает золотые монеты к своим ногам.

Омар Хайям: Ты сильно кого-то оскорбил, господин.

Визирь: Я объявляю тебе джихад, убийца моего отца!

С этими словами Визирь заносит кинжал и бросается на Шаха. Омар Хайям перехватывает руку Визиря и заламывает у него за спиной. Шах в ужасе следит за борьбой. Опомившись, приказывает взять под стражу Визиря и Палача.

Шах: Стража! Взять их!

Стражники бросаются на Визиря и Палача, валят на колени.

Шах: Мне — Шаху, властелину мира, ты объявил джихад? Кем ты вообразил себя, червяк?

Визирь: Я ненавижу тебя, убийца стариков!

Шах: Как ты смеешь?! За этот бунт я перегрызу вам горло, подлые заговорщики! Казнить обоих!

Визирь: Близость смерти освободила меня от трусости. А ты, Омар Хайям, знай, что спас подлеца и душегуба.

Омар Хайям: Я не дал тебе стать убийцей. Священный джихад — это прежде всего победа над собой, Визирь.

Шах: Бывший Визирь.

Шах жестом показывает — вести! Палача и Визиря уводит стража.

Омар Хайям: Господин, позволь спросить: что ты сделал, если твой ближайший слуга поднял на тебя руку?

Шах: Я — Шах! И жалкий раб не вправе подвергать мои действия сомнению.

Омар Хайям: Возможно, ты сменишь гнев на милость? Ради Всевышнего, не принимай решений сгоряча.

Шах: Хорошо, я подумаю... Какую награду хочешь ты за спасение моей жизни, Омар Хайям?

Омар Хайям: Только право жить в тени твоего величия.

Шах: Пока я жив, ни один волос не упадёт с твоей головы, юноша. Мой карающий меч поразит всех твоих врагов!

Омар Хайям: У меня нет врагов, мой Шах, это я есть у них.

Затемнение.

ДЕЙСТВИЕ 2

КАРТИНА 1

Спустя двадцать лет.

Двор около дома, в котором живёт Омар Хайям. Во дворе расстелен ковёр, на ковре возлежит Омар Хайям, около него сидит Эльпи. На ковре стоит кувшин с вином, ваза с фруктами. Ахмад сидит чуть поодаль. Вдалеке видны очертания обсерватории. По краям сцены сидят девушки с опахалами, ситары лежат рядом.

Омар Хайям: Ахмад, принеси ещё вина! Ибо лучше чая вино...

Ахмад (*подхватывает*): Лучше вина женщина, лучше женщины — истина. Ты всегда так говоришь, хозяин.

Омар Хайям: Не верь мне — истины нет. То, что было истиной вчера, сегодня ею может и не быть!

Ахмад кланяется и уходит.

Эльпи: Куда ты уходишь каждый вечер, мой господин?

Омар Хайям: Я ухожу в обсерваторию, чтобы изучать звёзды.

Эльпи: В самом деле?

Омар Хайям: А что думала ты?

Эльпи: Я думала, ты уходишь к другим девушкам...

Омар Хайям: Мне не нужны другие девушки. Ты самая яркая звезда на моём небе. Эльпи, скажи, я слишком стар для тебя?

Эльпи: Господин мой, возлюбленный, у каждого возраста своя молодость.

Омар Хайям: Твоя красота ослепляет меня, Эльпи.

Эльпи: А меня ослепляет твой ум, мой господин. И я выучила все твои рубаи наизусть. Я знаю их так же, как ты знаешь Коран.

Омар Хайям: Это мы сейчас проверим. И если ты ошибёшься!..

Эльпи: Меня ждёт наказание?

Омар Хайям: Да, моя несравненная гурия, я накажу тебя.

Эльпи: Ты придумала страшное наказание?

Омар Хайям: Ты будешь ласкать меня всю ночь, Эльпи. Ты не сомкнёшь глаз.

Эльпи: Хорошее наказание, мне нравится. Час в твоих объятиях, как год счастья, господин мой возлюбленный.

Омар Хайям: Начнём, милая чаровница.

Омар Хайям и Эльпи пьют по очереди из одного кубка. Девушки играют на ситах.

Омар Хайям: Вино напитком вечности играет,

Испей того, что радость в мир являет.

Эльпи: Хоть, как огонь, вино нас обжигает,

Но, как вода живая, воскрешает.

Омар Хайям: Давай же выпьем живой воды, моя Эльпи.

Эльпи: Слушаю и повинуюсь, мой господин. Я твоя вечная раба.

Омар Хайям: Раба? Разве я обращаюсь с тобой, как с рабыней, моя Эльпи?

Эльпи: Нет. Ни разу ты не поступал со мной, как с рабыней. Но я раба любви, мой господин. И твоих желаний.

Омар Хайям и Эльпи по очереди отпивают вино из одного кубка.

Приходит Ахмад, ставит кувшин с вином на ковёр, сам отходит в сторону.

Омар Хайям: Когда фиалки льют благоуханье,

И веет ветер вешнего дыханья...

Эльпи: Мудрец, кто пьёт с возлюбленной вино.

Разбив о камень чашу покаянья.

Эльпи обнимает возлюбленного.

Омар Хайям: Моя красавица, моя душистая роза, как нежны твои руки. Мне хорошо с тобой... А вот это, моя умница? *(Читает.)*

На розах блистанье росы новогодней прекрасно,

Любимая — лучшее творенье Господне — прекрасна...

Эльпи молчит. Замолкает и музыка.

Омар Хайям: Что же ты молчишь, моя голубка?

Эльпи: Я не знаю этого стиха.

Омар Хайям: А говорила, что знаешь все мои рубаи наизусть.

Эльпи: Мне так казалось, мой господин. И что же там дальше?

Омар Хайям: Запомнила ли ты начало, моя любимая?

Девушки играют на ситах.

Эльпи: На розах блистанье росы новогодней прекрасно,

Любимая, лучшее творенье Господне — прекрасна...

Омар Хайям: Жалеть ли минувшее, бранить ли его мудрецу?

Забудем вчерашнее! Ведь наше Сегодня — прекрасно.

Эльпи: Ведь наше Сегодня — прекрасно.

Эльпи плачет. Музыка замолкает.

Омар Хайям: Что? Что такое? Я обидел тебя, дитя Рая?

Эльпи: Я плачу от счастья и готова ласкать тебя всю ночь за незнание этого стиха, мой возлюбленный!

Омар Хайям *(смеясь)*: Я обманул тебя, услада моего сердца.

Эльпи: Обманул? Это как?

Омар Хайям: Этот стих я сочинил только что.

Эльпи: Вот как? Ну, берегись! Сегодня ночью я заласкаю тебя... до полусмерти!

Омар Хайям: Я согласен, моя лучезарная пери! А сейчас выпьем вина за наше здоровье и долголетие.

Девушки играют на ситах. Эльпи и Омар Хайям пьют вино из одного кубка по очереди. Ахмад встаёт в позу охранника, он чувствует приближающуюся опасность. Из правой кулисы появляется одетый в рваную одежду молодой человек. Это Хусейн. Он хочет

обойти Ахмада и пройти к Омару Хайяму и Эльпи. Но Ахмад стоит, как скала.

Ахмад: Чего тебе?

Хусейн: Мне нужен твой хозяин.

Ахмад: Зачем?

Хусейн: Месяц назад он купил на базаре женщину, которую я люблю.

Ахмад: Чего ты хочешь?

Хусейн: Я хочу вернуть себе эту женщину.

Ахмад: Как зовут тебя?

Хусейн: Меня зовут Хусейн.

Ахмад: Иди своей дорогой, Хусейн.

Хусейн: Я отомщу твоему хозяину, я убью его!

Ахмад: Не стоит тебе этого делать.

Омар Хайям: Ахмад! Кто там?

Ахмад: Здесь человек по имени Хусейн.

Омар Хайям: Чего он хочет?

Хусейн пытается прорваться к Омару Хайяму, но Ахмад его сдерживает.

Хусейн: Я хочу убить тебя и вернуть себе Эльпи!

Омар Хайям встаёт с ковра и подходит к Хусейну.

Омар Хайям: Вернуть Эльпи? Кто ты?

Хусейн: Я тот слуга, что помогал тебе готовить лекарство для этого слепца.

Ахмад: Мои глаза видят до сих пор! Я не слепец!

Ахмад хватается за кинжал.

Омар Хайям: А, пекарь?.. Тогда ты был мальчишкой.

Хусейн: Я стал пекарем. Но хотел быть врачом. А ты...

Омар Хайям: Хусейн, отправив тебя на пекарню, я спас тебе жизнь.

Хусейн: Ты спас мне жизнь? Допустим. Но сейчас ты забрал у меня женщину.

Омар Хайям: Забрал у тебя? Я купил её на базаре.

Хусейн: Я люблю её!

Омар Хайям: Послушай, Хусейн, давай спросим у Эльпи — кого выберет она?

Я всё сделаю так, как пожелает Эльпи. Эльпи, ты знаешь этого человека?

Эльпи встаёт с ковра и подходит к мужчинам.

Эльпи: Знаю, мой господин.

Хусейн: Эльпи! Я люблю тебя! Я выкуплю тебя!

Эльпи: Но у тебя нет денег, Хусейн.

Хусейн: Я соберу денег. У меня есть богатые друзья. Я тебя выкуплю.

Эльпи: Не надо. Я хочу остаться с ним.

Хусейн: Почему?

Эльпи: Его страсть растопила моё сердце и наполнила его нежностью. Я хочу быть с ним.

Хусейн: Но я знал тепло твоих ног! Эльпи!

Эльпи: Уходи, Хусейн.

Омар Хайям: Ты слышал, что сказала Эльпи?

Хусейн: Я убью её, а потом — тебя!

Эльпи: Уходи, Хусейн.

Омар Хайям встаёт между Хусейном и Эльпи, она уходит и садится на ковёр.

Хусейн: Будь ты проклят!

Ахмад: Возьми своё проклятье назад, Хусейн! Иначе я перегрызу тебе горло.

Хусейн уходит.

Омар Хайям: Проклятия не действуют на меня, Ахмад.

Ахмад: Ты заговорённый, хозяин?

Омар Хайям: Ещё в детстве моя мать произнесла надо мной своё заклинание.

Ахмад: Заклинанье? От чего оно?

Омар Хайям: От стрел и кинжалов, от сглаза, от когтей, от змеиных укусов, от земных и небесных сетей.

Ахмад: Тогда зачем тебе я, хозяин?

Омар Хайям: Ты не только мой охранник и слуга, Ахмад, ты мой верный друг.

Ахмад: Это так, хозяин. Мы давние друзья, не раз ты преломлял со мной хлеб и делился последним глотком воды.

Омар Хайям: Об одном забыла моя матушка.

Ахмад: О чём же, хозяин?

Омар Хайям: Она забыла произнести заклинание от несчастий в любви.

Ахмад: Но сейчас ты счастлив?

Омар Хайям: Сейчас я очень счастлив, Ахмад. И это впервые в моей жизни.

Ахмад кланяется. Омар Хайям возвращается к Эльпи.

Девушки машут опахалами.

Эльпи: Ты не боишься его?

Омар Хайям: Не боюсь.

Эльпи: Почему?

Омар Хайям: Всё, что случилось или случится, давно решено наперёд.

Эльпи: А если он убьёт тебя?

Омар Хайям: В моём гороскопе ничего не сказано об этом. Я доживу до глубокой старости. Давай выпьем ещё вина, моя луноликая красавица.

Эльпи (*грозит ему пальчиком*): Но ведь ты мусульманин, тебе Аллах запрещает пить вино.

Омар Хайям: Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть...

Омар Хайям передаёт Эльпи свой кубок. Девушки играют на ситарах.

Омар Хайям: Нищий мнит себя шахом, напившись вина.

Эльпи: Львом лисица становится, если пьяна.

Омар Хайям: Захмелевшая старость беспечна, как юность.

Эльпи: Опьяневшая юность, как старость умна.

Эльпи смеётся, Омар Хайям обнимает её.

Ахмад: Хозяин, я вижу — к нам приближаются два странника...

Эльпи удаляется. Омар Хайям и Ахмад глядят вдаль.

Омар Хайям: Ахмад, эти фигуры кажутся мне знакомыми.

Ахмад: И мне, хозяин.

Два странника — это переодетые Шах и новый Визирь.

Омар Хайям: Время от времени Шах и его новый Визирь ходят по городу в одеждах странников.

Ахмад: Они и раньше делали это, чтобы проверить, как исполняются Указы Шаха.

Омар Хайям: Но их всегда узнают, народ падает перед ними на колени.

Ахмад: А Шах, как ребёнок, считает, что так и должно быть.

Омар Хайям: Очень уж печальны их фигуры, Ахмад.

Ахмад: Они не привыкли ходить пешком. Должно быть, сильно устали.

Омар Хайям: Нет, тут дело в другом...

Шах и Визирь подходят к Омару Хайяму и Ахмаду.

Ахмад низко кланяется, Омар Хайям едва наклоняет голову.

Омар Хайям: Да продлятся годы твои, обладатель власти и могучей силы. Здравствуй, Визирь. Всё готово для вашего отдыха. Подкрепитесь фруктами и шербетом.

Омар Хайям и Ахмад усаживают Шаха и Визиря за достархан.

Ахмад в позе охранника становится за спиной.

Шах: О, мои бедные ноги! Сегодня я обошёл полгорода...

Омар Хайям: Шах, разве твои слуги не докладывают тебе о состоянии дел?

Шах: Они все лжецы и воры. Я устал рубить им головы.

Омар Хайям: Ты можешь остаться без слуг, мой Шах.

Шах: Это не так страшно, Омар Хайям. Страшнее другое.

Омар Хайям: Что-то случилось, мой повелитель?

Шах: Печаль поселилась в моём доме. Умерла любимая жена, и моё сердце — сплошная кровоточащая рана.

Омар Хайям: Сочувствую твоему горю, повелитель.

Шах: Омар Хайям, ты искусный врач. Ты совершил много чудес, возвращая к жизни моих детей, когда они болели. Можешь ли ты воскресить мою любимую жену? Красивее и умнее её не было женщины на всём свете.

Омар Хайям (*после некоторого раздумья*): Могу, мой Шах.

Шах: Можешь?!

Омар Хайям: Но при одном условии...

Шах: Я выполню любое твоё условие. Говори же, не медли!

Омар Хайям: Хорошо. Вот моё условие: приведи ко мне мужчину твоего возраста, который ни разу не пережил горя.

Новый Визирь: Великий Шах, но это невозможно!

Шах: Похоже, ты шутишь над моим горем? Даже я, великий Шах, не смогу выполнить твоё условие.

Омар Хайям: Я не шучу. Это, действительно, невозможно. Как невозможно оживить и твою любимую жену, мой Шах. Из царства мёртвых нет возврата.

Шах: Что же мне делать, посоветуй? Я лишился последней радости.

Омар Хайям: Наведи порядок в храме своего сердца, мой повелитель. И к тебе придёт облегчение.

Шах: Но как? Тяжесть давит мне на сердце...

Омар Хайям: Ты спрашиваешь моего совета?.. Тогда вспомни свои прежние деяния, раскайся в поступках, которые принесли кому-то зло. Ибо зло имеет свойство возвращаться к такому человеку. Когда ты поймёшь своё прошлое, ты получишь утешение в будущем, мой господин.

Шах: Я не причинял зла, мой народ благодарен мне за всё.

Визирь: В знак благодарности народ падает на колени перед своим Шахом.

Шах: Сегодня люди целовали край моей одежды.

Омар Хайям: Разве может быть иначе, мой Шах? Ведь ты — правитель могучей страны.

Шах: Омар Хайям, ты поэт, и ты стал сердцем моей страны. Я признаю это. Твои стихи и стар и млад заучивают наизусть.

Омар Хайям: Время решит, кто поэт, а кто всего лишь стихоплёт.

Шах: Ахмад, знаешь ли ты титулы своего господина?

Ахмад: Знаю наизусть.

Шах взмахом руки приказывает говорить.

Ахмад: Имам Хоросана, Учёный муж века, Доказательство истины, Знаток греческой науки, Царь философии Востока и Запада.

Омар Хайям: Видишь, Шах, здесь нет титула поэта.

Шах: Это ошибка, Омар Хайям.

Омар Хайям: Если это ошибка, её исправит время. Когда я забавляюсь, я пишу стихи. В остальное время я работаю, не покладая рук.

Шах: Многих учёных, я знаю, объявляют еретиками. Но я не позволил никому усомниться в твоих трудах. Я построил для тебя лучшую во всей подлунной обсерваторию, и сейчас имею самый точный солнечный календарь. Астрологические таблицы ты назвал моим именем и тем увековечил меня.

Омар Хайям: Да продлятся годы твои, мой господин. К сожалению, слуги Аллаха многие годы пытались сделать из меня еретика и вероотступника. Возможно, меня давно закидали бы камнями на рыночной площади. Всё это сущая правда. Лишь благодаря твоим попечениям и твоему щедрому покровительству я до сих пор жив, и моя работа продолжается. Не далее, чем вчера, в обсерваторию, приходил с многочисленной свитой наш главный муфтий. Он сам, несмотря на преклонный возраст, поднимался к телескопу, разглядывал звёзды и задал множество вопросов. Кажется, впервые мы начали понимать друг друга. Но это всё благодаря тебе. Ты сам увековечил своё доброе имя.

Шах *(в глубокой задумчивости)*: Моё доброе имя?.. Кажется, я начинаю понимать тебя, Хайям. И себя тоже. *(После паузы. Обращается к Визирю.)* Скажи, Визирь...

Визирь: Я слушаю, о, повелитель.

Шах: Стариков, после семидесяти, до сих пор отправляют в пустыни?

Визирь: Каждый год. Уже в течение двадцати лет.

Шах: А вода?.. Люди по-прежнему платят за воду?

Визирь: Это так. За каждый второй кувшин.

Шах: Вели отменить оба Указа...

Омар Хайям: Да сделает тебя Аллах счастливым, повелитель!

Низко кланяется Шаху.

Эльпи незаметно проходит мимо с кувшином, она идёт за водой.

Шах: Кое-какие из прежних глупостей я постараюсь исправить. Но довольно. Лучше поведай о своих делах, Омар Хайям.

Омар Хайям: На днях я закончу писать новый учебник алгебры, мой повелитель.

Шах: Пришли его мне, мои сыновья должны упражняться.

Омар Хайям: У твоих сыновей острый ум, учебник пойдёт им на пользу.

Шах: Семерых сыновей мне родила моя любимая жена. Я построю в память о ней роскошную гробницу и буду уединяться там со своими печальми... Пойдём, Визирь. У нас ещё много дел.

Омар Хайям: Пусть дорога покажется вам лёгкой.

Шах и Визирь уходят.

Омар Хайям: Ахмад, позови Эльпи.

Ахмад: Хозяин, я видел, как она взяла кувшин и ушла за водой.

Омар Хайям: Пойди и встреть её.

Ахмад: Слушаюсь, хозяин.

Ахмад уходит. За спиной Омара Хайяма видно зарево пожара, издали доносятся заполошные крики. Приходит Ахмад, он несёт на руках безжизненное тело Эльпи.

Ахмад: Хозяин, это Хусейн... он убил её и поджог обсерваторию.

Омар Хайям: О горе мне! Моя любимая Эльпи! Где этот безумец?

Ахмад: Себя он тоже убил, хозяин.

Ахмад кладёт Эльпи к ногам Омара Хайяма. Девушки играют на ситарах.

Омар Хайям стоит на коленях перед Эльпи, закрыв лицо ладонями.

Звучит закадровый голос:

Я познание сделал своим ремеслом,

Я знаком с высшей правдой и низменным злом.
Все тугие узлы я распутал на свете,
Кроме смерти, завязанной мёртвым узлом.
Затемнение.

КАРТИНА 2

Спустя ещё двадцать лет.

*Двор около дома Омара Хайяма. Седой Омар Хайям сидит печальный на ковре,
перед ним фрукты и вино. Приходит Ахмад, он несёт письмо.*

Омар Хайям: Что там, Ахмад?

Ахмад: Тебе письмо, мой господин.

Омар Хайям: От кого?

Ахмад: От имама и судьи из южной провинции Ирана, мой господин.

Омар Хайям: Читай.

Ахмад: «Царю философии Запада и востока Гияс-аддину-Абу-ль-Фатху-Омару-ибн Ибрагиму аль-Хайяму. Просим объяснить, как он понимает мудрость Аллаха в сотворении мира и сотворении человека и признаёт ли необходимость молитв?»

Омар Хайям: Я — ученик и последователь Авиценны, признаю существование Бога как первопричину всего сущего. Но конкретный порядок явлений — не есть результат божественной мудрости, а определяется в каждом частном случае законами самой природы.

Ахмад: Хозяин, ты когда-то написал: «Те, что веруют слепо, пути не найдут...»

Омар Хайям: Что же там дальше?.. Тех, кто мыслит, сомнения вечно гнетут... Я мыслю, и меня всегда гнетут сомнения.

Ахмад: Ты мыслишь как учёный, а видишь мир как поэт.

Омар Хайям: Это всего лишь необходимое для учёного сочетание разных способов познания. Но есть вещи бесспорные. И я точно знаю — Аллахом на мусульманина наложено пять обязанностей: вера — шахада, молитва — салат, пост — саум, милосердие — садака и хадж... Ахмад, напости мне ещё раз мои титулы.

Ахмад: Имам Хоросана, Учёнейший муж века, Доказательство Истины, Царь философии Востока и Запада, Знаток греческой науки...

Омар Хайям: У меня нет титула «хаджи».

Ахмад: Хозяин, только тот, кто совершил паломничество в Мекку и Медину имеет право на титул «хаджи» и ношение зелёной чалмы.

Омар Хайям: Я должен совершить хадж. Это мой пятый и самый важный долг. О Боже, ты знаешь, что я познал тебя в меру своих сил. Прости мои грехи. Моё знание тебя — мой путь к тебе.

Омар Хайям спускается со сцены в зал и уходит.

Конец

ОЛЬГА БЕДНАЯ

Я ПРЕДЛАГАЮ БЕССМЕРТИЕ

УТРЕННИЙ СНЕГ

Утренний снег под ногами степенно похрустывал.
Новым снежинкам понравился мой воротник.
Ты улыбнулся, моё настроенье почувствовав,
И осторожно к губам приоткрытым приник.

Тут же молва полетела по скрюченной улице.
По эстафете снежинки трезвонили весть,
Что, невзирая на вьюгу, у парка целуются,
Значит, любовь в самом деле, наверное, есть.

И, потрясённые этим неожиданным открытием,
С улиц соседних подружек своих прихватив,
Волны снежинок слетались на это событие,
Нас, как диговинку, плотным кольцом обхватив.

Мы же забыли про время, забылись подростками.
Жизнь продолжалась, но где-то совсем далеко.
Нас накрывала зима простынями неброскими
И превращала в огромный заснеженный ком.

Мы потерялись в минутах, целуясь на улице.
Рядом трусила зима здоровенную шаль,
Пряча от глаз посторонних, как двое целуются,
Чтобы никто двум влюблённым сердцам не мешал.

Я ЗАБЫЛА, КАК ЦЕЛУЮТСЯ

Подметает ветер бережно
Засыпающие улицы.
Может, ты и не поверишь, но
Я забыла, как целуются.

Свой мирочек, отгороженный
От возможных потрясений, я
Покидаю насторожённо
Иногда по воскресениям.

Вот в одну из этих вылазок
Я тебя однажды встретила.
Дождь дома и скверы вылизал,
Спелой свежестью приветил их.

Мы идём с тобой по лужицам.
Впереди сосна сутулится.
Мотыльками мысли кружатся:
Я не помню, как целуются.

Повернись к тебе, мой ласковый,
Загляну в глаза лучистые.
Ты развей мою опаску, и
Перед страхом дай мне выстоять.

Сколько тайны скрыто в шёпоте!
Эти губы... Как вы маните!

Несомненно, суть не в опыте,
И, конечно же, не в памяти.

ДАВАЙ ДОПУСТИМ

В моих глазищах на миллион
Вселенской грусти.
Давай допустим, что ты влюблён,
Давай допустим.

Легко рукою меня задень,
Коснись беспечно.
Давай допустим, что этот день
Продлится вечно.

Пусть завтра скажут наверняка,
Что обманулась.
Давай допустим, что в наш закат
Весна вернулась.

Судьба нежданно, вдруг став добрей,
Нам даст поблажку.
Давай допустим, что в октябре
Цветут ромашки.

Давай забудем, что листья клён
Бросает в двери.
Давай допустим, что ты влюблён...
А я поверю.

АКРОСТИХ

Правда утеряна где-то в веках.
Режут запястья прогнившие путы.
Алая кровь на холодных руках.
Волосы ветер прозрения спутал.

Думы о прошлом ведут в никуда.
Адовой гарью пропитано небо.
Утро растает вдали без следа.
Ты никогда моей пристанью не был.

Едкая боль разъедает. Твои
Редкие взгляды давно уж не лечат.
Ядом забвенья меня напои,
Нежностью мнимую кутая плечи.

Ангелы скоро меня заберут,
Где-то на стыке реалий и чуда.
Дай мне надежду, что я не умру,
Если тебя этим утром забуду.

Ты отречёшься от прошлого. Мне
Очень хотелось бы... Впрочем, неважно...
Волосы первыми вспыхнут в огне,
Вспыхнут мгновенно салфеткой бумажной.

Едкая боль потечёт через край...
Кто-то, наверно, надрывно заплачет...
Ад, как цена за потерянный рай.
Хочешь, прощенье оставлю на сдачу?

Я ПРЕДЛАГАЮ ВАМ БЕССМЕРТИЕ

Страсть запечатана в конверте, и
Пропитан воздух тишиной.
Я предлагаю Вам бессмертие
За жизнь со мной.

На пол скользнуло безразличие,
Взметнулся в небо крик ворон.
Я предлагаю Вам величие
И царский трон.

Дорога к Вам прошита точками,
Их наши сны соединят.
Я предлагаю Вам глоточками
Испить меня.

Любовь расписана по свойствам, и
Мечта развенчана с тоской.
Я предлагаю Вам спокойствие
И непокой.

Вы сомневаетесь? Поверьте мне,
Я предлагаю только раз...
Я предлагаю Вам бессмертие
В обмен на Вас.

СВЕЧИ

Свечи чадили на старом столе,
Гасли.
Вас ли искала я тысячи лет?
Вас ли?
Я перед Вами смиренно склонюсь,
Низко.
Гложут сомненья. Предать бы огню...
Близко —
Ваши глаза. Заглянуть — и с ума,
Смело.
Скоро напишет на окнах зима
Мелом
То, что сегодня покрыто во мгле
Пылью.
Милый, Вы снились мне тысячи лет!
Вы ли?..
Вы ли ваяли меня по ночам?
Сердцем.
Мне бы, любимый мой, в Ваших лучах
Греться.
Мне бы в руках Ваших глиною стать,
Тая
Только ответьте... Я, правда ведь, та?
Та я?

ФОТОСНИМОК

Скупые строки на лист тетрадный ложатся рвано.
В углу, на полке, стал фотоснимок флуоресцентным.
Рука коснулась холодных клавиш фортепиано
И заскользила от центра к краю, от края к центру.

Мерцают свечи. Белёсым воском заплыл подсвечник.
Листок тетрадный в словах корявых, в полосках узких.
По фотоснимку пугливым взглядом скользну поспешно
И тут же спрячусь в свою ракушку большим моллюском.

Перевернуть бы, а лучше просто — порвать да в урну.
Но как же страшно об этом думать! Ласкают пальцы
Поверхность клавиш. Порхают ноты в ночи ноктурном,
И мотыльками мои надежды к огню стремятся.

Глотаю слезы. Пытаюсь крикнуть... Сорвусь фальцетом.
Теряюсь в прошлом. Застрянет имя в сухой гортани.
Ушёл к другой ты. Стал фотоснимок флуоресцентным,
И с каждым разом меня сильнее пленит и ранит.

Наступит время — песок забвенья покроет раны...
Устанут пальцы, касаясь клавиш всё осторожней...

Скупые строки на лист тетрадный ложатся рвано
Пустым желаньем о невозвратном, о невозможном.

АРЛЕКИН

Выцветшее панно — лезвием на куски.
Хватит глушить вино, свергнутый Арлекин!
Съехал на бок парик, смазан рукою грим.
Страшно услышать крик, рвущийся изнутри,
Бьющий нещадно в цель. Что ж ты о стену лбом,
Бывший в одном лице цезарем и рабом?
Что ж ты так быстро сник? Гордость — на дно пластом.
Что ж ты, паяц, приник к горлышку жадным ртом
В жалкой попытке вновь боль утопить в вине?
Выцветшее панно — память минувших дней —
Сорвано со стены, лезвием — в лоскуты.
Чувство чужой вины губит тебя, и ты
Лопнувшим пузырьём, тряпкой безвольной — вдрызг.
Сдавшийся обречён! Что ж ты, паяц! Изыск —
В жаркой борьбе. На дно прошлое увлечи.
Хватит глушить вино, свергнутый Арлекин!

Я ПЬЮ ЛЮБОВЬ

Я пью любовь отъявленным пропойцей,
Теряю шаткий стыд в чужих постелях.
Мужчины дарят мне сердца и кольца,
А утро обрекает на похмелье.

Изрезано лицо багровой сеткой.
Как много грязи в лопнувших сосудах!

В глаза мне говорят, что я кокетка,
И тут же, за глаза, что я паскуда.

Враги меня хоронят. Рано! Рано!
Не верьте, что не вылезти из пьянок!
Россия знала многих хулиганов,
Теперь настало время хулиганок.

Я пью любовь, разбавленную страстью.
Гуляка, разорвавшая оковы.
Вы всё? Ну, слава Богу! Слезьте! Слезьте!
Я Вас совсем не помню! Кто Вы? Кто Вы?

Ну, что же Вы? На столик бросьте кольца,
А сердце лучше рядышком, на блюде.

Я пью любовь отъявленной пропойцей,
И так хочу заснуть и не проснуться.

Я НАУЧИЛАСЬ ГАДАТЬ ПО ЗВЁЗДАМ

Я научилась гадать по звёздам и по ладоням.
Как много правды в молчащей трубке, в пустом конверте!
Мечта слепая меня кометой слегка затронет
И устремится в ночное небо навстречу смерти.

Я научилась в тугие нити врезаться спицей.
Переплетутся былые думы смешным узором.
Ты не вернёшься. Я точно знаю. Опять не спится.
Роняю слезы, как мелкий бисер, на спящий город.

Я научилась ходить по струнам и по карнизу.
Внизу бушует шальное море безликих судеб.
Меня ласкает необратимость июльским бризом.
Ты не вернёшься. И новой встречи у нас не будет.

Я научилась гадать по звёздам и в это верить.
Струится в щели мой сон под утро, как Божья милость.
Проснусь однажды, не ожидая шагов за дверью...
Ну а пока что тебя не ждать я не научилась.

ТЫ ПРЕДПОЧЁЛ...

Ты предпочёл обычную свечу
Сверкающему пламени.
Я к звёздам лепестками долечу,
Мой каменный.

Не думай, я ни капельки не злюсь
За глупое слияние.
Я в вечности пустынной разольюсь
Сиянием.

Свеча. Костёр. Мы с нею не враги.
Она лишь производная...
А ты её от ветра береги,
Холодный мой.

Не знаю, может, в чём-то ты и прав.
Свеча покоем радует.
В твоё окно я буду по утрам
Заглядывать.

Глубинное постигнуть не дано,
И от того так плохо мне.
Лучами я ворвусь в твоё окно
И вдохами.

Однажды занесу стеклянный нож,
Прольётся кровь бесцветная...

А ты наверно даже не поймёшь,
Что нет меня.

ГРАФ МОНТЕ-КРИСТО

Комната. Женщина. Взгляд бархатистый.
Красное, ставшее палевым.
Что испытали Вы, Граф Монте-Кристо?
Что испытали Вы?

Память картинки из жизни завертит.
Сможет узнать ли бескрылого
Та, что когда-то спасала от смерти
И погубила Вас?

Встреча, связавшая призрака с прошлым,
Разбередившая раны Вам.
Выдержать правду, размытую пошлым,
Выиграть заново.

Вы поклонились. Не слишком ли низко?
Бледность, прикрытая пудрой.
Время настало. Возмездие близко.
Царствуют мудрые.

Мечь — это терпкий, особый напиток,
Щедро приправленный ядами.
Воздух в просторной гостиной пропитан
Запахом ладана.

Вы, обладатель несметных сокровищ,
Жаждете битвы неистовой.
В этой стране изощрённых чудовищ
Сможете выстоять?

Перед глазами сырая темница,
Тело покойного Фарио.
Солнце взошло за него помолиться
Утренним заревом.

Узник, ступивший на мокрую пристань,
Преданный, жаждущий мщения.
Сколько бессонных ночей, Монте-Кристо
Стоит прощение?

Та, что до времени Вас схоронила,
Рядом, в напыщенной комнате.
Помните, как Мерседес Вас любила?
Всё ли Вы помните?

Взгляд этой женщины, взгляд бархатистый,
Жадно просящий прощения.
Что испытали Вы, Граф Монте-Кристо
В эти мгновения?

КАРМЕН

Огонь в углу давно зачах,
Как предрекали.
Мне будет тесен гроб в плечах.
Гробовщика ли
Винить за то, что отсечёт
С размаху крылья?
Вещун ли, маг ли, звездочёт
В ночи открыли
Среди янтарных звёзд мою?
Под мягким пледом
Я тихо песенку пою.
Мне вторит следом,
Не попадая в такт, сверчок.
Я не в обиде.

Пари же, крохотный смычок!
Недальновиден
Был тот, кто нож мне в грудь вонзил.
Любовь — на вертел!
О, как красива ты вблизи,
Минута смерти.
И как же холодно сейчас!
Ни плед, ни осень
И ни огонь, что вмиг погас,
Не греют вовсе!
Я знаю: скоро гробовщик
Войдёт с бутылкой...
Уж ты, любезный, не взыщи,
Не режь мне крылья!

«ПРОСТРАНСТВО МИРА И ПРОВАЛЫ СНА»

(Художественные приметы стихотворений Владимира Скифа)

В русской поэзии последних десятилетий откристаллизовались несколько чрезвычайно важных примет, которые в той или иной степени свойственны, наверное, каждому поэту сегодняшнего дня.

Интеллектуализм, изнутри поедающий ткань стиха и практически отрицающий живую связь двух миров — реальности и человеческой души, — не в их числе. Рано или поздно он уйдёт из круга чтения и станет своего рода литературным дневником, интересным лишь немногим.

В противоположность ему, в поэзии обретёт чувство меры и ощущение постоянной новизны предметный мир: с одной стороны, ярко живописный, а с другой — показанный в тончайших нюансах изменяющейся природы.

Кроме того, с течением лет всё отчётливей становятся два, по существу, кардинальных взгляда на происходящее вокруг нас или бывшее когда-то прежде. С одним из них связано имя Николая Рубцова, со вторым — во многом загадочная фигура Юрия Кузнецова. Магнетизм этих поэтических вселенных огромен, а их влияние, очевидно, будет усиливаться. И, в конечном счёте, став определяющим отпечатком русского стиха, вернёт ему массового читателя, преодолев пагубную изоляцию отечественной музыки от подрастающих поколений и быстро меняющейся действительности.

В этих обстоятельствах важно внимательно осмотреть литературный ландшафт, поскольку уже сейчас происходит неуклонный процесс «врастания» в поэтический обычай «образа мира по Рубцову» и «образа мира по Кузнецову». И наш взгляд непременно остановится на имени Владимира Скифа, парадоксально соединившего в своём творчестве эти две позиции.

Пройдя большой литературный путь от вполне типичной городской лирики до тончайших описаний сибирской природы, от альбомных стихотворений до проникновенных и в чём-то даже неземных любовных строк, Скиф интуитивно нашёл собственную художественную территорию, на которой надмирное соприкасается с реальным. Они постоянно сосуществуют без взаимного отрицания, без надменного визионерства автора. Как в древности — предмет отходит на второй план и появляется неведомое; затем вещь восстанавливает своё житейское значение, и человек продолжает привычную жизнь, полную забот и усилий.

Ничего подобного такому мировоззренческому распределению здешнего и запредельного не найти ни у Рубцова, ни у Кузнецова. Образно говоря, предшественники дали живописцу технику и форму кисти, а дальше художник творит сам, погружённый уже в другой мир, прислушиваясь уже к собственной душе.

*Просвистела на небе игла,
Со звездой и душой наигралась,
И в стогу на закрайке села
Мировая игла затерялась.
Что её в этот стог занесло?
Кто ей дул в её чуткое ушко,
Чтоб упала она на село,
Где молчит даже ржавая вьюшка?*

*...Всё живое метнулось искать
В плотном сене иглу мировую,
Стали девки из стога таскать,
То пырей, то осоку сухую.*

*И явилась из стога игла,
Деревенскому люду мигнула.
И разбитые судьбы села
Стала шить, и деревня уснула.*

*Век уставший прилёг на кровать,
Приутихли печаль, укоризна.
А игла продолжала сновать
И сшивать лоскуты русской жизни.*

Если Рубцов интуитивно предчувствовал тайну земного и небесного, а Кузнецов намечал её границы, то Владимир Скиф эту тайну «высветляет» и одомашнивает, вписывая человека в некий общий миропорядок как звено совсем не ничтожное по сравнению с грандиозным космосом, но отдельное и в чём-то ключевое. Именно поэтому столь часто появляется в стихотворениях Скифа Ангел (Белый Ангел) — печальный или отрешённый, осыпающий на мир снежную крошку. Всякий раз с ним связана грусть Неба о русской земле и слеза о русском человеке. Однако тут не только жалость к страдальцу, а сокрушение о том, что, униженный и оскорблённый, он не понимает Божьего высокого задания, и в результате чёрные беды изнуряют его душу и тело: «Мы пронизаны русской незримою нитью — //И народный герой и упрямый изгой...».

Одновременно у Скифа можно найти строки, в которых загадки бытия совсем просты и, кажется, неизъяснимы.

*Смотрю — звезда шагает по воде,
В просторах — степь
сама себя теряет.
Спрошу Россию: — Родина, ты где?
В ответ лягушка
в тёмный пруд ныряет.*

Рядом с серьёзной душой появляется стихотворение лёгкое, даже бытовое или очевидно житейское. Оно родилось только оттого, что язык поэта чувствует волшебную свободу родной речи. Но в совокупном портрете автора это даёт ощущение художника, для которого не существует дистанции по отношению к читателю. Хотя в некий момент в таком «доверительном» поэте будто просыпается острое зрение — и он видит мир за горизонтом, а его отвлечённый ум мгновенно связывает небо и землю в единое пространство, где идёт противоборство Добра и зла, Света и тьмы, горькой слезы — и злого смеха...

*Мчал скакун по тернистой дороге,
Звёзды неба из скал высекал.
Синей тьмой покрывались отроги,
И в долину закат протекал.*

*Мчал скакун сумасшедший, как ветер,
В его взоре клубилась тоска,
Звал скакун из далёких столетий,
Из небесных полей — седока.*

*Но молчали селенья в долине,
В небесах леденела луна...
И сошлись на последней вершине
Свет заката и путь скакуна.*

Здесь не найти обыденной предметности и ясного понимания коллизий. Эти строки — замечательный пример точно не выговариваемой тревоги, потому что не всё человек знает про себя, про судьбы земли. И стихи определённо сближаются с музыкой, где принципиально нет узнаваемых реалий, но присутствуют тени и отражения действительности.

Тем не менее, у Скифа реальность привлекательнее, чем явления тонкого мира, которые вдруг возникают рядом с людьми и, как правило, что-то исправляют в нашем бытовании. Теплота земного для него — будто колыбель для ребёнка, без которой никакое жизнеустройство невозможно.

*Янтарным светом осеняет осень
Пространство мира и провалы сна.*

Он любит «здоровье» русского уклада, радующее глаз богатство природы. Ему нравятся открытые лица, грубоватая шутка, телесная женская красота.

В русской поэзии сюжет рыночного изобилия почти традиционен. Скиф с нескрываемым удовольствием описывает прилавки с сочным дарами земли и, рядом, — лица и характеры селян. Кажется, что в этом поэтическом рассказе наиболее важными для него являются люди — приветливые, остроумные, участливые и неунывающие: «А дед хомутовский расскажет дотошно, // Как лук и чеснок убивают недуг»; «Сидят и стоят у коробок старушки, // А в банках и гриб, и огурчик тугой»; «Старушки, старушки пёстры, как кукушки, // На рынке у крынок стоят с молоком»; «Такого не знает, наверно, Европа, // Поскольку не видит таких стариков».

Точно так же в «Русской бане» нагота парящихся молодых женщин наивно привлекательна и совершенно лишена той пошлости, к которой телевидение стремится

приучить страну и, во многом, уже приобщило большие города. Поэтому очень понятен знак в заключительных строках стихотворения об осеннем возвращении в городскую квартиру: «Нет печальней мига, // В окне белеет, как свеча, // Забытая на даче книга // Про смерть Ивана Ильича».

Вообще, у Скифа образ города обычно холоден и жесток. Там почти нет естественного притяжения людей, которое ещё поддерживается в деревнях, где каждый знает наперечёт ближайших и дальних соседей.

На городской свалке в картонных коробках ютятся отверженные — «бомжиха бездомная — бывшая Варька-уборщица, // Упавшая в злую воронку российской беды» и её товарищи по несчастью. Она поёт им «про дуб и рябину-зазнобушку, // И пёс подзаборный, отдав ей частицу души, // Как волк подвывает»... У них нет родных, друзей, крыши над головой, еды. Бомжи, «эту водку зальделую пьющие, // Собак и ворон принимают за братьев своих».

И на этом страшном фоне нищеты и отчаяния поистине народным мифом кажется стихотворение о русских деревнях, которые решили «распахнуть поля, // Как будто крылья Родины большой».

*И начали деревни хлопотать,
Будить народ, заснувший во хмелю,
Зерно в живые борозды метать
И вырывать осот и коноплю.*

*Деревья выбирались из тоски,
Подсолнухи рыжели на глазах,
И забывали водку мужики,
И забивали место в тракторах.*

*В подглазьях женщин тёмные круги,
Как стая туч, исчезли навсегда.
И стали в землю уходить враги,
И вместе с ними кончилась беда.*

*И разливался несказанный свет,
И слухи разлетались вдоль земли,
Как съехались деревни на совет
И Родину Великую спасли.*

Скиф притом ещё и острый публицистический поэт. У него довольно много стихотворений, где напрямую названы виновники национальной трагедии, среди которых и бесчувственная жадная власть, и продажные журналисты, и беспринципные дельцы. Но всё же, самый главный изъян современной России — апатия русского человека, его покорность злу и мороку. Именно потому миф о собирательнице-деревне становится едва ли не всеобщим упованием, ибо в нём сконцентрирован образ народного ума, воли и терпеливого труда.

С другой стороны, в стихотворении об inferнальной змее, под покровом тумана пожирающей родную землю, поглощённые тварью мужики вспарывают ей брюхо и, выставив острые вилы, «как из смердящей реки», выходят на Божий свет. В этой аллегории есть что-то от наступательных советских карикатур времён Отечественной войны. Народное чувство, оскорблённое и растоптанное недругами, нуждается

в ясном, изобразительно внятном языке. Соединяясь с мифом, этот сюжет преодолевает собственную изначальную одномерность и превращается в народное чаяние, в котором звучит отголосок библейских слов: «... да не преткнёшься о камень ногою твоею. На аспиде и василиска наступишь...» (Псалом 90/91, читаемый в опасности).

В поэзии Владимира Скифа отчётливо выражено природное мужское начало. Причём телесность у него неотделима от воли, решимости, силы. Многие стихи посвящены телесной любви, и в них неуловимо присутствуют скрытые родовые акценты, к нынешнему дню, к сожалению, в литературе встречающиеся крайне редко. Отдавая земле — земное, поэт прозревает любовь небесную, жертвенную, и тогда рождаются строки удивительной прозрачности и вдохновения:

*Так много внутреннего света
В твоих глазах, в лице твоём,
Что кажется — сияет это
Живой, огромный водоём.*

*Сияет снег, сияет небо...
Ты так близка по свету им,
Что я подумал: ну, а мне бы —
Быть отражением твоим.*

*Белеет инеем ограда,
Зима справляет Рождество,
А ты, как тихая лампада,
Стоишь у сердца моего.*

Именно из этой лирической капли вытекает тот океан параллельного, тонкого мира, который сливается в лучших стихотворениях Скифа с реальностью и животворит её как-то «сверхчеловечески».

*Лучи звезды, как будто иглы,
Летят, прокалывая мглу,
Вот тихой комнаты достигли,
Как серебро — звенят в углу.*

*...Свет льётся, будто из криницы,
Ты прогнала в подполье тень,
Лучи сломала, будто спицы,
И мне связала новый день.*

При всей широте поэтического высказывания, у Скифа всё более явственно проявляется слово глубокое, сердечно-умное, проникательное — в высшем, творческом толковании этого определения. Теплота и дружеская близость читателю в его стихах не спорят с частым авторским акцентом на особом ремесле поэта. И потому способность увидеть скрытые нити мироздания уже не пугает простого человека. В грозном устройении Бытия — он не пылинка, гонимая вселенским ветром, но его часть, пусть слабая и своевольная, однако совершенно необходимая. Вот — своего рода личная художественная печать Владимира Скифа.

В его стихотворениях очень много глаголов, которые в пейзажной лирике обладают волшебными свойствами: они оживляют деревья, холмы, небо, облака, солнце. И природа становится похожей на кого-то знакомого, обретает повадки человека — и каждую минуту проживает со своим настроением, совершенно неизъяснимым на человеческом языке: «в ночь прокралась синева»; «затеplилась листва»; «в сыром лесу жиреет... темнота»; «зреет стволов сосновых череда»; «тумана выросли усы». Читатель погружается в книжную страницу и прикасается к Божьему творению, которое из рук в руки передаёт ему поэт. И теперь уже он — соглядатай и гонец, несущий друзьям и близким добрую весть и крепнущую надежду:

*Вот на востоке посветлело,
Тьмы отодвинулся оплот.
Заря, как яблоня созрела
И алый выкатила плод.*

ВЛАДИМИР СКИФ

ЧЕМ СТАРШЕ Я...

СИБИРСКИЙ ДИВИЗИОН

«Укрепрайон, укрепрайон» —
Откуда-то звучит ночами.
Восходит из войны печальной
Погибший в ней дивизион.

Он под Москвой,
как твердь стоял,
Дивизион сибирской дали.
Он был из нервов и из стали,
Железу противостоял.

Он помнил Жукова слова
И слушал собственную душу,
Он бился насмерть в злую стужу,
Когда за ним была Москва.

И к сердцу не пустил того,
Кто над Москвою
смерчем вился,
Дивизион с землёю слился
И весь погиб, до одного.

...Гудит Москва —
со всех сторон
Сегодня взятая врагами.
И у врагов под сапогами
Лежит родной дивизион.

РУССКИЙ ВЫЗОВ

Эй, мужик-ротозей,
На страну поглазей,
Для тебя уже нет
здесь ни водки, ни крали.

Выпивоха и змей,
Ты проснуться сумей!
У тебя полстраны и полжизни украли.

Оклемайся скорей,
И хоть ты не еврей,
Стань чуть-чуть похитрей
на ветрах государства.
Сердце светом согрей
Посреди лагерей
И поставь мужика —
с русской мыслью —
на царство!

Помня эти слова,
Закатай рукава,
Расставаясь навек
с тёмной жизнью сивушной.
И в московскую рань,
Словно Муромец, встань,
Чтоб столицу свою
разгрести, как конюшню.

Петербург и Валдай,
Леший вас забодай,
Поднимайтесь и вы
на большую работу.
Чтоб вспахал оратай
Заодно — и Китай,
Да и бросил свой плуг
посредине Киото.

* * *

Кто знает тайну бытия?
Ни вы, ни я, никто не знает.
Дымятся космоса края,
Как рана чёрная, сквозная.

Куда, разлуками дыша,
Спешит душа в полёте кратком?
С бессмертьем встретится душа,
Но не приблизит нас к разгадкам.

* * *

Мне твердят: всё в мире образуется...
Но разносят вдребезги страну
Власти, словно твари неразумные,
За собой влекущие войну.

Государства гиблая раздвоенность
Порождает хама и дельца,
И народом правит вседозволенность,
Над страной возвысив подлеца.

* * *

Я еду в поезде. Домишки
Во тьме мелькают и бегут
За поездом,
как в норку — мышки,
А там их кошки стерегут:

Пушистого тумана кошки
Глотают тёмные дома...
И пропадают люди, стёжки,
Сторожки,
дрожки,
закрома.

Состав летит без передышки
В тумане, будто — в никуда...
Играют с нами
в кошки-мышки
Шального века поезда.

* * *

Под оловянную луной
Видны дороги белые.
Залиты тёмной тишиной
Поля заледенелые.

Снегами запечатал лес
Чащобы непролазные,
И звёзды сеются с небес,
Как семена алмазные.

Душа потянется к звезде
Среди пространства голого.
Чугунный ворон на кресте
Луны проглотит олово.

Земля и небо надо мной
Поделят вечность поровну.
Ничто не вечно под луной,
И только вечны — вороны!

ГНЕЗДО

После Третьей войны Мировой
Всё исчезло на грешной земле.
Будто язвой смело моровой
Всех, кто в городе жил и в селе.

Сколько минуло лет? Может, сто
После Третьей войны Мировой.
...И кружилось на небе гнездо,
Может, в нём кто остался
живой?

ВАРЬКА

В холодном, пустынном углу,
неприглядная, корчится
Судьбу проклиная за кружкой палёной бурды,
Бомжиха бездомная, бывшая Варька-уборщица,
Упавшая в злую воронку российской беды.

Ей сытой не быть,
ей волчицей не быть, но утробю
Она ощущает несчастья в родимом краю.
Бомжиха напьётся и в жизнь улетает загробную,
А утром опять прилетает на свалку свою.

С ней дружат вороны и псы, тёмным небом прижатые,
Им Варька бросает замёрзшими комьями хлеб,
Почти в преисподней,
в огромном российском бомжатнике,
Ей, Варьке, не сладко. Теплее подвал или хлев.

Но Варька сидит
на картонных коробках расплющенных,
Палёную водку по кружкам разлив на троих.
И с нею бомжи, эту водку зальделую пьющие,
Собак и ворон принимают за братьев своих.

И Варька поёт им про дуб и рябину-зазнобушку,
И пёс подзаборный, отдав ей частицу души,
Как волк подвывает,
и тянут с ней вместе «Коробушку»
На смятых коробках зарытые в свалку бомжи.

ТАЙНА МИРОЗДАНИЯ

*Открылась бездна, звёзд полна,
Звездам числа нет, бездне дна...*

М. В. Ломоносов

Непостижима тайна Мироздания,
Её осмыслить не хватает дней,
Ночей, веков и жизни, и дыхания...
Мы только-только принимаем к ней.

В бескрайний космос поглядишь и сразу
Как будто бы летишь среди планет
И бездны звёзд.
Заходит ум за разум,
Когда представишь, что конца в ней нет.

И нет начала. Нет того предела,
К которому стремится слабый ум.
Вон снова в небесах звезда сгорела,
А, может, человек сгорел от дум...

Ему охота тайну, как преданье,
Прочсть и к мысли прикрепить крыла.
Но он придавлен тайной Мироздания.
И крыльев нет. И мысль с ума сошла.

* * *

Что стряслось на земле — не постичь!
Мчит по ней заблудившийся поезд.
Вон мелькнул цепенеющий «бич»,
В насыпь будто зарытый по пояс.

Полустанки, гнилые мосты,
Уходящие в прошлое тропы,
И кресты над землёю, кресты,
И пустые дома, и сугробы...

Там уже не наступит пора
Сеять хлеб, ждать в печи каравая,
Там — постылые ходят ветра
По пустынному русскому краю.

Там — в осколки разбившийся день,
И на фермах — разбитые окна,
И печаль, и среди деревень
Наркоман, тербящий волокна

Ожиревшей в полях конопля,
Да забытая слава солдата...
А ведь мы среди этой земли
Зёрна счастья лущили когда-то...

* * *

Е.И. Молчановой

Начало июля. Серебряный дождь.
Звенит по асфальту стаккато капли,
И ты в серебре,
в золочёной купели
Со мною в обнимку по лету идёшь.

А юность стрижом или пулей сквозит,
Кричит нам вослед
и крылом задевает.
Судьба нас в игольное ушко вдевает,
И прошлое ниткой за нами скользит.

...Свирепые зимы встречаем вдвоём
И снова идём через пропасть в обнимку,
Проходим сквозь взрывы,
как будто сквозь дымку,
И помним себя под июльским дождём.

* * *

Чем старше я, тем строже выбор
Красавиц, здравниц, новизны.
И, как ни странно, я не выбыл
Из песен, музыки, весны.

Чем старше я, тем больше толку
На свете стало от меня,
Хотя враги меня, как волка,
Зафлажили в колючках дня.

Чем старше я, тем достоверней
Мысль, что спасёмся красотой.
И мне всё ближе Достоевский,
Чем Короленко и Толстой.

Чем старше я, тем гуще время
Замешивает жизнь мою.
И всё отчётливее кремний
Скрипит у бездны на краю.

* * *

Я не ревнитель постоянства,
Мне ближе ветреная высь.
Ты любишь долгое пространство,
Хотя повадками ты рысь.

Ты любишь длинные дороги,
Течение медленной реки.
И упоительные сроки
Всепожирающей тоски.

В пространстве ветер легкокрылый
Теребит жухлую траву.
...Ты дверцы осенью открыла
В свой мир, где я теперь живу.

ЖУРАВЛИ

В колыбели моей хризантемы цвели,
А осенние листья упали в наследство.
И летят журавли, и летят журавли
Сквозь меня, сквозь моё позабытое детство.

Вспомню нашу деревню, и станет теплей
В непроглядном, как ночь,
и расхристанном мире.
Никогда не смогу позабыть журавлей,
Что летели по небу, играя на лире.

Дорогие мои, леденеет земля,
И о первый мороз спотыкается осень.
Превращался и я в эти дни в журавля,
И кричал, и летел в светоносную просинь.

Горизонты мостили в глазах пелену,
На виске у земли бились тёмные реки,
Там тугие сомы прилипали ко дну,
И в тоску журавли улетали навеки.

Кто-то лунный свинцом заливал тишину,
Грызла лошадь ночная пеньковые пути...
Снова в детство,
как в небо,
с утра загляну,
Там летят журавли без меня почему-то.

ИМЯ В ПОЭЗИИ

РАМИЛЬ САРЧИН

ДУША НЕ ВЕДАЕТ ГРАНИЦ...

ВЕЧЕРНЕЕ

Уже дневная кончена работа
И с минарета вечер возведён —
И вместе с этим слышно: у кого-то
Корова не подоена ещё.

Ещё цветы по цвету различимы
И маргариток теплятся огни.
И для печали вроде нет причины,
Но как печально светятся они!

О чём печаль?..
О той ли, что у дома
Хозяйкой не привечена пока?
Но вот уже торопятся с бидоном —
И зазвенели струны молока.

Густеет день, и наступает вечер,
И затухают тихие цветы.
И вместо них, распахивая вечность,
Созвездия цветут из темноты.

* * *

Иссине-холодные, как нож,
Сердце исколовшие печали...
Может быть, когда-нибудь поймёшь,
Для кого они предназначались.

Для кого в ненастной тишине
По заборам сплетничала осень.
Может, при доверчивой луне
И тебе печально станет очень.

И уже перепечалась тем,
Что годами пережито всеми,
Словно об одной из важных тем,
Затоскуешь о любовной теме.

И тогда, наверное, поймёшь,
Что не понимала поначалу:
Иссине-холодные, как нож,
Сердце исколовшие печали.

СОЛОМИНКА

Соломинка, охалка, стог —
К соломе я равнодушен:
Её тепло среди дорог
Всегда обогревало душу.

И память бережно несла
Её осеннюю усталость
На окончности села,
Где молодость моя свершалась.

И юношеский оборот,
И ранняя девичья милость,
И тот соломенный омет,
Где всё впервые и случилось...

Душа не ведает границ.
И посреди дорог, послушай,
Соломинка, как некий шприц,
Мою вытягивает душу.

* * *

Вот и лес обнажился и снова поля опустели —
Как и было до нас, как и будет — века и века.
Наши дни на земле не длиннее полуденной тени!
Отчего ж дольше вдоха и выдоха длится строка?

* * *

Всё закончится так: никому и никто не обязан,
Потому что нельзя, потому что так нужно Ему.
Потому что по горло руками-ногами повязан,
Только кем и когда — никогда я уже не пойму.

Всё закончится так: будет ночь, будут дальние звёзды,
И одна, как нарочно, всё будет манить и манить.

Только знаешь: вот так вот — окажется слишком серьёзно
В эту позднюю осень кого-то за что-то винить.

* * *

Деревья догола раздеты.
И листья ластятся о ноги —
Так безысходно одиноки,
Совсем как брошенные дети.

Прохожий, человек радушный,
На небо звёздное укажет
И почему-то тихо скажет,
Что звёзды — это чьи-то души.

Они людьми когда-то были:
Любили их, они любили.
И ничего, что их так много,—
Им и на небе одиноко.

А я давно уже о звёздах
Того же мнения, что о листьях...
И по ночам так стынет воздух,
И пусто на душе, и мгристо.

* * *

Уже ничего не растёт
На пустоутробной земле.
И жёлтый осенний листок
Распят на оконном стекле.

В ДОРОГЕ

Вот иду я по дороге древней,
Прохожу окраиной села,
Помня, эта самая деревня
Тоже чьей-то родиной была.

Сена серебрёные охапки,
Запах новорождённых телят,
И в клетушке маленькая бабка
Под наседкой щупает цыплят.

И в неё, заботливую, веря,
Курицы садятся на шесты,
Крыльев полумесячные перья
Оправляя клювом золотым.

Что ни дом, то тянется дорога.
И такие дали на Руси:
Кажется, идёшь холмом отлогим —
А уходишь прямо в неба синь...

Вот иду я — с мыслями о Боге.
Жизнь моя, не заблудись в дороге!

* * *

Вот и проклюнулись клейкие почки —
Липнут, как дети, ко всякой ладошке!
Глядя на робкие эти листочки,
Я вспоминаю о сыне и дочке.

НАСТЁНЕ

Озёрно-озорные глазки
У девочки сладё-Настёны,
И ручки — крохотные ласки —
В норе моих ладоней тёмной.
И чувствую, как копошатся,—
Полнее не бывает счастья!

* * *

Челны раскинулись огнями —
И сердце так забило в грудь,
Что не поймёшь, что перед нами:
Плотина или Млечный путь.

Как не поймёшь, куда уводят
Нас вековые пути...
И всё глядишь на эти воды,
К которым хочется сойти.

Сойду — и буду счастья полный
От волн, толпящихся у ног.
...И чей-то на реке челнок
Вдали одолевает волны.

г. Набережные Челны

ЛУИЗЕ

Это мне когда-то
С высоты далось:
Чёрная с закатом
Ночь твоих волос;

Зелень взгляда — точно
Изумруд озёр —
И колдует ночью
Этот влажный взор.

Губы пахнут зноем —
Даже в дни обид.
Ты — моё земное,
Мой вседневный быт.

Впрочем, быт, как знаешь,
Отблеск бытия.
Значит, ты земная
Высота моя.

* * *

Я боюсь писать.
Мне мнится-кажется:
Испишусь —
Вот тут-то и конец.
Но ходить и дальше с этой тяжестью
Не хватило б никаких сердец.

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

ВЛАДИМИР МАСЯН

Казачий остров

Повесть

Митьке Китушину до одури нравится глазеть на прибрежную суету родного города. С белых песков Казачьего острова крутолобый правый берег Волги выглядит непривычным, почти чужим. Словно на старых открытках, что валяются вместе с журналами и газетами в куче пыльного барахла на чердаке их коммунального барака. Только когда разглядываешь картинки, надо глаза сильно зажмурить — не до конца, а чтобы реснички свои видеть. Тогда рисунки оживают, шевелятся. А когда смотришь на берег, наоборот, глаза надо открыть пошире — вылупить. И как по волшебству, сначала всё перед тобой растворится в слёзной пелене, а потом чудно переменится и замрёт.

И хотя Митька знает на той стороне каждый камушек, каждую коряжину на отмелях, помнит каждую сломанную доску на позеленевших от водорослей мостках, хотя каждый закоулочек или узенький дворик вокруг портовых лабазов знаком ему не хуже любой рыбацкой сараюшки, что понатыканы вдоль распадка широкого оврага, — жизнь на правобережье всё равно кажется неузнаваемой. Воображать и домысливать увиденные издали сцены доставляет Митьке наслаждение.

Он ладонями подгребает под тощие бока горячий песок, грудит перед собой зыбучую горку, как в подушку втыкает в неё подбородок и, блаженно посапывая, устремляет взгляд своих светлых, с едва заметной лукавинкой глаз в одну точку.

Вон по Кабановскому взвозу вдоль крепких каменных домов с цветами на узких подоконниках, от Большой мельницы Шмидта тянутся в город гружёные подводы с мукой.

Даже зорким мальчишечьим глазам трудно разглядеть запряжённых лошадей и фигурки людей рядом с ними. Однако Митька хорошо представляет, как храпят, бешено вращают глазищами, мелко дрожат поджилками, но упираются, тянут в гору артельные тяжеловозы пятеричные мешки. Как, понукая, матерят их кряжистые, под стать конягам, ломовики, осыпанные с головы до пят белой пудрой. Как смачно шлёпаются и парят на мостовой култыхи конского помёта, — будто в ответ на безудержную ругань возчиков. Те и вправду отворачиваются, плюются, но, огрев кнутом трудягу, вдруг весело щерятся и начинают балагурить.

Вечером, когда спадёт жара и умолкнут паровые машины мельниц, по той же улице, но уже вниз к реке потечёт городской народ на купание, и на берегу образуется столпотворение.

Митьку всегда изумляло, почему взрослые предпочитали купаться вблизи причалов речного вокзала или в огороженном досками «бассейне», где на воде плавали жирные фиолетовые пятна мазута, вытекавшие из-под брюха каждого парохода.

То ли дело их дворовая ватага! Сколько помнил себя Митька, слободские гурьбой барахтались у зачаленных перед лесопилкой уральских плотов, густо пахнущих еловой смолой и сырой древесиной. Там упругие волны расшибаются об их многослойную стену, пеняются и ходят кружью. Сильное течение реки смиряется, и в образующихся между плотами и берегом лагунах вода держится тихая и тёплая.

Но не только купаться бегала туда ребятня. Сплавленные с верховьев Камы вязки строевого леса на время становились частью среды обитания, как двор, улица, сам берег Волги. Летом пацанве не интересен пыльный и душный город. Всё свободное от домашних забот время они — на реке, на плотях.

И малыши, и взрослеющие подростки словно прилипают к смолистым бокам огромных брёвен. Пока тяжёлые крыжи не попали под зубья пил, они безраздельно принадлежат слободским огольцам. И хотя по ним не носились сломя голову, как на берегу, на них не устраивались свары, как во дворах, под них запрещалось подныривать, как под болтавшиеся на привязи лодки; хотя кругляки царапали кожу шершавой корой, а смола не оттиралась даже лыковой мочалкой, — не было больше сладости для городских мальчишек и девчонок, чем жарить на солнце синие после купания животы, вытянувшись во весь рост на этих брёвнах. Затылком, лопатками, спиной ощущать, как пронизывают тебя идущие от дерева струи тепла. Наверное, так исполины отдают свои последние живительные силы.

И рыбёшку с плотов удить ловчее, и горбушка чёрного хлеба с солью здесь вкуснее, и глупостей в забубённых головах на ограниченном пространстве рождается меньше. Нетерпеливому целый день на плоту не высидеть. Поэтому на деревянных островах удерживаются только крепкие компании. И чем их становилось меньше, тем дружнее они между собой ладили.

Плоты зачалены как раз напротив того места, где лежит на горячем песке острова Митька. Ему не требуется особых усилий, чтобы представить, чем заняты его товарищи. Мыслями он там, с ними.

Время близится к полудню, значит пацаны, что постарше, снимают с крючков сетку паука и как всегда рядятся, кому тащить пойманных подлещиков и язёй к перекупщице на Пеший рынок. Невесть какие деньги, но на билеты в кино и мороженое они заработали.

В жару перестают дербанить червя на глубине окуни и краснопёрки, замирают поплавки расставленной снасти на осторожного сазана. И только малолетки, натренированно поплёвывая сквозь щербатые молочные зубы на измочаленную насадку, подсекают с поверхности шустрых верхоплавков.

Митька улыбается: его впервые поражает сходство мальчишек с прозрачными баклёшками — кожа да кости! Но обидное сравнение почему-то наоборот придаёт его сопереживанию больше теплоты. Своих слободских — одетых в нехитрые, перешитые с плеч старших братьев обноски, стриженных под машинку, с облупленными носами и ссаженными до крови коленками, с цыпками на пальцах и бойцовскими кулаками, — он узнал бы в любой толпе городских сверстников. Паче того, не по внешним признакам, а по суровой серьёзности, которая сквозила в их придиричвых взглядах.

Митька замечал, что и у старших — молодых рыбаков, матросов, грузчиков, шофёров, артельных рабочих — всех, с кем чаще приходилось ему встречаться, тоже присутствовало внутренне напряжение, постоянная готовность к отпору. Глаза мужиков смотрели дерзко и насмешливо, хотя к четырнадцати годам он по себе знал, что порою нет добрее и отзывчивее этих удивительных людей.

— Тутощний народ — волгарь, с ним ухо остро держи, — говорили в округе. — Прирождённые своевольники.

Митька давно понял, что не каждому можно верить и не всякому довериться. И лучше не замечать того, что тебе не хотят показывать. А слово не ценнее молчания. И если тебя считают своим, то смерти подобно нарушить закон круговой поруки. Это ему не нравилось, и он чувствовал в том некую ущербность для себя.

Он во многом поднаторел у рыбаков. Видел, как коптят отборный залом и пузатых сазанов, пластают на балык огромных сомов, помогал засаливать в низких кадках разную бель, набивал селёдку в мерные сорокаведёрные обручные бочки или раскладывал её по сельдяным бочонкам весом, этак, по пудуку с гаком. Месил в чанах щучью икру и сортировал раков, таскал в рогожных кулях душистую астраханскую воблу и тяжёлые осетровые головы, подсоблял рубить туши рыбин.

Всегда с нетерпением ждал он того предвечернего часа, когда звонко, на всю водную ширь, тарахтя маломощными моторами, к мосткам приставали длинные и увёртливые рыбацкие лодки.

— Принимай улов! — ещё на подходе гремели басом дочерна загорелые, с головы до ног облепленные рыбьей чешуёй, сильные и, как казалось Митьке, разудалые мужички.

Живая рыба кипела в просмолённых посудинах и шлёпала о борта широкими хвостами. Налетевшая ребятня раскидывала её по корзинам. Пучеглазых колючих судаков и красных в подбрюшье, с круглыми открытыми ртами лещей тут же отвозили на рынки. Щук и сомов забирали в рестораны. Острочешуйчатых осётров и стерлядь ждал особый покупатель, заранее расписавшийся в накладных у бригадира.

Но Митька видел, часть красной рыбы прятали в сараях и тем же вечером продавали знакомым перекупщикам. Чужих людей на берегу не привечали. Конечно, все знали, что во многих рыбацких семьях кроме опостылевшей рыбы на столе месяцами не было иных продуктов. Но и в слободке пшённую кашу ели чаще с постным маслом, а не салом, и мясо покупали по праздникам. Поэтому Митька чувствовал себя обманутым, когда вокруг начинали жалиться на тяжёлую долю и прятали икру и осетрину.

Удивительно, что новые ощущения и мысли рождались вместе с картинами города, которые виделись Митьке с песков Казачьего острова. Они как бы оживляли его память, воскрешали прошлое, заставляли по-иному переживать его и оценивать. Эти чувства были неизвестны, но приятны Китушину.

Шоколадная Митькина кожа бесчувственна к полуденному июльскому солнцу. Но белый песок раскаляется, и мальчишка елзит на животе, норовит поглубже зарыть колени. Его стриженую белобрысую голову клонит в сон, да любопытство сильнее.

Митька видит, как со стороны бывших зейфертовских мельниц вырывается на стрежень старенький колёсный баркас «Ваня-коммунист». Из высокой трубы его валит такой чёрный дым, что кажется — вся река вокруг становится закоптелой. Будто нарочно низовой ветер стелет дым кругами по воде.

Баркас давно подлежал списанию. Но, может, из-за своего названия, а может и по необходимости — плоскодонная посудина по большой воде приставала у всех прибрежных селений — пароходик продолжал служить людям.

Митька, и то раз, вместе с дедом, ходил на нём в Ровное за арбузами. Дед его, верхнехопёрский казак Тимофей Васильевич Китушин, тогда ещё был крепок, играючи подхватывал пятипудовый мешок с зерном и укладывал его на телегу так, что та и скрипнуть не успевала. Ростом дед особо не вышел, да и в плечах не скажешь, что косая сажень. Но всяк, кто на него глядел, чуял в нём крепость необыкновенную. Плотного сложения был казак, коренного.

И в жизни, скорее всего по прямоте душевной, за коренного тянул. В жмурки с судьбой не играл, а как по совести и разумению своему рассудить мог, так, помолвившись, и поступал.

Природа наделила Тимофея Китушина силой, притом дав ему характер степенный и добродушный. Возле такого человека, как под кряжистым деревом в непогоду, любому покажется не зазорным переждать лихолетье.

Да и внешность деда была примечательной. По-русски круглолиц, слегка курнос, глаза светлые, в улыбке голубеющие. Пшеничный чуб свисает на кустистые брови, под цвет ему и прокуренные усы, которые он любовно разглаживает большим пальцем правой руки.

В молодые годы, поди, не одна девка по нему в станице сохла. Но казак, нагулявшись всласть до первых лагерных сборов, обженился по православному обычаю на той, кого ему родители присватали, и уж более на сторону глаз не клал, хотя многие бабоньки вертели подолами у его база.

И Митькина бабка — в девичестве Дуняшка Макунина — маленькая, с виду даже щупленькая, но упорная и неутомимая в работе женщина, не давала им спуска. Только глянет васильковыми глазами из-под цветастой, по самые брови повязанной косынки, так всю душу насквозь и прожжёт. Подбоченится, вскинет гордую голову, и не словами, а всем видом осадит, поставит на место любую.

Это теперь дед сдал. Словно недоброй рукой надрубленный сук в одну весну почернел и сморщился, как печёное яблоко. Обесцветился волос, помутнел взор. Пегими от табачного дыма стали поседевшие усы. Но всё так же лихо закручивает их онемелый палец, да изредка голубеют в улыбке всё понимающие глаза.

Выйдя на пенсию, летом казак сторожил огороды на острове. Внук привозил ему пропитание, колодезную воду да крынку с квасом для окрошки. Баловства по огородам было мало, бахчи ещё зеленели, а потому жизнь в сторожке землянке протекала не в обузу ни старику, ни мальчику. В жару дед спал, а внук, валяясь на горячем песке, подмечал любую лодку, задравшую нос в сторону Казачьего.

Несильные волны от баркаса бултыхают у берега ряску и раскутившиеся водоросли, отчего Митькины ноздри различают в воздухе запах колотых арбузов. Наверное, поэтому он снова вспоминает поездку в Ровное.

* * *

На дворе отозревало молодое бабье лето, а жара так и не спадала. В реке купались и стар, и мал. Знать, продлил в тот год Илья-пророк сроки до студёных ночей. Хотя

после яблочного спаса и раннего отлёта журавлей вечера становились прохладными. Северо-западный ветер шёл по воде вихрями. Старики говорили: к снежной зиме.

На берег они с дедом сошли уже затемно. «Ваня-коммунист» попытел немного у низкого дощатого причала, качавшегося на чёрных железных бочках, простуженно гуднул на прощание и зашлёпал колёсами в сторону Золотого.

Ночевать решили у пристани. Лихих людей не опасались: по всему лиману неслись в черноту неба костровые искры. Совсем рядом, на трёх ловецких набойных лодках длиною почти в четыре сажени, приткнулись к мосткам колхозные рыбаки. При свете большущего, сложенного из нескольких пней кострища, они устало, но споро перебирали мокрые, едко пахнущие рыбой и тиной, самовязанные, с крупной ячейей сети. Очищенными от водорослей, ракушек и мелкого сора развешивали их на высокие колья, видно, загодя вбитые в суглинок прибрежного откоса. Там же, в яме, старик из артельных вместе с мальцами мастрячили на самодельной треноге котёл под уху.

— Подгребай до нас! — безошибочно чуя в коренастом мужике своего, позвали рыбаки деда. — По выжинке и угощение.

— Спаси Христос! — Тимофей Васильевич разгладил усы и подмигнул Митьке: «Мол, знай наших». — Опосля второго Спаса и нищему яблочко подадут!

Он бросил внуку заплечный сидор и суконный пиджак, когда-то перекроенный из флотской шинели, и, привычно закатав рукава серой просторной рубахи, смачно поплевав на ладони, ухватился за бечеву.

— Полегше, дядя! — сразу осадили его несколько хриплых голосов. — Это тебе не быкам холку гнуть. С умом тащи!

Но чувствовалось — сила казака пришлась им по душе.

— Он тащить, а она трешшить! — не остался в долгу дед. — Сём-ка, знай-подавай, да руками не махай! А то ить в уши надуить!

— Весёлый, лешак!

— Принимай его, Харлампий, в бригаду!

— Ставь, дядя, магарыч! Мы не всякого подманиваем!

— Песня-то хороша, — смеялся дед, — да голос хриповат!

Митька не стал слушать развёселую болтовню рыбаков и осторожно подступил к молчаливым кашеварам. Пляшущий свет упал на его жёлтые кудри, заставил зажмурить глаза. В неярких сполохах огня он выглядел худее и меньше ростом.

— Бог в помощь! — поздоровался Митька и, чуть помедлив, для солидности покхекал в кулак.

— Ишь ты! — старик-кашевар от удивления раззявил рот.

Добротно, до блеска ошкуренный волжскими ветрами, он даже в темноте был светел ликом. Но костистая фигура и особенно ходуном ходящие острые коленки выдавали в нём вертлявого человека.

— Поглядите на него: мужичок с ноготок, да и только!

Масляный голосок старика Митьке тоже не понравился. Но это бы ещё ничего, да тут сидевший к ним спиной помощник развернулся, и на мальчишку с любопытством глянули из-под смятой бескозырки озорные глаза. Митька потупился, но успел заметить вокруг нахальных глазелок на носу, на щеках и даже на выпуклом подбородке рыжие веснушки. У дворовых приятелей конопушки обычно сходили с лица к середине лета.

«Девчонка, — догадался Митька, — рыжая».

А рыжие, он это знал, — первые задаваки. И словно в подтверждение своих мыслей услышал:

— Чё встал, как истукан? Чисть картошку! — Девчонка в миг поставила у его ног цинковое ведро с водой и корзину с грязными клубнями. — Десятка два отмой и в кожуре оставь, в золе испечём.

— Погодь, Маришка, — старикашка проворно сунулся к дармовой подмоге с алюминиевой флягой, — напервой пушай воды зачерпнёт, да не под берегом, а поглыбже зайди!

— Я сама с лодки достану. Ещё потопнет в темноте, — Маришка перехватила у кашевара бидон и голосом, не терпящим возражений, приказала Митьке:

— Покончишь с картошкой, никуда не уходи. Станем раков перебирать.

«Эко диво», — обиделся Митька, а вслух пробурчал:

— Чай, у нас этих раков мешками продают на пристани.

— Вона как! А я думал, вы издалёка, — поразился старикашка и вдруг ни с чего начал вертеться и оглядываться по сторонам.

— С одной реки кормимся, — весело сказал мальчик запомнившиеся чужие слова и опасно покосился на подошедшую Маришку.

— Малёк-то у нас — волгарь! — обрадовался командир двухведёрного котла. — А ты говоришь, потопнет! Шалишь, девка. Ейтот тебе сто очков наперёд даст.

Старик вытащил из парящего котла черпак с деревянной накладной ручкой и помахал им в воздухе, как кадилом. Потом поднёс ко рту, пригубил раз, второй, поскрибал сухими пальцами другой руки под кадыком, бросил черпак в варево, хмыкнул про себя, как-то весь скособочился и замер.

— А против Маришки, поди, слабак? — вдруг наклонился он к Митьке, и тот впервые увидел его беспокойные и недобрые глаза.

— На спор забьём? — подначивал он ребяташек.

Митькиным щекам стало жарко, но о сути спора он ещё не догадывался.

— Чего на кон ставишь? — небрежно спросила Маришка.

— Дак, ить, каждый должен...

— Не замай! — строго оборвала стариковский скулёж девчонка. — С тобой забьём. Ставь против моих посеребрённых блёсен свой нож с костяной рукояткой.

— Эт какой?

— Забыл, что ли? — Маришка нагнулась и достала откуда-то из темноты нож с кривым, наподобие серпа, лезвием.

Вряд ли это была дорогая вещица, хотя кривым лезвием удобно вспарывать брюхо любой рыбине. И всё-таки, по мнению Митьки, против блёсен заклад был жидковат.

— Вот стерья! — старикашка запоздало схватился ручонками за пояс. — А ну, вертай!

— Держи карман шире! — дерзко огрызнулась Маришка и спрятала нож в просторных своих одеждах.

— Не пойму, при чём здесь я? — спросил Митька.

— Как же без тебя-то? — усмехнулась девчонка. — Сейчас поплывём с тобой на тот берег залива, до песчаной косы. Видишь огни? На них будем держать.

Там, куда указывала Маришка, в темноте ночи сыпали искрами в разные стороны три дальних костерка. И было непонятно: то ли они горели на берегу, то ли прямо на воде, то ли посреди неба.

— Выдюжишь, серебрёные блесны тебе подарю, а сдрейфишь — придётся и снасти, и ножичек на камбуз вернуть.

— Рази так спорют? — наскакивал на девчонку старикан.

— Сам захотел, — отмахнулась от него Маришка и потащила за рукав Митьку. — Плыви за мной, не потеряешься!

Она звонко и нахально засмеялась и пошла к воде, на ходу сбрасывая с себя одежду.

На первых гребках Митьке, всё лето не вылезавшему из воды, показалось, что он легко преодолеет расстояние до отмели. Но минут через пять он стал уставать и при вдохе нечаянно прихлёбывать водицу. К тому же со стрежня потянуло ветром, и боковая волна всё чаще купала Митькину голову. Тёмная до жути вода непривычно холодила живот, сковывала ноги, тянула в вязкую глубину.

А девчонка плыла сажёнками сначала рядом, потом незаметно обошла его, и вскоре он едва различал её чёрную макушку далеко впереди себя.

Было страшно. Огни костров на косе словно застыли на месте. Митька попробовал перевернуться на спину, но окрепшие волны захлёстывали голову, заливали хватающий воздух открытый рот. Тогда он подставил им спину и на боку, чувствуя, как силы покидают его, поплыл наугад. Что-то неопределённое и большое вертнулось рядом и поднырнуло под мальчика. Митька вскрикнул и тут же увидел перед собой лицо Маришки.

— Не бойся, — услышал он её растерянный голос. — Здесь мелко, дно под ногами.

На заилистую отмель Митька выполз на четвереньках, ничком упал на сухие, колючие водоросли. Долго, как ему показалось, лежал без движения. От усталости и проглоченной воды тошнота подступала к горлу. Кружилась голова. Пришёл в себя только когда сильные мужские руки подняли и посадили в лодку. На корме, поджав к упрямому подбородку колени, куталась в бушлат Маришка. Молодой, голый по пояс рыбак в подвёрнутых до щиколоток штанах шлёпал босыми ногами по воде, пытаясь столкнуть ловецкую посудину с песка. Рядом сутулилась фигура деда, а за ним ещё двух мужиков, в одном из которых мальчик узнал вертлявого старикашку-кашевару. Но на этот раз тот был тих и стоял как вкопанный.

— Выпороть бы их обоих! — безобидно сказал молодой парень.

Лодку наконец вывели на воду, вставили вёсла в уключины, и через несколько минут горе-пловцы уже сидели на ватных фуфайках в тесном кругу рыбаков и грели пятки над дымящими углями. О происшедшем не говорили, хотя по общему настрою Митька понял, что бригада не одобрила затею со спором.

Горячая сборная уха обжигала губы, но все усердно работали деревянными ложками, без конца подливая в миски сладкую похлёбку. Подражая взрослым, Митька подносил грубоватую бутылку ко рту на куске хлеба и облизывал коковку, если к ней прилипали крошки.

Ели долго, молча и сосредоточенно. И только когда на заедку стали шелушить раков, потёк неспешный разговор. Дед знает, что нового человека всегда любопытно послушать, но по праву гостя речь заводит издалека:

— Поверите, станишники, уж который год снится мне один и тот же сон. Кубыть аккуратно по первой росе ожеребилась моя кобылка. Обтёр я лоншака пучком соломы, а он — вроде как уже большанький и давай, шельмец, скакать вокруг меня. А я-то ведаю: ежели жеребёнок по зорям много играть, то его волки съедят.

Тимофей Васильевич тянется за тлеющим угольком, подкидывая на ладони, прикуривает от него папиросу. И только после нескольких затяжек продолжает:

— Хвосток задрал и скок к воротцам. Я за ним, а в раствор солнце по глазам! Ослеповсе. Шарю перед собой руками в белом свете, шо малой ребятёнок в зыбке. Пустоту разгребую. И чую волчий рык по сторонам. Хватать за шашку, — дед хлопает ладонью по левому бедру, словно там должна быть гладкая рукоять широкого клинка, — а в ножнах пусто! Вот тут у меня грудя от обиды и жалости так стискивает, шо я вскакиваю с постели, как шатоломный.

— Понятное дело, — соглашаются рыбаки. — Казаку конь себе дороже!

— Нашему брату вещей сон всегда в руку! — Бригадир Харламий, побряхтывая, вытягивает затёкшие ноги и ложится на бок, наклоняется к тусклому огню. На его уставшем лице пляшут лиловые тени, и Митьке чудится, что рыбак — видение. И все люди вокруг — другие, не похожие на тех городских, что знал он прежде.

Густая ночь опустилась на Волгу. Не видно уже ни берега, ни причала, ни уреза воды. Люди зябко кутались в поношенные телогрейки, но от догоравшего костра никто не уходил. Где-то рядом волны шлёпались о борта лодок, шуршал песок и то-ненько посвистывали на ветру нитяные сети.

Маришка — противная девчонка, нарочно ковыряла гнилую деревяшку ножом кашевара, и щепки летели в его сторону. Митька в душе ругал её, но, угревшись под девчоночьим боком, лежал не шевелясь. Чувствовал, первый сон вот-вот сморит его, да уж больно хотелось доказать рыжей задире, что не лыком шит.

— Думали, опосля войны другая жизнь начнётся, — словно сам себе удивляясь, насмешливо говорил Харламий. — Поймёт, усатый, что зазря народ мордовал. Ан нет, едрена вошь! Опять кругом мы крайние.

Он закашлялся, зажимая рот отворотом фуфайки, и потом долго сипел, с трудом восстанавливая дыхание. С фронта Харламий вернулся с двумя дырками в правом лёгком. И хотя жена парила его в бане пихтовыми вениками, всё равно харкал кровью

— И вроде жизнь налаживается, — хрипло выдыхает слова бригадир, — а всё жирный кусок мимо рта летит. Не заслужил, стало быть.

— Об чём речь? Паспорт по сей день колхозник не видел. А вы баите!

— Кабы хуже хлебнуть не пришлось, — заворочались, закричали мужики.

Митька не очень понимает, о чём говорят взрослые. Но ему приятно, что рыбаки уважительно слушают деда, доверяются ему, как равному. И как бы нечаянно примеряет это уважение к себе, исподтишка поглядывая на Маришку. Но та уже ничего не слышит.

Хриплый гудок перегруженной баржи путает его мысли. Он вслушивается в пыхтение дизелей на реке и с тем засыпает.

* * *

Прошло несколько дней. Митька уже решил, что ночной «заплыв» сошёл ему с рук. Но в субботу дед попросил внука зайти за ним в пивную. В день получки Тимофей Васильевич неизменно заходил в оное заведение, что находилось в подвале углового дома на Ильинской площади. Как раз по пути домой.

Подвал с овальными, из красного кирпича сводами был просторным и на редкость чистым. Бочковое пиво привозили сюда из Камышина или Баланды, что особо ценилось знатоками, и деревянные, покрытые голубенькой клеёнкой столики пивной никогда не пустовали.

По стене за стойкой буфетчика гроздьями висела сушёная астраханская вобла. На прилавке, на чёрных жостовских подносах курились горы красных раков, щедро посыпанных зеленью укропа и петрушки. Рядом на тарелках блестела синими спинами каспийская сельдь. Пряным запахом вышибал у посетителей слюну жирный копчёный волжский залом. Севрюжья, осетровая, кетовая икра и балыки особым спросом не пользовались и были отставлены в угол стеклянной витрины. Чаще требовали икру щучью, приготовленную с перцем, уксусом, постным маслом и репчатым луком, да вяленого сома с костромским сыром и хреном.

Здесь же, в пивной, подавали и водочку с горячими закусками: тушёной бараниной и свиными сардельками. Горчица и нарезанный крупными ломтями хлеб, чаще всего пеклеванный или ржаной бородинский, расставлялись по столам и шли за счёт заведения.

Пиво в стеклянных полулитровых кружках наливали так, чтобы пена в них стояла шапкой, а потом текла по усам и бородам лихих пивососов. Сдвух пену на пол считалось у фабричного люда плохой манерой, и по этой привычке безошибочно распознавали чужака-интеллигента или конторского чинушу. Студентов можно было вычислить по кускам поедаемого хлеба и хвостам селёдки вокруг единственной кружки вожденного напитка.

Была в этой пивной и ещё одна достопримечательность: каждый день пополудни выносили в зал и ставили у задней стены между буфетом и огромным фикусом дубовый табурет. А потом выносили на руках и сажали на табурет безногого гармониста в украинской вышиванке, подпоясанный зелёным кушаком. На вид инвалиду было лет тридцать. Чубатый, носатый, черноглазый, с обвислыми, давно не стриженными усами — настоящий запорожский казачина. Никто не интересовался, откуда он родом, но, ясное дело, за кирпичными сводами подвала калеку не ждали.

Да, видно мало было судьбе, что солдат оставил свои ноги в горах Манчжурии, контузия лишила его и голоса.

Играл немой и безногий гармонист без роздыха. Рвал свою и чужую душу. То широко застольная, то плясовая с колокольцами, тягучая народная, лихая военная — сменяют песни и мелодии одна другую, но каменным, безучастным остаётся лицо инвалида. Иногда даже кажется, что поёт и плачет гармонь сама по себе. И только крупные капли пота на лбу и на серых щеках выдавали в нём ещё живого человека.

— Эх, — жалковал Тимофей Васильевич, когда бывал под хмельком, — над им бы икону повесить, да свечку закурить. А мы полтинники в шапку кидаем.

Но трезвым Тимофей Васильевич всегда строго корил буфетчиков за то, что подавали мирскую, то бишь гречневую, кашу без постного масла и спрашивал: сытно ли накормили гармониста? А на их хитрые ужимки и пожимания плечами показывал свой огромный кулак и при всех давал хорошие чаевые для калеки.

— Так иху мать, Василич! — шумели за столом деда сотрапезники. — Им заране морду швабрить надоть! Чтoб чуяли, с кем дело имеют!

— Но-но! Не очень! — размахивали полотенцами за буфетной стойкой. — Не то в долг отпускать не станем! Знаем вас, слободских!

— Как же! Выкуси! Придётся ещё, рыжий таракан, до нашей Ньюшки. Там тебе ноги повыве́раем!

Но играла гармонь, отвлекала на себя кипящие страсти. Уводила в непрочный, надрывный мир переживаний, где слёзы выше слова, и не было, и нет стыда за них.

Митька рассчитал верно: пока дед разопьёт чекушечку водки, пока с аппетитом закусит бараньими рёбрышками, поест селёдку, ошелушит воблу и примется за пиво с раковыми шейками — пройдёт не менее часа. К этому сроку требуется добавлять по двадцать минут на каждую заказанную кружку пива и выкуренную после неё «беломорканалину», то есть умножить на четыре.

Получается ещё без малого полтора часа. Тридцать минут уйдут на разговоры. Поэтому если знать, что зарплату в ДОКе выдают в три часа дня, то за дедом нужно идти к шести вечера.

За пять минут до вычисленного срока Митька спустился в подвал. Несмотря на то, что курили почти все посетители, дыма в зале не было. Огромный жестяной венти-

лятор тонко гудел в узком, глубоком окне. Но за перезвоном гармошки его почти не слышно. Над густо забитыми народом столами мелькали кружки и стаканы. Крепкий пивной дух шибал в нос, а запах солёностей будил аппетит.

Тимофей Васильевич сидел на своём обычном месте рядом с огромным фикусом. Со стола перед ним уже убрали, и только два бутерброда с крупной кетовой икрой на голубом блюде ждали внука. Бутерброды с красной икрой одно время стали для Китушиных притчей во языцех.

Давно, когда Митьке не было ещё и пяти лет, дед, гуляя с внуком по выходным в парке культуры и отдыха, иногда нырял в рюмочную — маленький фанерный павильончик на берегу затянувшегося ряской пруда. И пока мальчик расковыривал палкой зелёную тину, опрокидывал стопарик водки. Белый хлебец с «красным горохом» выносил Митьке.

Хитрая бабка долго тщетно пыталась через внука уличить мужа, пока не догадалась спросить, чем угощают в парке.

— Хлебцем с красным горошком, — выпалил Митька, твёрдо веря, что тайну про дедовы хождения в рюмочную сохранил.

— А чаво не пирожным-то? — не унималась бабка.

— Скажешь, бабания! — отставив в сторону ногу, развёл руками Митька. — Кто ж водку пирожными закусывает?

С тех пор «бутерброд с красным горохом» стал явочным паролем в дедовой артели. Никто не звал пить пиво, все только и жаждали отведать бутерброд с красным горохом. Когда собирались копать огороды, рыть картошку, на сенокос или просто на рыбалку, мужики, пряча ухмылки, спрашивали:

— Бутерброд не забыли?

— С красным горохом? Как можно!

Постепенно, с годами, шутка забылась. А вот бутерброды с кетовой икрой Тимофей Васильевич покупал Митьке до сих пор. Внук жевал их на улице, по дороге к дому. Но сегодня дед повернул назад, в сторону комбината, а потом зашагал мимо него, к Волге, туда, где визжала пилорама.

Там работал их сосед по бараку Павел Грошев — юркий, разбитной молодой мужик, ещё до войны отсидевший два года в тюрьме за пьяное хулиганство: вилами заporол в хлеву корову у милиционера. Тот повадился «реквизировать» самогон у грошевской тётки Федоры, чей первачок покупали все слободские, когда становилось туго с деньгами или когда справляли поминки, рождение, свадьбу. Водки-то казённой не напасёшься!

Но с фронта вернулся Павел в сорок четвёртом с двумя медалями на замызганной гимнастёрке, левый пустой рукав которой был заправлен под брезентовый ремень. И, надо думать, за то разом прощённый и соседями, и тем милиционером, и теперь уже как бы пожизненно получивший разрешительный патент на своё горькое баловство: каждое первое число каждого месяца напиваться до смерти, до бесчувствия, а потом ровно шесть дён похмеляться.

Пил он сначала всегда один, но, очнувшись к вечеру второго дня, угощал всех подряд. За деньгами не стоял, потому как в промежутках между запоями работал за троих, часто сверхурочно. Без опаски брал левые заказы. Специальными ножами-барабанами, выточенными по его чертежам фрезеровщиком на гвоздильном заводе, резал обналочку любой конфигурации. Из бросового горбыля умудрялся настрогать кучу шелёвки, плинтуса, шпона. Кому оконные рамы делал, кому двери. Для всех он работал на совесть, лишнего не просил, но и своего не упускал.

А ещё не было ему цены на посоле рыбы. Даром, что с одной рукой, да лёгкой на промысел: никогда лишней щепоти не бросит, никогда недосола не допустит. Звали его на подмогу и колхозные рыбаки, и свои, слободские. Да и сам он любил в свободное время побраконьерить на реке, но больше для души, нежели для дела.

Как управлялся с одной рукой Грошев, налаживая пилы, правя лодкой, бросая вентера и перемёты, приходилось только удивляться. Ладно бы ещё протез можно было изготовить, а то ведь оттяпали мужику клешню по самое плечо.

— Здорово живёшь! — стараясь перекрыть визг пил, громко здоровается с Павлом слегка ослотивший Тимофей Васильевич.

Тот оборачивается на миг, радушно мотает запорошённой мелкими опилками головой и снова принимает к станку. Только когда исчезает со станины бревно, Павел вдавливает красную кнопку выключателя. Погудев, пилы тонко звинькают и остаются навливаются.

— Инвалидский привет! — Грошев скалит в улыбке свои крепкие зубы и уважительно протягивает жёсткую, как верблюжья подошва, ладонь сначала старому казаку, потом мальчику.

Присели на сырые, недавно вытасканные из воды сосновые брёвна. Их разделяют на доски и брусья помощники Грошева. Сам же он распиливает лишь «обмылки» — суковатые хлысты — верхушки сосен или других деревьев.

Митька с удовольствием ковыряется в опилках, перебирая дощечки, рейки, а сам чувствует, что неспроста привели его на пилораму. И точно: дед издали начинает рассказывать Павлу о поездке в Ровное, о приветливых рыбаках, вертлявом старикашке, Маришке, причём говорит обо всём так, словно и не про Митьку речь, словно о чужом человеке вспоминает и хочет посоветоваться, ладно ли он всё понимает.

— Жисть на кон поставили, шо погнутый пятак в дорожную пыль бросили, — итожит рассуждения Тимофей Васильевич и неожиданно спрашивает внука: — А ведь проиграл, Митрий, девчонке-то?

— Кому потонуть, тот и в луже захлебнётся, — пуская носом табачный дым, серьёзно говорит Павел. — Шум один!

Курит Грошев, не вынимая папиросу изо рта. Воткнёт в угол губ, прижмёт зубами и, скривившись, цедит. Пока не прогорит табак до мундштука. При этом ещё и глаз прижмурит — урка, да и только. Но Митька с завистью присматривается к Пашкиным повадкам.

— Мне хтой-то гутарил, кубыть за бакеном, шо насупротив прорана, опасное течение. Воронки сплошь.

— Знаю, — удивлённо смотрит на деда Грошев. — Там ямы и течение кружит. Бакен то и дело срывает и на отмель стаскивает. К чему спрашиваешь? Там только по осени стерлядку на камнях берут. Шум один!

— Здорово ночевали! Иде ж, по-твоему, силенкой с рекой померяться? Посмотреть: возьмёт она его в зятя?

— Не шутейное это дело, — хмурится Павел.

— С другим мы и сами управимся, — в сердцах теребит пшеничный ус Тимофей Васильевич. — Твоя лодка нужна. Попервой на шворке мальчонку потаскаешь, а уж потом, Бог даст, сам выплывет.

— На верёвке мальца тащить? Сквозь воронки? Шум один!

— Не забоишься, Митрий? — как о решённом спрашивает дед внука.

— Думай что хочешь, а мне не нравится твоя затея, — укоризненно качает головой Грошев и стучит кулаком себе по колену.

— Нехай, — ласково успокаивает его Тимофей Васильевич. — Дай срок, через годик на остров переплыть станем! Тогда попробуй кто обогнать нас!

Митька, не ожидавший такого поворота событий, с облегчением вздыхает: порка миновала на сей раз.

* * *

Но не год и не два, а целых пять лет потребовалось Митьке, чтобы нагулять мышцы, окрепнуть, научиться бороться с волной и течением, закалиться и без страха плавать в любую погоду. Он заметно подрос, и хотя пупок ещё притягивало к пояснице, раздавшиеся покатые плечи и длинные крепкие руки уже выдавали в нём китушинскую статью.

Нужно отдать должное Грошеву: не обманул деда. Всякий раз при случае брал с собой мальчика на рыбалку. И пока ставил экраны на поплавках или растягивал на кошках хребтину живоловной снасти, Митька плавал большими кругами вокруг лодки, иногда до полного изнеможения, даже не мог переваливаться через борт гулянки.

«Настырный», — дивился упорству мальчика Павел и, обхватив его единственной рукой поперёк туловища, поднимал в лодку.

К десяти годам Митька вместе со взрослыми ребятами мог плавать наперегонки от бело-голубых причалов пассажирской пристани до Бабушкиного взвоза, — по берегу не менее километра. А к двенадцати уже не боялся выплывать на стремнину, отдыхать, болтаясь в волнах, на дальних бакенах. И вот этим летом сильное течение реки легко вынесло четырнадцатилетнего мальчишку на плёсы Казачьего острова.

Митька был горд за себя: немногие ребята его возраста рисковали заплывать сюда. Приятно было сознавать, что стал сильнее, а значит, по детским понятиям, и взрослее своих сверстников, которые теперь законно выделяют тебя среди других.

Хотя, если честно признаться, Митька не любил верховодить. Мог вступить за любого, несмотря на число обидчиков. Крепость его кулака в слободке знали. Но дружбу водил он больше с Петькой Пшеновым и Ванечкой Топольчанским. Да ещё вечно таскались за ними Фимка Шохман со своей сестрой Ленкой.

Петька Пшенов — или по-уличному «Пшено» — паренёк под стать Китушину: из рабочей семьи, крепкий и широкий в кости. Только если Митька носил белокурый чуб, то волосы Петьки отдавали густым каштановым блеском, а на солнце голова его и вовсе казалась бурой, как у гнедой лошади. Грубоватым, но породистым было и лицо его: с прямым хрящеватым носом, нервными ноздрями, чётким подбородком и большими карими глазами.

Такие правильные лица рисовались на всех плакатах, начиная с ярко-красных зазывал на всенародные выборы до стражей наших границ в зелёных фуражках. К этим лицам привыкли, но тем не менее Митька не раз замечал в школе, как поглядывали на Пшенова девицы из старших классов. Тем более ему было приятно, что Пшено безропотно признавал китушинский авторитет.

Ванечка Топольчанский — болезненный, с непомерно большой головой на тонкой шее и с абсолютно бесцветной внешностью — жил с матерью в крайней, угловой комнате барака. Мать работала на военном заводе пресовщицей, но зарабатывала мало, и вечный недостаток в доме делал обоих тихими и безропотными. Но неприметный среди товарищей, Ванечка ходил в отличниках и первым учеником в классе, хотя особыми способностями не отличался. Природные дарования с лихвой заменяли ему усидчивость и великолепная память.

Кроме того, обделённый многим в жизни, он умел подмечать в людях и вещах те черты и свойства, которые были недоступны привычному глазу. Ребята ценили Ванечку за наблюдательность, а ещё больше за уравновешенный характер и бескорыстную дружбу.

Брат и сестра Шохманы жили на краю слободки в частном доме, в большой и шумной, многодетной еврейской семье, которая считала себя обрусевшей. Но по субботам родители их под ручку с живучими стариками Шохманами исправно посещали на улице Посадского скромный домик, который в складчину купила еврейская община, и где раввин читал им Тору.

В слободке к оттопыренным ушам и горбатым спинам евреев относились так же, как к шафранным скулам татар или «косым» глазам казахов, памятуя, что Господь не по злому умыслу перемешал на Земле народы. Но старшие Шохманы такое равенство считали для себя оскорбительным и держались замкнуто, чего нельзя было сказать об их детях.

Фимка родился на год раньше Ленки, но в семье они были младшими отпрысками, а потому оба донашивали за старшими штопаную-перештопаную одежку и среди слободских ребят отличались только чёрными кудрявыми головами да сопливыми носами. Но сколь беззлобен и покладист с возрастом становился Фимка, столь остра на язык и горда делалась сестра его.

Сдружались ребята давно, ещё в те времена, когда пасли домашних коз на склонах Белоглинского оврага и в балке у железнодорожного переезда. С семи лет Митька водил на верёвке и привязывал на выпасе к деревянному колышку серую бодучую козу с двумя козлятами-попрыгунчиками. Осенью козлят резали, а к весне облезлая, худая коза приносила новых. И до первой травы в кухне под печкой мекали и пускали на пол жёлтые струи тонконогие, головастые существа — живые комочки серого пуха.

Утром первым всегда просыпался дед. Курил, сидя в подштанниках у холодного самовара; выпивал оставленную с вечера кружку кислого молока с покрошенным в него чёрным хлебом; покряхтывая, одевался и шёл кормить скотину: «Митькину» козу, низенькую пёструю корову, поросёнка и кроликов. Выпускал в загородку крапчатую клушку с цыплятами.

За ним вставала бабка Евдокия. Она перво-наперво, крестясь и охая, опускалась на колени перед иконами, занавешенными в красном углу белыми рушниками, и долго молилась. И только потом плескала из глиняной крынки молоко жмущейся к ногам дымчатой кошке и топочущим козлятам. Зимой ставила разогревать суточные щи в печи на загнетке, а летом разжигала чадающий керогаз, брала подойник и уходила в хлев.

Митьку будили долго. Он невнятно бормотал что-то спросонья, тряс нечёсаной головой, уже свешивал с сундука ноги, но тут же опять падал в тёплые подушки и засыпал. Бабка привычно ворчала, собирая внуку харчи. Укладывала в сумку из-под противогаса кусок пирога с рыбой, картошку в «мундире», печёные яйца, домашней выпечки пряники или плюшки, завёртывала в мягкую тряпку бутылку с коровьим молоком. Жирное козье Митька не любил, силком пил его только во время простуды. Зато вкусный козий сыр долго не залёживался на погребнице. Жаль, бабка делала и подавала сыр лишь по праздникам.

Когда сумка наполнялась, Митьку бесцеремонно ставили на пол и как спал, в трусах и майке, взашей выставляли на улицу. Мальчик брёл через пыльный двор к сараям, где на дровяных козлах его ожидал Тимофей Васильевич.

— Здорово ночевали, казаки! — встречал он внука неизменным приветствием, стараясь удержать подрагивающие пальцы у зелёного козырька полевой фуражки. — Шашки вон, пики в руку, слу-у-шай-ай!..

— Здравашество! — орал мальчишка и окончательно просыпался.

— Как стоишь, едрёна редька! Кто таков?

Митька подбирал живот, закидывал сумку за спину и, вытянувшись во фрунт, чеканил:

— Лейб-гвардии опередьяевского полка казак первого года службы Китушкин-Кадушкин, по прозвищу Митяй-первый!

— Вольно! — утирал рукой топорщившиеся усы дед, прятал в сарае казачью фуражку и вручал внуку бумажный кулёчек с душистыми сахарными карамельками-подушечками. — Доппак тебе от нас с бабаней.

Проходили годы, изнасилась дедова фуражка, перестал дурачиться и Митька. Стеснялся. Но по-прежнему домашние хлопоты держали подростка в узде и определяли ритм жизни. Хотя пасти скот уже было почти негде, город стремительно разрастался, забирая пустыри под новые стройки.

Как всегда, пока Тимофей Васильевич запирали на замок хлев, Митька отыскивал в поленнице колотых дров тряпку с четырьнадцатью бело-желтыми козанками и тяжёлым битком — высверленным и залитым свинцом путовым мосолком — для игры в бабки, пересчитывал их и прятал в ту же сумку из-под противогаза.

Со своими козанками он почти всегда выигрывал в пристенок и в поджошку. Срывал куш и с кона. Ему уже не раз с намёком предлагали выменять их на финку или дробовой «пугач», поэтому Митька никогда не оставлял кости, как другие, в овраге на месте игрища, а прятал под своим сараем.

Места, где обычно пасли коз и овец, распределялись строго по уличной иерархии: слободские забивали колышки на дне оврага, городские, то бишь пришлые, карабкались вверх по склонам. Точно так же, отдельно друг от друга, кучковались и ребяташки. Вместе сходились на истолчённой в пыль площадке лишь на игру в футбол или на редкую драку. Но и здесь строго соблюдался дворовый кодекс: старшие не смели без причины бить младших, а мелюзга молотилась только с разрешения вожаков.

Хотя все понимали условность принятых правил. За границей рыбацкой слободы они уже не действовали. И там спор мог решить свинцовый кастет или самодельный нож. Знали и другое: вынувший один раз оружие никогда не возвращался в уличное товарищество. Его ждал другой, чаще всего воровской мир.

В первых драчунах тогда ходили учащиеся ремесленного училища, что стояло как раз напротив рабочих барачков. Безотцовщина и нужда рано свела их с необходимостью порвать с несладким детством и по-взрослому строго и самостоятельно решать свою судьбу. Но не у каждого находились силёнки определиться в суровом мужском общежитии. Не каждому удавалось услышать слово поддержки и участия. И вместе с мозолями на руках росли в них чёрствость, грубость и алчность. Заполнялось детское сердце взрослой обидой на весь белый свет, и хотелось всё делать наперекор логике и здравому смыслу.

Таков был Борька Гладышев. Заморыш с длинными, почти до колен, руками и, видно в насмешку над фамилией, с прыщавой физиономией. Его тёмные круглые глаза никогда не смотрели в одну точку, а вечно блуждали, отчего невозможно было понять Борькиного настроения. И только трусоватая ухмылка, застывшая в уголках слюнявых губ, выдавала намерение в любую минуту сотворить гадость.

Чувствуя продажность его натуры, Борьку не любили ни свои, ни чужие. А он, как ни в чём не бывало, крутился во всех компаниях понемногу, везде выступая зачинщиком склок и пересудов.

В тот день Гладышев с парковскими играл в бабки против Пшенова с Топольчанским. Митька, опившись дармового кваса, блаженно подрёмывал под кустом боярышника, лениво ковыряя в зубах сухим стеблем травы. Фимка с Ленкой сидели рядом.

— Как хочешь, Мамлюк, а Борька — жила! — делая из газеты себе «треуголку», как бы между прочим, бормотал Фимка.

Митька ещё не привык к прочно прилепившейся к нему кличке, но ему нравилось необычное сочетание в ней поющих звуков.

— Ну?

— Баранки гну! Я давно заметил, когда на кон наши козанки гнёздами ставят, Гладышев обязательно черту передвинет.

— Ну?

— И сегодня, когда в первый раз конались, у Топольчанского жох выпал, а Борька рукавом смахнул незаметно и прёт своё: «Ничка!»

Фимка натягивает на кудрявую голову «треуголку» и становится похожим на щелкунчика, каким рисуют его на афишах оперного театра. Только у того подбородок квадратный, а у Фимки — маленький, кругленький и жирный.

— Пора его проучить! — говорит Ленка.

— Тебе-то что? — Митька с удивлением видит, как серые глазки девчонки темнеют в злобе, белые мелкие зубки хищно обнажаются: того и гляди — укусит!

— Есть с чего взбелениться, — шмыгает носом Фимка. — Вчера, когда купались, этот паразит хотел трусы с неё сдёрнуть.

— Дурак! — Ленка с размаха треснула брата по затылку, смяла бумажную шляпу. Обиженно засопела и отвернулась.

Поступок Борьки выходил за рамки озорства и вызвал у Митьки чувство безразличной неприязни. Но всё равно это не могло стать поводом для драки.

Ленка была ближе и понятнее всем ребятам, как товарищ по общим проказам, и если случалось, то защищали её тоже, как друга, а не девчонку.

Только однажды Митька взглянул на Ленку иными глазами.

Было это зимой, в начале декабря. На Андрея Первозванного, по словам слободских тёток, «вода трещала в колодцах». Метель всю гуляла по закоулкам, закидывала снегом заборы, загоняла прохожих в тепло.

Об эту пору поднимались в цене дрова на рынке. И по воскресеньям Митька с бабаней тягали на Сенной базар разлапистые самодельные сани, доверху нагруженные берёзовыми поленьями.

Дед только с вечера помогал покрепче увязать верёвками поклажу, а рано утром, потемну, уходил на подлёдный лов: на нерест шёл пятнистый налим. Сладкая уха из печени налима почиталась в доме как обрядовое угощение. «Без налименной ухи зимой, что невеста без приданного», — говаривал Тимофей Васильевич.

Продавать дрова Митька никогда не отказывался. Сопел, пыхтел, отдувался, но упрямо тянул через сугробы тяжёлые сани. А потом — краснощёкий, с горящими лукавыми глазёнками, в стёганой фуфайке нараспашку, в сдвинутой на затылок кроличьей шапке с подвёрнутыми назад клапанами — стоял в дровяном ряду и, охлопывая бока толстыми вязаными рукавицами, заправски покрикивал срывающимся на писк голоском: «Дрова! Сухие, жаркие дрова! Покупай — не зевай! Дешевле во всём городе не сыщешь!»

Иногда часами ждал он своего покупателя, потому что твёрдо знал: сторговавшись и расплатившись за дрова с бабушкой Евдокией, его наймут за пару гривенников под-

везти сани к поджидавшим за базаром дровням, а ежели повезёт, то за полтинник с километра — дотащить до самого дома заказчика.

Так удачно получилось и в тот раз. Толстая тётка в енотовой шубе отсчитала деньги, не торгуясь, и обещала Митьке заплатить щедро, если он отвезёт дрова по указанному адресу. Улица Мичурина была по пути, мороз не давал стоять на месте, и мальчик, радостный от предвкушения хорошей получки, сорвался в «карьер». Толстая тётка едва успевала за ним. Но подворотню, в которую они свернули, замело снегом, и сани застряли на узкой тропке. Митька попробовал толкать их сзади, но полозья ещё глубже утопали в сугробе.

— За что вы дворнику деньги платите? — растерялся Митька, не надеясь на чью-либо помощь.

— Стой здесь, — с тяжёлой одышкой проговорила дама и корпусом оттеснила мальчика с тропинки. — Сейчас отопру дверь под лестницей, переносишь дрова туда.

— Мы так не договаривались, — попробовал возразить Митька.

Но желание получить обещанные деньги было сильнее чувства обиды. И, понутив голову, мальчик принялся развязывать верёвки. На другой день после занятий в школе Митька не без гордости заявил приятелям:

— Идём в кино. За всех плачу я.

Денег хватало как раз на пять билетов. На пять «эскимо на палочке» скинулись отдельно.

На подножке громыхающего, как прокатный стан, краснобокого трамвая проехали четыре остановки и высыпали под рекламные щиты лабазовидного кинотеатра со штатным названием «Красный Октябрь». В его красном от лозунгов зале третий месяц крутили американскую ленту о диком Тарзани.

В тесном, заплёванном и замусоренном окурками фойе у касс вместо очереди стояла плотная толпа людей, хмуро взиравшая на серый клочок бумаги, на котором от руки было выведено: «Билеты проданы».

Но Пшено уже смотался в кабинку киномехаников, где работала своя, из слободских, баба Клава, и в углу помещения засветилось ещё одно окошечко с пугающими табличками «Администратор» и «Бронь». Несколько человек из толпы сунулись туда, но тут же, как ошпаренные, откатились назад, стали громко кричать и ругаться.

Под шумок Митька прошмыгнул к заветной кассе. Рядом притёрлась Ленка. На ней была старенькая, но ещё приличная, беленькая заячья шубка и беленькая, козьего пуха, вязаная шапочка с длинными «ушами» и пушистым помпоном на макушке. Большие серые глаза и малиновые с мороза щёки делали её лицо, особенно в белом пушистом обрамлении, необычно привлекательным.

— Гузель, гля, какая куколка! — увидела её администраторша.

Из-за её плеча выглянула плоская, с маслиновыми глазами физиономия кассирши, которая лукаво подмигнула Митьке:

— Красивый девка! Шайтан мою дери, когда в подоле не принесёт!

Митька забрал билеты и, чувствуя, что краснеет до корней волос, исподлобья посмотрел на Ленку. Та, как дурёха, скалила в улыбке свои маленькие зубки. И ещё ближе придвинулась к нему, нарочно взяла под руку. Митька хотел отпихнуть её, но девчонка держалась крепко.

Случай запомнился надолго, хотя развития, даже воображаемого, не требовал.

...Подражаться с длинноруким воспитанником «Трудовых резервов» всё-таки пришлось. Не из-за Ленки, и не восстанавливая справедливость в игре. Неожиданно для всех Гладышев ударил кроткого Ванечку. Разбил ему в кровь нижнюю губу.

— За что? — не столько от боли, сколько от обиды, захныкал Топольчанский, размазывая кровь по подбородку.

— Не мельтеши у меня перед глазами! Понял, шнырь голимый?

Это уже был вызов. Взрослые пацаны из городских бросили играть в карты и насторожились. Один из них, помоложе, в грязной тельняшке и клетчатой кепке, надетой на голове козырьком назад, подошёл к Борьке. И, обнявшись, они начали шептаться.

Митька огляделся по сторонам. Сегодня в овраге слободских ребят было меньше. В основном — одна мелюзга, не считая Пшена и братьев Потаповых. Но отступить значило бы больше, чем поражение. И Митька поднялся с земли, краем глаза увидел, как сиганула кустами к Волге Ленка. Там подмогу разыскать можно было в любое время суток.

— Чего вскочил? — крикнул ему Борька задиристо, но поперхнулся. Сиповатый голос его осёкся, и он закашлялся:

— Кхе-кхе, паскуда! Кхе, паскуда, параша самоходная!

— Гоп-стоп, перевертуты, — вскинув руки, закружился волчком, запел блатную песню парень в тельняшке. — А я подошёл из-за угла!

— Пропиши ему, Боря, по рупь две, мало не покажется!

— Вмажь барачной курве!

— Что стоишь, как охранник мавзолея!

Крики неслись со всех сторон, но Митька хорошо слышал, что надрывались только пришлые мальчишки. Слободские молча прикрывали митькину спину. Парковские в ссору не вмешивались.

— Гоп-стоп! — А ты как будто не ждала, — приплясывая, тельняшка уже крутилась возле Митьки. — Теперь раскаиваться поздно...

— А ну, фраер, подвинься! — Пшено решительно встал между ними.

— Что, Мамлюк, кровь пьёшь? Нервы на кулак мотаешь? — кричал Борька, размахивая длинными руками.

— Может, на кулаках потолкуем? — Митька пошёл прямо на Гладышева.

Борька яростно взвизгнул и с места бросился в бой. Не отшатнись Митька, удар правой пришёлся бы ему прямо в висок. Такими опасными приёмами драчуны в слободе не пользовались. Видно, Гладышева подучил парень в тельняшке.

Злость обуяла Митьку. Он машинально отбил ещё несколько ударов в голову и, отступив в сторону, неожиданно и сильно пнул ногой нападавшего под колено. Теряя равновесие, Борька взмахнул руками и открылся. Хлёсткий удар в подбородок опрокинул его наземь. В горячке он ещё пытался подняться, Но Митька сел ему на грудь и сдвигал горло.

К ним было кинулись Борькины заступнички, но от Волги со свистом и улюлюканьем, размахивая палками и цепями, бежал слободской народ.

Две недели городских не видно было в овраге. Потом взрослые выпили на мировую жбан портвейна, и потекла ребячья жизнь по своей старой, привычной колее.

И только Борька Гладышев дал тайный зарок отомстить маленькому поскрёбышу Ванечке Топольчанскому, из-за которого пришлось вынести позор нечаянного поражения.

* * *

Казачий остров был подобен дармовому золотому рублю, нечаянно обронённому природой перед воротами пыльного рабочего города. В кудрявой сочной зелени дубов, тополей, осин, ив, лозняка и краснотала, от корней до макушек оплетённых

диким хмелем; с частыми зарослями тёмно-зелёного боярышника и розового в цвете или алого по осени шиповника; с непролазным колючим ежевичником под ногами, по которому ползут и кучерявятся бледно-голубые выюнки, а на жарких полянах с высокой душистой травой, местами поднимающейся выше человеческого роста; с тёплыми протоками, озёрцами и заводами, поёмными лугами и жирными займищами; с длинными береговыми пляжами, от отмелей до кряжа покрытыми удивительно чистым белым песком, — поистине, остров этот был райским уголком. И всякому хватало на нём места. Всему было своё время.

Весной по лёту большого серого гуся и серой казарки над островом определяли, какой воды ожидать в половодье. «Та-та-га, та-та-га» — неслась гусиная песня над чёрными проталинами озёр и рябыми от волн заводами острова и с ветром уносилась в заволжские степи, на озимые зелены. А из-под строгих гусиных клиньев выпархивали стаями и чертили крылом по воде кряковые пеструшки и зеленоголовые селезни, падали в сухую осоку маленькие чирки, как большие аэропланы садились на волну белые лебеди. За ними журавль приносил на крыльях южное тепло, и начинали гнездиться серые цапли, голенастые кулики, бекасы, водяные коростели и выпь. Все водные просторы острова надёжно заселялись пернатыми до глубокой осени.

Вскипало в предчувствии новой жизни и нептунуно царство. Билась в камышах щука, вертыхался в тине и развешивал по кустам густую икру головастый сазан, поднимал со дна пузыри золотой линь, над жёлтым ребристым илом ходили стаями черноспинные краснопёрки. Ночью на каменных россыпях вслед за глазастым судаком выходила поиграть, вся в розовой слизи, остроносая стерлядь. Окунь гонялся за белой рыбой. Ухая, рылся в корягах, пугая уток, усатый сом. Отдыхая на отмелях, чутко следил за водой шипастый осётр.

А когда в городских палисадниках распускалась сирень, и дурманный запах белой акации наполнял дворы, когда в зацветающих яблоневого и вишнёвого садах запевал соловей, на остров устремлялись люди. В займищах дружно молотили тяпками и лопатами, разбивая подсушенный солнцем речной ил под огороды и бахчи. Согнутые в три погибели бабы высаживали пророщенные семена и рассаду, босые ребятишки таскали из проток ещё холодную воду.

Ранняя зелень, пучки ядрёной редиски, первые пупырчатые огурчики и пахучие, брызжущие сладким соком помидоры, хвостики розовой моркови, молодая картошка — да, собственно, все овощи появлялись на рынках города сначала именно с огородов Казачьего острова.

Отсюда же везли в лукошках лесную малину и чернильно-синюю ежевику, корзины с гранатовыми плодами шиповника и упругими беляками с капельками горького молочного сока на срезанных ножках, плетёнки и вёдра, полные тугих, бурых песочников, разлапистых опят и больших, с суповую тарелку, желтоватых груздей.

С июньской жарой оживали белые пляжи острова. От причалов напротив Дегтярной площади начинал ходить тупоносый паром. Рыбачьи лодки спешили сорвать барыш с тех, кто не хотел жариться под солнцем в длинных очередях на переправу. Тут же остроносые гулянки загружались шумными компаниями так, что черпали бортами воду.

Со всего города по выходным стекался народ к горячему, крутому спуску Дегтярки. Переполненные, словно безразмерные, вбирающие в своё душное нутро на каждой остановке новых пассажиров, остервенело дзинькающие и дребезжащие трамваи разом опорожнялись у красных башен городского мясокомбината.

— Платить кто будет? — визжали кондукторши, притиснутые к дверям вытекающей массой народа.

— Молчи, тётка! — незлобливо гудела толпа. — По выходным членам профсоюза скидка!

Увешанная авоськами и кошёлками, горбатящаяся рюкзаками и сумками, гудящая, пыхтящая, топающая орава, как по команде, устремлялась к живой Волге, с явным удовольствием штурмуя переправу и десантируясь на остров. Семьи с детьми и соседями, старики с внуками, крикливая молодёжь, интеллигентного вида одиночки и редкие парочки плотно закрывали бесцветными после зимы телами и белые тёплые пески, и густую прибрежную траву, и даже заросли пахучей полыни на гребнях барханов.

Общепитовские буфеты разгружали бочки с пивом, ящики с тёплым сидро и прокисшим лимонадом, лотки с коврижками и ромовыми бабками, пирожки с капустой и заветренными бутербродами, пакеты с маринованной килькой и прошлогодней карамелью.

На понтонном причале торговали ливерной и варёной колбасой, хлебом и водкой. Сюда же изредка завозили бидоны с московским пломбиром.

У схода с причала сидели торговки вяленой и копчёной рыбой, варёными раками и сушёной воблой. Из-под полы за полцены предлагали свежую и паюсную осетровую икру.

Туда же выносил Митькин дед корзины с огурцами и ранними помидорами, а в тряпочке — бутылёк с самогоном и глиняным стопариком. Отчасти для себя, а больше для страждущих, но не имеющих наличности. При душевном разговоре стопарик шёл доvesком к покупаемым овощам. Может, с того, замечал Митька, и клиенты у деда были постоянные.

Всю власть на острове представляли два милиционера в синих или белых (по погоде) гимнастёрках и фуражках с белыми чехлами. Истекая потом, они лузгали семечки в тени самодельного навеса из плащ-накидки, сооружённого рядом со «спасательной» вышкой ОСВОДа. Прямо перед ними всегда зарывалась в сырой песок стеклянная четверть с ядрёным квасом — добровольное подношение торговки. Но и квас в летнюю волжскую пору — слабое утешение. Нарушая устав, милиционеры разувались, пряча под лавку прокисшие сапоги, и с наслаждением, которое не скроешь за хмурой строгостью лица, купали в набегающей волне красные пятки.

Целый день они маялись от безделья и только к вечеру, когда толпа пёрла на посадку, выползали из своего укрытия и вставали перед сходящими на пути у самых отчаянных или не в меру хмельных голов, дабы те по нечаянности не передавали старух и не спихнули детей под винты паромы. Но происшествий, как правило, не случалось. Утонувшие и заблудившиеся проходили по другому ведомству.

К полудню уже не найти свободного места на пляже, негде приткнуться лодке. На берегу песка не видно под сплошь растелёнными пледами, покрывалами, простынями и полотенцами. Вода кишит разголышёнными телами. Шум, визг, смех, крик — всё сливается в сплошной радостный гул, в котором тонут и незатейливое бречание гитар, и залихватский звон гармошек, и пьяные голоса, горлающие песню за песней. Гуляет народ. Отдыхает.

Но стоит отойти от гудящего берега и нырнуть в тень зелёного заповедника, едва заметной тропинкой добраться до первой заводи — и ты уже в другом мире, ином измерении. Где-то рядом, в краснотале, тоненько, осторожно тренькает пеночка. Звенит крыльями стрекоза над бархатными соцветиями камыша. Сонно перекакиваются распластавшиеся на прозрачной воде пёстрые лягушата.словно с испуга, кинется куковать, да тут же умолкнет ранняя кукушка. От пней старых осокорей, облепленных

густой порослью, тянет сладковатой прелью. Её запах мешается с пряным ароматом болотных трав, с доносимым ветром терпким запахом луговых цветов.

Истома растекается по твоим жилам, тяжелеют веки, дурманивший сон туманит голову. Слова застревают в горле, душа просит безмолвного покоя. И только горячий поцелуй любовника способен опрокинуть тишину, взорвать негу пылкой страстью. Сколько девственных снов развеялось под этими островными кущами, сколько жизней зачато здесь самой жизнью!

А в будни Казачий тих и незаметен, как гордый куст чертополоха, выросший за калиткой городского сада. Редкие отдыхающие отваживаются нарушить его царственный покой. Да и те жмутся поближе к фанерной будке вахтенного дежурного на причале, словно чуя, что не вовремя вторглись в чужие владения.

Чаще других это были командированные, которых Митька легко распознавал по глупым улыбкам и наличию больших портфелей с двумя блестящими замками. Им так хотелось увезти с собой хоть чуточку волжского загара! Повязав головы носовыми платками и подоткнув повыше чёрные сатиновые трусы, они стойко жарились на солнце, пока не обгорали до красноты и ожогов.

Перевозили их на остров свои слободские мужики, а с ними приплывала и знакомая ребятня. Но сегодня Митька ждал гулянку Павла Грошева, который обещал после обеда забрать с собой Митькиных друзей. Сам Павел хотел ночью проверить перемёт. По всем признакам, на нём сидел большой осётр.

Притомил-таки полуденный зной Митькину буйную голову. Ткнулась в песок загорелая щека, тоненькая струйка пузырьчатой слюны побежала с губ на упрямый подбородок. Круглый лист мать-и-мачехи заслонил от его помутневшего взгляда правый берег. Растворилось, расплавилось солнце в небе. И ветерок — пёсий сын, заснул с высунутым языком в кронах деревьев. Ни дуновения, ни шороха, ни шелеста над островом. Только звон в ушах да радужные круги перед глазами.

* * *

Крепок, да недолог райский сон. Крикнула чайка над гребнем волны. И встрепенулась Митькина голова. Вытаращились на белый свет чистые глазелки.

— Хорош дозорный! — опираясь на толстый чекмарь, в двух шагах от внука стоял Тимофей Васильевич.

Голос его был строг, но глаза прятали тёплое веселье.

— Твои приехали, иди ручкайся! Нехай пока здесь заякорят посудину-то.

Митька вскочил на ноги. Выкрашенная сверху в голубой цвет лодка Павла Грошева прочно лежала днищем на ребристом дне мелководья. Вразброд шлёпая ногами по воде, Петька с Ванечкой тащили к берегу разлапистый якорь. Фимка разматывал и подавал с носа цепь, гремевшую о борт железными звеньями. Ленка в голубеньком сарафанчике, с голубым бантом в чёрных кудряшках волос, помогала Павлу запереть на замок крышку над моторным отсеком и нарочито громко смеялась.

— Это на кого же из вас, мужики, она щерится? — спросил Грошев подбежавшего к лодке Митьку. — Мне — так ноль внимания! Шум один!

— Больно надо! — фыркнула Ленка, легко прыгнула с борта и, нарочно поднимая брызги, побежала вдоль берега.

— Ишь, кобылка, хвост задрала! — Пашка далеко в сторону сплюнул давно погасшую папиросу и стал неуклюже шарить единственной рукой по карманам, ища новую.

— Обьездиют, — цинично вещает Петька, но Митька замечает в глазах его плохо скрытое беспокойство.

— Чего мелешь? — говорит ему Ванечка и кивает на Фимку.

Но тот, будто речь о чужом человеке, откровенно соглашается с Петькой:

— Шалава. Если раньше старших сестёр замуж выскочит, мать убьёт её.

— Эти стервы бессмертные! — ухмыляется Павел, но вовремя спохватывается: — Чего рты пораззявили? Тащи шоболы в сторожку!

— Здорово живёшь, дед! — обнимается он с Тимофеем Васильевичем. — Не протёр ещё галоши-то?

— И тебя, станишник, тем же дрючком, да по ентому же месту, — хмурится казак.

Упоминание о галошах для него хуже смерти. В ту пору, как подрядился Тимофей Васильевич сторожить огороды, достал он из сундука защитные шаровары с красными широкими лампасами, заправил их в белые шерстяные чулки, перетянул в талии стёганный бешмет наборным ремешком, выправил на чурбаке полевую фуражку с зелёным козырьком, выпустил из-под неё чуб на правую сторону и уж было топнул молодёцки ногой на ворчавшую старуху-жену, как увидел в руках её резиновые галоши вместо ожидаемых чириков.

— Это как? — сошёл с лица Тимофей Васильевич, и щёки его мелко задрожали. — Не сберегла?

— А енто тебе чаво? — задрала бабка нижнюю юбку с прошивкой, и дед увидел свои стоптанные до ветхости чирики. — Почитай шестой год ношу, а он не видит, дурень старый!

И она в сердцах бросила мужу под ноги новенькие галоши. Тимофей Васильевич долго смотрел на них, как на гремучую змею, тёр пальцем жёлтый ус. Потом пошевелил ногой одну галошу, примерил. Согнул колено, повертел резиновой обувкой в воздухе, притопнул, скинул и пошёл разоблачаться. Не мог стерпеть казак надругательства над житейским уставом прадедов: на коне, в поле, станице — везде для казака существовала своя форма одежды. Нарушить её было пострашнее, нежели съесть кусок сала в Страстную неделю.

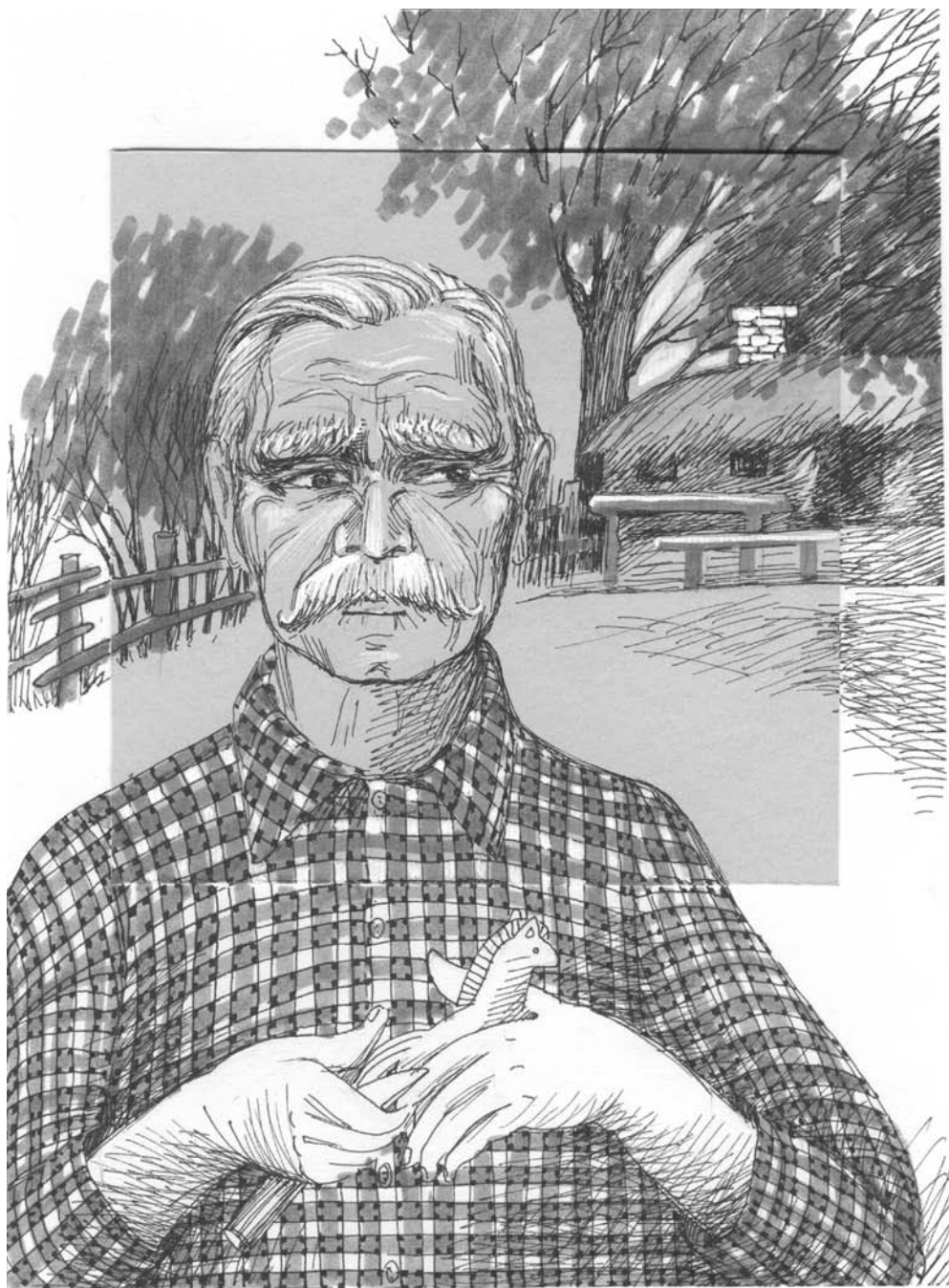
Покурил Тимофей Васильевич на пахнущем нафталином сундуке, унял расходившееся в биении сердце, запер своё прошлое на ключик и с отвращением всунул босые ноги с туго подтянутыми штрипками повседневных шаровар в красное, ядовитое нутро галош. А уж чтоб совсем не выветрился казачий дух, украдкой от жены положил в карман расшитую утирку и, хоть отвык от табака, прихватил с собой неношенный, в ярком гарусе, кисет — подарок кума.

Просторную землянку для сторожей на заливных лугах построили давно. Дубовые венцы в её основании были вкопаны сантиметров на шестьдесят в землю, а снаружи обложены дёрном. Верх и крыша сработаны из сухого осокоря, проконопачены и покрыты несколькими слоями камыша.

Но под супесной почвой вода стояла близко, и в землянке пахло сыростью и плесенью. До той поры, пока Тимофей Васильевич не сложил в ней каменную печурку-подземку. Глиняный дымоход для обогрева вывел под спальным топчаном, а железную трубу просунул в низенькое оконце.

Земляной пол закрыл циновкой из рогожи, развесил по стенам пучки сиреневого чабреца и розовато-лилового бессмертника. На топчан накидал душистого сена, покрыл сверху ватным лоскутным одеялом, в голова бросил овчинный тулуп. В правом углу примостил чёрную доску со стёртым ликом чудотворца Николая.

И задышала уютная сторожка крестьянским духом: дымом, хлебом, овечьей шерстью и откидным молоком, который густо мешался с горьковатым запахом полынка, трав, хвороста для поджожки и, конечно, солонцеватым душком солёной рыбы.

На том основании, что всякое становище должно иметь свои границы, вкопал Тимофей Васильевич вокруг избушки корявые дубовые стояны, приладил к ним ивовыми жгутами плетень и навесил калитку. А уж огородив свои владения, по праву хозяина выстрогал большой обеденный стол под навесом, вмазал котёл для сборной ухи

в глиняную печку-летнянку, из старых железных бочек соорудил коптильню. В тени ивового куста вырыл погребок, где под мокрой кугой и изопревшим мочажинником хранил узкогорлый кувшин с дымкой, настоянной на красном перце.

И уж тогда потекла стариковская жизнь на самостийном базу по привычному кругу, как у лошади, волочившей молотильный каток по гумённому посадку.

Каждый, кто приезжал на остров к деду Китушину, всякий раз удивлялся то новому прикладку сена, то ровненьким обструганным грабельникам или держакам на вилы, то новым вентерям или плетёным раколовкам, не считая вырезанных из мягкого тополя ложек, чашек, скалок, разделочных досок и детских игрушек, начиная от хвостатой жар-птицы до запряжённого в сани коня. Без подарка от деда никто не уезжал.

А для Тимофея Васильевича лучшим подарком были сами гости. По такому случаю заваривалась тройная уха, а под выпивку предлагалась копчёная стерлядь-веретёнка или вяленый жирный сом, запечённый на углях с луком, чесноком и помидорами.

— Слышь, Митрий! — сверкая глазами, суетится дед. — Бери с друзьями корзину из-под бутыля, ею зараз полозить удобнее будет, и ступайте к пересохшим протокам, шо я тебе надсы показывал. Полцебарки щурят наловите.

Митька знает, что перечить старику в такие минуты бессмысленно. К тому же ему самому хочется многое показать друзьям на болоте. Он снимает с плетня дырявое ведро, кидает на дно пару листьев лопуха и вручает его Фимке:

— Будешь собирать рыбу. Цени доверие!

— Поёмным заливом не ходите, — не унимается наставляя дед. — Там в тубе лысуха кагатала. Гнездо разорите!

— Да их здесь до чёртовой матери! — заваливаясь спиной на траву и нога об ногу стаскивая резиновые сапоги, надсмеивается Грошев.

— Какое там! — машет руками Тимофей Васильевич! — Одни чирки белопузые. Ране к любой музге пройдёшь — утка сидит. А зараз об чём гутарить? Дикая птица диких мест держится. А у нас народ так и прёт кругом. Всё излазили, всё истоптали...

— Будя жалиться! На всех хватит!

— Кабы так! Было добро, да давно.

— Может, на селезня силки поставить? — как бы не слыша деда, спрашивает Грошев. — Глядишь, какой дурашка и заплывёт.

Пашка с наслаждением вытягивает перед собой белые ступни с прозрачными синими жилками на подъёмах и долго разглядывает их.

— Чего молчишь, дед?

Тимофей Васильевич, теребя ус, смущённо кашляет и виновато оглядывается на Ленку, которая за столом чистит картошку и по виду меньше всего интересуется разговором взрослых.

— Попался тут шутейно один медноголовый, — полушёпотом сообщает он Пашке. — Крылами запутался, раскорячился в сетке, как жалмерка на посиделках. Жалко, хучь плач! Вот, закоптил вчерась. Отведаете с пареной репой. Правда, репка прошлогодняя. Но сладость держит.

— Ох, и хитрючий ты, Василич! — до слёз гогочет Павел. — Мимо тебя и муха даром не пролетит! Шум один!

Старик потоптался на месте, усмехаясь в усы, и, выдернув из толстого чурбака топор, принялся рубить хворост.

Со стороны города на бесцветном небе обозначилась кудрявая тучка. Ворохнулся ветерок над Волгой и сник. Слишком несерьёзным было облачко. Походило, похо-

дило по небосклону, да и растаяло в знойном мареве. Ещё злее взыграло солнышко: утомило всё живое, обессилено. В сонной одуре примолкли на болоте птицы и лягушки. Перестали звенеть комары и мухи.

Только четверым мальчишкам всё нипочём! Скачут и прыгают, как угорелые, по грязной луже — пересохшей с двух сторон протоке, поднимают со дна илистую муть и черпают её корзиной.

— Фимка-балда! На нас, на нас гони! — кричит в азарте Пшеннов.

— Есть! Попались! — размазывая по щекам серую грязь, захлёбывается от радости Ванечка. — Ведро давай!

Вместе с илом и водорослями на траву шлёпаются серо-голубые, извивающиеся и скачущие в разные стороны шурята, едва успевшие вырасти сантиметров по двадцати — двадцати пяти.

— Хватай, хватай! — неистово орёт Фимка, размахивая руками и подпрыгивая на месте, но сам боится острых, как бритва, рыбьих зубов

Митька с Петькой на коленях, стукаясь плечами и лбами, ладонями накрывают скользких хищниц, и стонет дырявое ведро под частыми ударами их хвостов.

— Во какая! — Петька двумя руками держит перед собой пятнистого шурёнка граммов на четырёста. И вдруг тычет им в сторону Фимки: — Лови!

Фимка, как мячик, отскакивает прочь, но ноги его заплетаются, и он плашмя плюхается в лужу.

— Проверь, осталась там ещё рыбка?

Закинув голову, Петька заливается смехом и, хватаясь за бока, валится на спину. Глядя на его мелко подрагивающий пупок, заражаются смехом и Митька с Ванечкой. Безудержное веселье охватывает мальчишек. Кубарем скатываются они в воду. Брызги, грязь, водоросли фонтаном взлетают над визжащим и хохочущим клубком острых локтей и коленок.

— Ой, мамочка родная! — стонет Ванечка, пытаясь выползти на сушу.

— Куд-ык? — громко икает Петька, уже не в силах смеяться, но пытается поймать за ногу Топольчанского.

Ему мешает Митька, который почти верхом сидит на нём и очумело орёт:

— Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»! Пощады никто не желает!

Ещё мгновение, и певец летит вверх тормашками. Сверху на него падают Фима с Ванечкой.

— Шалапины-ык-к недорезанные! Сдаётесь? — не даёт им подняться Петька.

— Сдаёмся! — кричит за всех Фимка.

Хорошо, когда рядом длинное извилистое озерцо, оставленное бурным весенним потоком, а теперь обмелевшее и заросшее на выходе остролистым лищуком и сочным чаканом. Но Митька, не раз замороженный стригушим полётом над озером коричневого вальдшнепа, заметил там глубокий омут в окружении развесистых вётел.

Забыв про рыбу, фыркая, как молодые жеребята, кинулись мальчишки к омуту, на ходу сбивая махорчатые кисти донника и задыхаясь в пахучей пылице конопли. Разом бухнулись в чёрное зеркало, спугнув дремавшую под берегом чернозубую лысуху с пёстрым выводком утят.

И долго стоял над вёслами звонкий ребячий гвалт, будто не четверо, а пятеро больше горлопанов прочищали там свои лужёные глотки.

Когда зной начал спадать, и, гоняясь за мелкой плотвичкой, забил по воде окунь, а над его следом захлопали крыльями чайки, Митька привёл товарищей на скрытую за густыми зарослями узколистой лозы маленькую лужайку. С неё, за выступами левобережной Сазанки, виднелась нитка увекского железнодорожного моста.

— Здесь в войну зенитная батарея стояла, — раскрывает он тайну приятелям.

— Как же ты нашёл это место? — удивляется Петька.

— Я читал, — деликатно говорит Ванечка, — что зенитчики сбили два немецких бомбардировщика. Один упал у моста, другой в районе Квасниковки. Но чтобы на острове стояла батарея?

Он пожимает плечами и под пристальным Митькиным взглядом краснеет.

— Я здесь четыре гильзы от снарядов для зенитных орудий откопал, — тыча в землю пальцем, сердито чеканит слова Митька.

— Это не доказательство, — не сдаётся Ванечка.

— Брось, — бесцеремонно останавливает его Петька. — Станешь прокурором, тогда и собирай доказательства. И не зенитчики, а зенитчицы фрицев били.

И вдруг, поражённый догадкой, хлопает себя по лбу:

— Митька, ведь твоя мать была зенитчицей?

— Мы и хотели с дедом в память о ней, да и обо всех, соорудить тут что-то вроде обелиска, — Митька показывает на холм недавно набросанной и утрамбованной земли с песком.

— На установку памятника нужно разрешение, — упрямо не соглашается Топольчанский, но его уже не слушают.

— Из чего будете делать? — спрашивает Петька, и его возбуждение передаётся другим.

— Из гильз дед напаял. Утром покажет.

— Вот завтра и установим! — тербит Петька мальчишек. — И клятву верности дадим!

— Зачем? — с недоверием спрашивает Фимка.

— Чтоб последней рубашкой поделиться, если кому нужда выпадет, — суёт ему под нос кулак Пшенов. — Понял?

— Я как все, — пятится от него Фимка.

— Замётано? — Петька не скрывает своей радости.

— А почему бы и нет? — не возражает Ванечка и поднимает вверх правую руку со сжатым кулаком. — Гоп!

Вечером за ужином Ленка заметила необычное напряжение мальчишек. Но все хранили молчание. И девчонка под столом показала брату и Петьке кукиш, видно, в обмен на такое расположение к себе.

— Почнём, с Богом! — Тимофей Васильевич притянул каравай чёрного хлеба, покачал на ладони и притиснул к себе чуть пониже груди. Но прежде чем резать ножом, спросил, хитро прищутив левый глаз:

— Кому однорушный, кому дворушный кусок?

— Мне двуручный, — протянул через стол руки Фимка.

— Ох, и жадный ты до еды, паря, — покачал головой Грошев. — Шум один!

— Не жадный, а охочий! — шмыгнул носом Шохман.

Тимофей Васильевич аккуратно положил в протянутые ладони длинный, но тоненький кусок чернушки.

— Ге-е! Этот я и одной удержу, — хмыкнул Фимка, но как только убрал вторую руку, кусок переломился и упал на стол.

Все засмеялись и потянулись ложками к ухе. Ели с таким аппетитом, что дед едва успевал подливать янтарное варево. Прокуренные усы его гордо топорщились, губы сами расплывались в улыбке. Не было в тот момент большего счастья у казака, как угодить гостям. И, словно понимая его состояние, уже отдуваясь и обливаясь потом, все продолжали макать деревянные ложки в общую миску.

* * *

Закат угасал медленно. Но вот уже разноголосый хор лягушат притомился, откуковала вечерю серая кукушка, дико прокричала на болоте жёлтая выпь, ухнула вышедшая на охоту сова. Запели под скирдой сверчки, и первые звёзды прорезались в густеющем небе. С тонким комариным писком да шебуршанием полёвок в траве приходила ночь.

Ленка ушла спать в сторожку. Тимофей Васильевич с Павлом отправились к лодке, не забыв подкинуть в костёр хворосту. Пшенов напросился с ними. Фимка с Ванечкой давно уже сопели во сне, укрывшись с головой драной попоной.

А Митька всё ворочался с боку на бок, прислушивался к тёплому дыханию ночи, пытался разглядеть в темноте то слабые фиолетовые огоньки светлячков на земле, то мерцающие белые звёзды на небе. Но сполохи костра и жидкий дымок постоянно размывали увиденное, и тогда воображение само дорисовывало в голове мальчика причудливые картины.

Митька зажмурил глаза и отдавался во власть сладких грёз, где всё можно было представить так, как хотелось. Где всё, что не удалось или случилось плохого в жизни, можно легко поправить, переиначить. А с тем вкусить иную радость, испытать иные чувства.

Но как пересказать, передать испытанное другим? Поймут ли его Петька, Ленка, Ванечка, Павел Грошев, дед с бабкой? Не засмеют ли?

И что важнее: сочинять чужие истории или переживать свою? Но ведь своя — такая, как у всех.

И тут он вспомнил про день рождения у Ани Фёдоровой — одноклассницы Ленки Шохман. Пожалуй, Аня была первым человеком, не похожим на окружающих Митьку людей. И отличие было не в том, что она носила дорогие шерстяные платья, кружевные фартуки и шёлковый пионерский галстук. И не в том, что она слыла красивой девочкой.

Её гордо вскинутая головка с тугим пучком волос на затылке, всегда аккуратно причёсанная, всё равно оставалась в кольце непослушных светлых кудряшек, тем самым как бы делая Аню лёгкой и воздушной. Лицо её — сероглазое, пунцовощёкое, с кокетливой ямочкой на подбородке — запоминалось с первого взгляда. Но взрослая холодность в глазах отпугивала ребят. Её считали заносчивой воображалой.

Случай столкнул Аню Федорову с Митькой Китушиным в буквальном смысле слова нос к носу.

На Николу зимнего, в первые оттепели, в небольшой парк, что стоял за чугунной оградой вдоль Ильинской площади, прилетали снегири. Красногрудую птаху можно было за рубль продать на Сенном или Верхнем базаре, а то за пару обменять на щенка.

Митька развешивал самодельные кормушки и цапки в дальнем углу парка, где за рябинами ютился маленький деревянный домик с резным крыльцом и голубыми ставнями. В доме размещалась детская библиотека с уютным читальным залом, стены которого были увешаны коричневыми литографическими портретами великих русских писателей и цветными, а потому, наверное, более великих, — деятелей партии и правительства.

Поначалу Митька заходил сюда просто отогреться у круглой печи. В читальном зале документы не требовали. Сиди себе смирно, полистывай журналы, тогда и слова тебе никто не скажет.

Пообвыкнув, он стал подходить к высоким книжным стеллажам, от которых непривычно пахло коленкором, типографской краской и клейстером. Корешки плотно прижатых друг к другу книг на полках напоминали охотничий патронташ:

тянули к себе и пугали одновременно. Проще было с разложенными на столах детскими книжками. Их разноцветные обложки манили глаз, лощёная бумага приятно холодила пальцы, яркие иллюстрации радовали и были интересны не менее текста.

Муслякая палец, Митька с упоением перелистывал сборники сказок и рассказов о животных, подолгу разглядывал репродукции. Но когда библиотекарьша Галина Сергеевна — полноватая красивая молодая женщина, чем-то неуловимо похожая на Аньку Федорову — показала ему, где стоят толстые, с золотым тиснением на переплётах тома «Библиотеки приключений», мальчишка привёл в дом с голубыми ставнями деда и попросил по его паспорту записать себя на абонемент.

Как-то вечером, набрав книг, Митька выскочил на улицу и на резном крылечке налетел на Аньку Федорову, вмял её в хлипкое перильце. Папка с нотными тетрадями отскочила в сторону, стукнулась о наледь и развалилась.

— Извини! Давай я почию, — смущённо предложил Митька, когда девочка подобрала тетради.

Но та молча прошла мимо него в дом. Китушин решил дожидаться заносчивую красавицу. Ведь он не нарочно толкнул её.

Минут через десять Федорова вышла на крыльцо вместе с Галиной Сергеевной. Увидев Митьку, женщина заулыбалась:

— Познакомься, Анечка, — наш самый страстный книголюб, — и она на секунду задумалась, припоминая фамилию мальчика.

— Здравсьте! — ехидно, сквозь зубы процедила девчонка, и Митьке показалось, что она успела при этом показать ему язык. — Мы даже очень хорошо знакомы, мама. Китушин и вся его шайка мамлюков учатся в нашей школе.

— Шайка мамлюков? — изумилась женщина.

— Так они себя на манер казаков-разбойников называют, — съязвила Анька. — Помнишь, игра такая была — в казаки-разбойники?

— Да, все казаки — разбойники, — тонко пошутила Галина Сергеевна. — Но если хочешь, Анечка, можешь пригласить мальчика на твой день рождения. Казаки и гусары — прелестный десерт в компании. — И она погрозила Митьке пухлым пальчиком.

Кличка «Мамлюк» прилепилась к Митьке неспроста. Однажды, роаясь в старых книгах, — вернее, книги-то были новыми, но «невостребованными» читателем — он нашёл описания династии мамлюков, которые в тринадцатом веке разгромили монголов в битве под Айн-Джалуте, а потом вытеснили крестоносцев из Палестины.

Мамлюки были превосходными воинами. Выкраденные в раннем детстве из грузинских и черкесских аулов, воины-рабы, не хуже спартанцев, получали закалку и обучались воинскому ремеслу так, что долгие годы только из них формировалась гвардия египетских правителей.

Фанатизм, с каким бросались мамлюки в бой, представлялся Митьке сродни казачьей удали, их религиозная жертвенность — отчаянной смелостью, мусульманская клятва верности — товарищеской порукой.

Митька «заболел» мамлюками, как его сверстники — мушкетёрами. Набрал в сарае кривых дощечек, принялся выстругивать из них сабли и ятаганы, колотить круглые щиты.

— На кой шут нам столько оружия? — помогая ему выпиливать заготовки, ворчал Петька. — Пусть каждый для себя делает.

— Посуди, — утирая пот со лба, рассуждал Митька. — Ни беляками, ни фрицами не хотят быть пацаны в игре. И в турки никто не пойдёт за просто так. — Митька лукаво улыбается. — Получат от нас сабли со щитами — согласятся!

— Я бы Фимку турецким пашей сделал.

— Султаном.

— Ну, чёрт с ним, — султаном! Навертеть полотенце вместо тюрбана на его башку — вылитый башибузук будет!

— Пацаны не позволяют посадить над собой... — Митька хотел сказать «еврея», но удержался.

— Фимка сам на кого хочешь сядет верхом, глазом не моргнёт, — усмехнулся Петя, и Митька понял, что между ним и Шохманом существует какая-то зависимость.

— «Скорее всего — Ленка», — предположил он.

Турецкую армию сколотили к вечеру следующего дня. Каждому сагитированному было обещано, что после игры деревянное оружие перейдёт в его собственность. Но когда стали объяснять условия новой игры, воинство зароптало и воспротивилось.

— Какие ещё крепости?

— Знаем мы ваши штучки! Переловят нас в четырёх стенах!

— Не будем играть в мамлюков! — хором галдели все, как один, обряженные в чёрные сатиновые шаровары и сандалии на босу ногу «турки». Их длинные чубчики спадали с остриженных голов на глаза, отчего лица мальчишек казались насупленными.

— Давай в чапаевцев, тогда согласные!

Митьке пришлось подчиниться большинству. Но затею с игрой в мамлюков он не оставил. Перечитав ещё раз книжку о династиях Бахри и Бурджи, он каждый вечер рисовал на тетрадных листочках планы египетских и турецких крепостей, чертил схемы сражений, прикидывал планы штурмов.

Неожиданно на помощь ему пришло радио — стоявший на этажерке серый фанерный ящик с матерчатой перепонкой на динамике. Люди привыкли просыпаться утром с первыми аккордами гимна Советского Союза, передаваемыми по радио, поэтому на ночь приёмник не выключали, а только «приворачивали» звук. А почти каждый вечер в эфире звучали радиоинсценировки повестей и рассказов литературных классиков или передавались записи спектаклей московских и ленинградских театров. После чтения книг слушать их стало для Митьки второй сладостной потребностью.

Однажды, слушая в темноте радиодраму по повести Толстого «Хаджи Мурат», Митька, переживая то за мюридов, то за казаков, то за израненного Хаджи Мурата и его сына, представлял себя на их месте. И незаметно стал вспоминать об отце и матери.

Он мало что помнил. Ему не было и четырёх лет, когда они погибли в авиакатастрофе. Но одна картина из того времени всегда стояла перед его глазами.

Яркий-преярко солнечный день. Распустившаяся махровая сирень в парке, искрящийся фонтан с круглым бассейном. Мать в голубом крепдешиновом платье, с заколотыми над ушами каштановыми волосами. Отец в белом офицерском кителе с золотыми капитанскими погонами, в синих с красным кантом брюках навыпуск. Улыбающиеся, светлые, близкие. Они стоят у фонтана и ждут Митьку. Мать машет ему веточкой сирени. А он, в чистом матросском костюмчике, бежит к ним по кирпичной дорожке с мороженым в руках. Бежит, бежит... и никак не может добежать.

И от повести Толстого, и от собственных воспоминаний крупные, солёные слёзы катятся по щекам мальчика, и в такие минуты ему не хочется жить. Но за сатиновой занавеской тяжело дышит дед и постанывает во сне бабана. Митька начинает думать про них и постепенно проваливается в сонный омут. А утром неожиданно просыпается с ясной мыслью, что вместо игры нужно придумать что-то вроде спектакля про

мамлюков. Чтобы не только он, а и все ребята во дворе узнали про отважных белых рабов.

Сюжет определился сразу: раненого в бою воина-мамлюка пленяют турки и бросают в подземелье крепости, откуда его вызволяют трое друзей-собратьев. В Митькином сценарии герои мало говорили, но отчаянно дрались и фехтовали на саблях.

Затея со спектаклем понравилась. Ленка даже предложила ввести в постановку женский персонаж — возлюбленную юноши, которой мамлюки поклянутся освободить пленника.

— Кому нужны эти сопли? — запротестовал было Петька, но осёкся под сердитым Ленкиным взглядом.

— А слова кто напишет? — как всегда, сомневаясь, спросил Ванечка.

— Зачем их писать? — горячо стал убеждать всех Митька. — Будем говорить, кто что сам думает и чувствует.

— Всё равно нужно отрепетировать, — не отступался Топольчанский.

— Чего нам репетировать? Мы не для зрителей будем стараться, а для себя, — Пшенов уже не сомневался в успехе.

— Боюсь, что зрители сами придут, — почесал в затылке Митька. — Ладно, слова я для каждого напишу на отдельных листочках. А вы уж по себе примерять будете.

— Опять проблема с турками будет, — сказал Ванечка.

— И с возлюбленным, — оскалил в усмешке зубы Фимка, усердно ковырявший сандалией засохшую коровью лепёшку.

— Почему? — не поняли его мальчишки.

— Если только Петька отважится, — шмыгнул носом Фимка. — Больше никому.

— Ой, много вы о себе воображаете, — крутнулась на месте Ленка. — Играйте без меня! Обойдусь!

— Погоди, — рассудительно остановил её Ванечка. — не обязательно быть возлюбленной. Станешь родной сестрой, а Фимка — братом. Тогда и придумывать ничего не придётся.

— До чего ж ты, Ванечка, смыслёный, — поджала губки Ленка, но играть сестру согласилась.

На сей раз «турок» купили яблоками: показали скрытую дыру в заборе вокруг бывшего военоторговского склада, на территории которого росли огромные старые яблони и груши. Мелкие, вязкие, как на дичках, плоды выродившихся груш без пользы устилали землю. Яблоки тоже наливались величиной с грецкий орех, но были сладкими и пахучими.

Дырой в заросшем крапивой и бурьяном заборе пользовалась только Митькина четвёрка друзей. Про скрытый лаз не знали даже взрослые ребята, прыгавшие в сад через колючую проволоку. Но чем не пожертвуешь ради задуманного! Тем более, что по Фимкиным сведениям новые хозяева склада торговали по слободке сторожевую собаку.

Удержать в тайне замысленное представление не удалось. И уже вечером на репетицию у сеновала собралось человек двадцать мальчишек и девчонок. Лузгая передними зубами семечки и пересмеиваясь, они уселись на траву полукругом вокруг брошенной здесь телеги, сломанные рёбра которой должны были изображать тюремную решётку Фимкиной камеры.

Перед началом спектакля, как в немом синематографе, Митька рассказал собравшимся о трагической истории, которую они хотели воспроизвести в лицах. Верочка Васильева с подружками захлопали, остальные ребята засмеялись. Но братья Потоповы одобрительно крикнули: «Валяйте!»

Сочинённый сценарий поломался в первом же действии. Фимка, забыв, что жестоко изранен в бою, оказал такое сопротивление стражникам, что те вынуждены были нешуточно надавать ему по шее. Что, в свою очередь, вызвало неудовольствие зрителей, которые стали освистывать и обзывать «турок» бранными словами.

А когда всё-таки затиснутый в телегу Фимка встал на ней с разбитым носом и заорал во всю глотку: «Свободу трудовому народу!», сорвавшиеся с места «мамлюки» вместе с Ленкой кинулись ему на выручку. Завязался настоящий бой.

— Бей фашистов! — ревела публика и сама была готова устремиться на поле сражения. — Вперёд, мамлюки!

Побоище длилось минут десять–двенадцать. Наконец «мамлюкам» удалось прижать шестёрку противников к стене и заставить сдаться.

Под зрительские крики «Ура!», «Победа!» Фимка прыгнул с телеги в объятия друзей. Как героя, понесли они его на руках к публике, но Ванечка споткнулся, и неожиданно все грохнулось наземь. Лучше и смешнее финала для спектакля придумать было невозможно.

С того дня и прилепилась к Митьке столь непонятная многим кличка «Мамлюк», что на арабском языке означало просто «белый раб».

* * *

Фёдоровы жили в большом четырёхэтажном доме с лепными карнизами в самом центре города на улице Советской. Слободская ватага хорошо знала эту улицу, закрытую для движения неслужебного транспорта. Весной на ней раньше других просыхал заранее очищенный ото льда асфальт, и можно было гроыхать на самокатах, не боясь залететь под автомашину.

Наверное, потому, что улица называлась «Советской», особенно в той её части, где высилось хмурое здание обкома партии, её драили с утра до полуночи десятки коммунальщиков: подметали, белили, озеленяли, освещали, украшали к праздникам. В другой половине, начиная от старенького, но дорогого горожанам здания художественного училища, корпусов военного госпиталя и вплоть до Детского парка, улица как бы не имела громкого названия и убиралась лишь по ленинским и коммунистическим субботникам силами школьников, студентов и творческой интеллигенции.

Так и окружающий мир, оказывается, делился на неравные части. В том, порог которого переступил Митька в свои неполные тринадцать лет, всё было невиданным, необычным, до ужаса интересным, но чужим и холодным, словно экспонаты краеведческого музея. И сам огромный, барский фёдоровский дом, и чистый гулкий подъезд с широкими мраморными лестницами, и железный бесшумный лифт, и двустворчатые входные двери, искусно отделанные дубовым шпоном, с бронзовыми ручками, электрическими звонками и никелированными табличками с фамилиями квартирантов, и прихожая с круглыми зеркалами, золочёными багетами, тумбочками, скамеечками, пуфиками и прочей ерундой, о предназначении которой сразу трудно было догадаться.

Накануне Ленка Шохман как бы между прочим шепнула Митьке, что отец Анны — большой начальник, один из тех, кто правит городом. Увидев его воочию, мальчик сразу согласился с тем, что тот очень большой начальник: подтяжками с фёдоровского живота можно смело буксировать колёсного «Ваню-коммуниста».

И вообще было непонятно, как такой сравнительно небольшого роста, но безмерно толстый человек мог передвигаться по многочисленным комнатам квартиры, не сминая и не круша на ходу горы сверкающего хрусталя, напольные и цветочные

вазы, пальмы в дубовых кадках, картины в тяжёлых рамах, статуэтки, этажерки, венские стулья, диванчики и кресла в белых накрахмаленных чехлах и прочие нагромождения дорогой мебели. Галина Сергеевна выглядела рядом с мужем шуплым подростком, хотя ростом превзошла на полголовы и худобой не отличалась.

Как все толстые люди, Родион Трофимович — так звали главу Фёдоровского семейства — с первого взгляда в домашней обстановке казался человеком покладистым. Обритая наголо, цветом и формой заволжской тыквы, голова его, бордовые уши, круглое мясистое лицо с крупным носом и двойным обвислым подбородком, которое лоснилось довольством и сытым благополучием, не произвели впечатление на Митьку. Такие рожи с красными носами были у каждого второго грузчика на Волге. Но от Китушина не укрылись ни выцветшие, с напряжёнными красными белками фёдоровские щёлочки-глаза, подозрительно разглядывающие собеседника, ни вкрадчивый или даже льстивый голос, который вдруг становился властным и грубым. Митька нутром чувствовал исходящую от этого толстяка опасность.

Пока накрывали на стол, и нарядная Аня старательно играла на кремовом рояле трехголосную инвенцию Баха, хозяин дома обзнакомился со всеми приглашёнными и обо всех составил «определённое» мнение. Митьке сказал, кивая лысой головой в сторону дочери:

— По мне, так лучше бы «Марш артиллеристов» вжарила. А?

— Я больше люблю, — и Митька тихонечко напел: — «Мы красные кавалеристы, пум — пум — пум...»

— Ишь ты, — одобрительно почмокал губами Родион Трофимович. — Я думал, скажешь: «Жить без Баха не могу».

Праздничный обед Митька помнил плохо, хотя от обилия фруктов и сладостей на столе глаза разбегались. Зефир, пастила, грильяж, шоколадные батончики и конфеты были горками насыпаны между апельсинами и яблоками на трёх больших вазах. Конечно, ему очень хотелось попробовать «Мишку косолапого» или «Красную шапочку», но из уважения к себе он съел лишь две ириски «Золотой ключик».

Мальчишка был так подавлен музейным величием огромной квартиры, так чувствовал себя приниженно-убогим в своей потёртой вельветовой курточке среди разодетых в батист и шёлк гостей, что если бы не Ленка, все время крутившаяся возле него, потихонечку испарился бы из визгливой компании.

Врезалось в память другое. Когда уставшая играть в ручейки и фанты молодёжь расселась по диванам и креслам, а Ленка вместе с домработницей стали разносить «Крем-соду» в голубеньких фарфоровых чашечках, Галина Сергеевна предложила почитать стихи. Что-то вроде конкурса на лучшую декламацию. Судьёй избрали Родиона Трофимовича.

Митька лихо плясал «казачка» в школе на новогодней ёлке и всегда брал призы. Поэтому он испугался не конкурса, а того, что ему нечем похвастаться. Стихи он знал только из школьной программы да те, что ему читала бабка Евдокия. Но ни авторов, ни названий стихотворений Митька не знал. И когда очередь дошла до него, он, набычившись, сказал:

— Народное.

Кто-то захихикал, но Галина Сергеевна жестом руки заставила всех поумолкнуть.

— Про собаку, — уже решительнее проговорил Митька и добавил, — просто про собаку.

И тихо, немного нараспев, подражая бабке, начал выговаривать:

Утром в ржаном закуте,

Где златятся рогожи в ряд,

Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.

Впервые «Песнь о собаке» Митька услышал после скверного случая, очевидцами которого они с бабкой стали. Легко таща пустые сани с базара, в Бахметьевском переулке они наткнулись на пьяного дворника, который вожжами нещадно хлестал чёрную собачонку, беспомощно скулившую у его ног.

— Окстись, супостат! — двинула бабка мужика локтем, — сердца у тебя нету!

— По пять раз на год щенится, — попятился дворник, опуская вожжи. Не ожидавший отчаянного нападения, он принялся объяснять старухе свою жестокость:

— А чем кормить прикажете? И куды девать? Опосля вырастут и кусают, кого не попадя. Это как?

— Как хошь, а собаку не трожь! — грозно сказала бабка.

— Дай на шкалик, я и пойду с Богом, — враз протрезвел мужик.

— Выкуси! — смело сунула ему под нос сухонький кукиш старая. — А потом ещё попроси!

— У, ведьма, — отмахнулся дворник, но повернулся и, покачиваясь, шагнул в ворота коммунального участка.

Собачонка, поскуливая и волоча заднюю зашибленную ногу, поплелась за ним.

Вечером, пересказывая деду происшествие, Митька расплакался. Горше всего было видеть, как собака пошла за обидчиком.

— Неужели она не понимает, кто её бил? — растирая кулаком слёзы, спрашивал внук.

— Хто кормить, тот и бьёт, — вздыхал Тимофей Васильевич, терпеливо суча дратву для подшива валенок. — Лошадь бы не пошла. Собака — преданная, а лошадь — умная.

— Я тебе, Митрий, стих прочитаю, — сказала на то бабка и достала из иерейского молитвослова пожелтевшую бумажку с чернильными разводами. — Тут всё, как есть! Лучше не скажешь!

Понимают ли те, кому читал сегодня Митька «бабкин» стих, что лучше не скажешь? Он, подбоченьясь, договорил до последнего четверостишия, сделал маленькую паузу и почти шёпотом закончил:

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звёздами в снег.

Ему зааплодировали. Сначала нерешительно, но когда увидели одобрительную улыбку старшего Фёдорова, громче.

— Приз, мамочка! — с трудом обернулся тот к Галине Сергеевне. — Вот они — рабоче-крестьянские дети! Заслужил!

— К сожалению, сборника с народными стихотворениями у нас нет, но я думаю, «Повесть о настоящем человеке» ему тоже понравится, — пряча улыбку, произнесла хозяйка и внимательным взглядом посмотрела на Митю. А он, пожалуй, впервые заметил в глубине её глаз скрытый, надменный холод.

— Да, кстати, а кто автор-то? — спросил её Родион Трофимович.

Галина Сергеевна изыщно наклонилась к мужу и что-то небрежно прошептала ему на ухо. Фёдоров побагровел, недобро зыркнул сердитым взглядом по сторонам, но промолчал.

— Ты произвёл впечатление на Аньку, — не без зависти сказала Ленка, когда они возвращались домой. — Теперь берегись: затаскает тебя по агитконцертам. Станешь штатным чтецом.

Она оскалила маленькие зубки и, заглядывая Митьке в глаза, ехидно добавила:

— В этом доме бесплатных подарков не раздают.

* * *

Ночь играла звёздами. То рассыпала по чёрному небосводу, то прятала в густоте невидимых облаков. То, словно зазевавшись, роняла их в тихие воды реки, спящий лес, сухую траву. И тогда казалось, что это они — упавшие звёзды — попыхивают огоньками и на остывающих углях костра.

Шальной ветерок принялся гоняться за стайками комаров и мошек, загнал их в кусты и кроны деревьев и полетел, резвясь, над болотинами и озёрами, лесными кущами и песчаными барханами.

Так и Митькины думы — нечаянно перелетали с одного воспоминания на другое.

Уже сквозь сон мерещились ему отроги родного Белоглинского оврага, что змеиным языком прорезали береговую кручу аккуратно между двадцатисажёнными корпусами мельниц, любовно сложенными в старину из красного кирпича на известковом растворе.

Там, за увалом, за верхним полотном железной дороги, среди военных пакгаузов, товарных складов, допотопных рыбацких лачужек с геранью на подоконниках и уже новых, послевоенных домов под железными крышами и с кисейными занавесками на окнах, среди палисадников с русской сиренью, мальвой и георгинами, яблоневыми садами во дворах и тополями на кривых улочках, — стоял невесть когда построенный, почерневший от времени и непогоды, с кособокой односкатной крышей П-образный барак, в обоих крылах которого жило семей шестьдесят разноработного люда.

Торцевая сторона барака, выходившая на улицу, представляла собой две общие кухни, разделённые отштукатуренной по дранке стеной. Правая и левая жилые половины общежития были обращены к оврагу и вместе с самовольно построенными по его краю сараями, хлевами, сеновалами и голубятнями образовывали как бы замкнутый четырёхугольник с просторным двором посередине. Не всякий посторонний мог сунуться в очерченное застройками пространство. Владения барака ревностно оберегались всеми его жильцами.

Но внутри самобытного поселения единства не было. Стена на кухне, обозначая равное пространство, определяла равное положение обитателей барака, но она же, как межа в поле, заставляла на деле жить людей порознь, ревнуя и соперничая друг с другом, любя и ненавидя одновременно.

Может, в насмешку, а скорее стараниями управдома, судьба селила в левой половине барака пролетариев: слесарей и мастеров токарного дела с металлических заводов, чернорабочих с железной дороги, плотников и краснодеревщиков с мебельной фабрики, портовых грузчиков, возчиков и прочую гольтьбу с окрестных промстройблоков. В правой — жили мелкие торговцы и буфетчики, ремесленники с патентами, беловшейки, почтовые служащие, конторщики, а также подселённые спецнарядом исполкома молодые учителя ремесленного училища и даже одинокий милиционер, правда, вышедший на пенсию по возрасту.

Так же и двор, густо заросший по углам жёсткой лебедой и пыльным паслёном, был поделён на чёткие квадратики грядки с редисом, чёрной редькой и зелёным луком по левую сторону и клумбами с анютиными глазками, бархоткой и львиным зе-

вом по правую. И только хлюпающий грязью под накиданными под ноги обрезками горбыля пятачок у водопроводной колонки хранил статус нейтральной территории.

Левожители гордились установленными перед входом в свою половину добротные сработанными, с резными спинками и ножками, гладко обструганными скамейками и длинным столом, за которым по вечерам на одном конце мужики играли в домино, а на другом бабы — в русское лото.

Перед крыльцом правожителю стоял насмерть зацементированный в землю стол на железных ножках и с фанерной крышкой, под которой можно было найти инвентарный номер бывшей принадлежности. По обеим сторонам его на вкопанных и утрамбованных битым кирпичом чурбаках были прибиты двухсотмиллиметровыми гвоздями сосновые половицы со следами старой краски и вмятинами от гвоздодёра.

Обычно здесь играла в карты молодёжь. Сами же товарищи служащие и просто обычные мещане грызли тыквенные семечки на брёвнах, превших под их окнами не первое десятилетие, но усердно пересчитываемых каждую весну косоглазым бухгалтером домкомхоза.

Хотели того или не хотели постояльцы коммунального общежития, но бытие их строго определялось законами совместного проживания, нарушить которые не мог никто. Личное счастье, радости и горе здесь понимались как частица общего блага или несчастья, которые должны были не только сопереживать всеми, но и отпущаться каждому в меру, независимо от превратностей судьбы.

В сундуки друг к другу не заглядывали, но и в мыслях не могли допустить, что кому-то откажут в помощи или не придут на выручку. А уж если и осуждали кого, то до гробовой доски. Ни подличанью, ни воровскому стяжательству прощения не было. Хотя само воровство, как прочие слабости и глупости человеческие, долго не судилось и легко миловалось.

Впрочем, и моральные ценности не всеми понимались одинаково. Если в пролетарской половине барака ещё наивно ценились рабочие руки, то в противоположной его стороне жизнь уже мерили рублём, отнюдь не связывая его только с умением своих рук. Это обстоятельство, как никакое другое, порождало незримо нарастающее противостояние сторон. Поэтому если поминки справляли сообща, то праздники гуляли принципиально порознь.

Праздничные пиршества были особой статьёй в барачном кодексе. И сколько помнил Митька, ход их не нарушался ни временем года, ни возрастом жильцов, ни ценами на продукты.

В складчину варили мясной холодец, тушили говяжьей требуху с луком. В огромных тазах готовили винегрет, на противнях и чугунных сковородках жарили большими кусками волжскую рыбу и яичницу с розовым салом. Пекли в духовках пироги с капустой и яблоками, парили кулеш из гороха с солониной, заливали янтарным маслом хрустящую редьку и жирную селёдку. Домашние соленья в счёт не шли. Вместе с квасом и капустным рассолом их рассовывали по столу между основными закусками. Из горячих блюд предпочтение отдавалось варёной рассыпчатой картошке с бараниной, гречневой каше со шкварками или пельменям.

Бражничать начинали на общей кухне. Вместо заздравных речей Тимофей Васильевич, важно поднимаясь и разглаживая усы, произносил:

— Хлеб-соль вам, дорогие соседи, да сладкая чарка! Ну и с праздничком вас. Родителей ваших и детишков! Быть добру!

Заждавшиеся тоста мужики дружно хрюпали первую стопку и, крикая, утирая подбородки, весело подначивали жён, всё ещё примеривавшихся губами к рюмкам. Ква-

шеная капуста висела над раскрытыми ртами, хрустели на зубах солёные огурцы, вилки тянулись к сытным кускам.

Женщины суетливо, наперебой потчевали соседок по столу своими припасами, а мужички, едва прожевав закуску, уже торопили:

— Между первой и второй — промежуток небольшой!

И последний раз упомянув праздничек, начинали галдеть своё:

— За тебя, кум!

— По единой, мужики!

— Не посмертную!

И уже через час-другой раскрасневшиеся, сытые, добрые ко всему, размахивали они большими руками, хлопали друг друга по плечам, лезли обниматься и целоваться. А ещё через полчаса пьяная кровь закипала в груди, просила раскованной удал, пляски, песни.

Тимофей Васильевич прилаживал на одно колено деревянные ложки и под стук их мощно запевал, почему-то всегда начиная песню с припева:

Любо, братцы, любо,

Любо, братцы жить!

Разноголосо, но лихо подхватывали гуляки:

С нашим атаманом

Не приходится тужить!

Народ тяжело поднимался с мест, обступал певцов, начинал прихлопывать и припоттывать в такт мелодии. И не успевала песня кончиться, выкатывался в круг гармонист на полусогнутых ногах с саратовской переливчатой на пузе и вжаривал ча-стушки:

Самоходку танк любил,

В лес гулять её водил,

От такого романа

Вся роща переломана!

И уже не разобрать, где гармонист, где солист. Срывается с места застолье, стучит каблуками, падает вприсядку, машет платками и трясёт юбками. Звенят колокольчики на гармошке, визжат девки, летят пуговицы с рубах парней и мужиков. Пыль стоит до потолка.

Но мало места на кухне. Вываливается пляска в барачный коридор, а оттуда под разухабистое «Эх, загулял, загулял, загулял...» на крыльцо и во двор.

А там, как водится, пьяненькая компания соседей, вся сплошь в картузах и подтяжках, танцует под новенький шипящий патефон, специально вынесенный по такому случаю вместе с табуретом на улицу.

По естественным законам мироздания разнополюсные крылья белоглинского барака должны были периодически разряжаться. Обязаны были. Правда, своим, давнишним способом, который в отличие от классового противостояния всегда разрешался замирением. Пар из разгорячённых сторон выпускали вместе с юшкой из ноздрей наиболее нетерпеливых.

А электропроводная ниточка в русской бузе известна: за камаринской идёт самарская, за самарской — татарская, за татарской — тамбовская, за тамбовской — жидовская... Харя. Не важно чья, лишь бы кулак не промахнулся.

Ругань долгая, а драка короткая. И вот — ещё не остыли брань и крики, не просохли девичьи слёзы от испуга, не смыта под колонкой кровь с разбитых лиц, — а на уличные столы уже выставляются запотевшие бутылки с мутным самогоном. Мечутся с закусками в руках бабы, путаются у них под ногами ребятишки с ухвачен-

ными кусками снеди, твякают пинком отшвырнутые собачонки. И вместе с суетой и табачным смрадом висит в воздухе дух примирения.

Драчуны угощают друг друга папиросами, с насмешками над собой обсуждают потасовку и виновато поглядывают на сердитых жён. Мальчишки наперебой спорят, чья сторона взяла верх, но по примеру взрослых соглашаются на ничью. Между тем деды на брёвнышке под сараем, где ещё пригревало вечернее солнышко, преднамеренно ведут разговор общественный.

Несколько лет назад по совету Тимофея Васильевича жильцы барака всем миром построили на задворках стол, где резали скотину, опаливали и разделявали освежёванные туши.

Мужики помоложе наловчились палить шерсть забитых животных паяльной лампой. Старики, опасаясь запаха бензина, предпочитали по старинке пал из соломы.

Летом сарай стоял без пользы, и туда повадились лазить пацаны. И теперь деды опасались, как бы куряки не подожгли солому, а с ней и все хозяйственные постройки вместе с жильём. Пожара люди боялись пуще другой беды.

— Тимофея Васильевича просите, — советует Грошев. — Его Митьку все огольцы слушаются.

— Зачем мальцов стравлять. Чай сами оглобли завернём неслухам.

— Не смейся народ, Михеич! — сердится сморщенный старичок, похожий обличем на засушенного судака: такие же бесцветные глаза навывкате, выпяченный отвислый подбородок, остро торчащая, как плавники, редкая щетинка волос над ушами. — Кто ноне старших уважает?

— И то правда. Благодарностей ждать не привычные, — Михеич выглядит старше односума. Кожа на его морщинистых, дряблых щеках давно приобрела сиреневый оттенок. В щёлках тяжёлых век, казалось, вместо глаз блестят последние слёзы. Но говорит он ещё бойко, задиристо: — Пять войн пережил! Имею право помереть спокойно?

— Шум один! — потешается Грошев. — Не шебурши, дед. Похороним честь по чести! Ты лучше за своей снохой Фроськой доглядай. Вот кто чаще пацанов в соломе кувывается.

— Был бы сын жив, убил бы сучку, — еле слышно бормочет Михеич.

Неловкое молчание, как густой табачный дым, задерживается в воздухе. В бараке много вдов. Но гулящая — одна Фроська Садомцева. Да не о ней печаль, всем жалко старого, беспомощного отца не вернувшегося с войны краснофлотца Кости Садомцева.

— Кабы только одну семью горе исковеркало, — Тимофей Васильевич вздохнул так тяжело, что у окружающих засосало под ложечкой.

«Ландыши! Ландыши!» — запел у крыльца патефон.

— Тьфу! — не сговариваясь, разом сплюнули деды-односумы и поплелись к сеновалу, где стояла распряжённая лошадь, а под телегой, вывалив красные языки, часто дрожали боками две кудлатые дворняги.

Остальные мужики потянулись на зов к накрытым столам, навстречу песне, которая как топлёным молоком смягчила почерствевшие души, холодила буйные головы.

Теперь, за песнями, для самых крепких гулянье будет продолжаться до поздней ночи. Пока не упадёт в миску с квашеной капустой головuşка последнего кутилы.

* * *

По рассказам деда с бабкой Митька знал, что казак Тимофей Васильевич Китушин с женой Евдокией и сыном-школьником Федором поселились в бараке в двадцать девятом году. Долго старики хранили молчание о том времени, хотя при хорошем расположении духа, за самоваром, дед поощрял любопытство внука и с удовольствием вспоминал старину. Худо-бедно, из его сказов можно было составить историю китушинского рода. И пусть по сю пору Митька не понимал, почему при родной власти красному кавалеристу Китушину пришлось бросить в станице отцовский дом и перебраться с семьёй в чужой город, он чувствовал, что правда оставалась за дедом. И правду эту нужно хранить, как веру.

А история Китушиных была такова.

Ещё в годы первой мировой рубки, когда урядником двадцать третьего Донского полка Тимофей Китушин топтал конём зелена Галиции, Польши и Пруссии, понасмотрелся он на невиданное чужеземное жильё и вознамерился после войны поставить в своём хуторе Михайловском каменный дом под черепичной крышей, непременно с подвалом кирпичной кладки и полукруглыми сводами, да собственным ветряком на базу. Одному поднять задуманное было не по силам. Надеялся на помощь отца с братьями да тестя с шурыками.

Перед войной Китушины слыли на хуторе зажиточными хозяевами. Связи старших братьев — маленькие хатки, комнаты которых соединялись общими сенями, — стояли среди высоких тополей позади батиного куреня, за огородами. Подворье их плохо просматривалось сквозь метёлки густой кукурузы и тяжёлые золотые головы подсолнухов, но глава рода — отец братьев, Василий Степанович Китушин, и без того чуял, чем занимаются сыновья. Хоть и жили раздельно, но по обычаю предков хозяйство вели сообща.

На одном базу, за мякинником, держали две пары быков, два десятка овец-шпанок, три стельных коровы, две яловые, по четыре, а то и по пять-шесть телят. В стодоле били копытами сытые рабочие и строевые кони. В отгороженном пряслон углу за сараями, напротив гумна, чесали бока о колья чёрные боровы, лежали в жидкой грязи ожиревшие свиньи, с визгом гонялись друг за другом в лопухах пятнистые поросята. На кучах семечной лузги петух с вороным пером в хвосте топтал хохлатых кур. У долблёного корыта с затхлой водой лежали серые гуси; переваливаясь с боку на бок, трясли гузками прожорливые утки.

Вахмистр Лейб-Гвардии Атаманского полка Василий Китушин уродился высокого роста, крутоплечим, с мясистым, как у быка, загривком. На коротковатых и чуть кривоватых ногах он и впрямь в молодости походил на бычка-четырёхлетка, готового зашибить всякого, кто шагнёт к нему в клетки. А на старости стал вроде вола-трудяги: ступал широко, враскачку, припечатывая землю чириком, словно клешнястым копытом.

Ни одна жердь на его дворе не валялась без надобности, ни одно зерно не было брошено в поле даром. Кабы не царский хомут да крутые поборы, многого мог бы добиться Василий Степанович своим горбом и казачьим потом. Только земля не кредитное товарищество, не торговая лавка, как у свата. Из земли процентов не выжмешь.

Вся надежда была у Василия Степановича на сыновей. Что старшие — Петро с Михайлом, что младшой — Тимофей, дури в голове не держали, к хозяйству были охотнее, а уж силушки да трудолюбия Китушиным не занимать. Семейно решили: как отстроятся сыны, кровь из носа, а прикупить ещё землицы, в крайнем случае, у ленивой голытьбы в аренду забрать.

Тесть младшего Китушина — Иван Савич Макунин — родом происходил из старого купеческого корня. Но на хуторе сватья Макунины были пришлыми, переселились на Хопёр из-под Царицына в царствование Александра Третьего. Дед Макуниных удачно торговал по Донскому округу саратовской сарпинкой, потому, видно, иногородним нарезали в станице гулевой земли и разрешили содержать магазин, а потом и шинок при нём.

В отличие от Китушиных макунинская порода была мелковатой, но кряжистой, как донские кони-маштаки. Даже девки в семье росли задастые, крепконогие. Так мели подолами по улице, что не один казак сворачивал себе шею, глядячи на них.

Гладкие каштановые волосы Макуниных — под стать смуглым лицам и чёрным, как уголья, глазам. Только младшая — Дуняшка, — как породистая лошадь, уродилась фигуристой, резвой и с лучистыми васильковыми глазами. Да и сам Иван Савич с ранних годов имел седую, будто ромашковым цветом посыпанную голову.

В семье Ивана Савича и жены его Прасковьи Харитоновны, чернобровый, строгой на вид казачки, за которую в девичестве сватался кустовой атаман из Новочеркасска, недостатка в средствах не было, и двое сыновей их учились в кадетском корпусе в Ростове, а старшие дочери — в балашовской женской гимназии. Лишь Дуняшка пока оставалась помощницей по дому. Её и приглядели Китушины для Тимофея, словно угадали желание молодых.

На свадьбе растрогавшийся отец невесты отвалил молодожёнам на постройку нового куреня пятьсот целковых — пятьдесят хрустких красненьких бумажек. Тогда же и решили братья браться за дело сразу после Тимофеевой службы по первому кругу.

Только не зря говорят: «Человек полагает, а Бог располагает». Седлал казак строевого коня на царёву службу под колокольный звон, сотрясавший ковыльные степи, обивавший белую пену цветов в вишнёвых садах, под разухабистую песню да стремённую чарку. А воротился красный конник Тимоха к чёрному пепелищу на родном базу, к обугленным тополям на задворках.

Пусто было в осеннем хуторе, тихо. Не стучали молотилки, не мычали коровы, не бляели ярки, не плавали у запруды гуси. Не сидели на завалинках старики в синих чекменях, не толпились казаки на майдане. Молчал церковный колокол. Не с весёлыми вестями ждали станичники сродичей.

В отступе помер Иван Савич. Тиф унёс Прасковью Харитоновну вслед за старшими дочерьми, умершими в полевом лазарете. В ледяном походе Корнилова сложили головы их сыновья. После разгрома белых под Новороссийском подались в Турцию братья Китушины. Сгинули, как щепки в половодье, жена Петра со свекровью, повёзшие на санях продавать куль муки на станцию. Пропала без вести и жинка Михаила, убежавшая ночью из хутора с детьми и пожитками после расстрела Василия Степановича.

Смерть его была зряшной. Уже, почитай, весь Дон под красными был, когда его выпороли плетью повстанцы, прятавшиеся по лесам и наезжавшие за хлебушком на Хопёр и Медведицу. Старик наотрез отказался показать схороненное семенное зерно. Пришлось ему вместе с горькой слезой проглотить и ком незаслуженной обиды: никто до того руку на казака не поднимал, никто на добро его не мог покуситься. Не впрок пошла наука. А ведь знал: как ни тyani на себя мешки за гузырь, супротив гранёного штыка, али воронёного дула нагана не попрёшь! Пришли следом красноармейцы из уездного продотряда, по наводке соседа-батрака откопали зерно, а хозяина поставили к стенке.

Когда перепуганная насмерть, простоволосая Дуняшка попыталась защитить свёкра, доказывая солдатам, что её муж — в Красной Армии, её грубо вытолкали со двора:

— Почто тебя и не трогаем, дура! Пока не трогаем.

Так и не понял старый атаманец, за что смерть принял. Как не мог взять в толк и сын его, кому и зачем понадобилось жечь курень. Революция революцией, а на пучком месте и чирей не вскочит.

Отыскал Тимофей на дальних хуторах свою Дуняшку с восьмилетним сыном и призадумался. Горька жизнь, как дым, сжигаемый на пашне выволочки; колюча, будто сухой кустистый жабрий, пуста и тленна, словно сентябрьская поскотина, — а жить надо.

По одинокому кусту боярышника на взгорке отыскал китушинский клин, бросил кавалерийскую шинель на остывшую землю и долго мерил ногами отцовский надел вдоль и поперёк. Ни межи, ни колеи — край поля. Сорняком и бурьяном заросла пашня. Словно сединой, взялась ковылём.

На ходу сорвал остатние метёлки овса, потёр в ладонях, но не ощутил знакомых катышков. Осыпалось зерно, пропало зазря.

— Будя, — вернувшись, сказал он Дуняше. — Наскакались. Пора за дело браться. Землю пахать, хату строить, сына растить.

— Думаешь, забудут нам прошлое? — тревожно спросила она.

— Ежели умные — забудут. А на нет и суда нет. Уехать завсегда успеем.

Сказал, как в воду глядел. Пять лет, не покладая рук, не разгибая спины, трудились Китушины, чтобы хоть как-то встать на ноги. На отцовском подворье поставили вязью новый дом, не каменный и не под черепицей, как мечталось. Но добротный, с большой русской печью посередине, с глазастыми окнами на улицу и в сад. Из карьера навозили серого плитняка, восстановили огорожу, поставили ворота. Из старья сколотили амбар и кизятник, выстроили конюшню на скотиньем базу, а вдругорядь и сухую клуню, мякинник и летнюю стряпку.

Кузнец наложил новый кованый лемех на старый плуг, починил рукава сеялки. Выпросили в сельсовете бесхозную, когда-то у них же конфискованную лобогрейку. С трудом восстановили её. Из соседнего хутора возвернули пару угнанных быков. На первое зерно выменяли лошадь.

К тому времени, как начали по Хопру агитировать за колхозы, Китушины жили не хуже других. Терпкий дух перепрелого навоза, смешиваясь с запахом обмолоченной ржаной соломы и мякинной пыли, казалось, из небытия возродился на родовом подворье и прочно устоялся в воздухе.

— Колхозы, моет, дело и хорошее, — говорил Тимофей станичникам, с тоской поглядывая, как жерёбая кобыла дёргала из яслей пучки трухлявого сена и нетерпеливо перепрыдывала ушами. — Токмо гляжу, компания в них не дуже работная подбирается.

— Нас не спрашивают, — шумели казаки, — как чугун рогачом в печь суют! Никак опять пора харчевые сумки складывать.

— Далече не убежишь!

— Но и на чужого дядю спину гнуть не хоч.

— Да, запрягают казака, шо слепую лошадь в чигирь. Сколь по кругу ни ходи, одно впереди — голый зад кобылячий!

Не успели к Матрёнину дню вздуться реки, как зацвиркал в избе сверчок. Пришло время пахать землю под рожь. Только высмотрела Дуняшка на затоне дурную

примету: не тронулся, а потонул у берега вешний лёд. Знать, тяжёлый год впереди ожидать.

Так и сталося. Подул ветряк, просушил дорогу из уездного центра. Прикатили в хутор на бричке двое: один в зимнем пальто, но при шляпе, с пенсне на горбатом носу; другой — военный, в новенькой с иголки шинели и с жёлтой кобурой на боку. Просмотрели приготовленные секретарём партячейки списки кулаков и подкулачников, добавили к ним середняков, отказавшихся записаться в колхоз, и поставили напротив фамилий галочки карандашом. Утвердили, значит.

А на другой день двадцать шесть подвод с пожитками и семьями в окружении конных милиционеров выехали с хутора Михайловский в сторону Балашова. Рядом с последней телегой и жерёбой кобылой шагал и Тимофей Китушин.

На пересыльном пункте на краю города формировали этапы в Сибирь и на Север. Ярых врагов советской власти грузили в эшелоны, остальные несознательные граждане должны были добираться в ссылку своим ходом.

Но не без добрых людей белый свет. Тимофея Васильевича узнал его бывший эскадронный командир, командовавший теперь конвоем. Он перевёл Китушинных из лагеря в помещение военного лазарета, для вида дал срок лошади произвести потомство. Потом свёл казака с тем самым военным, что приезжал в новенькой шинели и с наганом на боку в их хутор. И через пару недель Китушины без денег, без лошади с жеребёнком, почти без вещей, но при документах и со справкой погорельцев выехали из Балашова в соседний уездный город. Ко всему бывший комэск передал с Тимофеем записочку своему шурину, работавшему в том же городе комендантом рабочего общежития.

Так неожиданно попали и уже третий десяток лет проживали Китушины в белоглинском бараке. А вместе с ними хоронилась здесь под спудом мечта построить счастье собственными руками.

* * *

Проснулся Митька от сердитых голосов за столом. Нахмуренный дед кряхтел и покашливал в кулак: видно, что-то не нравилось ему в разговоре. Но не таков был его характер, чтобы смолчать:

— На казачьем кругу тоже считали, шо всем миром дела решают. Токма какие? Ежели выпороть кого, застращать — это старики вмиг определяли с общего согласия. А насчёт казначейских дел али землицы завсегда повернуть разговор так, как атаману выгодно. За атамана войсковой старшина с правлением любому глотку заткнуть.

Тимофей Васильевич с трудом выдавливал из себя слова, будто наперёд зная, что рассказы эти к добру не приведут.

— Народ — шо тебе быки. Ему на рога налыгач надоть накидывать, шоб тянуть, куды следует. А тех, которые упираются, — обухом по хребтине! Побегут так, шо токма мокрая велюга за ними на дороге останется.

Он берёт протянутую Грошевым папиросу, неспешно разминает в пальцах, дует в мундштук. Краем сонного глаза Митька видит, как дед вставляет папиросу в рот, но не прикуривает.

— Но это ежели с одного бока смотреть. С другой стороны, посуди, — для убедительности дед стучит костяшками пальцев по столу, — сытые да обихоженные быки сами арбу везут. Знай покрикивай: «Цоб-цобе!» И в борозде их батагом охаживать не надо.

— С мужиком понятно, шум один! А рабочий в городе?

— У меня об себе, Паша, душа болить, чего я за тебя думать стану, — хитровато заулыбался старый казак и только тут заметил, что Митька проснулся.

— Митяй! Поди, на час!

— Здорово ночевали! — зевая и сладко потягиваясь, бурчит Митька, но поднимается и, почёсываясь, идёт к столу. — А где шипастый?

— Иде ж ему быть? На кукане плавает. Не остряча маленький, пудов на шесть потянет.

— В семь утра наливняк пойдёт на Самару, — говорит Грошев. — Свезём рыбину на танкер.

— Ты, Митрий, — дед ласково треплет вихры внука, — сгоняй к бакенщику. Пушай супротив бакена шест с белой гуньёй поставить. Капитан догадается.

— Ща-ас! — Митька трёт кулаками глаза, но никак не очухается от сна. — Только воды напыюсь.

На улице утреннюю синь уже проредили снопы поднимающегося с солнцем света, а в сторожке — полутьма. Лишь из маленького оконца над топчаном сочитается в избушку новый день. Едва видится измятая постель, сползшее на пол лоскутное одеяло.

Ленка с раскинутыми руками, на животе, спала поперёк лежака. Задравшийся кверху сарафан бесстыдно оголил её ноги, приоткрыл белые полосы трусиков.

Митьке стыдно от увиденного, но, боясь загреметь кружкой, он остаётся стоять в растерянности. Сердце бешено колотится, и нет сил отступить в сторону.

И тут он разглядел на топчане прикрытого тулупом спящего Петьку. Жар ударил ему в голову. Митька почувствовал себя одураченным. Он бросил на ведро кружку и, не заботясь о сонях, громыхнул дверью.

То, что считалось обычным и естественным среди чужих ребят, пока ещё было запретным среди друзей. Митька и в мыслях не допускал, что кроме дружеских, у них могут сложиться иные отношения с Ленкой. Но пройдоха Петька!

Пока шёл к Волге, воображение рисовало одну и ту же картину: под дедовым тулупом голенастый Пшенков в жарких Ленкиных объятиях. И всё мерещились белые полосы девичьих трусиков.

Впрочем, секреты женского пола и соития для друзей очень рано перестали быть жгучей и сладкой тайной. В барачном общежитии можно было насмотреться всякого.

Как вчерашний день, Митька помнил первый школьный Первомай, который выдался на редкость жарким. Ранняя апрельская Пасха торопила весну теплом, и та разбросала белый цвет по садам уже к концу месяца. Не успев скинуть зимние одежды, люди облачились в летние, так припекало солнышко и быстро прогревалась земля.

Митька, в школьной форме, при ремне с надраенной бляхой, в жёсткой фуражке с лакированным козырьком, терзал зубами сушёного окуня, картинно прислонясь к скрипучей двери китушинского сарая, и смотрел, как девчонки во главе с плясуньей Веркой Васильевой хороводятся вокруг пьяненького часовщика Евдохина, который взялся надувать им резиновую перчатку. Татарин-старьёвщик, обещавший к празднику привезти детворе воздушные шары и бумажные мячики на тонкой резинке, напился ещё загодя и третий день лежал в полоумной горячке. Поэтому девчонки решили использовать «подручные» средства.

На случай успеха их предприятия у Митьки была заготовлена рогатка с красной широкой резиной, а в кармане форменных брюк лежали тяжёленькие кусочки чугуна, отбитого от школьной батареи парового отопления. За меткость стрельбы из рогатки ему давно можно было привинтить на серо-синюю гимнастёрку значок «Ворошиловский стрелок», так что переполох в девичьем стане он гарантировал.

Вот тут и появился Фимка. Шмыгнул носом и заговорщицки поманил пальцем:

— Идём, чё покажу! Закачаешься!

Митька знал его дурацкие шуточки и не шелохнулся. Тогда Фимка застрекотал прямо в Митькино ухо:

— Там, за вашей клетью, на соломе Фроська Садомцева храпит. Пьяная в усмерть. И без всего.

— Без чего всего? — ворохнулось в голове Митьки тёмное любопытство. — Сбре- шешь, в ухо дам!

— Иди скорее! — тянул его за рукав Фимка. — Я за сараем на атасе постою.

Митька не стал обходить постройки, а прошмыгнул через козьи клетки, отодвинул в задней стене плохо прибитую доску и высунулся на подворье, куда дед обычно выбрасывал навоз, перепревшую мякину и трухлявую солому. За их кучами никого не было видно. Тогда он пролез между вынутыми из погреба пустыми обручными кадушками в заброшенный крольчатник, на четвереньках прополз под ржавыми клетками и чуть не упёрся лбом в раскинутые Фроськины колени.

На мгновение Митька оторопел от того, что увидел. Но неистовое волнение, охватившее его, подсказывало, что он увидел то самое. Инстинктивно Митька попятился и с ужасом ощутил, как упёрся в стену. Назад выхода не было, а впереди между больших розовых овалов зияло страшное опаловое ущелье, поросшее чёрным кудрявым буреломом. Оно грозило втянуть, всосать в дышащий разлом ошалевшего Митьку.

Фимка готов был поклясться, что слышал испуганный визг в сарае, но Китушин молча тёр исцарапанную щеку и теребил в руках перепачканную в мусоре школьную фуражку. Чувство неловкости перед товарищем, как расплата за постыдное любопытство, постепенно вытесняло из смущённой души Митьки остальные эмоции.

— Нет там никого, — пряча глаза, буркнул он и пошёл прочь.

В перенаселённом бараке, где взрослые и малые дети спали в одной комнате с родителями и дедами, евангельские заповеди соблюдались лишь теми, кто жил по ним от рождения. Но таких можно было пересчитать по пальцам. Остальной неверующий народец воспринимал свободу совести равно свободе своих желаний. И часто отношения людей определяла только физиологическая мощь человеческого естества.

Кто не знал, что любовным ристалищем служили дровяные сараи и сеновал. Там в сладких, пьяных судорогах находили своё короткое счастье соломенные вдовы, с утробным стоном исходили соком замужние бабы, задыхались в искромётном соединении молодухи, плакали и кусали зацелованные губы перезрелые девки. Там начиналось анатомическое и сексуальное просвещение дворовой малышни. Несчастные, многие из них потом до конца дней своих будут уверены, что в этом и заключается любовь.

Но Митька, скорее под влиянием книг, чем самосознания, чувствовал необходимость некоего таинства в примитивных физиологических позовах пола. Хотя и его не миновало грубое испытание страстью.

В душевные июльские ночи, когда Митька возвращался от деда с Казачьего острова, бабка Евдокия стелила ему постель в сарае. Раскидывала на поленнице поредевших за зиму дров матрас, набитый свежим сеном, покрывала сверху суконным солдатским одеялом, совала в голову перьевую подушку в цветастой наволочке. Каждый раз собиралась принести простыню, да рассудив, что внук всё одно мыть ноги не станет, передумывала.

В сарае сладко грезилось. Древесина распластанных чурбаков хранила нутряные запахи осины, берёзы, дуба. Под потолком шуршали на сквозняке и тоже по-своему

пряно пахли свежие банные веники. По углам и на балках густо висела паутина, в которой дёргались и дзыкали нудные мухи. Под полом скреблись мыши, и топал, сторожа их, хроменький ёж. За стрехой возились воробьи, а перед дождём вылезала из темноты на лунный свет земляная жаба.

Думалось обо всём сразу. О прожитом дне и о прошлых. О нечаянных драках и о рыбалке на плотках. О бутылках, которые воровали из бесхозных железнодорожных вагонов, отмывали в Волге и сдавали за копейки в татарской лавке. О пустующей летом школе, библиотеке, красивой библиотекарше, о Ленке, Аньке Фёдоровой и — с затаённым, до суши во рту, жарким страхом — об опаловом Фроськином ущелье.

С годами воображение уводило его ещё дальше, в некую блаженную страну с райскими кущами, где теряют рассудок и нищие бродяги, и короли. Он ждал и готовился к встрече с этой страной.

Однажды вечером Петька принёс полпачки «Казбека», которую спёр у ремеслушных. Коробка с чёрным всадником на крышке пошла по кругу. Курить папиросы украдкой они начали все вместе после пятого класса, а теперь и вовсе дымили не прячась.

От каждой выкуренной папиросы у Митьки начинали подрагивать поджилки в коленях, холодный пот проступал между лопаток, кружилась голова и сосало в желудке. Язык застревал в противной табачной оскомине. Но, сплёвывая горькую слюну, он наивно предполагал ощутить в себе прилив мужской силушки.

— Грозой тянет, — тоже невнятным языком пробормотал Ванечка, когда они выцедили по третьей «казбечине». — Пора сматываться.

Тёмное небо густело на глазах. Жидкие вечерние тени тонули во мгле. Притих, насторожился барачный двор. Сначала несмело, будто пробуя силы, громыхнул по крышам гром, секанула по оврагу слепящая молния, и несколько крупных дождевых капель шлёпнулось в пыль под ноги мальчишек. С минуту постояла тишина, потом из темноты стал нарастать мощный шум хлещущего по земле ливня.

— Мама родная! — запоздало спохватились друзья и с гиком ринулись в грозовую круговерть.

Митька прислонился к косяку открытой двери сарая и очумело смотрел, как в сполохах молний блистали струи дождя, молотили иссохшую почву, трепали увядшую полынь и жёсткие, шершавые лопухи.

— Ой! — мимо него через порог прошмыгнула согнутая фигура. Он даже не успел понять, откуда она появилась.

— Вот это ливень! — пропел в темноте женский голос. — На мне нитки сухой нет! Митька растерянно молчал.

— Да помоги же мне, — нетерпеливо, но нежно позвали его.

Он несмело шагнул на зов и натолкнулся на маленькую женщину, пытавшуюся стащить через голову мокрое платье. От неё сильно пахло «Красной Москвой» и жжёным винным сахаром.

«Контролёрша с пристани», — узнал Митька недавно подселённую в барак разбитную хохотушку и почему-то не удивился, а стал машинально помогать ей снять одежду.

«Вот те раз!» — было его последней мыслью, когда они очутились на травяном матрасе, и её жадный рот накрыл Митькины пересохшие губы.

Через несколько дней он встретил её у колонки с полными ведрами воды. Жёлтые, как у кошки, глаза контролёрши струили доверчивую безвинность. Она поздоровалась с ним лёгким кивком головы и нарочито отвернулась.

Пунцовый Митька решил, что прибьёт её, если бесстыжая осмелится приблизиться к нему. Райские кущи для него больше не существовали.

* * *

Пирамиду со звездой наверху они установили быстро. Тимофей Васильевич спаял её из тех самых найденных Митькой снарядных гильз, предварительно ошкулив их от зелёной окиси. Протащить сооружение через топь было не трудно.

Насупившийся и молчаливый Петька хмуро косился то на Ленку, то на Китушина, догадываясь, что тот видел их вместе. Ленка нервничала.

Но Митька думал о другом. Он уже сомневался, правильно ли поступил, рассказав всё друзьям. Ведь если честно признаться, Ванечка Топольчанский прав: неизвестно, стояла ли здесь батарея. Снарядные гильзы могли оказаться тут случайно. Мало ли грузов тонуло в Волге под бомбёжками. А больше всего смущало то, что изначально они с дедом хотели просто пометить на земле уголок, на котором можно было бы поминать родителей Митьки. Ведь место падения в тайге самолёта, на котором они летели в новую воинскую часть, так и не нашли.

— В церкву тебе ход заказан, а так хучь могилка будеть, — побрякивая, словно у него першило в горле, рассуждал Тимофей Васильевич. — У меня ведь тоже, почитай, ни одной родовой зарубки на этой земле не осталось.

— Как же так, а предки твои?

— У казака на войне какая могила? Курган в чистом поле. А могилы отца моего, твоего прадеда Василия Степановича, царствие ему небесное, которого бабана наша тайно похоронила в вишняке за грушевым садом, давно нет. Асфальтовый шлях проложили там.

— Нужно было огородить, — укорял его Митька.

Дед соглашался. Виногато разводил руками.

— А, эт токма русский мужик свою могилу огорожей обносить. Думаешь, с чего?

И сам отвечал:

— Дюже страдал по земле русский мужик. Посмертные три аршина изгородью обносить начал из опаски, шо и те отымуть. Берёг, значить, свой корень.

— Выходит, мы дело поправим?

— Нет, Митяй, — мотал головой Тимофей Васильевич, и его зелёная фуражка съезжала на затылок. — Обрубленный корень не сростить. Помяни моё слово: без казака да крепкого мужика захиреет народ помаленьку. Захиреет!

— А как же мы? Разве я не твой внук? — возмущался Митька.

— Вы, это другое дело, — тепло говорил дед и утирал будто от ветра слезившиеся глаза. — Я даже не пойму ишшо. Вы — другой народ. И по всему, жисть у вас другая должна быть. А вот будеть ли, не знаю.

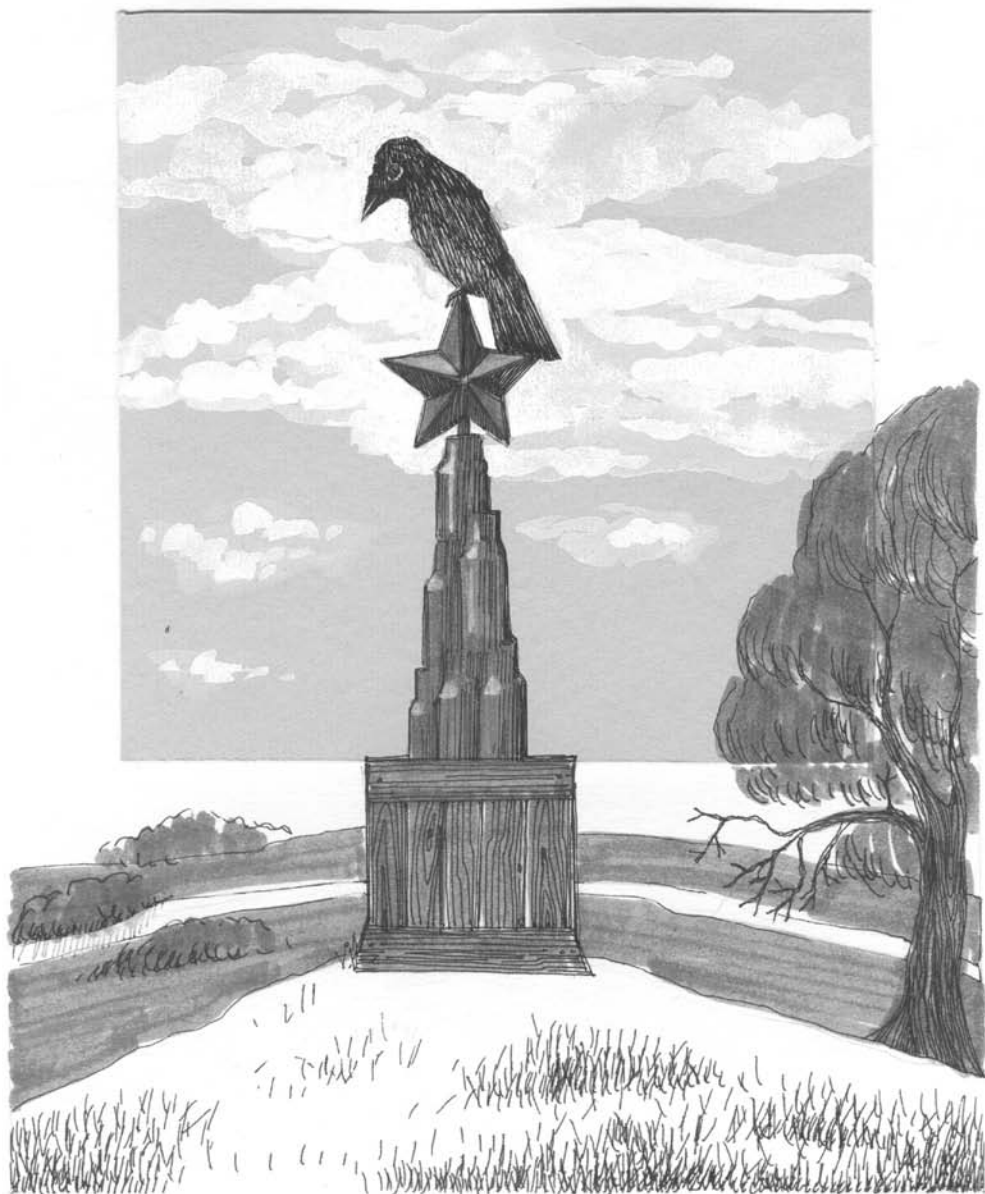
— Будет, деда!

— Как ты гутарил намедни? Мамлюки? И в чести, и в славе, а всё же ти — рабы. А казак перед царём шапку не ломал. Помни!

И вот теперь, когда сколотили на высоком месте деревянный помост и вставили в него поблёскивающие на солнце гильзы, всё приобрело как бы иное значение. И Митьке было неловко перед товарищами, словно он обманул их. Впрочем, каждый мог понимать по-своему происходящее, и он решил промолчать.

— И что дальше? — нетерпеливо и как бы гадливо спрашивала Ленка. — В газету напишете?

— Салют устроим, — вертелся у всех под ногами Фимка.

Он хватал то лопату, то молоток, но наблюдательный Ванечка заметил, что Шохман ни разу не копнул землю и не вколотил ни одного гвоздя.

— Красные следопыты! — не унималась Ленка. — Кому это нужно?

— Может, помолчишь? — посоветовал ей Митька.

Она нервно передёрнула плечиками и, обиженная, отошла в сторонку.

— Я думаю, тут слов не нужно. Каждый понимает, о чём речь, — сказал Петька. — Вот вам моя рука!

— Цирк! — фыркнула Ленка. — Я напомню вам об этом лет через двадцать!

Она грустно и как-то очень серьёзно оглядела друзей, повернулась и зашлёпала босыми ногами по илистой травяной воде. Никто не остановил её.

— Гляньте! — Петька указал на корявый, как старый указательный палец, голый сук, торчащий далеко в сторону из пышной кроны дуба.

На ветке сидел, точно чёрный монах в чёрном клобуке, большой ворон. И внимательно наблюдал за подростками.

— Может, башку ему снести? — предложил Петька.

— Зачем?

— Чтоб не накаркал чего.

Словно услышав их, птица чуть ворохнула крыльями и упала вниз, спланировала над землёй и полетела прочь, едва не задев лапами донник.

Но когда выходили с поляны, Митька обернулся. Ворон чёрным кулём сидел на постаменте.

«Взял под охрану», — мрачно подумал Митька.

И ЖИЗНЬ НЕЛЬЗЯ ОСТАНОВИТЬ

**НАТАЛЬЯ ВЕРДЕРЕВСКАЯ,
Г. Елабуга**

ТРИ ПЛОЩАДИ

*Спасение в том, что сумели
собраться на площади.*

Белла Ахмадулина

Болото застоя. Не слышно свободного слова.
Свинцовые грузы уже повезли из Афгана.
На площадь Таганскую все приходили без зова.
Певцы и поэты уходят бессмысленно рано.
Спасение в том, что сумели собраться на площадь.
Шли молча — как жили, — но падали торы запрета.
Откликнувшись сердцем — его не опутаешь ложью, —
Москва провожала не нужного власти поэта.
А после молчанье опять, но уже не такое:
Молчанье страны, ожидающей первого слова.
И взрыв перестройки, и гласность с экранов волною,
И в кипы газет погружаемся снова и снова...
Был месяц восьмой девяносто какого-то года.
Надежд и лукавых химер нам с избытком хватало,
Но билась в висках обретенная нами свобода
И в час испытанья на площадь людей собирала.
И люди пошли угрожающим танкам навстречу.
И флаг — триколор поднимался над зданьем впервые.

Здесь волю вершило свою старорусское вече.
Так площадь у Белого дома спасала Россию.
Немало несчитанных лет с той поры пролетело.
Детишки успели родиться и взрослыми стали.
И думали мы: от России осталось лишь тело,
А душу её олигархи давно промотали.
Но вот подступило — и встала Болотная площадь,
Десятками тысяч голов ошестинившись грозно.
Здесь самые разные стяги по ветру полощат.
Здесь самые разные люди, а мыслят не розно.
И дело не в том, победили иль не победили,
Попутные ветры за нас или встречные ветры.
Гораздо важнее, что пройдены новые мили,
Не мили — так вёрсты, не вёрсты — так дециметры.
Немыслимо долго играли мы в «веришь — не веришь»,
Мы много узнали за годы, но сделали мало.
А нас уверяют: достаточно хлеба и зрелищ,
Да здравствуют триллеры, шоу и сериалы.
Но людям, увы, недостаточно зрелищ и хлеба.
Им нужно сознание, что жили они не напрасно.
Россия — огромная площадь под сумрачным небом.
Скудна, неохватна и так бесконечно прекрасна.

ЭЛЬВИРА БОЧКОВА,
Нижний Новгород

* * *

Нет весны уже на горизонте.
Затеряйте в ветре странствий парус,
Ни струны из прошлого не троньте,
Чтоб в дальнейшем песня состоялась!

На пороге — век неединенья.
Незлобив предсмертный хрип уключин.
... И в осоке ветра песнопенье,
И в глуши таинственных излучин.

Может быть, ещё лицо Свободы
Озарится восточкой печали

Не о том, что столь бесплодны воды,
А о том, что реки обмельчали.

Мне на белом свете одиноче,
Чем набитой на руке мозоли
От весла, которое не хочет
Гнить в бездомной лодке на приколе.

* * *

Не разгрести вовек дымов июля.
И август был на редкость нехорош,
Коль злой он, как в слепом полёте пуля,
И в каждое живое сердце вхож.

Сам воздух, зная, в живое явно ранен:
Упал на землю — и трава мертва.
Не каялся в грехах, как Ванька-Каин,
И не искал для раненных слова.

Мертва трава. По ней — огня потоки
Стремятся к Волге,—
Только б не дошли!..
И обмирают от боязни строки —
Горят пилотки лодок на мели.

ПРОГНОЗ

...И выплывет солнце из глуби небес,
Как будто со дна океана.
И рыжего с золотом тусклым замес
Вверху — над клочками тумана.

В сегодня пришедшем сама растворюсь —
Как соль в успокоенных водах...
Уходит из сердца несчастного
Гнусь
О злобных голодных народах.

Всем хватит под солнышком места:
Ковчег —
Устойчив, надёжен, объёмен...
И сахарный — Богом просеянный снег! —
На озими в холод уронен.

ГАЛИНА ТАЛАНОВА,
Нижний Новгород

* * *

Город расплавленным душит асфальтом
И невозможностью в смоге летать.
Птица проделала в воздухе сальто —
Начали нервно крыла трепетать.
На небоскрёб налетела с размаху,
Брошенным камнем на землю легла,
Оба крыла положила на плаху —
Там, где сгущалась от выхлопов мгла.

* * *

И жизнь нельзя остановить.
Проходим мы,
Но время вечно.
И бога нечего гневить
Лишь тем, что жили не беспечно,
Что всё пытались ухватить
Звезду, летевшую на осень.
Звезда успела осветить
И нас, и вас...
И свет тот носим
В заблудших душах,
В суете
Мы слышим собственное эхо...
И видим тут же в темноте
Лес рук,
Чья цель — флажок успеха.

* * *

Равнодушная катит река —
Год за годом
Плывут пароходы.
Устаёт, затекает рука,
Силясь ветки пригнуть с небосвода.

Их ломает от сочных плодов,
Что увидело цепкое око.
Где те ветки, что ниже голов,
Где июль, где не столь одиноко?
Я всё та же:
Ещё молода.
Я не верю, что солнце — к закату...
Каждый год — возвращаюсь сюда,
Только годы идут без возврата.
Смело яблони в небо растут,
Оплетая веранду ветвями.
Облаков оживает лоскут,
Словно парус, надутый ветрами.
Лишь за кромку озёр унесло
Столько близких, стоявших стеною.
Под верандою сгнило весло
От воды, подкатившей весною...

* * *

Так быстро молодость прошла!
Так незаметно усвистела!
Самой себе теперь смешна,
Что так счастливой быть хотела.
Всё тот же воздух.
И тоска.
И сосны вечно зеленеют.
И горстку серого песка
Всё между пальцев руки веют,
Пересыпают...
Ноги — мнут...
Как по доске стиральной бродишь,
И с пятки — кожи стёрт лоскут —
И боль унять к воде уходишь:
Вода былая утекла:
И ты в другой остудишь ноги.
Всё изумрудней, глубже мгла,
Всё незаметнее тревоги.

АЛЛА ОРЕХОВА,
Набережные Челны

ОН

Он тот, с которым бы я хотела
По водам житейским до Леты доплыть.
Он тот, которого я б сумела
И за последней чертою любить.

Он тот, без которого мне не надо
Ни искуса ночи, ни ясности дня.
Отрава моя и моя отрада
Он — тот, который не любит меня.

* * *

Не бабочкой — слоном в посудной лавке
Себя я ощущаю рядом с Вами:
Сверхбезупречном в строгой камилавке,
Жонглирующим кеглями-словами.

Хвала тебе, комедия дель арте!
Какая прелесть, эта буффонада:
Разыграны все роли, будто карты,
И ничего придумывать не надо.

Я добросовестно меняю маски
По воле невидимки-режиссёра
И околесицу несус с подсказки
Какого-то безумного суфлёра.

Вздыхаю кротко, предлагаю чаю,
Веду беседы светские — Мальвина!
Забыв приличья, хохочу отчаянно,
Вина хлебнув — ну чем не Мессалина?

А может, маски — прочь, подмости — в прах?
Моё предназначенье — быть поэтом.
Мне — оставаться на семи ветрах,
Вам — никогда не пожалеть об этом.

* * *

Как же избыть мне свою беду?
Поязыково? Иль постранично?
Если скажу, как тебя я жду,
Это будет клёкотом птичьим.
Если скажу, как ты нужен мне,
Это будет лишь тенью слова.
Если скажу, что горю в огне —
Это образом будет дешёвым.
Если скажу: не могу дышать,
Пить, говорить, когда ты не рядом...
Не разрывайся, смиришь, душа —
Это тебе за любовь награда.

ОЛЬГА ШАХРАЙ,
Старый Оскол

* * *

Собираю по кусочкам юность
В городе далёком и родном.
Я не насовсем сюда вернулась.
Я не навсегда забыла дом.

Старой школы строгие окошки...
Драгоценен позабытый кров.
Ах, попробуй, зачерпни ладошкой
Эхо ускользающих шагов!

Странная мозаика сложилась
В мареве сегодняшнего дня.
Шелестят деревья-старожилы,
Вспоминая медленно меня.

* * *

Ты просишь объяснить, а я молчу.
Да разве можно рассказать словами,
Как ангелы качают головами,
Склоняясь тихо к моему плечу...

А шар земной уходит из-под ног,
И дерзок чувств полёт к желаниям дерзким!
И не ищите мне причины веской,
Чтоб засадить всё это под замок!

Да, от тебя исходит притяженье,
Ты излучаешь нежный, добрый свет...
Но слов, чтоб объяснить всё это, нет.
Как нет причин для твоего волненья.

* * *

Моя нетерпеливая судьба,
Моя гитара — вечных три аккорда.
Жизнь пролетела молодо и гордо,
Цветы попутные целую и губя.

Мои шаги измерили дорогу,
Крыла мои меня подняли ввысь.
Стихи мои со мною поднялись,
Чтобы позвать к родимому порогу.

Когда-нибудь наступит, верно, срок,
И я в наш старый домик возвращусь.
Не потому, что до него спущусь.
А просто я пойму, как он высок.

* * *

Меняем сами времена.
Роднее нам чужие лица.
А я тебе обречена
Навеки верить и молиться,

Смиренно не склонив чела...
Рукой руки твоей коснуться
Я не сумела, но смогла
Свой крест нести и не согнуться.

Ладонью заслонив свечу,
Гляжу в окно, где темень злая.
И заклинаю, и шепчу:
«Да не полюбит так другая...»

СВЕТЛАНА АНИНА,
Иркутск

* * *

То ли боль оставляю в наследство,
То ль по милой деревне тоску,
Где бежало счастливое детство
Босиком по траве и песку.

Где чуть солнце и — в золото колос.
Где играет карась в озёрке,
Паутины серебряный волос
В сосняке прилипает к щеке.

Из белёных рогож самотканых
Небо новое что-то кроит,
А к руке моей тянут поляны
Земляничные губы свои.

Где ромашки гурьбой на задворках.
Где колышется лён на ветру.
Дед в затёртой своей гимнастёрке
Самокруткой дымит поутру.

Под платок спрятав длинные косы,
Баба гонит коров со двора
На луга, где тяжёлые росы
Зажигают в рассвет клевера.

Где в саду осыпается вишня,
На столе хлеб ржаной, молоко,
В доме муху влетевшую слышно,
А душе так легко, так легко...

МОНОЛОГ ЧЕТЫРНАДЦАТИЛЕТНЕЙ ДЕВОЧКИ

За горизонт монета
скатилась —
день
оплачен.

Ты не увидишь света,
дочурка!
Час
назначен.

На циферблате стрелки
к страданиям
нашим
глухи.
Трясутся
руки
мелко
у старой
повитухи...

Кровиночка! Да — тише!
Не надо
так
метаться!
Вдвоём нам
здесь
не выжить —
нам
на двоих —
пятнадцать.

Мне черти ночью снятся —
не вырваться
из ада!
Но —
страшно
возвращаться
в застенки
интерната.

А без тебя,
родная,
когда придёт
из Храма —
домой
взять
обещает
на воскресенье...
мама.

* * *

У развилки стоит, неприкаян,
Обращённый к святым небесам
С христианской молитвой хозяин
Кем-то в сумерках сбитого пса.

Не вернётся, ничто не вернётся...
Вот ещё одна порвана нить.
Но — последняя. Не доведётся
Больше деду родных хоронить.

По щекам вековые бороздки
Да невзгод прокопчённая гарь...
На машине промчались подростки,
Не заметив в пути Божью тварь...

Что тот пёс для прохожих, проезжих?
Не видна жизни слабая вязь.
Лишь от горя дрожит мелкой дрожью,
За незрячие души молясь,

Над развилкою лунный обмылок...
Не выходит тот миг из ума...
Сколько в мире таких же развилок,
Над которыми
полная
тьма?!

ОЛЬГА АНДРЕЕВА,
Ростов-на-Дону

* * *

*Я люблю одинокий человеческий голос,
истерзанный любовью.*

Гарсиа Лорка

На изгибе весны, на суставе грозы с потепленьем,
с набуханием почек, паническим ростом травы,
разветвленьем суждений о жизни и воцерковленьем
всех агностиков — к Пасхе, с прощеньем чужой нелюбви,
во младенчестве млечном и солнечном Вербной недели,

сквозь десант одуванчиков в каждый очнувшийся двор
прорастает отчаянно глупое счастье апреля,
просто так, от души, нашей злой правоте не в укор.

Как на скалах цветы — не для нас распускают созвездья
в раннем марте, под снегом, на северных склонах, во мхах —
да кому мы нужны с нашей правдой, и болью, и жестью,
вечной просьбой бессмертия и паранойей греха —
в царской щедрости мокрого парка. Так что ж мы, уроды,
сами сбываться мечтаем своим нерассказанным снам?
Под раскаты грозы пубертатного времени года
в мир, любовью истерзанный, всё ещё входит весна.

* * *

День такой, что, возможно, случится —
сбросить ношу и встать в полный рост.
Станным зрением видишь жар-птицу —
и хватаешь за радужный хвост,
ускользающий. Пёрышко вьётся
на ветру, исчезает в заре,
но сиянье в тебе остаётся —
ты был нужен ей в этой игре,
завербован, уже несвободен —
зреет плод в изумлённой душе,
может, только на это и годен,
не скупись, ты ведь понял уже —
изначальный посыл неприемлем,
мир под нас не заточен никем,
но особый твой месседж не дремлет —
что-то вертится на языке,
чуть горчит, будто корень имбирный,
забирает щенячьей тоской,
а потом прирастает — сибирью,
ниагарой, судьбой, лепестком...
Из пелёнок, сомнений, простуды
вырываешься на полчаса,
на просторах нетяпанной тундры
разведёшь полыхающий сад.

* * *

«Я тебя отпускаю»...
На самое дно?
Как из лодки младенца —
пусть учится плавать.
Или учится плакать —
не всё ли равно,
как взрослеть?

Так и ты, нахлебавшись по праву
молока и просоленной горькой воды
шепчешь скованным ртом —
«Далеко ль до беды?»
Ну и что? Ты ведь тоже рождён от любви —
Не цепляйся за лодку! Плыви!

Никого не зови — не спасут.
В этом суть.
Ни одной безопасной тропинки в лесу,
безобидной травинки в лесу ни одной —
но когда золотой колокольной стеной
встанет клён, и легко задрожат на весу
сотни пальчиков-листьев —
забудешь спросить,
справедливо ль настроены эти весы...

Это только свобода, речная вода
без пути и следа.

НАТАЛЬЯ ПЕРОВА,
Набережные Челны

ЖУРАВЛИНАЯ СКАЗКА

Журавину-клюковку на болото брать
На рассвете сладилась вся девичья рать.

Руки, ох, проворные, ягод в неогляд...
Туески наполненны рядышком стоят.

Притомились девушки, да пора и в путь,
На сухом кочкарнике сели отдохнуть.

Про любовь, как водится, песню завели.
Из-за леса выплыли в небе журавли.

Ближе, ближе серые... Что-то всё кричат...
Вот сейчас опустятся прямо на девчат!

Испугались девушки, туюски-то — хватъ
И к просёлку ближнему бросились бежать.

Да остался Настенькин, брошен на кусток,
Синего узорочья шёлковый платок.

Спохватившись, жалилась о платке до слёз,
Что отец для дочери с ярмарки привёз...

На калитке звякнуло медное кольцо —
Встретить гостя Настенька вышла на крыльцо.

Статный добрый молодец перед ней стоит,
На неё, смущённую, ласково глядит.

Надо лбом пружинится русский завиток.
Подаёт с улыбкою Настенькин платок.

Уж как рада девушка, да и парень ей
С каждою минутою кажется милей.

Только он особенный: в избу не идёт,
А в саду под яблоней разговор ведёт.

Долго не рассиживал, мол, назад пора.
Провожать не надо, мол, далее двора...

Только не послушалась: манит тайны свет,
Приоткрыв калиточку, выглянула вслед.

Вот он у околицы... Повернул в луга...
Ах! Не подвернулась ли у него нога!?

Или, может, выронил, что было при нём —
Чуть присел и... в небо взмыл серым журавлём.

Не шелохнет сиверко... Настя замерла...
Медленно истаяли в небе два крыла.

Соскользнувши облачком, тихо лёг у ног
Синего узорочья шёлковый платок...

ТАЙНА

Как объяснить мне Вам, не знаю,
Что часто вижу Вас во сне
За дождевою шторой мая,
Когда грохочет гимн весне.

Что слышу Вас в роптанье сосен,
В миноре юркого ключа...
Иль это образ Ваш забросил
Мне в душу ангел Ваш с плеча?

Когда-нибудь стихотворенье
Из этой тайной кладовой
Взметнётся вдруг отдохновеньем
От той напасти огневой.

Листок Вам, как бы между прочим,
Подам, не подымая глаз,
И Вы прочтёте между строчек,
Что каждая из них — для Вас...

ГОРТЕНЗИЯ НИКИТИНА,
Казань

* * *

Начало жизни — где-то вдалеке.
Все ближе, ближе окончанье жизни...
Как холодны, как быстры воды Жиздры,
реки в Козельске, малом городке.
Вода прозрачна, будто бы — мелка;
на дне мерцает каждый круглый камень...
Но потянись за камешком руками —
вглубь увлечёт коварная река!
Урок обмана, мудрости урок
мне в детстве эта речка преподала.
Но... сколько я со дна достать пыталась,
науку эту не усвоив впрок...
Теперь пора предостеречь мне дочь,
глядящую во глубь на светлый камень.
Но я опять, опять тянусь руками,
Не в силах искушенье превозмочь!..

АНАСТАСИЯ ВАСИЛЬЕВА,
Москва

* * *

Танцуй, моя Айседора! Не плачь!
Сколько поэтов любила ты?
Пусть поболит, не поможет врач.
Бежим, пока сведены мосты.

Сколько ты в танце свела с ума?
Смеясь, невзначай проливали спирт.

Ты — гордая, делала всё сама.
Уходила из дома, пока он спит.

Танцуй, моя милая, для других.
Однажды любовь превратится в прах.
Поэты сжигают дурацкий стих,
Ведь быть нелюбимым для них — страх.

Танцуй, моя Айседора! Пусть!
Затянется мёртвым узлом петля.
Поэты умеют прогнать грусть.
Уходят закат провожать в поля.

Танцуй, моя Айседора! Вновь!
У счастья всегда есть свои враги.
Захаркали кровью мою любовь.
Друзья за меня отдадут долги.

Танцуй, моя Айседора! Не плачь!
Сколько поэтов любила ты?
Пусть поболит, не поможет врач.
Бежим, пока сведены мосты...

ВАЛЕНТИНА ЗИКЕЕВА,
Казань

РАКУШКИ

Морской прибой мои ласкает ноги,
Шумит волной и просит не спешить.
Когда ещё сведут сюда дороги,
Которыми приходится кружить?
Выбрасывает под ноги ракушки
На память о заморском декабре,
Чтобы смешные эти погремушки
Воспоминанием потом служили мне
О тёплом крае, где смеётся лето
Весёлою девчонкой круглый год,
Которое не хочет знать, что где-то
От холода, ветров и непогод
Зимой вьюжной греется Россия
У печки, у камина, камелька.

Как в инее леса её красивы!
Как подо льдами прячется река...
И как однажды утром у оконца
Зажмурюсь вдруг от яркого огня —
Сквозь иней, сквозь стекло струится солнце,
Пронизывая стрелами меня...
Лежат на подоконнике ракушки —
В них лето, солнце, море и прибой,
И озорные рыжие веснушки,
Зачем-то так любимые тобой...

ЗАКЛАДКА

Лист осенний жёлтой брошкой
Воротник украсил мой.
Пофоршу я с ним немножко,
А потом вернусь домой,
Положу в блокнот — закладкой,
Где стихи мои живут.
Станет листик гладкий-гладкий.
Ты найдёшь его вот тут —
Между чистой страницей
И исчерканным листом.
Был он бабочкой и птицей,
Стал... закладкою потом.

ОЛЬГА ФИЛИСТОВА,
Набережные Челны

ЧЁРНАЯ КОШКА

Перехожу дорогу Вам.
Вот чёрный плащ.
Я — кошка чёрная.
Не бойтесь — самая покорная,
Ходящая по головам.

Я повторяюсь всякий раз,
Как милый давний сон упрямый,
Который мягкими шагами
Преследует бездумно Вас.

По Вашим золотым бровям
Пойму вдруг — Вам я посвящённая.
Ведь я священной кошкой чёрною
Перехожу дорогу Вам.

* * *

Уходит солнце из груди
Седого неба.
Восходят звёзды из глубин
Чужого взгляда.
Да отсечёт
Последний вздох
Любовь от бреда,—
И я умру среди цветов
Чужого сада!..

* * *

Голосом осени,
Тихим, усталым
Небо вечернее
Звёзды считало,
Чтобы не досчитаться
Одной —
В бездну упавшую
Вместе с тобой.

НЕБЕСНАЯ МАНСАРДА

Воровала любовь.
Сочиняла романсы.
И глядела сквозь тюль
В перекосящую крыш,
Где — над самой из них! —
На Небесной Мансарде
Ты живёшь,
Ты живёшь,
Только мне
Не велишь.

БЛАГОСЛОВЕННАЯ БОГОМ

Так Елабугу именовали уже не единожды. И действительно, глядя с древнего городища на необъятные дали, вобравшие в себя синеву рек и озер, разнотравье лугов, вечнозеленые шишкинские леса, панораму старинного города с тремя белыми, словно лебеди, церквями, невозможно удержаться от благодарности Творцу. Приезжие нередко говорят елабужанам: «Вы счастливые люди, вы живёте в таком красивом городе!»

Когда-то вскоре после революции, из-за вооружённого сопротивления, оказанного местными жителями новой власти, Елабугу внесли в «чёрные» списки городов, на развитии которых был поставлен крест. Здесь запрещалось вести масштабное новое строительство. Но именно благодаря этому городу на многие годы удалось сохранить свой патриархальный облик. А создание в начале 90-х годов Елабужского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника уберегло основную территорию исторической части от разрушения и новой застройки.

Но всё же город менялся. Особенно заметным это стало в преддверии празднования 1000-летия Елабуги. И не случайно, когда в конце 2005 года в нашей семье появился первый цифровой фотоаппарат, мы начали с того, что стали проводить тотальную съёмку городских улиц. Очень хотелось, чтобы знакомый с детства облик домов сохранился хотя бы на фотографиях. Это занятие оказалось на редкость увлекательным. Елабуга, её окрестности, обитатели, памятники, музеи и другие достопримечательности — поистине неисчерпаемый кладёз для фотосъёмок, которые можно вести в течение круглого года.

За минувшие годы у нас накопился огромный фотоархив, насчитывающий десятки тысяч снимков. Некоторые из них помещены на этой цветной вклейке.

Кроме того, в 2011 году мы создали сайт *elabuga-foto.ru*, целиком посвящённый фотографиям Елабуги и её окрестностей, на котором желающие могут познакомиться с нашими работами в значительно большем объеме.

Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ

Алексей Куклин

Людмила Пахомова

Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ

Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ

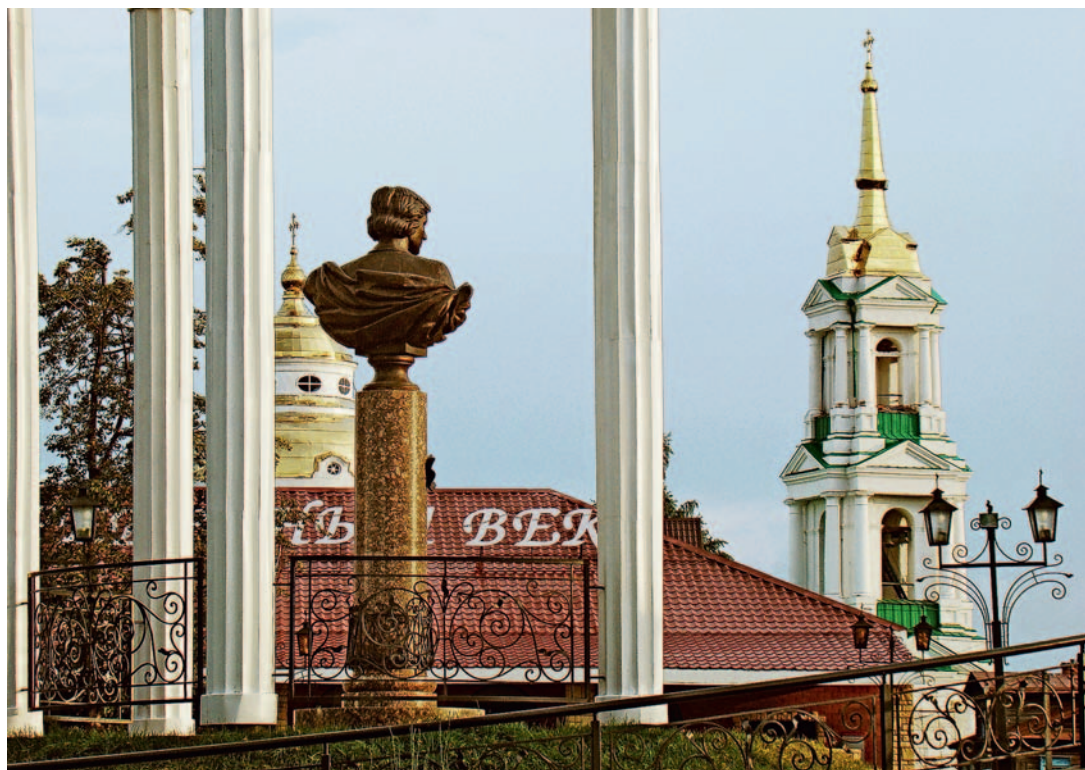
Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ

Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ

Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ

Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ

ОПЕРА, КАК СУДЬБА

Народная артистка России и Татарстана, лауреат Государственной премии РТ имени Г. Тукая, заведующая кафедрой сольного пения Казанской консерватории, профессор, член Общественной палаты РТ Зила Сунгатуллина — одна из самых блистательных оперных певиц, на счету которой около сорока самых сложных и эффектных оперных партий.

Я предложил Зиле Сунгатуллиной поговорить о жизни, о проблемах, которые возникают на пути творческого человека, о современном оперном театре. Она пригласила меня в свой класс, где занимается со студентами Казанской консерватории, предложила чаю.

— Зила, несмотря на то, что я тебя давно знаю, немного, конечно же, волнуюсь... извини, что начну наш разговор с банального вопроса. С чего начался любовный роман с оперной сценой? Как случилось, что ты стала заниматься элитарным музыкальным искусством?

— Как ни крути, всё начинается с семьи. Первые шаги ребёнка, первые слова, первое знакомство с музыкой. Семья — основа всего, и, конечно же, фундамент личности закладывается в семье. У нас дома всегда звучала музыка. Папа играл на баяне, мама на мандолине, бабушка играла на скрипке, дедушка прекрасно пел. Семья была музыкальная, у всех без исключения был хороший слух. Папа устраивал музыкальные вечера, к которым все старательно готовились, разучивали песни, музицировали. На эти вечера приглашали иногда гостей, которые тоже подпевали. Несмотря на то, что папа был следователем, что, казалось бы, не очень располагало к музицированию, он очень любил музыку, классическую в том числе, и вообще был неравнодушен к искусствам. Я очень благодарна отцу, именно он определил мою дальнейшую творческую судьбу, с детства прививая мне любовь к прекрасному.

Я начала петь, по-моему, раньше, чем начала говорить. Родители сходили с ума от этого — я пела с утра и до вечера. Толстый песенник, который начинался с гимна СССР, я запела до дыр. Гимн звучал в устах ребёнка, как детская песня. Много песен я заучила по радио, благо, старенький радиоприёмник «Рекорд» звучал в квартире у нас постоянно и всегда был настроен на радиостанцию «Маяк», где транслировалась музыка. Папа часто просил меня спеть для гостей, но я стеснялась — и пела громко за дверью, воображая себе, что пою по радио.

У нас была многодетная семья: пятеро детей. Когда папа тяжело заболел, меня отдали в музыкальную школу в пятнадцати километрах от нашей деревни. Отец научил меня чи-

тать ноты. В том интернате я уже серьёзно стала заниматься музыкой с преподавателями. Училась петь в ансамбле, в квартете и дуэтом, а если требовалась солистка — всегда звали меня. Через год отец умер. Он оставил мне записку-завещание, хотел, чтобы после школы я поступила в музыкальное училище и не сворачивала с выбранного пути.

На вокальное отделение в музыкальное училище брали тогда только с 18 лет, а мне было пятнадцать, и я поступила на отделение хорового дирижирования. И потом всегда благодарю судьбу, что произошло именно так, а не иначе. Вокалисты знают: поступая без музыкального образования в училище, они резко отстают от других студентов в теоретической подготовке. А тут я получила хорошую школу. К тому же преподаватели видели мои вокальные данные и разрешили заниматься дополнительно сольным пением. Так что я закончила музыкальное училище не только дирижёром хора, но и полноценной вокалисткой.

— Согласен, в начале пути очень важно встретить человека, который подержит тебя, даст правильный совет и направление на дальнейшем жизненном пути в искусстве... Многим этого не хватает.

— Да, мне в жизни очень везло на замечательных людей, которые помогали. Таким был мой отец, таким был, казалось бы, совсем незаметный учитель географии, который почему-то на уроках ставил классическую музыку и выключал свет, чтобы мы слушали эту музыку в темноте. Все сидели тихо, и таинство великой музыки проникало в нас. Это на всю жизнь запомнилось. Необыкновенным человеком была и моя преподавательница по вокалу в консерватории — Валентина Лазько. Без помощи и дружеского совета таких людей, какими для меня стали потрясающий дирижёр Натан Григорьевич Рахлин, режиссёр нашего театра знаменитый Нияз Курамшевич Даутов, дирижёр, недавно ушедший от нас, — Фуат Мансуров, профессор Семён Казачков и, конечно же, ректор Казанской консерватории Рубин Абдуллин, а также многие другие, мне было бы трудно в этой жизни. Я счастлива, что встретила их на своём жизненном пути.

— Конечно же, легче определиться в жизни тем людям, которым, кажется, самим Богом с детства определено их предназначение... Но детство заканчивается, человек начинает жить и действовать уже осознанно. Высшее учебное заведение предполагает уже взрослое отношение к искусству.

— Да, я приехала поступать в Казань и встретила преграду... В училище поступала слишком молодой, а в консерваторию опоздала на приём. Экзамены уже закончились, места распределены. Меня всё же прослушали и посоветовали приехать на следующий год. Возвращаться было обидно. Подумав, подала документы в пединститут на музыкальный факультет. Там меня с радостью взяли. Но всё же я решила добиться поступления в консерваторию. Набравшись смелости, прослушалась у другого преподавателя консерватории, которой голос мой понравился, и она решила показать меня ректору Жиганову. Как потом я узнала, Назиб Гаязович любил вокалистов и всячески им покровительствовал. Он собрал всех преподавателей консерватории, и я пела им программу, которую готовила для поступления. Я видела, что ему нравится. Но Жиганов не дал допеть до конца, вдруг остановил меня и сказал: «Это, конечно, всё хорошо, но ты маленькая для оперы». Я от растерянности выпалила: «Так и вы не слишком-то высокого роста». Все рассмеялись. И первым сам Жиганов, видимо, ему приглянулась пигалица с характером, которой уже отказали, но она всё же добилась нового прослушивания. «Ладно, если сможешь забрать документы с музфака, — решил ректор, — возьмём тебя в консерваторию...» Мне пришлось проявить чудеса изобретательности, даже пойти на обман, чтобы забрать документы из пединститута. Но в консерватории меня ждало ещё одно испытание. Каждый солист знает, как это важно — распределение к преподавателю по вокалу. Меня хотели взять к себе уважаемые в консерватории преподавате-

ли, но по совету моего училищного педагога я, набравшись духа, заявила, что буду учиться только у Лазько. Мне сказали, что у Валентины Андреевны мест уже нет, предложили на выбор фамилии других преподавателей. Обнаглев окончательно, я продолжала настаивать: буду учиться только у Лазько, иначе можете не брать меня в консерваторию! И представь, меня зачислили в класс Валентины Андреевны, переведя ученицу из её класса к другому преподавателю. Та певица потом всю жизнь держала на меня зуб.

— **Зиля, а почему именно Казань, а не Москва или Петербург? С твоим-то пробивным характером...**

— С детства бабушка много нам рассказывала о Казани, где они с дедушкой учились, где познакомились, а потом уехали в Башкирию работать учителями. Мой дедушка был лично знаком с Габдуллой Тукаем, стихи которого бабушка потом читала по-татарски, а сама почему-то плакала... Я тогда ещё не знала, кто такой Тукай и что он значит для татар, и думала, что эни просто плачет, вспоминая свою молодость. И Казань мне представлялась чем-то прекрасным, необыкновенным... А сегодня я горда тем, что ношу высокое звание — лауреата Государственной премии имени Тукая! И очень этим дорожу, ведь это как бы замкнуло круг дружбы моего дедушки с великим поэтом. Сейчас я понимаю, насколько мир тесен, как всё в жизни взаимосвязано, в этом есть что-то мистическое, определённое нам свыше.

— **А в Башкирии ваша семья жила в башкирской деревне или в татарской?**

— Мы жили в татарской деревне, но диалект, конечно, отличался от казанского. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы говорить и петь на чистом татарском языке, чтобы моим недоброжелателям не за что было зацепиться. А их, когда дело касается конкуренции в творчестве, у любого хватает.

— **Итак, обучение позади. Как давались первые шаги на оперной сцене?**

— Мне повезло, в консерватории я училась у великого педагога, делала большие успехи и после консерватории попала в стажёрскую группу театра имени М. Джалиля. Моим дебютом стала партия Адины в опере Доницетти «Любовный напиток». Я встретила дружескую поддержку многих людей в творческом коллективе, например, очень благодарна артистам хора и оркестрантам, которые подбадривали меня и словом, и делом, всячески поддерживая вчерашнюю студентку.

— **А какая партия стала самой любимой?**

— Ты знаешь, Богом оперы является гениальный итальянский композитор Верди, для вокалиста все партии его божественных опер будут особыми. Если же говорить лично обо мне, то моя любимая партия — та, над которой я в данный момент работаю. Я отдаю новой партии всю себя без остатка — и по-другому не могу.

— **Многие слышаны о жестоком мире театра, а у тебя — всё так гладко началось... Думаю, читателям будет тоже интересно, если ты немного приоткроешь таинственный мир кулис. Там действительно водятся призраки предательства и интриг?**

— Пусть читатель представит ситуацию, когда на партию Травиаты назначены семь исполнительниц. И каждая мечтает быть первой, каждая считает себя лучшей, ни на кого не похожей. И при этом каждой выделяют определённое количество репетиций. Что греха таить, твои соперницы, конечно, хотят твоего провала... Правда, на радость конкуренткам, я не очень-то любила репетировать, чем удивляла даже такого великого режиссёра, как Нияз Курамшевич Даутов. С лёгкостью отдавала свои репетиции соперницам, а сама в это время тихо сидела в сторонке и вживалась в роль, порой плача или счастливо смеясь, сопереживая своей героине, влезая в её кожу, в её сущность. И умирая вместе с героиней...

— Странно, отступая в борьбе с конкурентками, тем не менее, ты стала прямой оперного театра! Кто научил тебя такой военной тактике?

— Жизнь сама всё расставляет по местам. Главное — талант. Своим ученикам я часто повторяю: если хочешь быть по-настоящему творческой личностью, достичь определённых высот в оперном искусстве, вырабатывай характер, несгибаемую волю, имей крепкие нервы и бесконечное терпение.

**— В современной России многие музыканты вынуждены или уезжать за границу, или вообще менять профиль. Как молодым мириться с не востребо-
ванностью?**

— В Казани, например, не хватает, как воздуха, ещё одного музыкального театра, который мог бы стать отдушиной для молодых выпускников консерватории, где они могли бы реализовывать свои способности и свои таланты. Наш театр оперы и балета имени М. Джалиля сегодня превратился в некую музыкальную фабрику, где штампуют спектакли с приглашёнными чужаками... для зарубежного проката. От руководства требуют зарабатывать деньги, больше денег. Хотя всегда и все правители знали, что классическое искусство никогда не будет рентабельным, в него вкладывают средства, и немалые. Это вклад в будущее поколения, в будущее своей страны.

— Опера у людей ассоциируется с роскошью, богатством, помпезностью... Как это соотносится с реальной жизнью?

— Хочу рассказать только один эпизод из моей жизни, и читатель всё поймёт... После очередной премьеры, опустошённая и разгорячённая, с охапкой цветов от благодарных зрителей, уже являясь примой оперного театра со всеми званиями и регалиями, я зимой возвращалась после спектакля домой. И стояла, и мёрзла, ожидая троллейбуса вместе со своими зрителями... В это трудно поверить, но это так. С одной стороны — богатство и позолота театра. С другой — артисты, которым платят гроши, даже самым талантливым. Таковы реалии жизни многих людей искусства в России, которые вынуждены заниматься творчеством в таких условиях... Только любовь к искусству удерживает их не изменять самим себе, не заниматься более оплачиваемой и престижной работой.

— Многие нынешние выпускники смотрят на Запад, где сегодня больше возможностей, где опера общепризнанна, а талант всеми уважаем. В связи с этим, как ты считаешь, стремление молодых оправданно? Действительно, легче добиться успеха за границей?

— Конечно, очень трудно отрывать от собственных корней, уезжать без знания языка... Но когда в нашей собственной стране сформировались такие условия, что молодым лучше ехать работать за границу, то я их понимаю. Тем более, прославившись за границей, многие вокалисты возвращаются сюда на «белом коне». Здесь их просто не замечали, да и не нужны они здесь были, видно, верно говорят: «Нет пророка в своём отечестве». Нет у нас системы, которая бы по-настоящему оценивала молодые дарования, создавала бы для них условия. Анна Нетребко, Дмитрий Хворостовский, да и наша, к примеру, Альбина Шагимуратова, заявили о себе прежде всего за границей и прославились там.

— **Альбина ведь училась в консерватории у тебя? Кого ещё из своих учеников ты могла бы назвать?**

— За тридцать лет педагогической деятельности выпущены в творческую жизнь более сорока выпускников. Но всё же мою любимицу могу назвать, это Лиля Губайдуллина, лауреат международных конкурсов, сейчас она живёт в Вильнюсе, поёт по договору в оперном театре, недавно получила титул «Золотой голос Литвы» и стала очень востребованной певицей. А мой ученик Максим Аксёнов — солист Мариинского театра в Санкт-Петербурге. Заслуженные артисты РТ Айдар Габдинов, Гульшат Иمامиева и Филус Кагиров, несмотря на свою молодость, стали известными и популярными у нас в республике. В Чебоксарах поют Людмила Яковлева и народная артистка Чувашии Галина Пуклакова. Наталья Макеева — ведущая солистка в оперном театре Екатеринбурга. И, конечно же, Альбина Шагимуратова, которая училась у меня, а потом продолжила обучение в Москве, а с этого учебного года преподаёт у нас в консерватории.

— **Неформат и рейтинг — эти понятия стали ключевыми в зарабатывании денег любым путём... в ущерб возвышенному и прекрасному?**

— Если в стране царствует «попса», значит, таков уровень общества и его руководителей. То, что мы видим на экране телевизоров — это вкусы нашей элиты. Разве можно сравнивать талантливого оперного исполнителя, который отдал этому искусству всю жизнь и в которого вложили столько труда, с какой-нибудь эстрадной певичкой, у которой других достоинств, кроме красивых ног, нет! Приоритеты сдвинуты, прежде всего, у тех, кто по должности должен понимать, какие это несоизмеримые величины. В жизни всё наоборот. Поэтому певцы так называемого русского шансона зарабатывают миллионы, а где ты видел в России оперного певца или певицу — обладательницу миллионов? Вот так и живём!

— **Как ты настраиваешься перед спектаклем? Придерживаешься ли каких-либо ограничений, чтобы поддерживать вокальную форму?**

— Действительно, артисту, как и профессиональным спортсменам, чтобы показывать определённый уровень, нужны особые диеты, правильный и здоровый сон. И никаких стирок белья! Вдыхание стиральных порошков неприемлемо для связок. И ещё — никакого насилия над голосом. Выступление на сцене — серьёзный, ответственный шаг, который не терпит провалов, особенно в начале оперной карьеры.

— **Чем крупнее талант артиста, чем он тоньше и глубже в своём творчестве, тем проще в общении и быту. Не так ли?**

— Чем человек высокомерней и напыщенней, чем выше задирает нос, тем больше в нём не хватает, мне кажется, того, чем бы он действительно мог гордиться. Таким поведением, такой манерой человек компенсирует недостаток своего таланта или отсутствие такового, это своеобразный способ защиты, комплекс неполноценности... Ростопович был прост, как правда! И посмотри на какую-нибудь заезжую эстрадную диву: кроме кичливости, зазнайства, высокомерия там ничего нет. Телохранители придают ей исключительность... Блеском и глянцем на самом деле прикрывают пустоту.

— **Пожалуй, классическая опера — самое консервативное искусство, как принято считать, музейное... В драматическом театре ещё во времена Станиславского произошла «мировая революция», режиссёр стал главенствовать. Но теперь и в оперном театре на первое место вышел режиссёр со своим видением спектакля, а дирижёр переместился как бы на второе место...**

— Это не должно превращаться в издевательство над мировыми шедеврами, как это сделал, к примеру, Дмитрий Черняков с оперой «Евгений Онегин», после которой Галина Вишневская заявила, что больше ноги её не будет в Большом театре! И вот недавно прошла ещё одна премьера Д. Чернякова — действие оперы «Руслан и Людмила»

Римского-Корсакова режиссёр перенёс в бордель, по только что открывшейся после длительного ремонта исторической сцене Большого театра бегают голые девицы. И снова, как и пять лет назад, из зала кричат: «Позор!» Вот таких экспериментов, такой режиссуры не хотелось бы видеть в оперном театре. Отчего такое возможно? Может быть, в мире театра и оперы произошли какие-то изменения, но я думаю, что здесь другая проблема: ни дирижёр, ни режиссёр главными сейчас в театре не являются. Главным сейчас в театре является директор, администратор, чиновник. Что само по себе очень прискорбно для нашего искусства. Зачастую некомпетентные люди, пришедшие на волне бездумных реформ, решают, кто будет дирижировать, кто будет режиссёром. Они же прослушивают вокалистов и судят, кто из певцов будет петь главные партии, а кто нет.

— **Очевидно, с этим было связано твоё отлучение от сцены? Я много слышал об этом конфликте с директором театра. Сейчас есть возможность услышать это из первых уст. Так в чём было дело? Опять характер?**

— В принципе профессия артиста очень зависима. Я могла бы промолчать и обиду зажать внутри, снести всё молча, как обычно и происходит. Но на этот раз сдержаться просто не смогла. Претензии ко мне были надуманы, и моей вины в том конфликте не было. Мне объявили строгий выговор за прогул. Моё отсутствие на работе объяснялось тем, что Кабинет министров республики пригласил меня представлять культуру Татарстана за рубежом. Дело дошло до суда, процесс я выиграла... Всё это было неприятно, но иначе я поступить не могла. Условия работы в театре стали почти невыносимыми — десять лет, в самом расцвете творческих сил, я оказалась не у дел, на сцену выходила совсем мало. Ходила в театр, получала зарплату, но работать мне не давали! Моим спасением стала консерватория и поддержка ректора Рубина Абдуллина. Моя концертная деятельность стала более активной. И я сказала себе: «Всё, что ни делается — к лучшему!»

— **Как сегодня ты расцениваешь наш оперный театр?**

— Вот недавний пример — премьера оперы «Джалиль» на сцене нашего театра, который носит имя поэта-героя. На мой взгляд, в погоне за зрелищностью и эффективностью в ней как-то потерялся... сам Муса Джалиль. Пропали его героизм, любовь к Родине, пропали те движущие силы, которые героя делают героем. Главный герой оказался схематичным, я бы сказала, слишком серым и истеричным. Это какая-то общероссийская тенденция — принизить роль народа, роль страны в её героической победе над фашизмом? Иногда даже ставят СССР и фашистскую Германию на одну историческую доску, мол, две державы, две тирании почти ничем не отличались друг от друга... Мне непонятно, зачем всё это. Обидно...

— **Тогда давай отойдём немного от серьёзных тем. Зияя, скажи, в премьерном спектакле, где ты исполняешь главную партию, каковы энергозатраты?**

— Певец за спектакль теряет около двух килограммов веса. Как футболист за матч.

— **А как же тогда миф о том, что все героини в оперном театре такие толстые?**

— Мне кажется, надо просто меньше есть. Не поверишь, я сама видела, как прямо во время спектакля партнёры употребляли немалое количество пищи. А я даже после спектакля этого не могла себе позволить. Только отлучение от моих ролей, о котором мы говорили, сыграло свою роль — за время десятилетней опалы я набрала немного лишнего веса...

Беседовал Мнир СОКОЛОВ, лауреат международного конкурса, заслуженный артист РФ, народный артист РТ.

САМАЯ АРИСТОКРАТИЧЕСКАЯ ФОРМА ЖИЗНИ

Есть ли будущее у семьи? Или человечество, пережившее научно-техническую, информационную и сексуальную революции, впредь намерено устраиваться как-то иначе? В мире, где закон допускает и признаёт однополые браки (а дело идёт к этому), понятие семьи теряет своё историческое значение. Предпосылки к тому накапливались веками. Что роднит все великие утопии, так это необъяснимая и неискоренимая ненависть к семейной жизни. Будь то «Государство» Платона, будь то «Город Солнца» Кампанеллы, да и собственно «Утопия» Томаса Мора, — везде коммунальность представляется как решительный отказ от семейственности. Так что наш Чернышевский, в своих мечтах и снах Веры Павловны загнавший новых людей в хрустальные бараки, вёл своих последователей по проторённой дорожке. Но — благие намерения ведут в ад.

Что-то есть во всех этих проектах изначально ущербное, — проекция собственных комплексов неполноценности на общество в целом. Кажется, что критику традиционного уклада развивали нелюбимые дети, выросшие в несчастных семьях. Так заезженный бытом мужик передаёт свой жизненный опыт сыну: вот когда вырастешь и женишься — тогда поймёшь, что такое счастье... но будет уже поздно.

Видимо, для такой радикальной критики есть реальные основания. Институт семьи в новое время переживает системный кризис. Этому кризису посвящено неисчислимое множество научных исследований и подавляющее большинство художественных произведений. Весь современный фольклор (в вырожденном жанре анекдота) третирует семью как сферу несогласия и нестроения. Муж пьёт направо и налево, дети испорчены едва ли не от рождения, про тещу и говорить нечего... Смешно — до слёз! Согласимся, что семейная жизнь не сахар; так ведь жизнь вообще не мёд. Конечно, время от времени надо выносить сор из избы, но нельзя же с грязной водой выплёскивать и ребёнка. Даже если этот ребёнок — Вовочка...

Не с нас началось... С Петра Великого жизнь на Руси меняется на новый лад. Старинный регламент семейной жизни «Домострой», свод житейского опыта и христианской морали, в живой памяти усох до заглавия, ставшего синонимом для всего косного, реакционного, отжившего. Кто его читал? Кто читл? И православные, и иноверные, и никакие — все жили, как Бог на душу положит. Разрушение семейных основ, начатое циничными просветителями и романтическими идеалистами, завершили

критические реалисты и революционные демократы. Кто суть герои нового времени? — одинокие люди, неудельные и неуживчивые: эгоисты и оригиналы, бунтари и маргиналы, пьяницы и поганцы, психопатки и проститутки. Сколько разрушительной иронии и сатанинской гордости в этой рефлексии лишнего человека! Лишний: не нашедший себе места в собственном доме и нигде не пришедшийся ко двору.

Наша великая классика немало поспособствовала скептическому отношению к традиционному институту семьи. *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему*, — с этого категорического императива начал свой великий роман Лев Толстой. Нет, семейная сага — не наш жанр. Нас куда больше занимают несчастья. Пострадать надо, — внушают передовому человеку новые идеологи. Что ж, с превеликим удовольствием, — откликается передовой человек и охотно цитирует онегинское кредо как своё: *Но я не создан для блаженства...*

Редкие исключения — Аксаков, Лесков, ну и мастера второго ряда — Гончаров, Писемский... кто ещё славил тихие радости простого быта? Раз-два и обчёлся... Да и у них счастливые семейства в большую редкость. Разве что Гоголь единожды удивился и умилился обыкновенному чуду непритязательного счастья... и опять же был трагически не понят: читатели прочли идиллию как издёвку; с тех пор *старосветскими помещиками* властители дум пугали юношей и девушек, начинавших совместную жизнь. Оттого наши доморощенные Филеон и Бавкида судьбы в потомстве не имели. А жаль, жаль...

Пожалуй, единственное (и разительное) отклонение от нормы — это Василий Розанов, юродивый гений, вздорный отщепенец... Розанов буквально боготворил тёмные глубины пола, из которых восходила семейная жизнь, и стремился к освящению физиологии брака. Он любил самое человеческое естество — но странною любовью. Одно его предложение, сделанное публично (насколько всерьёз? трудно сказать...) на Религиозно-философских собраниях (представьте себе!), вызвало взрыв ярости как у консерваторов, так и у либералов. Философ ничтоже сумняшеся предложил расширить обряд заключения брака таким образом, чтобы новобрачные после венчания оставались в церкви на трое (или даже на семеро) суток и тут же, у алтаря, проводили первую брачную ночь — как бы принося в жертву... ну, сами знаете, что. А ещё он писал так: *Семья есть самая аристократическая форма жизни... Да! — при всех несчастьях, ошибках, «случаях» всё-таки это единственная аристократическая форма жизни*. А ему кричали: подлец! циник! А зря. Ведь не для эпатажа нёс Розанов свою мистическую околесицу, — от страха последних дней. Предчувствуя катастрофу...

Революция, разрушая основы сословного государства, одновременно разрушала семейный уклад. Хрупкая скорлупа социального яйца не выдержала давления событий. И поднялся сын на отца, и восстал брат на брата... Начальная пора того героического времени полнится слухами о предстоящем обобществлении женщин. Дескать, вот-вот выйдет Декрет о праве граждан на промискуитет и обязанности гражданок исполнять половую повинность по удовлетворению естественных потребностей трудящихся. В одной из публикаций по истории гражданской войны я нашёл ссылку на постановление самарского городского совета, утверждающее в рабочем порядке победу сексуальной революции; правда, комментатор выражал сомнение в подлинности документа.

Строительство социализма сопровождалось ускоренным искоренением пережитков прошлого. В пролетарском государстве аристократическая форма жизни подверглась репрессиям. Семантика семьи в идеологической борьбе сознательно и целенаправленно дискредитировалась, наполнялась негативными коннотациями, набивалась всяким отжившим мещанским мусором. Что у нас в проклятом прошлом? — пошлые канарейки и котики с бантиками, герань на окнах и самовары на столах, душные перины и кружевные накидки, затхлый дух и смертная скука... То ли дело — коммунальное жильё!

Дом-фабрика. Всё общее и ничего лишнего. Никто никому не сват, не брат — все друг другу товарищи. Честь — по труду, продукты — по карточкам, а в гости к сознательному товарищу в юбке, которая без буржуазных предрассудков — так в очередь. Уже хорошо, а будет ещё лучше! Ну, кому довелось жить в городских коммуналках и бараках окраин, тот знает, что из этого коммунистического рая вышло...

А что на селе? Гражданская война разорвала в клочья деревню; коллективизация разобщила семью. Пионер Павлик Морозов, заложивший родного отца, — вот тот иуда, впустивший врага в избу, в последний оплот сельского мира. Деморализованные крестьяне, уязвлённые в самое сердце изменой детей, толпами сдавались в колхоз.

Однако дискредитация семейных ценностей имела прямым следствием инфляцию нравственных ценностей общества в целом. Наверху решили принять меры. Престарелые вожди, уже не подверженные плотским соблазнам, внесли соответствующие положения в моральный кодекс строителя коммунизма. Под руководством партии бдительная общественность стала на страже супружеского ложа. Отныне каждый семейный скандал мог стать трагифарсом. От комсомольской свадьбы до партийного взыскания один неверный шаг... Идеологическая опека интимной сферы, понятно, не прибавила институту семьи ни крепости, ни привлекательности. В советском обиходе «семейное» означало нечто сентиментальное, старомодное, скучное. И отчасти комичное. Что припоминается в связи с этим? Семейные труссы: такие смешные сатиновые подштанники до колен. Мыло «семейное» — тяжёлый неуклюжий брусок с невыразительным запахом.

В пореформенное время слово наполнилось из потока жизни новым смыслом: «семья» в эпоху Ельцина — правящий клан. Полный абзац... С этим надо что-то делать.

Кажется, государство осознало необходимость укрепления своего социального фундамента. Слово «народ» в политической риторике освобождается от пустой пафосности и постепенно обретает прямой демографический смысл. В подтверждение своих честных намерений правительство объявило 2008 год *Годом семьи*. Хорошее начало. Но будут ли государственные мужи упорны в своих намерениях... Жизнь покажет.

Что можно вывести в качестве морали к теме? В жизни, как нас учили, всегда есть место подвигу. Если так, то *героическое* в наши дни то, что прежде считалось за *обыкновенное*. Сколько нужно упорства и мужества, чтобы в нашем насквозь искусственном мире жить естественно! Истинно благородные люди не выправляют себе филькиных дворянских грамот, а воспитывают детей порядочными людьми на собственном примере. А всякая гламурная сволочь, что считает себя сливками общества, на самом деле — грязная пена. Настоящая элита из поколения в поколение передаёт ум, честь и совесть по генетическому коду, хранящемуся от порчи в семейном укладе — аристократической форме жизни. Родословие обязывает к наследственному достоинству. А достоинство даёт силу противостоять превратностям судьбы...

Подбирая материал к теме, я вспомнил случайную картинку, виденную прошлым летом. В городском парке на скамейке сидела молодая женщина и читала «Сагу о Форсайтах», возле её ног очень серьёзный карапуз рисовал страшную собаку (возможно — льва), чуть дальше девочка чуть старше путалась в скакалке, а солидный отец семейства, ещё вчера — сам мальчишка, в двух руках нёс им газировку и мороженое... Глядя на это милое семейство, я как-то успокоился насчёт будущего России. Всего-то и заботы у властей, что оградить их дом от нужды и печали. Или у государства есть какой другой интерес, помимо нашего благополучия? Быть того не может...

ОЛЬГА ТРИФОНОВА

ПАЛАДИН ИЗ БЕРЛИНА

*«Паладин – доблестный рыцарь,
преданный своему государю или даме».
Энциклопедический словарь.*

В одном из рассказов Юрия Трифонова герой говорит, примерно, так: «Всё ко всему имеет отношение».

Я убеждалась в этом много раз, и особенно, и неожиданно, после моей поездки в Набережные Челны. Жарким летним днём две тысячи десятого года я, как говорится, волею судьбы оказалась в Елабуге. Город сразу пленил и навсегда впечатался в память закамскими далями, зелёными улочками, высоким берегом с останками старинного городища. А главное — музейным комплексом, тем, что я увидела и услышала. Меня — директора маленького московского музея, но всё же побывавшей в лучших музеях мира, увиденное поразило и ошеломило. Но говорить восторженно о комплексе музея «Елабужский заповедник» стало среди повидавших его общим местом, поэтому тем и ограничусь.

Я даже запланировала на следующее лето поехать на пароходу в Елабугу вместе со своей подругой — директором одного из музеев Гамбурга. Но тут случилась «Булгария»...

И светлым образом явившегося мне града Китежа осталась во мне Елабуга.

Но сквозь него брезжило что-то тревожное, что-то страшное даже.

Я пыталась разобраться в этом. Да, конечно, чёрная тень, что падает на слово, связана с уходом Марины Цветаевой. «К самоубийству идут всю жизнь..», — написала она и пришла в Елабугу. Но было и что-то другое, имеющее отношение ко мне лично. Слово «Елабуга» почему-то ассоциировалась раньше с ночью, тёмной водой, тоской, бедой. Дома, в Москве я открыла довольно толстую, зелёного цвета книгу, которую мне подарили в музее. Это была книга о лагере для немецких военнопленных, который существовал в Великую Отечественную в монастыре на высоком берегу в центре города. В книге помещались воспоминания и узников, и тех, кто с узниками общался по разным necessities.

И вдруг вспомнила... Тут нужен подробный рассказ.

Западный Берлин. Середина восьмидесятых прошлого столетия. Ещё разделяет его, как странгуляционная борозда на горле, стена, но он не похож на самоубийцу, наоборот, — что-то в нём есть пьянящее, кружащее голову и отрезвляющее одновременно. Это и роскошные магазины — витрины западного процветания, и необычайное дружелюбие жителей, и жёлто-чёрная доска с названиями концлагерей у выхода из станции Виттенбергплатц, и пограничные вышки по ту сторону стены, лай собак, и замечательно вкусные забегаловки внизу под землёй в вестибюлях метрополитена, и безлюдные станции, которые поезда проезжают, не останавливаясь, и ледяные глаза ГДРовских пограничников на пропускных пунктах Фридрихсштрассе, и влажный туманный Грюневальд с озёрами, навевающими память о Набокове.

На краю этого леса, в зелёном районе вилл Целендорф, недалеко от озера Шляхтензее и самой красивой площади Мексикоплатц, в элегантном особняке с подлинниками Шагала и немецких экспрессионистов жил профессор М.

Профессор М. был знаменитым физиком-ядерщиком и почитателем русской литературы. В частности, Юрия Трифонова, книги которого расходились в Германии большими тиражами. Переводчики боролись за право перевода, телевидение снимало с ним интервью, газеты печатали благожелательные критические разборы. Но всё это было при его жизни, а после его ухода немецкие издатели, зная, что девяносто процентов гонорара забирает себе ВААП (Всесоюзное агентство по авторским правам именно так понимало свои права), издатели предпочитали приглашать меня в Германию. Они оплачивали отели, компенсировали траты на дорогу и давали мне возможность заработать небольшие деньги, устраивая интервью и выступления в библиотеках.

Я сразу и безоговорочно полюбила Берлин.

Вернее я полюбила его раньше через книги Набокова, фильмы Фасбиндера и живопись немецких экспрессионистов.

Я полюбила не только за уют и респектабельность Целендорфа, блеск Курфюрстендамна, матовую зелень Шпрее и её каналов, благолепие Далемдорфа и Острова Музеев, но и за вывороченные внутренности пригородов. Берлин, пожалуй, единственный город, который даёт возможность ощутить и полюбить эстетику уродливого. (См. немецкий экспрессионизм.)

И мне ещё очень-очень повезло: у меня были друзья и в Западной, и в Восточной частях (зонах?) города. Когда я приехала первый раз, в Целендорфе ещё «стояли» американцы, и я, не соображая, садилась в зелёные автобусы американской армии и разъезжала по городу, удивляясь, что не проверяют билеты. А ещё я заходила в лавки для американских солдат (принимая их за магазины) и необычайно дёшево покупала уникальные пластинки.

Первым, кто сказал мне, что садиться в автобусы и заходить в лавки не стоит, был профессор М. Он жил неподалёку от моей подруги и попросил её познакомить его со мной. Моя подруга вела дамский литературный кружок, который посещала и госпожа М. От жены профессор узнал обо мне, что было довольно удивительно, потому что супруги могли не разговаривать месяцами. Об этом мне рассказала подруга. И ещё о том, что у госпожи М. ужасный характер, и однажды в сердцах она разбила дорогой сервиз, очень-очень дорогой. Осколки валялись на полу несколько дней, пока профессор не выдержал и не подмёл их.

И ещё подруга рассказала, что у профессора роман с очень красивой и очень холодной соседкой по дому и участницей всё того же литературного кружка фрау Д. Я видела фрау Д., она была очень красивой и казалась картинкой с обложки журнала «Квелле». Поэтому я с особым интересом разглядывала розовощёкого, высокого

и ширококостного ловеласа. У него была хорошая улыбка и следы юношеской застенчивости, что часто бывает с немецкими мужчинами-интеллектуалами.

А какой он «ловелас», я узнала довольно скоро: профессор М. любил быть влюблённым. Просто влюблённым — с тайными свиданиями, телефонными звонками, подарками, трогательными мимолётными объятиями, где-нибудь у замка Шарлоттенбург или в Ботаническом саду. Стоял тёплый, влажный и туманный ноябрь. Мы часто обедали во второй половине дня в маленьком итальянском ресторанчике возле Мексикоплатц. Я приезжала туда из центра города на Эсбана, а он на машине из института Макса Планка. Он был очень знаменит в своей среде и занимался секретными проблемами, при этом он замечательно знал русскую литературу, а книги Юрия Трифонова мог цитировать наизусть. Он мог часами расспрашивать меня о жизни, о характере моего мужа, и особенно его интересовали совпадения судьбы автора и сюжетов его книг.

О себе не рассказывал, да я и не интересовалась. Во-первых, мне доставляло счастье говорить о Юрии, во-вторых, ну что особенно интересного может быть в судьбе учёного, посвятившего всю жизнь ядерной физике. Пи-мезоны, мю-мезоны, нейтрино... Я узнала только, что у него два сына, тоже учёные, живут в других городах, и мне в голову не пришло, что он на три года старше моего мужа и, следовательно, должен был воевать. Но мы говорили о жизни Юрия, он слушал с жадным интересом и расспрашивал, расспрашивал.

Однажды он предложил встретиться в маленькой галерее. Там продавали среди прочего акварели и рисунки Шагала.

Профессор очень любил рассказ «Посещение Марка Шагала» и, наверное, поэтому предложил: «Выбери себе рисунок или акварель». И добавил с поистине немецкой точностью: «Не дороже пятисот марок». Мне очень понравилось уточнение, но принимать такой дорогой подарок показалось неприличным. Пятьсот марок для меня были большими деньгами, а это, помнится, была минимальная цена.

Он не стал уговаривать, так я и осталась без подлинника Шагала. Впрочем, не могу считать себя его большой поклонницей. Вот если бы это был Кирхнер или Ротлуфф, не говоря о Клее, я горевала бы больше и дольше. А тогда достаточно было радоваться его покупке. Мы разглядывали акварели в нашем любимом ресторане. На картинке было всё, что полагается: петухи, ослики, коровы, часы, летающие люди... «Летающие любовники Шагала — это мы все, кто плавает в синем небе судьбы», — произнёс профессор М. фразу из рассказа Юрия и улыбнулся застенчиво.

Я вышла на углу Клей-аллее, захотелось пройти через маленький парк к дому, где я жила. Профессор жил в пятнадцати минутах ходьбы от меня. Мы нежно поцеловались, и я пошла через влажный, сверкающий каплями на ветках, маленький парк. Слева светилась конечная остановка автобуса, и улица по другую сторону парка, на ней я жила, так и называлась «Буссе-аллее». В третьем доме слева от угла жил когда-то Франц Кафка, но дома того не осталось, только табличка с надписью о Кафке. Вот у этого дома я и увидела высокую фигуру в тёмном свободном пальто. Это был профессор М., и это было одно из самых чистых и нежных расставаний в моей жизни.

Мы бродили по абсолютно пустынным улочкам, вымощенным маленькой искрящейся брусчаткой. И был только один момент, царапнувший по сердцу.

Я, как всякий раз, подумала, что, наверное, брусчатку эту укладывали русские военнопленные. Спросила у профессора, так ли это, он ответил как-то рассеянно: «Наверное, да».

Рассеянность тона кольнула: «Ну да, что интересного в военнопленных. Как всегда, по-немецки честно». Но мы не могли расстаться, зашли в ресторанчик «Паладин» и у стойки выпили по маленькой рюмочке кальвадоса.

«Ну чистый Эрех-Мария Ремарк», — я ещё не отошла от обиды за пленных.

Наверное, поэтому не обратила внимания на то, что, когда договаривались встретиться через день, он сказал, что будет в клинике в Шарлоттенбурге, там возле замка будет ждать меня во столько-то. Так случилось, что он пришёл на час раньше и с удовольствием погулял, но зато был страшно голоден после прогулки, я же, экономившая на одежду и консервы из тунца для сына (в Москве было голодно) питалась едой под названием «штудентен фуд» — очень калорийная смесь фруктов и орехов, а на самом деле была всегда голодна, но, как мне казалось, хорошо скрывала это.

В тот раз он выбрал «Паладин», что было странно. «Паладин» находился на моей улице и совсем близко от его дома тоже. Нас могли увидеть моя подруга или фрау М., посещавшая на соседней улице центр Рудольфа Штайнера. Да, я ещё забыла сказать, что фрау М. рисовала акварели, просто как Шагал. Но подлинники Шагала висели в гостиной, а свои рисунки у неё хватило ума и вкуса повесить вдоль лестницы, ведущей на второй этаж.

В «Паладине» было пусто; мы сели у окна, выходящего в маленький сад. Он долго выбирал вино, не советуясь со мной. Просто однажды я по «Дамскому меню», то есть без цен, выбрала что-то наугад, и он весело сказал: «Ну нет, я не так богат для такого вина». После этого я тоже весело сказала, что абсолютно доверяю его вкусу. На том и сошлись. Итак, тогда он долго выбирал вино, а я заказала свою любимую форель под миндальным соусом.

— Да, всё забываю спросить, любишь ли ты стерлядь? (Эта неопределённость обращения на английском ощущалась мной именно так: он — Вы, я — ты. Всё-таки пятнадцать лет разницы).

— Не знаю, никогда не ела.

— Как!? Это же русская рыба.

— Да, я знаю, но я никогда не ела.

— А я ел. Тухлую.

Я молчала, ошарашенно глядя на него. Прогулка пошла ему на пользу: при свете свечей его лицо было гладким, розовым и почти молодым. Глаза блестели. Юноша, довольный тем, что ошарашил:

— А где Вы ели тухлую стерлядь?

— В России.

— Вы не говорили, что были в России.

— А теперь говорю. Ты знаешь город Елабуга?

— Слышала. Наверное, ужасная дыра. Там в начале войны покончила с собой наша талантливая поэтесса.

— Там многие кончали с собой... в конце войны особенно. Не выдерживали.

— Ничего не понимаю.

— Ты ешь, а я буду рассказывать. Только не перебивай меня.

Ночью сорок третьего года наша баржа, наконец, причалила к берегу. Ночь была черна, а свет прожекторов ослепителен. Нас вывели из трюмов, построили на корме для проверки. Я стоял с краю, как самый длинный. Кстати, из-за роста русские называли меня Фрицем. У них что-то не сходилось, они пересчитывали пленных снова и снова.

Глаза мои привыкли, и я увидел, что рядом какие-то ужасные существа, с чёрными лицами, похожие на медведей, перегружают уголь с другой баржи на берег. Швыряют уголь лопатами, катят тачки и чудовищно матерятся. Мы уже знали мат от конвоиров, но здесь хриплые голоса звучали особенно громко и злобно, и что-то странное

было в их звучании. И вдруг я понял, что это ЖЕНЩИНЫ! И меня охватила смертельная тоска: я понял, что живым мне отсюда не выбраться.

Ведь какой ужасной должна быть страна, в которой такие женщины. Я не знал тогда, что именно благодаря русским женщинам я выживу и спасусь от гибели. В лагере военнопленных мы работали на фабрике, варили клей из костей. Этот клей спасал нас, мы ели его тайком. И ещё мы подкармливали им охрану и конвой. Да-да, они голодали так же, как мы, а, может, больше, потому что делились с семьёй и близкими, а нам делиться было не с кем.

Вот как это делалось. Мы прятали куски клея в брюки или под ватник, и при выходе на контроле их «находила» охрана. Находила и забирала себе, каждый раз предупреждая, что в следующий раз отправят в карцер. Лагерь располагался в бывшем монастыре, и карцеры в нём были в жутких подвалах. Но, конечно, за припрятанные специально шматки клея никого в карцер не сажали, а вот в лагере обыскивали тщательно.

— И всё-таки, — профессор М. вдруг фыркнул по-мальчишески, — и всё-таки, как выяснилось много позже, один офицер сумел припрятать маленький фотоаппарат. Не буду тебя мучить ужасами моей тогдашней жизни, но одну историю должен рассказать. Мне было двадцать, и у меня от антисанитарии и голода начался злокачественный фурункулёз. Ужасные страдания, и опасно для жизни, как я узнал много позже. Но русская женщина-врач понимала это тогда, и во время перевязок совала мне то кусочек дрожжей, то кусочек чёрного хлеба, то кусочек сахара. Сама она была голубой от голода, кожа и кости, но приносила всегда, вот так, по кругу: кусочек дрожжей, кусочек сахара, кусочек чёрного хлеба.

Весной добавила крапиву, а ведь это было очень опасно для неё — подкармливать пленного врага. В ту зиму многие умерли, а я выжил. Да, и самое главное: она освободила меня от лесозаготовок, я всё-таки работал в относительном тепле на фабрике и мог жрать клей...

Этот рассказ и палево-розовый уют ресторана, прекрасные цветущие рододендроны в кадках («Паладин» славился ими) — всё это показалось мне чем-то нереальным: то ли прочитанным, то ли виденным в кино. Почему-то впервые заметила, что у профессора очень ухоженные руки с маникюром. Он отпивал вино из большого бокала и смотрел на меня, улыбаясь.

— А что было дальше?

— Осенью она исчезла, пришла другая врач, она не приносила на перевязки ни хлеба, ни сахара, ни, тем более, дрожжей.

Она называла меня Фриц или Ганс и очень-очень больно вскрывала фурункулы. Извини, это не тема для застолья.

— А что дальше с Вами было?

— В сорок пятом нас выстроили и сказали: кто занимался наукой — два шага вперёд. Меня взяли в армию с третьего курса физического факультета Гейдельбергского университета. Я подумал, что таких отпустят доучиваться, абсолютный идиот был, и сделал два шага вперёд. Сделал два шага и на десять лет отправился делать для вас атомную бомбу. Сначала я работал в научном институте в Сухуми, потом — в Арзамасе, потом в Берлине, в ГДР, потом уже в сегодняшнем Берлине.

Помню, тогда мелькнула мысль: а как можно было в пятьдесят пятом переместиться из Восточного Берлина в Западный? Но спросить не решилась, да и он жестом дал знать официанту, что хочет рассчитаться. Он спокойно, по-немецки, изучил счёт, чуть подумал, прикидывая сумму чаевых, вложил карточку и чаевые в папочку, принесённую официантом, и сказал, улыбаясь:

— Как писал ваш Достоевский: «Знаете ли, я скажу вам секрет: всё это, быть может, было вовсе не сон». А я подумала: «Спрошу в другой раз, как он перебрался из ГДР в ФРГ. Наверное, настоящий детектив, ведь он атомщик». Но другого раза в тот мой приезд не случилось. Мне до отъезда оставалось несколько дней, и все эти дни профессор М. был очень занят. Объяснил, что первую половину дня посвящает, как всегда, работе в институте Макса Планка, а вторую должен посвятить визитам в клинику — небольшие проблемы со здоровьем. На самом деле проблемы были большими, и только потом я догадалась, что в ТОТ день в Шарлоттенбурге ему сообщили страшный диагноз. Зимой он прислал открытку с новогодними пожеланиями, а подруга написала, что у него была тяжёлая операция: удалили одну почку, и фрау М. в трудный момент показала себя с лучшей стороны. Через год мы встретились как добрые старые друзья. Теперь он был влюблён в другую русскую женщину, о чём мне, не без злорадства, сообщила моя немецкая подруга.

Я была знакома с этой женщиной, и профессор не стеснялся спрашивать меня, скоро ли она придет. Это была его замечательная простота. Но я не огорчалась, мы поделились друг с другом лучшим. Остальное было неинтересно, кроме, пожалуй, загадки его перемещения из Восточного в Западный сектор Берлина.

Но я никогда не решалась спросить, хотя мы встречались каждый мой приезд, правда, в его красивом доме в присутствии фрау М., а не на лавочках Грюневальда.

Он прожил ещё пять лет. Перенёс ещё одну тяжелейшую операцию. Постепенно глох. Но много ходил и много работал.

Вот, что вспомнилось мне, когда я увидела на набережной белую колокольню и жёлтое двухэтажное длинное строение монастыря. Вспомнилось, потому что всё ко всему имеет отношение.

МАМА, ПОЧИТАЙ

САНИЯ ШАВАЛИЕВА

РОЗОВЫЙ ПРЯНИК, НАВЕРНОЕ, ЗАБРАЛ СЕРЫЙ ЗАЯЦ

(Глава из книги «Кто взял пряник»)

Заяц качался на качелях, привязанных к корявому дубу. Задрал голову, он что-то высматривал в раскидистой кроне.

«Качается! Я переживаю, а он качается!» — мысленно возмутилась Белочка.

— О, Белочка! — раздалось сверху, — ты-то мне и нужна. — Последние слова Белочка услышала уже снизу.

«Точно, пряник у него», — решила она.

Заяц спрыгнул с качелей.

— Качели сделал. Хочешь покачаться?

Белочка призадумалась:

— А они пять лет выдержат?

Теперь призадумался Заяц.

— Не знаю, я только сегодня их сделал. Ты хочешь пять лет качаться?

— Нет, ты меня не понял. Мне пять лет, — тут она загнула пальцы, затем разогнула и добавила, — с небольшим хвостиком. Меня с небольшим хвостиком они выдержат?

— Ну, я качался, меня выдержали. Мне тоже пять лет, и тоже с небольшим хвостиком.

Белочка посмотрела на хвостик Заяца. Он был намного меньше, чем у неё.

— Твой хвостик короче, значит, моих пять лет больше.

— Давай испытаем, — согласился Заяц.

— А это очень опасно? — испугалась Белочка.

Заяц недолго подумал.

— Очень. Можно упасть или улететь на край леса.

— Пожалуй, я попробую, я ещё никогда так далеко не улетала, — сказала Белочка и вскарабкалась на дощечку. Сегодня она решила быть смелой.

— Ап, ап! Внимание, внимание, чуть-чуть смертельный номер — летающая Белочка!!! — Потихоньку стала она раскачивать качели.

Заяц затаил дыхание. Он даже прищурил глаза, чтобы не видеть падение Белочки. Прошло немного времени, и Заяц стал понимать, что Белочка, кажется, не собирается падать на землю или лететь на ту сторону леса.

— Качаешься? — спросил он, приоткрыв один глаз.

— И-и-и-х! — пронеслось мимо Заяца.

— Неужели выдержали?! — обрадовался он.

— Вы-дер-жали!

— Пять лет с хвостиком, который больше моего? Ура!

Белочка стала притормаживать качели.

— Интересно, а сколько лет они ещё выдержат?

Заяц призадумался, пожал плечами. Тогда Белочка предложила:

— А давай качаться вместе. Пять плюс пять и ещё два хвостика, правда, один большой, другой маленький. — Она подвинулась на дощечке и освободила место Заяцу.

Качели не подкачали — выдержали. Они честно прошли испытания, даже ни разу ни скрипнув.

— Их, ах, ох, ух!!! — восторженно вскрикивали друзья, взлетая в воздух.

Они так расшумелись, что Сорока, пролетавшая мимо, решила этого не делать, то есть решила не пролетать мимо.

Устроившись на ветке, она немного понаблюдала за ними, потом спросила:

— Что это вы тут разгались?

— Это мы... — тут наступила тишина, потому что качели улетели вниз, — проверяем, сколько... — опять тишина, качели улетели в другую сторону, затем затихающе, — выдержат каче... ли...

Тут Сороке совсем ничего не стало слышно, потому что качели остановились внизу, и друзья спрыгнули с дощечки.

— Ничего не поняла! — возмутилась Сорока, опускаясь на землю.

— Мы проверяем, сколько лет выдержат качели, — повторил Заяц.

Сорока оценила взглядом корявость сука, толщину скрученной верёвки, ширину новой доски:

— Думаю, на лето хватит.

— А вот и нет! Мы проверили, качели выдержали пять плюс пять и два хвостика, — заявила Белочка. Увидев недоверчивый взгляд Сороки, Белочка скромно уточнила: —

Правда, один хвостик был маленьким.

— Не верю, — сказала Сорока.

— Покачайся, — предложила Белочка.

Сорока аккуратно устроилась на доске. Заяц подтолкнул качели. Птица напряглась.

— Ну... — наконец протянула она.

— Вот сколько тебе лет? — спросил Заяц.

— Одиннадцать.

— Одиннадцать с хвостиком, — поправил Сороку Заяц, — ведь хвостик у тебя есть?

— Есть.

— Значит, качели выдержат одиннадцать с хвостиком, — подсчитала Белочка.

— Подумаешь, одиннадцать! — возмутилась Сорока. Ей очень хотелось быть правой. — Вы на Черепахе испытайте свои качели. Ей вчера двести лет исполнилось. Двести лет ваши качели точно не выдержат.

Черепаха была соседкой серого Заяца. Он так увлёкся постройкой качелей, что совершенно забыл про вчерашний юбилей Черепахи, хотя она пригласила его ещё в прошлом году.

— Я сейчас! — воскликнул Заяц и помчался по тропинке.

Белочка с Сорокой даже не успели удивиться, как на полянке вновь появился Заяц, толкающий перед собой тележку, на которой восседала Черепаха. В одной руке

она держала тарелку с куском шоколадного торта, в другой сверкающую серебряную ложку. Она не понимала, зачем Заяц вытащил её из дома.

— К чему такая спешка? — тихо удивлялась она.

Заяц пропыхтел:

— Вы когда последний раз качались на качелях?

— Не помню, — Черепаха осторожно ложечкой отломил кусок торта и отправила его в рот. Белочка сглотнула слюну.

— Это мой подарок Вам ко дню рождения. Качели! Роскошные!!!

— Ах, какой шарман! — воскликнула Черепаха. Она передала тарелку Белочке и, оттопырив мизинец, поправила парик. — Сейчас я окунусь в детство!

— Выдержат ли? — засомневалась Сорока.

Черепаха хотела сесть на качели, но сиденье, словно испугавшись, дёрнулось, отскочило, вернулось, ударило её по колену. Потеряв равновесие, Черепаха запоздало взмахнула лапами, промахнулась, неуклюже повисла на деревяшке.

— Ну ты и Черепаха!

— Да как вы смеете?! — гордо произнесла Черепаха, — Требую обращения — Сударыня.

— Чего, чего? — раскрыла клюв Сорока.

Черепаха отмахнулась, попыталась вновь покорить качели. Оказалось, это чертовски сложное и опасное мероприятие.

Видя, как Черепаха, кувыркнувшись через доску, упала в траву, Сорока воскликнула:

— Куда-рыня, тфью ты, сюда-рыня? Она точно сломает качели, а я ломаю язык, — довольно бормотала Сорока, поднимая тяжёлую Черепаху.

— А ещё раз, — поддержал соседку Заяц.

Черепаха послушалась Зайца и тут же запуталась в верёвках.

— Я ошиблась, — протянула Сорока, — она не ломает, она порвёт.

Но тут Белочка с Зайцем всё-таки усадили Черепаху. Тяжело вздохнув, Заяц тихонько толкнул качели.

— Ах, шарман! — воскликнула Черепаха.

— Чего, чего? — не поняла Сорока.

— Шарман! — повторила Черепаха, раскрывая веер.

Видя, что Сорока не понимает, Белочка объяснила:

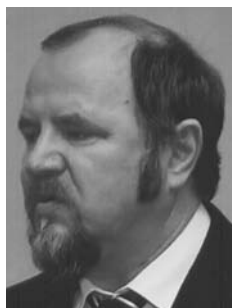
— Это значит «хорошо».

— Так шарман или хорошо? — решила уточнить Сорока.

— Ах, сначала шарман, потом хорошо, хотя «шарман» звучит приятнее. — Черепаха, обмахиваясь веером, запела песенку на французский лад.

Белочка с Зайцем, не дыша, следили за качелями. В сотый раз услышав «шарман», они облегчённо вздохнули. Эксперимент удался. Теперь они точно знали, что качели выдержат двести лет плюс малюсенький хвостик, ведь у Черепахи тоже был хвостик длиннющий в один день.

Уже совсем стемнело, когда Белочка пришла домой. Её немного покачивало направо или налево, но куда больше, Белочка не знала. Да это не так важно. Главное, теперь она точно знала, что пряник взял не серый Заяц. Он был занят своими качелями. Придётся искать другого. А кто это будет, Белочка решит завтра. А сейчас ей очень хотелось спать.

СМЕХОТЕРАПИЯ

ГЕННАДИЙ АЛЕКСАНДРОВ

КАНДИДАТКА В ДЕПУТАТКИ

(из рассказов сельского чиновника)

— Валюха, на какого рожна мне твоя партия сдалась? — восклицала маленькая, сгорбившаяся пожилая крестьянка, размахивая самодельным тесаком над капустной грядкой. — Какой мне от неё прок?

Упругие кочаны поскрипывали в её руках в предвкушении казни. Взмах, другой — и влажное лезвие тесака со сладострастием впивалось в кочерыжки, вспарывало тёмные зелёные листья, и чистые тугие головы ложились в ровный бурт.

— Татьяна, я понимаю, партия тебе не нужна. Но ради меня запишись, душа моя, я всё сделаю потом за тебя сама! — умоляла её глава сельсовета Валентина Прошкина, дородная блондинка лет сорока пяти, с вулканными грудями, которые еле сдерживались кожаной курткой. — Мне третий день звонят о тебе то из района, то из самого Курляндска, из областного комитета, не дают полезными делами заниматься. Когда ты оформишь выборные бумаги? Сил больше нету тебя уговаривать. Видишь, нынче корреспондентку прислали на помощь. Глянь, какая красавица!

— Дамочка, и правда, журнальная! Из районного «брехунца», небось? — спросила ворчливо старушка, с прищуром посмотрев на одетую в бежевое длинное пальто и чёрную шляпку молодую женщину, которая распахнутым взглядом постигала сельский мир. Красиво очерченные, яркие губки её поддрагивали в предвкушении распросов.

— Я из областной газеты «Единоросс», — представилась журналистка. — Мне, Татьяна Семёновна, надо взять у вас интервью и сделать вашу фотографию.

— Чего взять?

— Ну, задать вам несколько вопросов... Как к кандидату в депутаты сельского собрания от нашей партии «Единство».

Крестьянка с досадой всплеснула руками, тесак грозно сверкнул над её головой.

— Валюха, это ты всё наворотела! — гневно сказала она главе. — Знала бы я — ни за что не пошла бы в твои депутатки. Позору моего на старости лет захотела? Чего я хвалить должна твою партию, если в клубе хоть волков от холода гоняй, и тот закрыт, магазин сгорел, людям негде встретиться, поговорить? Газ тянут пятый год, вода в колодцах пропала, а я должна нахваливать: какая власть у нас хорошая, какая партия святая! Дуру нашли! Вот бы дочка моя с внучкой с Севера приехали, они дали б мне чертей за всю политику. Да если бы твой Иван мне машину навоза не привёз, и разговору бы нынче не было. Купили вы меня, Прошкины, за органическое удобрение. Ох, купили!

Глава, довольная недавней «политической» сделкой, засмеялась.

— Я тебе ещё дровами пособлю, Татьяна, только запишись в партию.

— Ну какая может быть партия, — воскликнула крестьянка. — Одному супчик жидковат, другому жемчуг мелковат. Я в драной фуфайке, в столетнем платке, в резиновых ботах стою среди вас, словно чучела какая. Ты, Валюха, как комиссарша: в кожане, в полусапожках с узорами. Про городскую дамочку не говорю: это Анна Каренина из кинокартины. Какое ж тут единство? Аль меняться будете со мной? Давай-ка, милая газетчица, с тобой махнём: твоё пальто на мою одёжку? Как тебя зовут, красавица ты «единственная»?

— Марина, — произнесла горожанка, с испугом глядя на маленькую грозную разбойницу с тесаком, как будто та и впрямь собралась её раздевать.

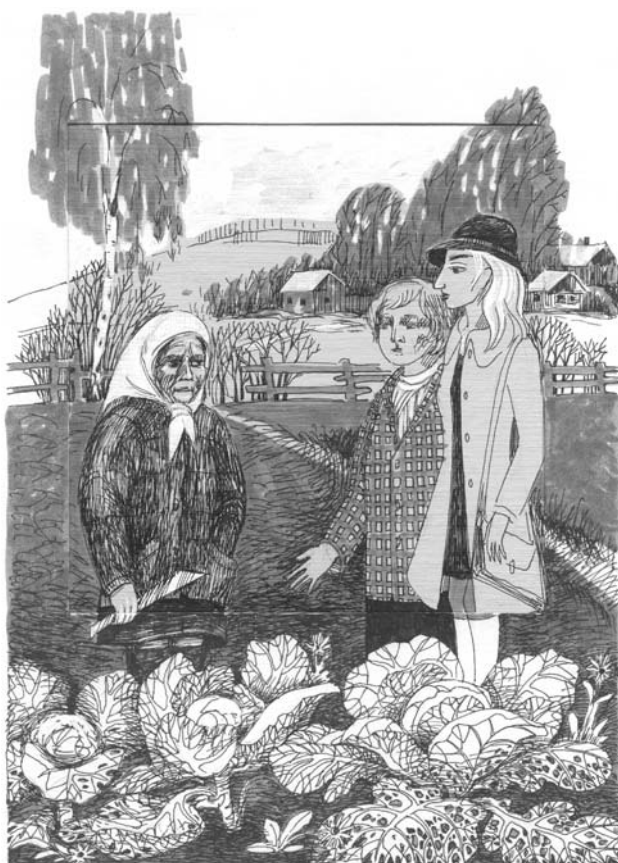
Да, эта поездка обещала надолго запомниться журналистке. До Воропаевки они на редакционном «форде» добирались по асфальту, но по деревенским улицам шофёр не отважился ехать: колеи, до краёв залитые водой, и заросшие пожухлым золотарником обочины не сулили ничего хорошего. Покровский морозец землю тронул, но немного, тонкой сахаристой корочкой. Поначалу Маринины сапожки ещё постукивали, а сейчас, пока добрались на другой край длинного, как поле, огорода, по щиколотку залепились грязью. В модной шляпке и в грязной обуви она чувствовала себя неуютно, ей хотелось как можно скорее снять эту бабку «кодаком», задать ей несколько заготовленных вопросов и уехать домой, где сухо и тепло. Но разве можно быстро совладать с капризной старухой, у которой, как показалось Марине, не всё

в порядке с мозгами! И такая страшная: глаза сердитые, лицо грубое, будто у бабы Яги — брови мохнатые, губы поджатые, седые космы выбились из-под платка...

— Нет, меняться я не буду, — попыталась отшутиться Марина. — Вам, Татьяна Семёновна, надо поехать на телепередачу «Модный приговор». Там вас оденут, как английскую королеву. Причём, бесплатно.

— Вот мой приговор, — сказала крестьянка, кивнув на огород. — Ладно, не обращайтесь внимания, я не со зла. Просто надоело в одной одежде и той без застёжки... Когда это чистый жакетик на люди наденешь!

— Когда будешь после выборов ходить к нам на собрания, как депутатка, — подхватила глава. — Вникнешь в проблемы села и людей, поможешь мне с ними справиться...

— Валюха, что ты мелешь! У вас, у Прошкиных, вся власть: ты — сельская администрация, мужик твой весь колхоз скупил, жирует на паях. А по всей Воропаевке ни одного фонаря нет, ночью хоть глаз коли, и как нынче осень — так утопнешь в лужах. Ты говоришь — я буду с вами проблемы решать... Щас! Как будто их до меня у вас не было... Пускай твой Прошкин на курорты реже ездит да поменьше жрёт. Мамон набил такой, что глаза уже ботинок не видят...

Старушка снова стала распалаться, сорвала с головы платок, и седые волосы упали на плечи. Привыкшая к таким разговорам с людьми глава сельсовета деланно рассмехалась:

— Молодец, Татьяна Семёновна! Вот за что я тебя люблю — за прямоту. Будем вместе воспитывать моего Ивана. А то он после уборочной неделями в хозяйстве не показывается, про свой дом уж не говорю. Денег мне на жизнь почти не оставляет...

— Да где ж он, жалкая моя? — ахнула крестьянка, и глаза её вмиг наполнились состраданием.

— Загулял мой Иван Петрович...

— Опять?!

— Не опять, а снова, с другой... Так что поддержка народа мне нынче очень нужна. Морально, так сказать...

— Да как же не помочь: я с пелёнок тебя знаю, мы же с твоей матерью на ферме свои жизни погребли... Я ради тебя на всё согласна: и на кандидатку, и на депутатку, и на партию вашу, чтоб её... Чего мы здесь будем стоять? Пошли-ка в хату.

Старушка подняла с земли несколько капустных рубашек, что помягче да почище, вытерла ими руки, лицо, и как-то сразу посвежела, помолодела.

Они направились во двор. Корреспондент с интересом рассматривала опустевшие грядки, из которых кое-где выглядывали зелёные, как горошек, мелкие картофелины, морковные хвостики, а на меже светилась солнцем крупная оранжевая тыква.

В областных партийных СМИ Марина считалась «зубастой» журналисткой, знатоком предвыборных процессов, но вот российскую деревню ей как-то не пришлось познать. Как, впрочем, многим нынешним «ершам» пера. Когда в районах что-то открывалось: детский дом, магазин или свинокомплекс — их, журналистов, брали с собой областные чиновники и депутаты, сажали в машины с чёрными стёклами и везли сразу к объекту. А там всё по накатанной: речи, ленточка, концерт, обед, обратный путь — и снова редакция, компьютер, диктофон, отчётный материал... Никакой лирики и описаний, мыслей по поводу и рассуждений.

В деревне Воропаевке Марина постигала новый мир. Она поражалась деревенским плантациям, ей хотелось скорее вызнать, кто старушке столько засекает, кто убирает, куда она деваёт урожай.

— А почему у вас деревца обернуты снизу тряпками? От холода? — по-детски спрашивала она Татьяну Семёновну на неспешном пути в дом через огород и сад.

— Зайцы стали баловаться, прошлую зиму ободрали кору с двух яблонь. Одна засохла, другая перебаловала, — объяснила старушка.

— А зачем вам столько земли?

Крестьянка даже остановилась, воскликнув:

— А как же! У нас только непутёвые и немощные бросают. Больно глянуть, как земляшка зарастает сорняком. Вот где зайцы прячутся. А скоро волки заведутся.

— Правда? — удивилась и даже испугалась Марина, опасливо взглянув на заросшую в человеческий рост соседнюю плантацию.

— Правда, милая, правда, — улыбнулась её наивности старушка. — Довели деревню — люди огороды побросали... Раньше за межу с соседями секлись, а нынче бери

хоть всё — никому ничего не надо. Про улицы не говорю: хат не видать из-за кустов. Я давеча пошла на другой конец Воропаевой, глядь — домик стоит трухлявый. Откуда он? Присмотрелась — а это заросли кто-то вырубил, вот он и выглянул, брошенный. Тогда только припомнила, что в нём Манька Сычиха жила, которую родные дети бросили за тяжкий нрав... Когда умерла, никто не видал, через неделю нашла почта-льонка...

— Ой! Какие ужасы вы рассказываете, Татьяна Семёновна! — воскликнула Марина.

Тут вмешалась глава, которая до этого шла молча, недовольная критическими нападками кандидатки в депутаты.

— Вот и будешь, Татьяна, поддерживать меня, штрафовать тех, у кого хаты выше крыши заросли.

— Да это же, почитай, полдеревни, — ответила старушка, раскрывая калитку в широкий, уставленный сарайчиками двор. — Тут в каждом случае надо разбираться, нечего всех огулом...

Им бросилась под ноги звягливая чёрная собачонка, напугала журналистку.

— Уйди, Найда! — шуганула хозяйка свою охранницу. — Не бойся, милая девушка, она только гавкает, а зла не держит. Не то что люди. Правда, Валюха?

Глава через силу улыбнулась, проворчала:

— Ладно подковыривать, веди в хату, жарь яичницу, а то стала посреди двора, как идол...

В доме, начиная от крыльца до дальнего угла, было чистенько. На полах лежали самодельные половички из разноцветных лоскутов, на окнах красовались кружевные занавески, печь сияла побелкой, дышала теплом.

— Как у вас хорошо пахнет! Как в церкви, — сказала Марина, оглядывая с любопытством стены, увешанные фотографиями в рамках, диван с накинутым на спинку плюшевым панно, изображавшим шишкинских медведей.

— Это дровишки сосновые, как ладан, — ответила крестьянка. — Берёза свой вкус имеет, осина тоже... Они и горят по-разному: одни трещат, другие сипят, третьи пыхают — тоже у всех своя жизнь, своя смерть. Да что же вы стоите? Раздевайтесь, вешайте одежду на крючки, присаживайтесь прямо на диван, не стесняйтесь, медведи не Найда, голоса не подадут...

— Татьяна, ты особо не придумывай. Мне некогда, и человек торопится. Ей ещё в наш райцентр надо заехать, к партийному секретарю...

— Я быстро, быстро, — засуетилась хозяйка. Повернулась к печке, к плите — вот уже и сковорода с картошкой на столе. Открыла дверцы конторки — появились хлеб и стопки. Заглянула в холодильник — и оттуда перебрались на тарелки ровные, как солдатики, солёные огурцы, квашеная капуста, розовое сало и чекушка, заткнутая капустным листом.

— Больших гостей не ждали, лишнего не держим, а что Господь послал, тем и потчую, — сказала старушка.

— Каких-то пять минут — и стол накрыт. Марина восхищённо следила за каждым движением расторопной хозяйки. И вдруг её взгляд упёрся в святой угол.

— А почему у вас под иконами припилены рядом портреты Путина и Жириновского? — спросила она. — Это же лидеры разных партий!

— Да пускай висят, может, подружатся. Одного с простым календарём принесли, другого — с православным. С утра молюсь на иконки, числа гляжу, чтобы в днях не заблудиться...

— Так они же прошлогодние!

— Ну и что? Пусть висят, я к ним привыкла.

— У нас Татьяна Семёновна за стабильную власть, — подытожила Прошкина.

Хозяйка налила всем мутноватого напитка, предупредила: «Бурашный, и закусывать не надо: мягкий, пареной свёколкой отрыгивается — благодать!» — и первой показала пример.

Глава чуть пригубила и отставила в сторонку, Марина только понюхала. С морозца набросились на тёплую толчёную картошку вперемешку с капустой и розовым салом.

— А праймериз от партии у вас с кем был? — поинтересовалась журналистка.

— Чего?

— Ну, это когда мы сидели, помнишь, в моём кабинете: я, ты и Маруська Потяпка, — напомнила глава. — Я тебя упрасивала и её тоже, чтобы в депутатки шли. Маруська на зиму к своим перебирается в райцентр, а ты на месте остаёшься — значит, ты и стала кандидаткой. Выбор-то у нас в деревне какой? Одни пьяницы да калечь.

— Но ведь существует целая процедура, — тихо сказала Марина. — Каждый кандидат должен на партийном собрании изложить свою программу, а потом уже — тайное голосование. Победитель праймериза выявляется путём простого подсчёта голосов.

— Эх, милая барышня, давайте-ка мы лучше отведаем крепенького, — вздохнула кандидатка. — А то, я гляжу, вас всех там в городах политика сделала пришибленными. Давай так: выпьешь — всё, что тебе надо, сделаю. А не уважишь, отставишь стопку — ни слова не скажу и фоткаться не стану.

Пришлось Марине пить. С морозца хорошо пошло: мягонько, сладенько, а после теплом обдало и истомой. Похрустев сочным огурчиком, журналистка спросила:

— Татьяна Семёновна, а вы знаете своих оппонентов? Ну, кто вместе с вами на место депутата претендует?

— Да нешто ещё какие дуры нашлись! — рассмеялась старушка.

Марина раскрыла блокнот и прочитала:

— В числе зарегистрированных кандидатов в депутаты сельского собрания муниципального образования «Воропаевский сельсовет»: от партии «Единство» — пенсионерка Квасова, то есть, вы. От КПРФ — пенсионер Валуев. От «Яблока» — директор фирмы «Счастье» Соколов из Курляндска.

— Дед Валуи довоенный, он глухой, как пень, и разумом потух. А это «Счастье», что, к нам в Воропаевку перебирается? — поразилась хозяйка.

— Да ну! Партиям главное — победить, процент набрать, а ездить сюда никто не будет, — объяснила Прошкина. — Нынче идейных нету. Все идут за кого-то, чтобы самим разжиться. А мы, «Единство», нынешнюю власть отстаиваем. Теперь ты понимаешь, Татьяна Семёновна, что надо ответственно к выборам подойти?

— Понимаю: «Единство» всех, кто уже разжился, объединяет, — кивнула головой кандидатка. — Раз всё так серьёзно — давайте ещё по капельке...

— Четвёртый кандидат — Клавдия Квасова, от партии ЛДПР. Кстати, не родственница ли ваша? — спросила Марина.

— У нас полдеревни Квасовых, — сказала глава. — Это Клавка-жириновка.

— Тю! Тоже мне кандидатка в депутатки! — презрительно усмехнулась хозяйка дома. Лицо её покраснелось, глаза заблестели, и Марина представила, какой симпатичной была в молодости эта седовласая пожилая женщина.

— А почему её зовут «жириновкой»? — спросила она.

— Когда-то к нам в райцентр приезжал сам Жириновский, пообещал всем одиноким женщинам по мужику. Вот Клавка и написала ему письмо: мол, Владимир Вольфович, жду хоть какого-нибудь...

— Она что — вдова?

— Да ну! — усмехнулась Прошкина. — Там уже пробы ставить некуда. Клавка за свои шестьдесят лет столько раз была замужем, что свою девичью фамилию забыла.

— Так она что: выходит, конкурентка мне? — изумилась старушка. — Эта вертихвостка?!

— Да, Татьяна Семёновна, оппонентка! — подтвердила Марина. — Причём, до областного избирательного штаба «Единства» дошли сведения, что она уже распространяет свои листовки.

— Небось, бутылки с самогонкой в них завёртывает. Она же самогонщица коварная — во всей округе такой нет. Я её сто раз уже предупреждала, милиция её штрафовала, а толку? Только одну бражку выльет — другую ставит. Целый завод! — сказала Прошкина.

— Надо ж! Клавка-самогонщица — мне конкурентка! — не могла успокоиться старушка. — А если я ей проиграю — это же позор мне будет какой!

— Не только вам, но и Валентине Ивановне, — кивнула Марина на главу, — и всей партии.

— И что же она, паскудница, пишет в своей листовке?

— Сама не читала, но мужики рассказывают, что обещает выгнать из Воропаевой Гришу-армяна, мол, Россия для русских. Мужикам обещает по несколько баб... Небось, мой Ванька на эту листовку и повёлся. Срамотища! — усмехнувшись, сказала Прошкина и сплюнула бы, если б не чистые половики.

— И фотокарточка её там есть? — спросила старушка.

— О! Целый портрет из молодости! Клавка стоит где-то в кустах, за спиной часовня — ни стыда, ни совести. Так, Татьяна, ты должна выглядеть лучше, — сказала глава. — Давай наведём ревизию в твоём гардеробе, причешем тебя, подкрасим. Будешь красивее Клавки.

И женщины занялись пересмотром всех скромных нарядов, лежавших в серванте, и даже в чемодан под кроватью заглянули, где на всякий случай собиралось всё, в чём класть во гроб. Но подходящего к строгому облику кандидатки в депутатки не нашлось: то слишком строго, то очень броско. Выбрали только белую кофточку.

— О, у вас и награды имеются! — воскликнула Марина, обнаружив в одном из отделений серванта целлофановый пакет с медалями и знаками. — Давайте так: этот синий пиджак как будто предназначен под медали. Мы его и наденем поверх кофточки.

— Под этот жакет у меня юбки нет, — вздохнула старушка. — Истлела давно.

— А зачем юбка? Фотопортрет на листовку — только до пояса. Ты же не Клавка — во весь рост в кустах... — сказала Прошкина. — Давай-ка цепляй свои ордена.

Вскоре на синем жакете появились с одной стороны медали «За трудовую доблесть» и «Ветеран труда», с другой — ряд значков «Победитель социалистического соревнования».

— А кем вы работали, Татьяна Семёновна? — уважительно, чуть ли не с любовью глядя на хозяйку дома, поинтересовалась журналистка.

— Техником-осеменатором, — сказала старушка.

— А что это такое?

— Брала сперму у быков-производителей и осеменяла тёлочек и коров. Быков-то на всё стадо, как у нас в деревне мужиков — раз-два и обчёлся, — объяснила за хозяйку глава.

— Это правда?! — поразилась Марина. Её щёчки зарделись краской смущения, глаза заблестели восторгом. — Значит, вы производите искусственное оплодотворение! Так современно! Простите, но как вы добываете бычье семя?

— Есть у нас свои технологии, — скромно ответила старушка. — Долго рассказывать. Ну, будете снимать?

— Конечно!

Они проделали целую фотосессию: снимали кандидатку в депутатки возле печки, на фоне старого календаря с Путиным, для чего временно убрали календарь с Жириновским. Выходили и на крыльцо, снимались и на фоне огорода. Наконец, уставшие, довольные проделанной работой, уселись за стол. Ещё несколько минут рассматривали на экране «кодака» лучшие снимки, выбирали, и оставили один — на фоне длинного, как жизнь, пустого огорода с клочком неубранной капусты. Затем допили остатки бурачного напитка, заели остывшей картошкой с салом и огурчиками — за предстоящим успехом на выборах.

— Татьяна Семёновна, когда вы будете встречаться с избирателями? Вам нужно составить план-график, — сказала Марина.

— Раз в неделю, когда автолавка хлеб привозит, — ответила за старушку глава. — Тогда все собираются.

— Маловато... — вздохнула журналистка. — Региональный политсовет партии требует встречаться чаще, не менее трёх раз в неделю.

— Да что ж я людям буду говорить? — возмутилась кандидатка. — Назовут меня Найдой брехливой. И разу не стану позориться. Ни к какой автолавке не подойду, лучше без хлеба останусь. Ты, Валюха, на язык способная, сама говори людям, что надо, или я вовсе откажусь от выборов.

— Ладно, — засмеялась глава. — Поагитирую за тебя, так и быть.

— При свидетеле обещаешь! Ну, ладно, пиши меня, Мариночка, куда тебе и сколько надо, — сказала старушка. — А твой Иван, Валюха, как найдётся, пускай мне пару центнеров зерна даст на пай. Хорошо?

— Ох, и хитрая ты, Татьяна! Ладно, не обещаю, но поговорю...

Довольные предвыборной работой, раскрасневшиеся от печи, сельхознапитка и беседы, женщины стали прощаться.

— Образец листовки я передам через три дня, — пообещала Марина. — Распечатайте тираж и разнесите по домам.

— Пятьдесят дворов всего жилых в Воропаевке — значит, пятьдесят штук сделаю на принтере, — сказала глава.

— А Клавке-жириновке я завтра всё выскажу, — грозно сказала старушка, вновь надевая фуфайку. — Посмотри на календарь: какой сам Вольфович красивый, упитанный мужчина, в модном галстуке, и она, лахудра, только позорит достойного человека!

Марина лишь грустно вздохнула, спускаясь с крыльца в деревенскую грязь. «Какая политическая безграмотность у этих добрых, но таких тёмных людей», — подумала она.

АЛЕКСЕЙ КОЗНОВ

НА ЧЁРНЫЙ ДЕНЬ

Вчера упал на бампер «Мерседеса».
Ботинки старые, нога по льду скользит...
И вышел дядя ростом с Геракла,
И весь исколотый. Ну, форменный бандит!

А я лежу, и страшно подниматься.
Зачем вставать, ведь всё равно убьёт.
К тому же, когда я на бампер падал,
С размаху задницей уселся на капот.

А он глядит, словно удав на зайца,
То на меня, а то на «Мерседес».
Потом в карман вдруг резко руку сунул,
И понял я, что мне пришёл конец.

Вот, блин, ну, подвели меня ботинки!
Хотел с полочки новые купить,
Жена скрипела: «Эти подлатаешь —
И можно ещё зиму доходить».

Вот доходил. Зима ещё в начале,
А жизнь моя никчёмная в конце.
Они резину вон зашиповали...
Но Гераклес меняется в лице:

«А ну вставай, советское несчастье», —
И пачку долларов из куртки достает.
Мне триста отсчитал, сказал, что хватит:
«Иди, ботинки покупай, народ!»

Домой бегу с ботинками — счастливый!
Квартплату внёс и заплатил за газ,
Сто долларов на чёрный день оставил.
Быть может, летом поменяю унитаз.

* * *

Мы в нанотехнологии уходим с головой,
Сам президент нас в этом убеждает.
Я с ним вполне согласен, только не пойму,
А почему же гречка дорожает?

В стране всё под контролем — президент нам говорит,
Нарушивших закон в тюрьму сажают.
Я с ним вполне согласен, только не пойму,
А почему же гречка дорожает?

Кричат по телевизору: хороший урожай,
И гречки, мол, у нас на всех хватает!
Я вроде соглашаюсь, но вот только не пойму,
А почему она всё дорожает?

Пришёл с работы, а жена в тоске:
И охает, и глубоко вздыхает.
Случилось что? Она сквозь слёзы мне:
«Да в магазине гречка дорожает!»

А мой сосед (три дома, две жены)
На улице меня вчера встречает.
«Андрюха, — говорю, — чего-то грустный ты?»
«Да гречка, блин, опять вон дорожает».

Я Вам признаюсь, гречку не люблю,
Мой организм её не принимает,
Но пять мешков я всё же прикуплю,
А вдруг она опять подорожает...

Избранное. Двухтомник произведений Михаила Ножкина. Москва, издательство «Вече», 2012, с.с. 640, 512

Автора — известного киноактёра, полюбившегося нашим зрителям по целому ряду советских фильмов («Ошибка резидента», «Освобождение», «Хождение по мукам» и др.) хорошо знают и любят зрители среднего и старшего поколений. Но артист кино и эстрады Михаил Иванович Ножкин ещё и поэт, прозаик, драматург и публицист. М. Ножкин, недавно отметивший свой 75-летний юбилей, конечно, интересен читателю и сам, как человек, знакомый и друживший со многими известнейшими личностями нашей эпохи, и артист той школы, которая ещё называется классической, которая существовала до нашествия мыльных опер и никому не запоминающихся, бесконечных сериалов, артист, которого невозможно представить в рекламе стирального порошка или средства от перхоти.

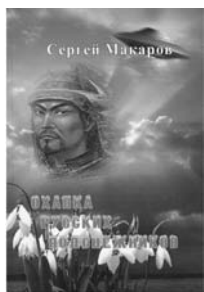
Автор двухтомника, безусловно, талантлив. Его поэтический дар по достоинству может оценить каждый, кто вспомнит хотя бы тексты популярных песен прошлых лет: «Последняя электричка», «Я люблю тебя, Россия», «Последний бой». Есть у него и десятки других песен, написанных для эстрады, кино и телевидения, вместе с Д. Тухмановым, В. Шаинским, А. Эшпаем, М. Таривердиевым, Я. Френкелем и другими известными композиторами. А кроме этого Михаил Иванович ещё и автор публицистических статей, опубликованных в разные годы и в разных изданиях, киносценариев, новелл и пародий.

Настоящий русский человек — так можно охарактеризовать артиста и литератора М. Ножкина. Его стихи и проза посвящены темам, близким каждому. Россия, с её болью и проблемами, достоинство и честь её народа, неразрывная связь человека и природы. Особое место занимает тема прошедшей войны и людей, защищавших Родину. Наряду с этим Михаил Иванович Ножкин не чужд шуток, иронии и даже насмешек. В его произведениях есть и добрый юмор, и злая сатира.

После прочтения двухтомника М. Ножкина не оставляет ощущение того, что и сам автор внутренне полностью соответствует образу сыгранных им на экране героев, — людей, для которых долг, честь и совесть — не просто слова и абстрактные понятия, а внутренний стержень, определяющий образ мыслей и действий. Поэтому вдвойне здорово, что к читателю приходит со своим двухтомником талантливый и многогранный писатель, поэт, певец и гражданин.

Осуществило литературный проект московское издательство «Вече», а отпечатан тираж в типографии филиала ОАО «Татмедиа» «ПИК «Идел-Пресс» г. Казани, которое можно поздравить с превосходным полиграфическим качеством выпущенного двухтомника.

Сергей Макаров. Охапка русских подснежников. Стихи и поэма. Библиотека журнала «Невский альманах». Великий Новгород. 2011 г., с. 306

Книга стихов новгородского поэта Сергея Макарова собрала его лучшие произведения за разные годы. Общей, объединяющей сборник стала тема русской старины, Великого Новгорода и Валдая, народа, который здесь веками жил, трудился и защищал эту землю. Сама древняя земля даёт автору и темы, и поддержку в его творчестве.

Сергею Макарову свойственна характерная игра словом, насыщенность необычными словообразованиями, которые равнозначно можно принять и за просторечье, и за придумки, рождённые им самим. Причём такими, что с ходу сложно и сказать: удачны ли они, допустимы ли в родной речи. Например: всеохват, встеплило, встречанье, попечаловать, звеньчит и так далее... Оправдывает поэта то, что они безусловно

понятны, выразительны и образны

Результатом поиска поэта стало расширение классической формы стиха, переосмысление слова. Пожалуй, самое правильное определение его творчества — самобытность.

И это плетение словесных кружев говорит о нём как о знатоке и мастере русского языка, который, как и всё живое, развивается и изменяется.

И если русский «новояз» последних лет смирился с такими «перлами», как «короче, чисто, реально, по счёт» и т.д., то пусть он лучше прирастает новообразованиями С. Макарова, которые идут от сердца и души, понятны и приемлемы каждому русскому человеку.

Вестник Международного Сообщества Писательских Союзов № 1 (86). Москва, 2011, с. 267

Международное Сообщество Писательских Союзов (МСПС) объединяет писательские союзы России и стран СНГ, в него входят также и союзы русскоязычных писателей некоторых стран дальнего зарубежья. МСПС продолжает традиции Союза писателей СССР по объединению литературных сил разных народов.

В издаваемом им «Вестнике» содержится прежде всего большой информационный материал о составе руководящих органов, о заседаниях исполкома, приводятся выдержки из докладов, рассказывается об издательской деятельности Союза и даётся подробный отчёт о работе Литературного фонда. Далее в разделе «На Поварской, № 52»

идут пространные сообщения о литературной жизни России и других государств: о мероприятиях памяти Сергея Михалкова, о встречах с русскоязычными писателями Финляндии, о культуре Кавказа в российском контексте, о юбилее Тукая и т.д. Тема эта продолжается и в следующем разделе: «МСПС и мир». Далее в разделах «Книжная полка» помещены рецензии на вновь вышедшие книги: труды по истории, философии, культурологии и исторические хроники и романы.

В следующем разделе «Наше интервью» — интервью с писателями Марселем Салимовым, Валерией Токаревой, Олегом Пономарёвым. Завершает выпуск «Трибуна писателя».

«Самое страшное из того, что образовалось в результате развала Советского Союза, — это глубокий ров между национальными культурами... и пока этот ров не будет заполнен, никакие другие проекты в стране будут невозможны. Потому что нельзя строить дом для жизни на жерле кипящего вулкана», — пишет на страницах «Вестника» Николай Переяслов. Вся деятельность Международного Сообщества Писательских Союзов направлена на восстановление и сохранение связей между национальными культурами.

Поход. Духовно-мировоззренческий и литературно-публицистический альманах.
Выпуск 1-й, Москва, 2011, с. 336

Как пишут создатели альманаха, он «призван отстаивать духовно-мировоззренческие основы нашего бытия, традиционную народную культуру во всех её проявлениях». Эпиграфом взяты слова Николая Бердяева: «Истинный центр — не в столице и не в провинции, не в верхних и не в нижних слоях, а в глубине всякой личности».

Содержание альманаха соответствует заявленным целям. На первом месте здесь публицистические раздумья на темы русской истории и современности: литературно-критическая повесть П. Ткаченко «После неистового Виссариона» (частично печаталась в «Аргамак» № 1 (6) 2011), историческое исследование И. Толчева «Иван Грозный и митрополит Филипп (Колычев): а был ли конфликт?», публицистическая статья В. Сергеева «Кому нужна необразованная Россия?». Широко представлена тема казачества: семейная хроника Ю. Сухарева «Дорога на хутор Акимовский», главы из романа М. Джунько «Державное войско», отрывок из поэмы А. Богдановича «Золотые цепи атамана». Из других материалов можно отметить воспоминания разных лиц о встречах с критиком Вадимом Кожиновым и подборку прекрасных стихов Евгения Артюхова. «Лёгкого» чтения в альманахе нет, и это принципиально.

Альманах «Поход» любовно издан: хорошая бумага, печать, прекрасные иллюстрации. Будем ждать следующих выпусков.

Лилия Газизова. Канафер. Верлибры. Казань. Издательство «Познание», 2011 г., с. 156

«Канафер — татарская сирень — расцветёт вот-вот. Лишь она поймет и не осудит за то, что неправду говорю тебе»...

В книгу вошли верлибры разных лет, а также их переводы на английский и турецкий языки. Перевод на английский выполнила Ольга Карасик, на турецкий — Айрат Галимзянов.

Верлибр пишется душой поэта, и для многих авторов это своего рода медитация, молитва. Обнаженная душа просматривается в каждой строке сборника. Ранимая, трепетная, жаждущая любви и понимания она вглядывается в окружающий мир с надеждой на отклик, на понимание, на приятие. Для кого-то это мелочи, мимо которых проходим, не оборачиваясь, а для поэта Лилии Газизовой — открытие, которым хочется поделиться с пробегающими, а возможно заставить их замедлить бег.

Верлибры Лилии Газизовой трогают своей музыкальностью, лиричностью и пронзительной искренностью: «Неинтересно стало/Укладывать строчки в ложа метрические./ Не хочется жонглировать/ словами и рифмами, /Образами и метафорами./ Милее их на пол ронять,/ прислушиваясь к шуму падения. /Угловатым подростком /Хочу остаться. В мире взрослых-хореев».

Разве не об этом мечтает каждый из нас? Остаться подростком наивным и угловатым, совсем, как строки нерифмованных Лилиных стихов...

Ещё при чтении газизовской книги мне вспомнился верлибр Арво Метса, пожалуй, одного из лучших мастеров этого жанра советского периода:

*Жизнь —
постепенное снятие
масок
до последней
из гипса.*

В сборнике «Канафер» автор снимает с себя маску за маской и предлагает примерить их нам — читателям. Вам не подошла эта? Тогда, возможно, что-то найдется на следующей странице!

За подборку стихов и верлибров по итогам 2011 года редсовет и редколлегия журнала «Юность» решили вручить заслуженному деятелю искусств РТ Лилии Газизовой премию имени Анны Ахматовой. Церемония награждения прошла в Москве в феврале этого года.

Поздравляем и гордимся: Лилия Газизова является членом редколлегии нашего альманаха.

Пётр Прихожан. Дума о граде Китеже. Избранное. Стихи. Поэмы. Казань, 2011, с. 303.

Это посмертная книга. Петра Борисовича Прихожана, большую часть своей жизни прожившего в Набережных Челнах, уже нет с нами. Он был ярким, самобытным поэтом, тяготеющим к эпосу. Несколько лет тому назад вышла из печати его «Новая Илиада», поэтическое переложение «Илиады» Гомера. «Аргамак» писал о ней в № 1 за 2009 год. А в «Думе о граде Китеже» помещены поэтическое переложение «Слова о полку Игореве», баллады «Дума о граде Китеже» и «Святослав», поэма «Алексей и Афросинья» — о сыне Петра I царевиче Алексее и его любимой женщине, простолюдинке Афросинье, их трагической судьбе. В других поэмах представлена наша современность: «Стройка» —

о строительстве КамАЗа и Набережных Челнов, свидетелем и участником которого был поэт; «Советский союз» — публицистические раздумья о прошлом и настоящем нашей страны. Автору больно за потерянное, за страну, которой уже нет. «И я хочу поведать без надрыва, / что водится за гранью прошлых дней, / но повесть будет противоречива, / как парадоксы памяти моей». Перед нами честный взгляд и вдумчивый анализ, готовность принять новое и боль о потерях.

Во вступительной статье к сборнику его составителя, редактора и издателя Николая Алешкова говорится, что поэзия Петра Прихожана «учит, как оставаться самим собой при любых обстоятельствах, она учит порядочности, она призывает читателя к самобытности, она доставляет эстетическое удовольствие». И это действительно так, идёт ли речь о князе Святославе, выбравшем свою дорогу, или о судьбах огромной страны, прошлое которой ещё так живо в нашей памяти.

Николай Алешков. От сердца к сердцу. Стихи 2007–2011, Казань, 2011, с. 136

«От сердца к сердцу». Так называется новая книга стихов Николая Алешкова. Очень точное название. Потому что читаешь и удивляешься: да это ж про меня!.. Про моё!.. Это я так видел, я так чувствовал, только слов не нашёл, чтобы сказать. А поэт нашёл. Одно сердце зазвучало, другое — отзывается. Такой вот камертон — поэзия.

Это называется любовью,

Это называется судьбой.

А судьба и любовь Николая Алешкова в стихах до краешка видны. Это Россия, это Орловка, где он родился и вырос, о которой он пишет всегда, даже если пишет об Абхазии, это «матери тёплые руки и колющие щёки отца», это женщина, которую он любит... Это те непреходящие ценности, что нас всех делают людьми. Вот почему сердце и отзывается. Надо было только слова точные найти — и и зазвучит.

...Озёра плавают в закате.

И запах трав, и вкус ухи!

Растут из этой благодати

мои негромкие стихи.

Конечно, негромкие. Громкие — не поэзия.

Мне очень хочется, чтобы книжку Николая Алешкова прочитали зимним вечером, когда уже за окном темно, а в доме тепло, или майским утром, когда зацветут яблони, и белый цвет их укроет молодую траву. Тогда читатель поймёт, что Есенин не последний поэт деревни, что эстафету «от сердца к сердцу» передают и будут передавать поэты, пока стоит Русская Земля.

*Оглянусь на метельной версте:
материнские слёзы напрасны!
А любовь, как свеча, в темноте
всё горит и никак не погаснет...*

Та свеча, которую зажжёт Господь в сердце поэта, не погаснет никогда. Даже, когда Он призовет поэта к Себе.

*...Не плачьте, что я навсегда уйду,
я сердце своё вам в стихах оставляю.*

Мы ещё не уходим. Мы ещё на пороге стоим.

Вера Арямнова. В стране родной. Стихи, Казань, 2011, с. 135

Вера Арямнова известна в Татарстане как журналист, автор проблемных и полемических статей в газете «Республика Татарстан» и в других периодических изданиях. Но она одновременно тонкий и вдумчивый прозаик, автор нескольких изданных и ещё не изданных книг, а прежде всего самобытный и оригинальный поэт. «В стране родной» — её второй сборник стихов.

Стихи Веры Арямновой пронизаны ощущением трагизма. Трагично время, в которое мы живём, трагичен сам путь человека в мире, где «будет жизнь, как письмо без ответа». Жизнь проходит, и хоть за что-то надо в ней держаться: ... «за грядущий звёздный час,/за усталый стук в вагоне,/за улыбку на перроне,/хоть за сон, хоть за бессонье,/за тепло, что Бог не даст». Но впечатления уныния при чтении этих стихов не возникает, они очень мужественны. «Но если время повернулось вспять,/пусть не умею ждать и догонять,/пусть не могу не наступать на грабли —/любовь и жизнь — они мои опять».

Наиля Ахунова. Ветер с Казанки. Стихи. Казань, 2011, с. 111

Наиля Ахунова — известный как в Татарстане, так и за его пределами поэт, сценарист, драматург, лауреат литературной премии имени М. Горького, а также общественный деятель. Книга «Ветер с Казанки», выпущенная Татарским книжным издательством, состоит из двух частей. Первая, носящая то же название, что и книга в целом, — стихи разных лет, раздумья о себе, о природе, лирические зарисовки, миниатюры: «Дожди», «Шляпа», «Портрет». Вторая же часть, «Дневные тени», — это хокку, жанр характерный для японской поэзии, лирическая миниатюра из трёх строк, большей частью семнадцатисложная (5+7+5)

*Сгорела звезда
Мой путь осветив. Снова
Иду в темноте.*

Сама Наиля Ахунова говорит, что её обращение к хокку — свидетельство душевного взросления. «Особенности это жанра в том, что в трёх строчках можно сказать очень многое. Написанное — это лишь верхушка айсберга. Огромный пласт ассоциаций, метафор находится, условно говоря, под водой». Наиля Ахунова — лауреат международного конкурса хокку.

Михаил Тузов. Грачи в ночи. Стихотворения. Казань, 2011, с. 194

В сборник Михаила Тузова «Грачи в ночи» входят стихотворения, написанные автором в последние годы, сонеты (четыре венка и одна цепочка) и переводы татарских поэтов.

Читать стихи Михаила Тузова нелегко. Не потому, что у них какая-либо усложнённая форма, модные сейчас потуги на элитарность. Наоборот, лицо классическая форма стиха, предельная ясность мысли и образа. Трудно потому, что мы входим в мир — наш мир, увиденный глазами человека, дав-

но живущего и много пережившего, не обольщающегося миражами. Его пейзаж — серые струйки дождя, ледяной ветер под холодной рекой (в конце мая), недвижимая даль зимы, стылая, простудная, больная дорога, обманная льдинка сосульки, забывшая о календаре. Это мир больших городов: «Я описатель городских пейзажей,/убитых улиц, смрадных площадей», неласковой природы и жизни, заводящей человека в тупик: «Мы лжём самим себе и, как вода,/стекает фарисейство в море срама». Тревожен и трагичен образ, давший название сборнику: «грачи в ночи». «Неужели они предвещают беду/накануне разбрызга весенних лучей?». Это беда не одного человека и не одной страны, но всего мира: «Может быть, Иоанн, то, что ты предсказал,/этой ночью начнётся или чуть погодя,/и не зря стаи чёрных грачей нанизал/мир бездушный на жёсткие струны дождя».

Сюжеты, помещённые в сборнике, выдержаны в той же тональности.

В сборнике представлены также переводы татарских поэтов: Габдуллы Тукая, Мусы Джалиля, но особенно много Мухаммата Мирзы и Харриса Аюпа: большие подборки стихов и поэмы.

Валерий Темнухин. Боян. Стихи. Нижний Новгород, 2011, с. 39

Во многих городах, городках и небольших посёлках выходят небольшие сборники стихов (иногда и прозы), принадлежащих перу авторов разного возраста и разной степени авторской опытности. Это примета нашего времени. Чаще всего выход таких сборников в печати не отображается, и они известны узкому кругу.

Сборник Темнухина, как нам кажется, заслуживает большего внимания. Главное место в нём занимают отрывки из поэтического переложения «Слова о полку Игореве». Такие переложения не редкость. Но здесь перед нами достаточно оригинальный подход: отказываясь от условной близости, к которой стремится большинство авторов, Валерий Темнухин сохраняет высокую лирическую напряжённость «Слова» — его трагизм, даже в тех случаях, когда автор вводит сам новые сцены и образы. «Кони половецкие в полях/сытые, давно готовы к бою,/то лежат лениво в ковылях/иль пасутся тёмною толпою/или с громким ржанием к реке,/с ветром споря, скачут налегке». Текст переложения сопровождается хорошим комментарием. Лирические стихи, представленные в сборнике, тоже заслуживают самого доброго слова.

Валерий Темнухин публикуется с конца 80-х годов, но, как правило, только в своём городе. Можно пожелать, чтобы общественность Нижнего Новгорода (и региональные власти тоже) содействовали выходу большого, полного, хорошо изданного сборника этого автора. Его стихи того стоят.

Сания Шавалиева. Кто взял пряник? Детектив для малышей. Москва, 2011, с. 115.

Шавалиева Сания Абдрахмановна, живущая в Набережных Челнах, — известная в Татарстане детская писательница. Сотрудничает со многими татарскими и русскими периодическими изданиями, ведёт постоянную рубрику в детской газете «Серебряный колокольчик». Выпустила книги «Сказки маленького дракончика» на татарском языке и «Три букета сказок» на русском языке.

«Кто взял пряник?» — тоже сказка, милая и добрая. Она издана в Москве, издана очень хорошо, в твёрдой обложке. Особенно хороши многочисленные иллюстрации (художник О. Белова-Недовизий).

В наши дни всякая детская книга — радость. Особенно если её приятно взять в руки. Порадуемся же вместе с автором.

В. В. Ермаков, Н. А. Шишкина. Под сенью веры Христовой. Набережные Челны, издательская группа «Крылья», с. 208

Эта книга, которую можно ещё назвать историческим очерком, написана в память об Ильинском приходе и в честь 15-летия создания в Набережных Челнах православной общины Серафима Саровского. Сегодня возрождением российских храмов и закладкой новых церквей и часовен уже никого не удивишь. Конечно, процесс этот идёт, может быть, не так быстро, как хотелось бы, но главное — вектор направления задан. Реставрация старых храмов и строительство новых стали достаточно привычным явлением в жизни нашего общества.

И хотя до сотен городских и сельских церквушек самого плачевного облика и состояния в российской глубинке руки и, главное, деньги благодотворителей дойдут ещё ох как не скоро, есть всё же надежда, что свою «дорогу к храму» рано или поздно обретёт каждый живущий в нашей стране.

Новая книга писательницы Нины Шишкиной и историка Владимира Ермакова как раз о непростой дороге к храму, которую пришлось пройти тем, кто восстанавливал некогда угасшие очаги православной веры в Набережных Челнах и их окрестностях. Нужно сказать, что хотя книга эта издана по благословию архиепископа Казанского и Татарстанского Анастасия и адресована прихожанам храма преподобного Серафима Саровского и всем, кто интересуется историей возрождения православия, как сказано в аннотации, было бы не совсем верно отнести её к сугубо религиозной литературе. Думается, что не менее интересна она будет местным краеведам и историкам, и всем, кто неравнодушен к истории родного края. Авторы прослеживают становление православной веры в наших краях, начиная с XVI века. Отдельные главы посвящены строительству церквей в дореволюционный период, упадку веры в советские времена, репрессиям, направленным против представителей духовенства и т. д.

Замечательно, что в книге наряду с обилием бережно отобранного фактического материала громадное количество микроисторий, описаний судеб священников, простых прихожан, строителей, архитекторов, меценатов. Десятки житейских повествований о судьбе тех, кто так или иначе помогал возведению Дома Господня и в результате обрёл свою собственную «дорогу к храму».

Ирина Яковлева. Перейти Рубикон (Хроники разгрома челнинских преступных банд). Набережные Челны, издательская группа «Крылья», с. 328

О челнинском феномене массового появления молодёжных преступных группировок, которые своей дерзостью и жестокостью прославились на всю страну в 90-х годах, написано и снято немало. Однако тема эта до сих пор не исчерпана и полной ясности во многих вопросах нет даже среди тех, кто был участниками тех событий, будь они по ту или иную стороны закона.

А никакого феномена Челнов, города, породившего такие страшные ОПГ, как «29 комплекс» и «Тагирьяновские», и не было — утверждает автор. Набережные Челны были всего лишь одним, далеко не самым крупным городом огромной державы, сотрясаемой социальными бурями на исходе своей истории. И ОПГ в то время были частью того образа жизни, в котором пребывала вся страна. Вот феномен разгрома банд был. Именно в Челнах он произошёл первым. Автор не ставил перед собой задачу кого-то обелить или очернить, помня, что люди по обе стороны стены с колючей проволокой — всего лишь люди, и, в конечном счёте, все они — продукт и жертвы своего времени.

Главная проблема, о которой говорится в книге Ирины Яковлевой — организованная преступность, которая давно уже перешла в нашей стране все границы и пределы. Обилие фактического материала, использованного автором, говорит о достоверности описанных событий. Многие из них не получили известности до выхода книги. В книге «Перейти Рубикон», как в хорошем, добротном детективе, есть и реальные описания деталей задержания, и следственной работы, откровения участников преступных группировок и воспоминания оперативников и прокурорских работников — словом, всё, что, без сомнения, сделало эту книгу событием года.

Александр Мюрисеп «Венец». Повесть. Нижний Новгород, 2012, 194 стр.

Автор книги Александр Васильевич Мюрисеп — нижегородский актёр, режиссёр, педагог и писатель. События этой повести разворачиваются в первые послевоенные годы. В центре — городской мальчик, приезжающий на лето вместе с мамой к бабушке и дедушке на далёкий полустанок. Всё очень просто, никаких «закрученностей» сюжета, какой-либо интриги. Но вот чувство, которое сопровождает читателя, можно назвать возвращением в детство, именно в тот момент, когда только начинаешь познавать огромный и удивительный мир вокруг. У каждого, наверное, было и то самое лето, и дедушкин дом, и переживания, которые мы храним глубоко в себе, и которые делают нас людьми.

Это очень добрая книга. Она о том личном, что всю жизнь остаётся с нами. О первых жизненных открытиях, которые формируют дальнейшую судьбу человека, его понятиях о долге и справедливости, дружбе и взаимовыручке, уважении и любви. О понятиях, которые формируют отношение к труду, окружающему миру и людям в нём. И в конечном счёте определяют в нём своё место.

Легко угадывается автобиографичность повести. И обилие тщательно выписанных деталей послевоенного времени даёт ощущение искренности и достоверности.

«Родным и ушедшим» посвятил эту книгу Александр Мюрисеп. И, действительно, что может быть важнее в жизни человека, чем память о родных и близких, чем ощущение собственной земли, тебя взрастившей и воспитавшей. Эта книга не только добрая. В ней расставлены ещё и глубокие нравственные ориентиры, в чём, в первую очередь, сказалась внутренняя духовная позиция самого автора.

Наталья ВЕРДЕРЕВСКАЯ
Сергей АЛПАТОВ
Владимир ГОФМАН
Вера ХАМИДУЛЛИНА

Наши авторы

стр. 227 АЛЕКСАНДРОВ Геннадий Николаевич родился в 1956 году в слободе Михайловка Курской области. Окончил литфак Курского государственного пединститута (1978 г.), после службы в Советской Армии работал учителем в сельских школах, редактором районной и городских газет в г. Железногорске Курской области.

Автор шести книг художественной и документальной прозы, изданных в Курске, Орле, Железногорске. Член Союза писателей России с 2001 года. Главный редактор альманаха «Автограф», член правления Курского отделения СП РФ.

Живёт в г. Железногорске, является заместителем главы администрации Железногорского района по социальным вопросам.

стр. 199 АНДРЕЕВА Ольга, член Союза российских писателей.

Автор поэтических сборников «В случайной точке», «Эволюция ветра», «Арифметия», «Вещь не в себе», «Оставаясь водой».

Публиковалась в журналах «Нева», «Дети Ра», «Ковчег», «День и ночь» (Красноярск), «Дон и Кубань» (Ростов-на-Дону), «Южная звезда» (Ставрополь), в альманахе «45 параллель» (Москва); в газетах «Труд» и «Зарубежные задворки» (Дюссельдорф); в интернет-изданиях «Poezia.ru», «Молоко», «Филград», «Научный журнал», «45 параллель». Лауреат сетевых и региональных конкурсов.

По профессии инженер-строитель. Закончила Днепропетровский институт инженеров транспорта. Занимается проектированием автомобильных дорог.

стр. 197 АНИНА Светлана Брониславовна родилась в Казахстане 20 апреля 1965 г. В 1979 г. родители привезли на БАМ. По окончании средней школы получила строительное образование в Иркутске. Работала на строительстве Северомуйского туннеля. Печаталась в журналах «Сибирь», «Аргмак», «Северо-Муйские огни», в антологиях «Иркутск. Бег времени», «Жизнь – дорога, ведущая к храму». Живёт в Северобайкальске.

стр. 116 БЕДНАЯ Ольга Сергеевна родилась в 1974 году в Кишинёве. В 1992 году закончила финансово-банковский колледж, специальность – бухгалтерский

учёт. В 1997 году закончила экономическую академию, специальность – менеджмент. В 1994 году вышла замуж, в 1995 году родила сына Владимира. Стихи пишет с 7 лет. Первая публикация состоялась в местном периодическом издании в 1999 году. На данный момент выпустила 2 книги стихов: «Атласный пояс» (2005 год), «Инъекция страсти» (2007 год). Публикуется в кишинёвском журнале «Наше поколение», входит в его редакционный совет. Слушательница высших литературных курсов.

стр. 190 БОЧКОВА Эльвира Леонидовна родилась 1 марта 1938 года в городе Горьком в семье кораблестроителей.

Окончила кораблестроительный факультет Горьковского политехнического института в 1961 году. Работала конструктором в ЦКБ «Волгобалтсудопроект». Автор одиннадцати поэтических сборников. На литературный труд благословили известные поэты Фёдор Сухов и Николай Старшинов. Эльвира Бочкова – член Союза писателей России.

стр. 192 БОЧКОВА Галина Борисовна (псевдоним – ГАЛИНА ТАЛАНОВА) родилась в г. Горьком в 1961 году. Окончила с отличием биологический факультет Горьковского государственного университета по специальности «Биофизика», кандидат технических наук. Живёт в Нижнем Новгороде. Работает в ООО «НПО «Диагностические системы» начальником подразделения, занимается разработкой и производством иммуноферментных тест-систем.

Поэт, прозаик. Автор пяти книг стихов «Годовые кольца» (1996); «Ожидание чуда» (2001); «Подобие дома» (2006); «Жизнь щедра» (2007); «Душа любви открыта» (2009) и прозы «Голубой океан» (2010). Публикации: «Литературная Россия», «Роман-журнал XXI век», «Истоки» и др.

Член Союза писателей России.

стр. 35 ВАЛЕЕВ Разиль Исмаилович родился 4 января 1947 года в деревне Ташлык Нижнекамского района Татарской АССР. Окончил Литературный институт им. М. Горького (1972), работал ответственным секретарём журнала «Ялкын», ответственным секретарём писательской организации города Набережные Челны, заместителем председателя правления

Союза писателей Татарстана, избирался депутатом Набережночелнинского и Казанского городских Советов, членом Президиума Верховного Совета Республики Татарстан (1992–1995), председателем постоянной комиссии по национальным вопросам и культуре Верховного Совета Республики Татарстан (1992–1995). В 1986–2000 гг. — директор Национальной библиотеки Республики Татарстан, одновременно с этим в 1990–95 гг. — председатель Постоянной комиссии Государственного Совета Республики Татарстан по культуре и национальным вопросам. В настоящее время — член Президиума Государственного Совета Республики Татарстан и председатель комитета по культуре, науке, образованию и национальным вопросам, председатель Попечительского Совета Национальной библиотеки Республики Татарстан, вице-президент татарского ПЕН-клуба Всемирной ассоциации писателей.

Р. Валеев — автор 27 книг (литературный псевдоним — Разиль Валиди). Член Союза писателей СССР и Союза писателей Татарстана. Первый заместитель председателя исполкома Всемирного конгресса татар, Почётный академик Российской академии гуманитарных наук, Заслуженный работник культуры Республики Татарстан и Российской Федерации. Лауреат Государственной премии Татарстана имени Г. Тукая, народный поэт Татарстана. Лауреат премий им. М. Джалиля и им. А. Алиша Республики Татарстан. Награждён Международной серебряной медалью «За заслуги в деле сохранения и развития цивилизации, жизни и культуры на Земле». В 1993 году биографический институт Северной Каролины (США) присвоил Разилу Валееву звание «Человек XX века».

стр. 204 **ВАСИЛЬЕВА Анастасия (Роженцева)** родилась в Казани. Окончила театральное училище. Училась в Санкт-Петербургской Академии театрального искусства. Работала в театрах Казани, Самары и Санкт-Петербурга. Сейчас живёт в Москве, ведёт на радио в прямом эфире различные программы. Профессионально занимается музыкой — лидер группы «НеРва» (Москва), участник электронного проекта «Глаза куклы» (Санкт-Петербург). Участник нашумевшего телевизионного музыкального конкурса «СТС зажигает Суперзвезду» (в качестве участника группы «Вишнёвый Сад»), лауреат и участник крупнейших музыкальных фестивалей

нашей страны. В 2010 году вышла дебютная книга стихов под названием «Семантика».

стр. 189 **ВЕРДЕРЕВСКАЯ Наталья Александровна** родилась в 1927 году. С юных лет посвятила свою жизнь литературе. Более сорока лет работала на кафедре литературы Елабужского государственного педагогического института. Доцент, кандидат филологических наук, специалист в области русской литературы 40-х — 60-х годов XIX века. В 1998 году издала сборник «Провинциальные стихи», в 2001 году — книгу «Двадцать лет спустя. Этюды о поэзии Владимира Высоцкого», в 2003 году — сборник стихов «Невеликие города» и в 2007 году — «Осень с дыханием весны».

Член Союза российских писателей. Живёт в Елабуге.

стр. 215 **ЕРМАКОВ Владимир Александрович**, поэт, эссеист, родился 6 июня 1949 года в пос. Метенино Петушинского р-на Владимирской обл. С 1961 года живёт в Орловской области: сначала в г. Болхове, где окончил среднюю школу № 1, затем в Орле.

В 1971 году окончил исторический факультет Орловского пединститута, отслужил в рядах Советской Армии на Дальнем Востоке; награждён знаком «Отличник ВВС». С 1975 года работал в Орловском краеведческом музее; автор ряда теоретических концепций и практических разработок стационарных экспозиций и выставок, а также публикаций в местной прессе и специальных изданиях. В 1996 году удостоен звания «Заслуженный работник культуры РФ». Впервые опубликовал стихи в 1974 году.

С началом перестройки успешно работает в востребованном времени жанре эссе. С середины 90-х годов активно публикуется в областных газетах и в литературных журналах. Наиболее значимые публикации связаны с журналами «Дружба народов» (Москва) и «Parnasso» (Хельсинки), «Аргмак.Татарстан» (Набережные Челны). Основные тексты вошли в книги, изданные в Орле.

стр. 95 **ЖУРАВЛЁВА Ольга Владиславовна** родилась 11 июля 1960 года в городе Кирове. Её поэтический талант был замечен и раскрыт отцом Владиславом Николаевичем. Он отнёс первые стихи пятнадцатилетней дочери в заводскую газету «Голос рабочего», где они были опубли-

кованы. Член Союза писателей России, автор нескольких поэтических сборников, лауреат литературных премий, а также член Союза журналистов России. Работала в областных газетах, на телевидении и радио. Радиопрограммы Ольги Журавлёвой награждены дипломами международных и всероссийских фестивалей. Её журналистский труд также отмечен грамотой Союза женщин России. Имя Ольги Журавлёвой занесено в книгу «Женщины — лидеры Вятского края», она участница проекта «Женщины Вятки — краса и гордость России».

стр. 205 ЗИКЕЕВА Валентина родилась в 1951 году в Казани. Закончила историко-филологический факультет Казанского государственного университета. Работает учителем в школе. Автор трех поэтических сборников: «Бессонница» (2004г.), «У зеркала» (2005г.), «Старый двор» (2010г.). Публиковалась в журналах «Идель», «Казань», «День и ночь» (Красноярск), «Русское литературное эхо» (Израиль), в коллективных сборниках «Галерея» (Казань), «Золотая строфа» (Москва), «Вселенная Учитель» (Москва).

Обладатель Гран-при Третьего Международного конкурса русскоязычной поэзии в Израиле (2009г.)

Член Союза российских писателей (2011г.)

стр. 234 КОЗНОВ Алексей Борисович родился в 1962 году в селе Орловка Челнинского района ТАССР. В 1979 году окончил школу, работал на заводе двигателей КАМАЗа. Осенью 1980 года был призван в ряды Советской Армии. Вернувшись домой, поступил в техническое училище, где выучился на слесаря КИПиА. Работал на Севере.

Женат, имеет сына.

В 2003 году выпустил книгу стихов. Сочиняет также музыку, пишет песни на собственные стихи и исполняет их на концертах. Автор песенного альбома «Орловская дорога».

стр. 40 КОЛЯДИНА Елена Владимировна родилась 24 июня 1960 года в г. Череповце в семье металлургов.

В 1983 году окончила Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта им. Образцова. По распределению работала на железнодорожной станции Череповец.

В 1995 году принята в газету «Голос Череповца» корреспондентом.

С 1994 года по 2001 год — постоянный автор журнала «Космополитэн».

С 1996 года — собственный корреспондент газеты «Комсомольская правда» по Вологодской области, затем заведующая отделом писем ЗАО ИД «Комсомольская правда».

Журналист-фрилансер журналов «Культ личности», «Она», «Час для вас», «Тайны звёзд». Опубликовала около сотни рассказов в глянцевого женских журналах. Автор около десятка романов. Один из них — «Цветочный крест» в декабре 2010 года получил литературную премию «Русский Букер». Повесть «Дверь на чёрную лестницу» — вторая публикация Елены Колядиной в нашем альманахе.

Замужем. Двое сыновей.

стр. 208 КУКЛИН Алексей Георгиевич родился в 1960 году. Окончил среднюю школу.

От природы наделён художественным и литературным даром. Не имея специального образования, овладел мастерством иконописца. Иконостас его работы находится в домово́й церкви Казанско-Богородицкого монастыря г. Елабуги.

Работал журналистом в газете «Вечер Елабуги». В настоящее время занимается разработкой и поддержкой сайтов. Создал сайт Елабужского государственного музея-заповедника и является его администратором.

Фотографирует в основном виды Елабуги и её окрестностей.

стр. 125 ЛЮТЫЙ Вячеслав Дмитриевич родился в 1954 году в городе Легница Польской Народной Республики. Окончил Воронежский политехнический институт, Литературный институт им. А. М. Горького. Служил в армии, работал радиоинженером, звукооператором и заведующим литературной частью театра, инкассатором, менеджером коммерческого банка. В настоящее время — ответственный секретарь журнала «Подъём». Лауреат премии Общественной Палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры», премии журнала «Подъём» «Русская речь». Член Союза писателей России. Живёт в Воронеже.

стр. 143 МАСЯН Владимир Васильевич родился в 1947 году в городе Саратове. Окончил филологический факультет Саратовского госуниверситета. Служил офицером в Забайкалье и Монголии. За-

очно учился в аспирантуре, работал корреспондентом на радио и телевидении. Более двадцати лет занимался издательской деятельностью, пройдя все ступени от редактора до генерального директора. Член Союза писателей России, председатель Саратовского регионального отделения. Автор восьми книг прозы и публицистики. Лауреат литературных премий им. М. Алексеева и международной «Империальная культура» им. Э. Володина. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

стр. 24 НЕКЛЯЕВА Елена Станиславовна родилась в 1958. Окончила в 1994 г. кафедру режиссуры Санкт-Петербургской Академии, с 1980 по 1991 г. была режиссером-постановщиком в театре-студии «Ника», затем театра «Мастеровые», с 1994 г. занималась теле- и видеорежиссурой, была режиссёром телепроектов на ТВ Чаллы: обозрение по культуре «Палитра», «Что делать», «Здоровье», «Конduit», «Зри в корень» и др., работала на ТВ КАМАЗа, вела рубрику в информационной передаче «Челнинский проспект», в 1998–2005 гг. занималась режиссурой праздников в КДК КАМАЗа. В настоящее время работает в РДТ «Мастеровые» заведующей труппой, заведующая литературной частью, преподаёт в челнинском филиале МГУКИ.

стр. 204 НИКИТИНА Гортензия Евгеньевна — казанская поэтесса, историк и переводчик. Родилась 21 декабря 1931 года в городе Михайлове, под Москвой. До войны жила в Смоленске, где в 1941 году окончила первый класс, а в июле была эвакуирована.

В 1956 году окончила историко-филологический факультет Казанского педагогического института. Стихи пишет со школьных лет, но всерьёз увлеклась поэзией в студенческие годы, когда стала заниматься в литературном объединении при литературно-мемориальном музее А. М. Горького. Тогда же стала внештатным автором только что открывшейся в Казани телестудии, куда в 1962 году перешла на работу сначала ассистентом режиссёра, затем редактором русской литературно-драматической редакции, где проработала почти 20 лет. С 1981 по 1986 год работала заведующей литературной частью Казанского академического Большого драматического театра имени В. И. Качалова. В 1986 году вышла на пенсию, является ветераном труда. Член Союза журна-

листов СССР и Союза российских писателей, имеет медали 65-летия Победы в Великой Отечественной войне и 1000-летия Казани. Стихи публиковались в периодике, в коллективных сборниках. Гортензия Никитина много переводила на русский язык татарских поэтов. В 1997 году вышла книга стихов Гортензии Никитиной «Ожидание» (в серии «Библиотека журнала «Казань»), куда вошли стихи разных лет.

стр. 194 ОРЕХОВА Алла Вячеславовна родилась в городе Новосибирске. В 1972 году семья переехала в Набережные Челны.

В 1984 году начала работать корректором в строительной многоэтажке «Камские зори». В 1985 году перешла в редакцию городской газеты «Знамя коммунизма». Окончила факультет журналистики Казанского Государственного университета. Проработала корреспондентом 10 лет. Благодаря радио и телевидению расширила свой профессиональный кругозор, но, будучи по школе газетчиком, вернулась в прессу. Работала заведующей отделом писем в межрегиональной литературной газете «Звезда полей», заместителем редактора, а затем редактором межрегиональной газеты «Бизнес-класс», сотрудничала с журналом «Лидер Татарстана» («Элита Татарстана»). В 2001 году выпустила сборник стихов «Аз есмь».

Руководит городской Литературной гостиной. Член Союза российских писателей.

стр. 208 ПАХОМОВА Людмила Евгеньевна родилась в 1958 году. Окончила физико-математический факультет Елабужского пединститута и отделение журналистики Казанского университета. По профессии журналист.

Фотографией начала заниматься в 2005 году. Основные виды съёмок — репортажные, портретные и пейзажные. Фотографии публиковались в журналах «Казань», «Татарстан», «Художественный совет», «Деко», «Музей», «Библиотечное дело», в литературном альманахе «Аргамак», на сайте Елабужского музея-заповедника elabuga.com и многих других сайтах.

В настоящее время работает журналистом Елабужского государственного музея-заповедника.

стр. 201 ПЕРВОВА Наталья Ивановна родилась в 1939 году в Мурманске. Закончила факультет журналистики Ленинград-

ского университета. Работала в Череповце, в городской газете.

В начале 1970-х приехала с семьёй в Набережные Челны. Работала в редакции радиовещания автомобильного комплекса, затем — на литейном заводе редактором объединённой редакции радиовещания и газеты.

В 2007 году издательство «Новости мира» выпустило сборник её стихов «Моя параллель», а в 2009 году в свет вышел второй поэтический сборник «Китежанка», выпущенный Татарстанским отделением Союза российских писателей.

СТР. 138 САРЧИН Рамиль Шавкетович — поэт, литературный критик, литературовед. Автор поэтических сборников «Стихотворения», «Возвращение», «Цветоповал»; монографий «Поэтический мир Николая Благова», «Традиции русской поэзии в творчестве Инны Лиснянской»; статей о русской литературе, преимущественно о поэзии.

Родился в селе Калда Барышского района Ульяновской области. Окончил филологический факультет Ульяновского государственного педагогического университета, аспирантуру при кафедре литературы УлГПУ. Работы Р. Сарчина опубликованы в сборниках всероссийских и международных конференций, в журналах «Мономах» (Ульяновск), «Аргамак. Татарстан» (Набережные Челны), «Казань», «Идель» (Казань), «Наш современник» (Москва), «Иные берега» (Хельсинки, Финляндия).

Член Объединения русскоязычных писателей Финляндии. Кандидат филологических наук.

СТР. 131 СКИФ (Смирнов) Владимир Петрович родился на ст. Куйтун Иркутской области. Закончил Тулунское педагогическое училище и Иркутский государственный университет. Служил на Тихоокеанском флоте в морской авиации. В разное время в Москве и в Иркутске выпустил 17 книг: «Зимняя мозаика», «Журавлиная азбука», «Грибной дождь», «Живу печалью и надеждой», «Копьё Пересвета», «Галерея», «Над русским перепутьем», «Золотая пора листопада», «Письма современникам», «Русский крест» и др. Владимир Скиф — постоянный автор журналов «Наш современник», «Москва», «Литературной газет». Член Союза писателей России. Секретарь Правления Союза писателей России. Председатель Иркутского отделения Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

СТР. 214 СОКОЛОВ Мнир Сафавич родился 26 мая 1952 года, окончил Казанскую консерваторию в 1980 году, работал в Ивановском театре музыкальной комедии. В 1984 году принят в Татарскую государственную филармонию солистом-вокалистом музыкально-литературного лектория. Участвовал во Всероссийском конкурсе исполнителей эстрадной песни «Сочи-86» и международном конкурсе «Юрмала-1989». Исполнил ведущие партии в операх «Евгений Онегин», «Пиковая дама» П.И. Чайковского, «Травиата» Верди, «Князь Игорь» Бородина, «Дон Жуан» Моцарта, «Севильский цирюльник» Россини, «Демон» Рубинштейна и другие. Камерный репертуар певца включает в себя романсы Чайковского, Рахманинова, Глинки, Шуберта, Шумана, а также произведения русских и татарских композиторов, народные песни.

23 мая 1991 Указом Президиума Верховного Совета РТ за заслуги в области музыкального искусства Мниру Соколову было присвоено почётное звание «Заслуженный артист Республики Татарстан».

Широкою известность получил созданный им в 1992 году ансамбль «Сюрприз-квнтет», а в 1993 году на международном конкурсе в итальянском городе Костель-фидардо Мнир Соколов становится лауреатом. 31 августа 1993 года Указом Президента Российской Федерации Б. Ельцина Соколову Мниру Сафавичу присваивается почётное звание «Заслуженный артист Российской Федерации».

Доцент Казанской консерватории и Казанского университета культуры и искусства, много лет преподаёт также в Казанском театральном училище. Его режиссёрские работы — опера «Вий» Елены Анисимовой, «Любовь к трём апельсинам», «Телефон» Менотти, «Тайный брак» Чеморозо, рок-опера «Алтын Казан» Ильмира Низамова. К 65-летию Великой Победы выпустил компакт-диск, куда вошли самые популярные песни времён войны. Искусству Мнира Соколова аплодировали любители вокального искусства Германии, Франции, Турции, Финляндии, Болгарии и других стран.

СТР. 218 ТРИФОНОВА Ольга Романовна родилась в Москве, закончила Московский энергетический институт по специальности «Радиоэлектроника». Также закончила Высшие курсы сценаристов и режиссёров. Член Союза писателей и Союза кинематографистов. Автор книг и сце-

нариев к фильмам. Несколько книг переведены на иностранные языки.

стр. 206 **ФИЛИСТОВА Ольга Владимировна** родилась 8 июля 1971 года в г. Набережные Челны. С 14 лет посещала детский литературный кружок «Бережок», которым руководил поэт Е.П.Кувайцев. В 18 лет стала членом литературного объединения «Орфей». В 1991 году закончила Набережночелнинское училище искусств по специальности художник-оформитель. В 1992 году родила дочь Евангелину. С 1992 по 2005 год работала в школе. С 2006 года работает дизайнером в рекламном агентстве «Алиф-пресс»

стр. 224 **ШАВАЛИЕВА Сания Абдрахмановна** родилась 11 октября 1964 года в городе Губахе Пермской области. После окончания средней школы в 1982 году переехала в Набережные Челны. После окончания Ижевского политехнического института, работала инженером в Технологическом центре КамаЗа в отделе главного технолога.

Сотрудничает с местными газетами и журналами, публикуя в них сказки, рассказы, игры. В детской газете «Серебряный колокольчик» (издание на татарском и русском языках) имеет постоянную рубрику: «Сказки на каждый день».

В 1998 году издала книгу «Сказки маленького дракончика» (на татарском языке), в 1999 году – «Три букета сказок» (на русском языке), в 2010 году – «Кто взял пряник?» (на русском языке)

11 октября 2000 года принята в Союз писателей России. В 2010 году закончила Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького.

стр. 195 **ШАХРАЙ Ольга (Яшкина) родилась** в Челябинске, откуда в 17 лет с друзьями уехала на строительство КамаЗа. Осознанно стихи стала писать в подростковом возрасте. Считает огромным везением для себя знакомство с интереснейшими людьми в челнинском литературном объединении «Орфей»: Русланом Галимовым, Натальей Кандудиной, Николаем Алешковым, Зинаидой Фадеевой, Евгением Кувайцевым, Георгием Сушко и ещё многими замечательными молодыми поэтами и прозаиками.

Печататься начала с 15 лет в городских газетах и журналах. Позже появились публикации в журнале «Огонёк», в коллективных сборниках челнинских авторов.

В 1977 году переехала в город Старый Оскол Белгородской области, где прочно связала свою жизнь с журналистикой.

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

* * *

Владимир Борисович Коробов, русский поэт, эссеист, переводчик, был одним из немногих, кто поверил в нас, людей, взявшихся в 2009 году за издание не в Москве, а в Набережных Челнах нового литературного альманаха. В минувшем году он дружески поддержал «Аргмак» публикацией в нём своих стихов из книги «Сад метаморфоз». Автор блистательной вступительной статьи к этой книге Лев Аннинский рассуждает о «простоте ясности», о классической прозрачности коробовского стиха: «И сквозь эту подкупающую прелесть — смертоносные веки истории».

Владимир Борисович (для людей, хорошо знавших его, просто Володя) родился в Тобольске в 1953 году, 33 года жил в Крыму, окончил Литературный институт имени А. М. Горького (семинар Анатолия Жигулина) и аспирантуру при Литинституте. В 1983–1988 годах работал научным сотрудником Дома-музея А. П. Чехова в Ялте, в 1988 году переехал в Москву. Работал научным сотрудником в ИМЛИ, журналистом, литературным редактором. С 1992 года — член Союза российских писателей; с 2004 — член Правления Союза российских писателей. Автор книг стихов «Взморье» (М., 1991), «Сад метаморфоз» (М., 2008). Автор-составитель книг: «Путешествие к Чехову» (М., 1996); «Прекрасны вы, берега Тавриды: Крым в русской поэзии» (М., 2000); «А. П. Чехов. Избранные сочинения» (М., 2003); «Лёд и Пламень: современная русская проза и поэзия в 2-х томах» (М., 2009).

Постоянный автор журналов «Новый мир», «Дружба народов», «Континент» и др. Стихи и рассказы переведены на иностранные языки. Лауреат журнала «Литературная учеба» (1991), Международной Артийской премии (1996, 2000), Всероссийской премии им. Иннокентия Анненского (2011).

Сердце Владимира Коробова остановилось 27 декабря 2011 года.

Уходит послевоенное поколение. В России (за редким исключением) поэты долго не живут. И это прискорбно...

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

24 января нынешнего года в Лондоне на 61-м году жизни скоропостижно скончался поэт, прозаик, переводчик, заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, лауреат Государственной премии Республики Татарстан имени Г.Тукая и Республиканской премии имени М. Джалиля, общественный деятель Равиль Раисович Бухараев. На протяжении многих лет он работал за рубежом, но при этом был неутомимым проводником культуры многонациональной России и Татарстана.

Р.Р.Бухараев — автор более 40 книг прозы, поэзии и историко-политических исследований, посвящённых культуре, истории и политической экономии Республики Татарстан.

Его работы были опубликованы на русском, татарском, английском и венгерском языках в России и за рубежом. Им был издан ряд книг-переводов татарской поэзии и прозы на русском и английском языках. В 2000 году на английском языке была издана «Историческая антология татарской поэзии», в 2010 году — перевод поэмы Кул Гали «Сказание о Юсуфе».

Р.Р.Бухараев был известным сценаристом и детским драматургом. Его пьесы ставились на Казанском телевидении, на сцене Татарского академического театра имени Г.Камала. С 1986 года его кукольная пьеса «Волшебные сны Апуша» идёт на сцене Казанского кукольного театра «Экият». В 2006 году он стал лауреатом Казанского кинофестиваля за лучший сценарий документального фильма «Цвета эпохи перемен» в триптихе «Тысячелетние соседи: русско-татарские отношения в истории».

За труды в области отечественной истории он был удостоен звания «Почётный доктор института истории имени Ш.Марджани».

За большой вклад в развитие национальной культуры Р.Р.Бухараеву было присвоено почётное звание «Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан».

Ушёл из жизни талантливый, честный, интеллигентный человек. Светлая память о нём сохранится в наших сердцах, говорится в некрологе, под которым подписались

Президент РТ Рустам Минниханов, Государственный советник РТ Минтимер Шаймиев, Председатель Государственного Совета РТ Фарид Мухаметшин, Премьер-министр РТ Ильдар Халиков, руководитель Аппарата Президента РТ Юрий Камалтынов, министр культуры РТ Айрат Сибгатуллин, мэр Казани Ильсур Метшин, председатель Союза писателей РТ Илфак Ибрагимов.

Казань простилась с Равилем Бухараевым 3 февраля. На гражданскую панихиду в Камаловский театр пришли сотни людей. Первой проститься с поэтом подошла его супруга поэтесса Лидия Григорьева. Равиль Бухараев скончался на её руках от сердечного приступа. Понадобилось немало времени и сил, чтобы осуществить последнюю волю умершего — похоронить его на родной земле, в Казани.

Поэты, как известно, провидцы. Равиль Бухараев, испытавший тяжёлую утрату — преждевременную гибель сына Василия, почти десять лет назад предсказал своё возвращение в родную Казань после смерти. Прощаясь с поэтом, выражая соболезнование вдове, родным и близким Равиля Раисовича, редакция литературного альманаха «Аргамак. Татарстан» решила опубликовать его пронзительные стихи об этом.

РАВИЛЬ БУХАРАЕВ

* * *

Когда вернусь в казанские снега,
мы разглядим друг друга в свете Бога,
и я пойму, о чём была туга,
и я пойму, зачем была дорога...
Мой мальчик, потерпи ещё немного,
пока вернусь в казанские снега...
Мне кажется, я за двоих живу.
Мои глаза, промытые слезами,
ещё не перестали быть глазами,
и уши слышат словно наяву
твой голос — в Лондоне или Казани:
мне кажется, я за двоих живу.
С московской фотографии смешной
ты укажешь путь назад — в начала
терзаний и предательств, мальчик мой.
Уже тогда в душе моей звучала
казанская метель и намечала
заснеженный и вьюжный путь домой...
Но где наш дом? Давно кружит пурга
по-над страной в развалах бурелома;
не различить ни друга, ни врага,
дорога, как и прежде, незнакома,
но знаю я, — ты, слава Богу, дома, —
когда иду в казанские снега...

Отчизна, как всегда, едва видна.
Бог не нагрузит нас чужою ношей.
Твои надежды предала страна,
но грязь и кровь забелены порошей:
снега — они сияют, мой хороший.
Отчизна, как всегда, едва видна.
Теперь один я делаюсь старей.
Мне оклик твой с небес — порукой чести:
в ночи крошечной чётче и острей
я слышу от тебя скупые вести;
но живы мы не порознь, а вместе,
пускай один я делаюсь старей.
Когда в душе вздымается пурга,
когда со всех чужбин в святые дали
зовут меня казанские снега,
я знаю, — как и ты, снесу едва ли
всю эту ложь, но сладко и в опале,
когда зовут казанские снега.
За неизбывный, нервный непокой,
несклад и небыль, невидаль и несыть
уже сполна заплачено тоской.
Былого не обмерить и не взвесить...
Устав чудить, мечтать и куролесить,
во сне твоих волос коснусь рукой...
Мой мальчик, потерпи ещё чуть-чуть,
Уже не так долга моя дорога.
Когда-нибудь, малыш, когда-нибудь
мы разглядим друг друга в свете Бога.
Всё было — горе, счастье и тревога...
В казанские снега ложится путь.

12 декабря 2003

СОДЕРЖАНИЕ

СОБЫТИЯ МИНУВШЕЙ ЗИМЫ

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН

ГОД НАСЛЕДИЯ3

ВЛАДИМИР ТИЛЬ

НЕЕВКЛИДОВА ПОЭЗИЯ.....7

ОЛЬГА ИВАНЫЧЕВА

ВЕЧЕР ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ГОВОРУХИНА9

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ.....9

ОЛЬГА ИВАНЫЧЕВА

ПУСТЬ СКАЗКА СТАНОВИТСЯ БЫЛЬЮ.....10

ВЛАДИМИР ТИЛЬ

НЛО ИМЕНИ МАРКА ЗАРЕЦКОГО.....11

ОЛЬГА ИВАНЫЧЕВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КАЗАНЬ12

АЛЛА ШЛИВАНЧАНИН

«И ВЕЕТ, ВЕЕТ ВЕТЕР БАЛЬНЫЙ ТЕПЛОМ ДУШИСТЫХ ОПАХАЛ...»13

АЛЕКСАНДР ОЛЬШАНСКИЙ

ВОЗРАСТ ЗРЕЛОСТИ15

ЛАРИСА КУРЕНЩИКОВА

ПРАВОСЛАВНОМУ КОМПЛЕКСУ – БЫТЬ!.....16

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

МЫ ОТКУДА РОДОМ.....17

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА

ПИСЬМА ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ

НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ

ЕЛЕНА НЕКЛЯЕВА

БРАВО, «МАСТЕРОВЫЕ»!.....24

Р.С. К ЮБИЛЕЮ

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ. ПРЕДИСЛОВИЕ.....29

РАЗИЛЬ ВАЛЕЕВ

КАЗАНСКИЙ ПОЕЗД.....30

«Я ДУМАЮ СЕРДЦЕМ...»35

ЖЕНЩИНА, ЛЮБОВЬ, ВЕСНА

ЕЛЕНА КОЛЯДИНА

ДВЕРЬ НА ЧЁРНУЮ ЛЕСТНИЦУ.....40

ОЛЬГА ЖУРАВЛЁВА

ЖИТИЕ ПЕРСИДСКОГО ПОЭТА, РАССКАЗАННОЕ РУССКОЙ ЖЕНЩИНОЙ.....95

ОЛЬГА БЕДНАЯ

Я ПРЕДЛАГАЮ БЕССМЕРТИЕ116

ЧТЕНИЕ С ПРИСТРАСТИЕМ

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ

«ПРОСТРАНСТВО МИРА И ПРОВАЛЫ СНА»125

ВЛАДИМИР СКИФ

ЧЕМ СТАРШЕ Я...131

ИМЯ В ПОЭЗИИ**РАМИЛЬ САРЧИН**

ДУША НЕ ВЕДАЕТ ГРАНИЦ.....138

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ**ВЛАДИМИР МАСЯН**

КАЗАЧИЙ ОСТРОВ.....143

ГОЛОСА РАССТОЯНИЙ

И ЖИЗНЬ НЕЛЬЗЯ ОСТАНОВИТЬ.....189

НАТАЛЬЯ ВЕРДЕРЕВСКАЯ, г. Елабуга**ЭЛЬВИРА БОЧКОВА, г. Нижний Новгород****ГАЛИНА ТАЛАНОВА, г. Нижний Новгород****АЛЛА ОРЕХОВА, г. Набережные Челны****ОЛЬГА ШАХРАЙ, г. Старый Оскол****СВЕТЛАНА АНИНА, г. Иркутск****ОЛЬГА АНДРЕЕВА, г. Ростов-на-Дону****НАТАЛЬЯ ПЕРВОВА, г. Набережные Челны****ГОРТЕНЗИЯ НИКИТИНА, г. Казань****АНАСТАСИЯ ВАСИЛЬЕВА г. Москва****ВАЛЕНТИНА ЗИКЕЕВА, г. Казань****ОЛЬГА ФИЛИСТОВА, г. Набережные Челны****Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ****ЛЮДМИЛА ПАХОМОВА, АЛЕКСЕЙ КУКЛИН**

БЛАГОСЛОВЕННАЯ БОГОМ208

НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ**МНИР СОКОЛОВ**

ОПЕРА, КАК СУДЬБА.....209

НЕФОРМАТ**ВЛАДИМИР ЕРМАКОВ**

САМАЯ АРИСТОКРАТИЧЕСКАЯ ФОРМА ЖИЗНИ.....215

ОЛЬГА ТРИФОНОВА

ПАЛАДИН ИЗ БЕРЛИНА.....218

МАМА, ПОЧИТАЙ**САНИЯ ШАВАЛИЕВА**

РОЗОВЫЙ ПРЯНИК, НАВЕРНОЕ, ЗАБРАЛ СЕРЫЙ ЗАЯЦ.....224

СМЕХОТЕРАПИЯ**ГЕННАДИЙ АЛЕКСАНДРОВ**

КАНДИДАТКА В ДЕПУТАТКИ227

АЛЕКСЕЙ КОЗНОВ

НА ЧЁРНЫЙ ДЕНЬ234

«МЫ В НАНОТЕХНОЛОГИИ УХОДИМ С ГОЛОВОЙ...»235

ИЗДАНО В РОССИИ.....236**НАШИ АВТОРЫ**244**СЛОВО ПРОЩАНИЯ**.....250**ВТОРАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: БОЛГАР И ОСТРОВ-ГРАД СВЯЖСК: НА ПУТИ ВОЗРОЖДЕНИЯ****ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ****ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: БРАВО МАСТЕРОВЫЕ!****ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Выходит ежеквартально
(1 раз в 3 месяца)

Учредитель

ОАО «Татмедиа»

420016, г. Казань, ул. Декабристов,
д. 2, 6 этаж. Тел.: (8-843) 222-09-84

Адрес редакции:

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:

**Татарстанское отделение
Союза российских писателей**

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:

**Союз писателей
Республики Татарстан**

420012, г. Казань, ул. Муштары, 14.
Тел.: (8-843) 236-97-91

Подписано в печать 24.02.2012 г.

Формат 70x100^{1/16};

Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 20,64 . Тираж 2000 экз.

Заказ Н-215

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии филиала
ОАО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс»
420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Рукописи принимаются по адресу:
**423809, Татарстан, г. Набережные Челны,
а/я 126** или e-mail: **anp45@mail.ru**. Жела-
телен диск с набором, фотография, краткая
биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвра-
щаются. Читательские письма и предложе-
ния могут быть опубликованы в альманахе.
Ответственность за достоверность инфор-
мации несут авторы материалов. Мнения
авторов могут не совпадать с мнением
редакции. При перепечатке материалов
ссылка на альманах «Аргамак. Татарстан»
обязательна.

Для приобретения номера и размеще-
ния рекламы социальной направленно-
сти обращайтесь: e-mail: **anp45@mail.ru**,
тел.: (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.

